

АНДРЕЙ
ДАЙ

ПОВОДЫРЬ

ПОВОДЫРЬ

ОРДЕН ДЛЯ ПОВОДЫРЯ

СТОЛИЦА ДЛЯ ПОВОДЫРЯ

БЕЗ ПОВОДЫРЯ

БФ-коллекция

Андрей Дай

**Поводырь: Поводырь. Орден
для поводыря. Столица для
поводыря. Без поводыря (сборник)**

«АСТ»

2013, 2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Дай А. Ю.

Поводырь: Поводырь. Орден для поводыря. Столица для поводыря. Без поводыря (сборник) / А. Ю. Дай — «АСТ», 2013, 2014 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-109621-2

Российская империя, вторая половина XIX века. По Великому Сибирскому тракту к месту своего назначения едет новый губернатор Томской губернии, в тело которого неведомым образом из глубин небытия была запущена грешная душа губернатора Томской области начала XXI века.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109621-2

© Дай А. Ю., 2013, 2014
© АСТ, 2013, 2014

Содержание

Поводырь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Андрей Дай
Поводырь: Поводырь. Орден
для поводыря. Столица для
поводыря. Без поводыря (сборник)

© Андрей Дай, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Поводырь

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки, уже губернии Томской, по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. Тридцать три с половиной версты заснеженной, ветряной, унылой – когда белая пустынь сливается с неприветливым бесцветным небом – степи. И лишь темная ниточка наезженной колеи выдает некоторое присутствие человека в тех почти безлюдных местах.

И букашка широкого и валкого, поставленного на полозья, угловатого дормеза, запряженного тройкой исходящих паром, утомленных лошадей. Возница, по заиндевелые брови закутанный в обширную овечью доху, едва держащий застывшие вожжи – куда они денутся из траншеи натопанного тысячами копыт тракта, еле слышно мурлыкающий какую-то заунывную стародавнюю ямщицкую дорожную песню. Глухо поскрипывающая упряжь и три сиплые, непривычные к тяглу, лохматые неказистые лошадки.

И скрип снега, снега, снега...

И сведенные судорогой ужаса до хруста зубовного челюсти пассажира теплой кареты. Забившееся в угол сознание бывшего хозяина молодого и крепкого тела, тихо подвывающее рванные слова молитв на латыни.

И я. Торжествующий, вновь почувствовавший биение жизни, дышащий, потеющий в богатой бобровой шубе. Я – захватчик. Я – давным-давно умерший в несусветном будущем для этого мира, целую вечность обретающий в бесцветном Ничто, среди стенающих от безысходности осколков человеческих сущностей. И, наконец, я – пробивший незримую пелену, просочившийся, страшной ценой прорвавшийся к жизни, к свету, к искуплению...

1. 19 февраля

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки, уже губернии Томской, по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. И через каждую из них у дороги, черными и белыми полосами из сугроба, кланяясь немилосердным ветрам и лихим людям, вкривь и вкось торчали верстовые столбы. Кому – знаки отчаяния – все дальше и дальше уносила дорога от родимой стороны. Кому – пища для нетерпения – все ближе и ближе конец пути.

Тридцать три с половиной версты. Из них двадцать две по тобольской земле. А уж остальное – по томской.

Завозился, заерзал возница на облучке тяжелой кареты, разглядев знакомые цифры. Сунул нерешительно локтем в кожаную стену дормеза, а потом и, выпростав руку в рукавице, застучал по крыше. Закашлял. Обмахнул сквозь облако пара рот, перекрестил, да и гаркнул так, что лошадки вздрогнули и побежали живее:

– Прибыли, барин! Уж теперя до дома чуть осталось. Томска губерня началась!

И степь, на сотни верст безлика и однообразная, придавленная сажеными сугробами, тут же изломалась утесами, изогнулась промоинами истоков знаменитой реки, на берегах которой хранит зимние квартиры русского сибирского войска генерал-губернаторский Омск. А вдали, на самом горизонте, да с облучка-то разглядишь, уже завиднелась тонюсенькая полоска Назаровского леса.

«Слышь, как-тебя-там, – мысленно обратился я к бывшему единоличному хозяину тела. – Мы куда едем-то?»

– Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония мои, – шептали мои губы. Наверняка ведь слышал вопрос, а ответить побрезговал. Пришлось приложить усилия и запретить губам бормотать всякую ересь.

«Омой меня от всех беззаконий моих, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я знаю, и грех мой всегда предо мною. Пред Тобой одним согрешил я, и злое пред Тобою сотворил я, так что Ты прав в приговоре Своем и справедлив в суде Своем. С самого рождения моего я виновен пред Тобою; я – грешник от зачатия моего во чреве матери моей», – причитания страдальца продолжились внутри нашей общей головы. Причем у меня создалось стойкое ощущение, что произносится молитва уж никак не на русском языке.

– Едрешкин корень, я что это? Нерусь какой-то?

– Schlafen Sie, Hermann. Dieser unendliche Weg... – густым грудным басом вдруг заявил спящий было на диване напротив благообразный седой старик. Приоткрыл мутные выцветшие глаза и тут же снова засопел, вызвав у меня нервное беззвучное хихиканье. Я прекрасно понял старца. «Спите, Герман. Эта бесконечная дорога» – вот что он сказал! А уж Das Deutsche ни с каким другим языком точно не спутаешь!

Мама моя родная! Я вселился в немца, и путь мой лежал в Томскую губернию.

«Высочайшим повелением Его Императорского Величества, назначен исправляющим должность начальника губернии Томской», – самодовольно протиснулась мысль туземного разума сквозь шелуху лютеранских псалмов. И в тот же миг я понял, вспомнил, осознал, что зовут меня теперь Герман Лерхе. Дворянин. Батюшка, Густав Васильевич, из обрусевших прибалтийских немцев, служит в свите какого-то герцога в столице. Старший брат, Мориц, по воинской стезе пошел. Сейчас в Омске, готовит свой отряд к летней кампании... А я, Герман Густавович Лерхе, двадцати восемью лет от роду, а уже, стараниями отцовыми, действительный статский советник – вроде генерала. И новый губернатор Томска.

Ну, конечно! Почему я решил, будто у Него нет чувства юмора? Вернуть меня в то же кресло, из которого я уже однажды отправился в другой, скорбный мир. Отошел, прямо с рабочего места, так и не исполнив предназначение, Им мне уготованное. И был возвращен на дьявол знает сколько чертовых лет назад, но, по сути, в то же самое место. Усмешка Судьбы? Вот только не нужно побывавшему Там рассказывать про судьбу! Скажи это поганое слово, и пара миллионов лет в мире без времени тебе обеспечено...

От одного воспоминания зябко становилось и живот подводило...

Господи! Хорошо-то как! У меня снова был живот!

«Кто ты такой, дьяволов слуга, что так смело поминаешь имя Господне?» – робко поинтересовался туземный разум с самой грани.

Дьявол? Ну, какой я, к чертям собачьим, дьявол? Если уж начать разбираться, то выйдет, что я скорее ангел небесный... Ну или почти ангел. Исправляющий обязанности, так сказать! Хи-хи. Поводырь я! Душу твою вести стану к... Ну, считай, к лучшей доле. Так что сиди и не дергайся, пассажир! Поделись памятью и получай удовольствие. Мне еще искупить предстоит... Ошибки прежней жизни нас злобно гнетут, едрешкин корень...

«А я? Моя бессмертная душа...»

Он не успел выплакаться до конца. Тяжелая пуля, по дыре в стенке кареты – этак граммов под сорок, пребольно чиркнула по щеке. И ушла в стенку переднюю. Прямо в спину вознице.

– Schweinerei, wie schwer ist es, ohne Revolver zu leben! – каркнул я, но подумал совсем другое. Вот это и был ответ на не до конца высказанный вопрос прежнего обитателя этого замечательного молодого тела. Божий Промысел, блин.

Между тем дормез принялся мотаться из стороны в сторону. Все говорил о том, что экипажем больше никто не управлял.

Старик неожиданно сноровисто для его-то седины спустился на пол кареты. Из раскрытого саквояжа полетели прочь носовые платки, связки бумаг, какие-то лакированные коробочки

и шелковые мешочки. Пока белому свету не был предъявлен изрядно поцарапанный, явно оружейный ящик.

– Револьвер Beaumont-Adams, – прогудел старый, как я теперь знал, слуга. – Батюшка ваш настоял. Сказывал – в дороге неминуемо пригодиться может. Дикие края...

Можно было бы поспорить с престарелым Гинтаром. Все-таки дорожный грабеж – какой-никакой, а признак цивилизации. Да только представители этой самой «дорожной» субкультуры, осмелевшие на столько, что посмели стрелять в карету царева наместника, меня занимали гораздо больше. А ведь еще следовало разобраться с этим Beaumont-Adams. Что-то я не припоминал среди знакомых мне изделий господ Калашникова да Макарова чего-то с франко-аглицким именем. Пресловутый наган – и тот только в музее видел.

Кто сказал, что глобализация – изобретение двадцать первого века?! Это я, конечно, уже после выяснил, но топорно сработанный английский пятизарядный пистоль с надеваемыми на штырьки внешними капсюлями оказался бельгийского производства. На патронах четко различались русские буквы, а на капсюлях – французские. Такая вот дружба народов, к Великому уравнивателю применительно.

Благо желтенькие цилиндрики оказались уже одетыми на запальные трубки. Сомневаюсь, что с ходу сообразил бы как это делается, мотаясь от правой дверцы к левой по обширному кожаному дивану внутри кареты.

– Merci. Tu nous as sauvé, un vieil serviteur! – разрази меня гром, но в той непростой ситуации я почему-то перешел на французский. Причем был уверен – Гинтар поймет. Экий мне слуга-полиглот попался. В той-то жизни я из всех иностранных языков только русский-строительный знал. Он же русский-военный.

В дюймовую дыру в задней стенке дормеза злодей не просматривался. В малюсенькие, да еще и затянутые толстенным слоем изморози окошки различался только силуэт скачущего на лошади рядом с экипажем человека. Вероятность, что этот незнакомец – герой боевиков, спешащий на помощь попавшему в беду губернатору Томской губернии Российской империи, я счел исчезающе малой. А потому, ничтоже сумняшеся, долбанул из своего пистоля в кавалериста прямо сквозь стену.

И зря. Злыдень-то из театра теней исчез, но вот дверцу пришлось спешно распахивать. Порох в этой ручной мортире со стволом, куда легко входил палец, оказался черным. А значит – дымным. Судя по брызнувшим из глаз слезам, еще и ядовитым.

Возница был найден живым. Скрюченным, зажавшимся, плачущим от боли, но живым. Было бы время молиться – возблагодарил бы кого следует. Ибо кто бы мне еще подсказал, за что там нужно было дергать, чтоб остановить этот адский механизм в три лошадиные силы. Сам-то я в прошлом/будущем с конями только в виде колбасы умел обращаться.

Красивый у меня был мундир. Темно-зеленый, богато расшитый по обшлагам и стоячему воротнику. Два ряда золоченых пуговиц с имперской короной и еще какой-то штуковиной. Красивый, только нисколько не теплый. Ледяной ветер пронизывал насквозь все это шитье с галунами. Перчатки из неправдоподобно тонкой кожи руки от холода вовсе не защищали. А тут еще леденючая рукоятка допотопного револьвера и мужик какой-то, прицепившийся на задке и пилящий ножом ремни, которыми сундуки да чемоданы привязаны были. Нет, ну каков нахал! Я, значит, простывай, а он – в меховом треухе и овчинном полушубке еще и скалился. Словно знал, что ненадежная техника осечку даст.

Думаете, легко взвести курок антикварного пистоля? Так-то ничего невероятного, кабы под ногами твердая земля, а не это шатающееся недоразумение на полозьях. Крепко держишь правой этого Адамса за рукоятку, а левой оттягиваешь назад тугую скобу.

Я бы в циркачи пошел, и учить меня уже не нужно! Смертельный номер: укрощение жертвы оружейного прогресса, стоя на крыше мчащегося экипажа. Жаль, зрителей было мало. Мужик в треухе даже ремень пилить перестал, так его мои эквилибризы потрясли. Свинцовая

пуля в 0,4 дюйма, конечно, тоже потрясающая вещь, но то не моя заслуга, а англо-бельгийской банды бракоделов. Злодея и трех не уберег. Раскинул мозгами по Московскому тракту...

Их было трое. Как в сказке. Было у отца три сына... Тот, что оставался живым, видимо, у неведомого папаши был первым. Ибо – умным. Пальнул метров с двадцати из фузеи с каким-то уж совершенно невозможным калибром, убедился, что не попал, и поворотил коня. Логично! Человек с разряженным карамультуком времен царя Гороха всяко слабее другого с револьвером. Наверняка ведь и выстрелы успел посчитать, и, что у меня еще два выстрела на одну его душу, понять. И конь тут не плюс, а минус. Просто замечательная мишень.

Жаль, конечно. Животное-то ни в чем передо мной не провинилось. А что делать? Думаете, в той жизни у меня фамилия Иствуд была и я в состоянии со скачущей во весь опор кобылы из одного кольца тридцать человек перебить? Так я-таки открою вам глаза. Уважаемый Клинт тоже этого не мог. Кино это. По сценарию положено ополовинить злыдней за пять минут до конца фильма, значит, поправит ковбой шляпу и ну его палить... И какой из меня ковбой? Сомбреро у меня нет, на лошади ездить не умею и мундир совсем другой.

Грабитель послушно навернулся с падающей через голову коняги. И похоже, чего-то там себе повредил – так и лежал смиренненько, пока я не остановил свой сундук на лыжах и не отправился знакомиться.

– Посмотри, что там у возницы, – бросил я на ходу выбирающемуся из кареты слуге. Командовалось легко. Хотя в чем-то наши с туземным обитателем души оказались схожи.

Седой Гинтар успел накинуть мне на плечи тяжелую бобровую шубу, прежде чем кряхтя полез на облучок.

Пока шел, стало отпускать. Мороз пробрался в самые закутки одежды. Шел, все плотнее заворачиваясь в каким-то чудом сохранившую остатки тепла шубу. И думал о том, что нечего было пижонить и трястись в этом ящике на полозьях, вместо того чтоб покачиваться себе на диване в теплом вагоне. Чего это спрашивается мой подопечный не поехал к месту службы по железной дороге?

«Чугунке? – словно только того и ждал, откликнулся пассажир. – Так я и ехал. От Петербурга до Москвы. А потом до Нижнего. Там уже на тракт Сибирский ступили».

Почему так, а? Вот почему на очевидные вроде вещи именно так глаза открываются? Пистоль этот адамсовский, фузея у грабителей... И губернатора такого – Лерхе Германа Густавовича – в родном Томске что-то не припоминалось. И либо заслался я немножечко не в тот мир, в котором почти шестьдесят лет коптил воздух. Либо в совсем уж дремучее прошлое сподобился провалиться. Такое, что Транссибом тут еще и не пахнет. Чудны дела твои, Господи!

Прежде чем, постоянно оступаясь и спотыкаясь, в щегольских кавалерийских сапожках-то на каблучке – не мудрено, показалось, что из-за окраин по-хозяйски расположившегося в новом теле разума, послышалось язвительное хихиканье выставленного из «дома» пассажира. Пользуется, гад, что невозможно прижать ему ко лбу холодный ствол сорокового калибра да поспрашивать...

А у татя – сам Бог велел. И ножик его не напугал. Ноги-то все равно мертвой лошадью к земле придавлены – куда он денется с подводной лодки. В Барабинской степи.

– Какое сегодня число? – любезно поинтересовался я, останавливаясь четко на той линии, куда грабитель уже клинком не дотягивался. Полюбовался на выпученные от удивления глаза и продемонстрировал свой единственный аргумент. Был соблазн прострелить гаду чего-нибудь не столь уж важное для жизни, но пуля-то последняя оставалась. Пришлось наступить на горло собственной песне.

– Деятнадцатое, – скривил губы так, что нечесаная бороденка забавно встопорщилась.

– Поди и месяц знаешь?

– Здоровенько же ты, барин, тезоименитство справил. Что и дни спутались... Февраль-жошь. Долгонько до весны ище...

– Девятнадцатое февраля... Ну ты, любезный, мне прямо глаза раскрыл... Начал так хорошо, так досказывай.

– Глумишься? – выплюнул неудачливый грабитель с самой большой в здешних краях дороги. – Погоди уж. Погоди! До Караваева весть долетит, уж он на тебя посмеется. Все тебе припомнит. За каждую капельку кровушки, что людишки еврейные пролили, спросит...

– Ага, – обрадовался я. Отчего-то совершенно не верилось в этикие совпадения. Ехал себе одинокий губернатор Московским трактом, никого не трогал. Да вот перепутали его с купчиной каким-то и уморить вздумали. Бред?! Бред, однозначно. – А Караваев-то у нас кто?

– Тебе ли не знать, жидовская твоя морда, – вскинулся тать.

– Да уточнить хотелось бы... И отчего же я жидовская морда, тоже? На немчинскую – еще буду вынужден согласиться, ибо правда. А с жидами, уж прости, ничего общего не имею.

– Че, правда?

– Побожился бы, да вера моя лютеранская. Нам не положено. Но мы отвлеклись. Давай-ка вернемся к личности нашего Великого и Ужасного Караваева.

– Небось память возвертаться принялась? Запужался? Коллежский секретарь – это тебе не фунт изюму. Уж он тебе покажет. Большой человек в округе! То-то покрутятся у него, купчина...

Не врал. Чувствовал. Полуобнаженной душой, едва обретшей новое пристанище, знал – сам себе верил этот придавленный жизнью и дохлой кобылой человечек. Искренен был в этих смешных угрозах. Вот только мог и не знать всего. Чего уж проще, отправить на большак тройку ничемных лихих людишек пощипать еврейского торговца. А если, конечно же – случайно, обознались и убили нового правителя губернии, так не спокойно на дорогах. Шалят-с.

– Ну ладно, – вежливо попрощался я с джентльменом удачи. – Потороплюсь, пожалуй. Нельзя заставлять уважаемого человека ждать. До округа поди путь не близкий еще.

– Эй, ты чего? – обиделся грабитель. – А меня спод животного вытягивать как же?

– Зачем? – удивился я.

– Как зачем? Нешто так и оставишь душу христианскую на дороге помирать?

– Конечно, – кивнул я. – Ты, когда в меня с фузеи стрелял, о душе думал? А я тебе время даю. Пока морозец насмерть не прихватит, с десятков молитв прочесть успеешь...

Не хотелось больше с ним разговаривать. И слушать его вопли не хотелось. Желание было вытряхнуть из глубин такого уже своего тела остатки духа этого Лерхе, прихватить за горло да спросить: что такое он этому Зорро томского разлива успел наделать, что тот на нас охоту объявил.

«Неведом мне никакой коллежский секретарь Караваев. Я и в Каинске-то не был ни разу, – немедленно откликнулся напуганный моей яростью туземец. – Спутали лиходеи. На другого человека засада была».

Дай-то Бог. Дай Бог.

Впрочем... Все может быть. Нужно же было Ему как-то освободить такое уютное тело для меня. Пролети пуля на дюйм правее, и одним Германом Густавовичем на свете стало бы меньше. И пришло бы мое время. Да только поторопился я. Пораньше решил вселиться. Терпения не хватило. Терпения и смелости.

А возница молодцом оказался. Покряхтывал, да за вожжи крепко держался. И, похоже, о дырке в тулупе больше переживал, чем о ране в спине. И слуга мой не промах. Пока я с татем общался, успел и раненого перевязать и в карете порядок навести, и дыры в стенках заткнуть.

– Снаряди, – бросил я Гинтару не нужный больше пистоль и полез на облучок. Где-то далеко сзади оставались кони двоих менее удачливых «братьев», и не следовало их оставлять волкам на поживу. Да и личности злыдней были мне интересны. Чем черт не шутит, вдруг на их телах документы какие-нибудь остались. И деньги. А на деньгах – даты. Пассажир-то мой

пока сотрудничать отказывался. – Показывай, герой, за что тянуть, чего дергать. Разворачивать будем. Едем трофеи собирать.

И ничего сложного. Почти как в сказке про Красную Шапочку. Потянешь за веревочку, дверь... в смысле, коняга и повернет. Дорога только для моих маневров узковата оказалась, пришлось еще и задний ход осваивать. Но, благо полозья широкие – вырулили.

Правда, был один неприятный момент. Мы как раз боком поперек дороги уже стояли, а тут выстрел! Честно скажу, первой мыслью было – что не добил я кого-то из лихих людишек. Тот догнать нас и сумел. А я револьвер слуге отдал... Жутко стало и неудобно. Очень уж возвращаться не хотелось.

Хорошо, быстро разобрались. Это мой седой спутник по путешествию «во глубину сибирских руд» решил таким образом последний в барабане патрон разрядить. И не пожалел же пороха с пулей. И перетрудиться не побоялся. Прошагал, скрипя коленями к придавленному лошадю татю, и вlepил ему пулю точнехонько между глаз. И «Ruhe in Frieden» не забыл сказать. Вот она, германская скрупулезность. Хозяин намусорил – слуга прибрал. Потом пошел пистоль перезаряжать. Неужели я в средневековье попал?

Где-то читал, что на средневековой одежде карманов еще не было. У меня вообще с историей не особо. Историю КПСС знаю – на рассвете разбудите с глубочайшего бодунища – решения любого съезда от зубов отскочат. А вот с временами дореволюционными уже много хуже. Так. Пару вех и помню. Петр, Транссиб, русско-японское позорище и последовавшая за ним революция. Броненосец «Князь Потемкин Таврический»... А! Первая мировая война. А потом в памяти только Троцкий с Каменевым и Бонч-Бруевичем. Но ведь что-то же было. Как-то же люди жили, что-то делали. Наверняка и войны какие-то были. В фильме про турецкий гамбит так вообще все по-взрослому... Только вот – когда это было? И было ли уже в этом мире?

Однажды попала в руки дешевая книжонка. Отправлялись в Новосибирск. Туда Сам должен был прибыть, ну и всех окрестных губернаторов повидать изъявил желание. Понятное дело – хочешь не хочешь, бросай все дела и беги с выражением бесконечного счастья на лице. Начало марта было. Мартовские морозы самые злые. Трассу так перемело, что армейский грейдер с парой тягачей к мерседесу в придачу нужно было брать. А самолет у МЧСников просить как-то... невместно. Шепнут «добрые» люди, мол, жирует плесень на бюджетные. Пришлось по старинке, на паровозике. Пять часов невкусного чая из пакетиков и той бестолковой книжонки. Ну не в окно же пялиться. Чего я там не видел? Всю жизнь в Сибири...

Картинок в брошюрке не оказалось. Пришлось доставать очки и читать. Потом даже захватило. Про царевича оказалась. Сына какого-то из царей по имени Александр. Но не Македонского – точно. Тот греком вроде был. А этот наш, расcейский. Царевича Николаем звали. Николай Александрович вроде. Только императором он так и не стал. Поехал в Европу – к принцессе какой-то с трудно выговариваемым именем свататься, да и так, проветриться. Мир посмотреть, себя показать да деньгой потрясти. Типо, вот мы какие, медведи российские, богатые да образованные. А папаша его, незадолго до вояжа того, в Польше бунт усмирал. Вроде много крови пролил, но в нужное положение провинцию поставил. Оказывается, Польша-то большей частью в Империю входила. То-то они в двадцать первом веке с нами через губу разговаривали – не понравилось ей с медведем сожительствовать.

Ну, так вот! Тот царевич пока по заграницам мотался, задумали злые польские террористы наследника престола извести. В отместку, так сказать, за кровь братьев по революционной борьбе. Только просто пару пуль из снайперки в затылок или шахидку с пластидом под юбкой подослать в те наивные времена не комильфо было. Российская Империя хоть и вся в долгах, как в шелках была, а бабло на армию-то почти в два миллиона штыков находила. Шлепнешь в каких-нибудь Парижах сыночку, а батяня обидится ненароком да и полки двинет. Парижцы носом всю парижию перероют да злодея и отыщут, чтоб перед огорченным папа-

шей себя обелить. Так вместо праздничного банкета по поводу успешной ликвидации видного политического деятеля конфуз мог получиться с зеленкой во весь лоб. Вот и решили злодеи тихонько сынулю травануть. По чуть-чуть гадости какой-то химической в пищу добавлять. Ее как много в организме накапливается, так жутко неприятно сразу становится. Вплоть до летального исхода.

В свите, ясно дело, и доктор присутствовал. Только знали героические борцы за самостоятельную Польшу, что доктором тот товарищ был, а вот врачом – нет. Туповатый, одним словом. Так он пациента своего единственного и протупил. Николай свет Александрович даже в Ниццу лечиться было поехал, а там из всех болезней только абстинентный синдром остался, по себе знаю. И то не помогло. Прямо оттуда и отъехал в сторону дома вперед ногами. Жаль было царевича. Ярko автор его описывал. Может быть, кои-то веки у страны нашей добрый хозяин бы образовался...

Долго я еще под впечатлением от книжицы той находился. Даже чуть было Владимира Владимировича Александром Николаевичем не назвал. Так папашу несчастливому наследника величали. И тогда на дороге именно она мне вдруг вспомнилась. Когда, судя по цвету, бронзовые монетки с профилем государя императора Александра II Освободителя разглядывал, из карманов дохлого татя добытые.

На самой молодом из ржавого цвета кругляков значился 1861 год. А, если я правильно помнил, преступный инцидент в отношении Его Императорского высочества случился только в шестьдесят пятом. Вот и выходило, что парнишка-то жив был еще!

Еще какая-то мысль крутилась в голове. Чем-то еще был тот, шестьдесят первый год знаменит... Только вот очень трудно вспомнить то, чего, может быть, и не знаешь. И Гера – пассажир, придавленный моими припоминаниями сюжета той книжицы, подсказывать отказывался. Тоже мне, помощник, прости Господи...

– Вы б, барин, за кушаком поглянули, – отвлек меня от тяжелых раздумий на ледяном ветру скрюченный на одну сторону возница. – У татей могут и ассигнации водиться...

– Как звать?

– Так-то Евграфом кличут, – подозрительно прищурился раненый.

– Гинтар?

Лицо старого слуги тут же появилось в приоткрытой двери. Надо же, услышал! Я вроде и звал не громко.

– Ты осматривал рану Евграфа. Он способен довезти нас до станции? Или лучше будет поместить его в экипаж?

– Er ist kräftig genug, dieser Russe. Kann weiter fahren.

И снова я легко понял чужеземную речь. Ну, крепок этот русский, так крепок. Повезло мужику. Мог и костыми лечь или инвалидом на всю оставшуюся жизнь сделаться.

А вот интересно, мой пока единственный подчиненный по-аглицки шпрехает? И по-испански? Сам-то я точно – нет. Ни тогда, ни сейчас. «Уипьем уодки» – вот и все мое знание языка лондонских туземцев...

Пока сам себя смешил прикладной лингвистикой, руки ловко обшаривали скрытые за поясом мертвеца тайники. Заботливо упакованный в кожаный кисет документ – корявые рукописные строчки с кляксами и разводами на дешевой, похожей на оберточную, бумаге, но с орлиной печатью – прибрал покуда. Потом разберемся, что за пачпорта положены робингудам Каинского округа Томской губернии. А вот бумажные деньги просто потрясли. Такое впечатление, что ни о каких способах защиты купюр от подделки в этом наивном веке еще и не подзревали. Где тут ближайший магазин бытовой техники?! Дайте самый примитивный ксерокс, и я за вечер стал бы мультимиллионером. На худой конец, грамотного гравера и самый завалящий печатный станок...

В загашниках мужика без головы – того, что аки человек-паук прицепился было к моим вещам на задке кареты, – обнаружился примерно такой же набор. Документов никаких не было, а денег чуток побольше – вот и все отличие. И среди монет в мешочке, подвешенном на грудь рядом с крестиком, нашлась пара интересных: серебряная с надписями латиницей, которую ни я, ни Гинтар прочесть не смогли. И сияющий блестящими свеженькими медными гранями пятак от 1863 года. Еще были обкусанный по краям серебряный рубль с мордой лица какого-то неопределенного царя и почти черная «сибирская» копейка. Наверняка нумизматы за эти раритеты душу бы продали, но для целей определения своего положения во времени они были бесполезны.

Чуть дальше у края дороги, печально опустив голову, стояла изможденная лошадка. Я сначала было подумал – попало что-то в глаз, раз слезы покатались... Ан нет. Жалко эту скотину было.

Но когда-то, в те далекие времена, когда животное было молодо и полно надежд, это был высокий, поджарый кавалерийский конь – не чета лохматым «собакам», впряженным в мою карету. Возможно даже – хороших кровей. Понятно – не ахалтекинец. Но с Кавказа – точно. Я с трудом верблюда от оленя отличу, не то чтобы уж крови у лошадей определить. А вот Евграф рассуждал с видом специалиста.

На этом осмотр места происшествия можно было и закончить, да водитель экипажа не понял бы. Там ведь должна была оставаться еще одна лошадка. Пришлось лезть на облучок, браться за холодные вожжи и изображать из себя отважного первопроходца.

– В лошадях, смотрю, разбираешься, – откровенно завидуя теплым варежкам раненого, сказал я, только чтоб что-нибудь сказать.

– Как же иначе, барин! – немедленно отозвался, позабыв морщить лоб от боли, ямщик. – Сами-то мы Кухтерины. Отец, Царство ему Небесное, Николай Спиридоныч, канским купчинам гильдейским за лошадьми ходил. Чужих, аки своих, выхаживал. И казачкам засечным с конягами помощь оказывал. А хде он, там и я ни ем.

– Сами, почему коней не разводите?

– Охохонюшки, барин! Справное-то животное поди и до пятидесяти рублей доходит. А где я?! Четвертную бумагу и видал-то единожды. И то в руках гостя торгового. С извозу ежели рубли три за зиму нашкорябаешь с добрых господ – и то ладно. Многие и того домой не привозят... Времена ныне таки... То ли копейку в кошель, то ли голой попой в сугроб. Лихие, опять же, озоруют...

– А власти чего?

– Окружные-то? А им-то чево? Им жалова с Рассеи идет. Што им до нас? Деньгу и ту, поди, фердь-егеря привозят. Окромья купчин да ссыльных и не нужны никому.

– А губернские чего ж?

– Те, барин, поди, и не ведают о нас, – хмыкнул извозной мужичок. Полдня везший нас по лютному морозу, потом раненый, но так и не захныкавший, не пожаловавшийся ни разу. Стальной мужичок!

– Но ведь тракт государев...

– То так.

– И извоз по тракту – государево дело. А для Сибири – дорога эта так и вообще пуповина.

– Складно у тебя выходит, барин, – кивнул Евграф. – А мы, при извозе, значицца навроде мамкиного молока, что не рожденное дитяток окормляет.

– Выходит так, – улыбнулся я. – Вы людей возите, а это кровь Сибири нашей.

– Складно, – и вовсе обрадовался возница. – В Термаковскую деревеньку вернусь, земелям передам – порадую. Мне за то и любо ссыльных-то возить, что у них завсегда складно речи весть выходит...

– А если бы была у тебя пара лошадок справных?

– Ишто? Издохла бы животи́на к весне. Я сена коровенке едва надергал, а коням еще и овса положено.

Вымогатель. Наверняка ведь уже понял, что трофейные лошади ему могут достаться. И деньги из загашников злыдней видел. Вот и намекал – чего бы мне не поделиться доходами? А и правда. Чего мне, жалко, что ли? Герман Густавович одного жалованья по службе государственной до десяти тысяч в год должен получать. Да в саквояже двадцать тысяч ассигнациями – батюшкин гостинец. От матушки, уже года три как почившей, наследство – шестнадцать тысяч золотом – тоже с собой. В Санкт-Петербурге, в Государственном Банке, девять серебром, и двести с лишним акций Кнауфских заводов в Уральском горном округе примерно на двести тысяч серебром – это уже от отца. Дядя, отцов брат, Эдуард Васильевич Лерхе – калужский губернатор – письмо присылал, писал – коли нужда будет, мол, скажи. В пределах двадцати – тридцати тысяч поможет. Недавно у него жена скончалась. Дети еще не успели вырасти, так что он, похоже, надо мной решил попечение взять.

Брат пять тысяч передал «на обустройство». Говорил: на нового начальника попервой всегда по платью да статью смотрят. Уж потом – по уму да делам. Что мне червонец засаленными, истертыми бумажками. А тому же Евграфу – доход за три года.

И возница к жизни на глазах возвращался, стоило и вторую конягу – молодого, задорного жеребца – к задку кареты привязать. А получив все добытые ковбойским трудом ассигнации – что-то около двенадцати рублей между прочим, Евграф и вожжи у меня отобрал.

– Шел бы ты в баул, барин. Полегчало мне. Сам, поди, справлюсь.

И добавил, убедившись, что я благополучно перелез на малом ходу внутрь кареты:

– Ты там за револьверт крепче держись. Мало ли чего...

Совет не был лишен логики, тем более что Гинтар с перезарядкой уже успел управиться. Так и поехал оставшиеся одиннадцать верст до почтовой станции в Усть-Тарке, с пистолем за пазухой. Мало ли чего...

У моего слуги титановые нервы. Вот вы бы смогли после попытки ограбления, перестрелки и хладнокровного убийства беззащитного бандита усестись в бултыхающийся по буеракам дормез, завернуться в плед и уснуть? А он сопел в обе дырочки, еще и причмокивая во сне. Видимо, что-то вкусное снилось.

Салон выстудило. Меня потряхивало от холода. В голову лезли дурацкие мысли, главной из которых был вопрос, снова и снова одолевающий мою новую голову: зачем я здесь? Казалось, стоило догадаться, ответить и сразу станет понятно, почему именно сюда, в это место и время, и что делать дальше.

Нужно сказать, озадачился я таким набором непоняток не первый уже раз. Еще в той жизни, усевшись в губернаторское кресло, тоже вопрошал молчаливые небеса – за что? Что делать-то теперь дальше? Тогда, давным-давно через полторы сотни лет вперед, к решению я пришел довольно быстро. «Друзья» помогли. Соратники, едрешкин корень. Быстро, под бульканье жидкой составляющей накрытого стола, убедили. И что я весь такой расчудесный и преразамечательный, и что теперь мы все ого-го! Рай, в отдельно взятом регионе необъятной нашей Родины построим. И заживем так, что у буржуев заграничных скулы сведет от зависти! И что соратники, друзья и просто заинтересованные личности – всегда со мной. Народ счастлив и спать не может – от восторга хохочет.

Естественно каждый выразил надежду, что и ему воздастся по трудам, когда дело до попила и раскола праведно нажитых благ дойдет. Каанеечна, и народ не забудет... Акаажо! Всеж для нево, епт. Денно и ношно токмо о нем, падле... Каждый по доляшечке малой – божу вилла на Канарах...

Так что на второй уже день, едва справившись с похмельем, я и рукава засучил. Ты воду носил? Дрова пилил? Кашу месил? Нефиг, скотина ленивая, делать на высоком посту в моей администрации. А у меня как раз, надежный есть человек – тост такой красивый вчера гово-

рил... Почти месяц «слонов» раздавал. Потом только до хозяйствования руки дошли. Стал интересоваться, а чего же это у нас в области не так и, главное, как с этим бороться. Только поздно уже было. Старые, те, кто знал что да как, уже в отставку отправлены, а новые своих людей расставляют по вертикали власти. Некогда им пустяками заниматься.

Я сдуру по предприятиям поехал. С людьми стал разговаривать. Телевизоры это любят – стаей за мной бегали. Пресс-секретарь чуть до белочки не допил на гешефтах. Банкиров к себе созывал и предпринимателей видных. Обещал всякое, наказывал давал и авансы раздаривал.

Пустое это все. Соратнички с меня пример брать не спешили. С народом ляссы точить не стремились. Нашлось, что отнять и поделить. И «папе» в Первопрестольную долю закинуть. К концу второго года моего правления у меня вся родня от третьего до седьмого колена уже миллионерами были. До третьего-то нельзя – они декларации о доходах подают. А так выходило, что шофер, дядя Толя, богачом рядом со мной числился.

Потом и вообще как-то втянулся. И рай земной расхотелось строить, и Москва по рукам палкой лупасила, стоило о нуждах народа заикнуться. Самый Главный – тоже человек. У него дочери. Так что строг, но справедлив. Лишнего не болтать, дань приносить в клювике вовремя и «неправильными» отчетами власть не пугать. Пуганая власть начинает нервничать и двигать кресла. А так: смертность выше рождаемости? Но ведь численность населения растет, значит, и нечего вдаваться в подробности. А что «численность» эта в основном за счет черноэмигрантов прибывает, так это тоже – частности.

Опять же труба! Которая – нефтяная. Думаете, нефть – это много-много вялотекущих денежек в иностранной валюте? Не только! Труба – это власть и влияние. Думаете, почему новосибирцы микролинзу на Верх-Таре разрабатывать стали? А че они рыжие? У всех вокруг труба есть, а у них, кроме моста через Обь, один Искитим-Цемент. Ну и барахолка на Гусинке. Тоже труба та еще...

Владельцы этих самых нефтяных труб – самые главные «коровы». Кто только их не доит! Экологи, нацменьшинства, администрации всех уровней, таможня, менты и, конечно, аппарат Самого. Отобрать самотекущее всяко проще, чем свое отдать. А бюджет уже давно поделен и даже «освоен». Чего его теперь возвращать, что ли? Не поймут. А от непонятного чувство опасности появляется. В узких кругах широко известно – не каждому опасному везет до Лондона добраться. Многие и за неуплату налогов в особо крупных размерах в противоположную сторону, по этапу...

У меня нефть была. Немного по сравнению с Тюменью, но и поболее чем у новосибирцев. Так что было за чей счет о народе заботиться. Если вдруг желание появлялось... Ну, или жареный петух клевал в одно место.

Так что задолжал я бессмертной своей душе, ох как задолжал. О том, что, кроме себя любимого, другие люди есть – позабыл. Как Инфарктий Миокардовский меня в иной свет переправил, задал я себе вопрос – зачем жил? Кто добрым словом вспомнит? Что хорошего оставил после себя? И так, блин, больно и горько стало... И страшно. Все вытерпеть можно, все пережить, если хоть крошечная надежда остается. А какая надежда, если душа бессмертна, а Ад этот навсегда?! Думаете там черти со сковородками? Совесть там. Огромная беспросветная совесть. И триллионы душ в этом пузыре, каждая со своими стонами о неисполненном, «на завтра» отодвинутом.

Как-то так и определился с тем, чего точно делать теперь не стану. А остальное? Планы какие-нибудь? Так долго еще до плановой-то экономики. Лет этак семьдесят. Трепыхаться решил, лапками сучить. А там глядишь и маслице подо мной собьется. И выплыву. Останется что-то опосля, за что юные пионеры цветочек на могилку принести не побрезгуют.

Жаль только не на мою могилку – на Геры моего, в щель забившегося. Ну да кому надо – разберутся.

Но к чему-то стремиться-то нужно. Тут и железная дорога припомнилась. Чугунка, на языке туземного времени. А не построить ли мне чугулку? Так сказать, с опережением плана на тридцать лет. Да по-иному ее провести. Чтоб не случилось в этом мире никогда нагловатой самопровозглашенной Столицы Сибири. Чтоб Томск трехсотлетний не на задворках истории заснул, а на транссибирском транзите отъедался. Чем не цель?

Добрый, полуслепой профессор, читавший нам, молодым оболтусам, лекции по полит-экономике, рассказывал, что за десять лет после постройки железки Западная Сибирь жителями вдвое больше приросла, чем за двести лет неспешной колонизации до этого. Опять плюс.

Еще чего-нибудь построю. Поди – дело знакомое. Зря, что ли, семь лет директором департамента строительства оттрубил...

А с Караваевым – разберемся. Потому и в памяти Германа Густавовича моего копался. По Имперскому Уложению я во вверенном мне уделе наиглавнейший полицейский и жандармский командир. Как-то мутновато с правами на юге моего улуса... Что-то там какой-то Кабинет «руль» перехватывает, но и с этим надеялся разобраться. Главное – всколыхнуть это болото. Чтоб задвигалось все, засуеилось. Чтоб людишки поверили – при Деле они. При таком Деле, что горы в стороны раздвинутся и болота пересохнут.

Важно это людям – при деле быть. Мало кто знает, кто именно бурил первую давшую нефть скважину в Колпашево. А сколько человек могут по праву сказать – мы нефтяники? Вот то-то! И так во всем. Модно было одно время поминать Сталина, как Победителя в Великой Войне. По мне – так фигня это все. Все победили. Все до одного жители той страны. Солдаты, офицеры, колхозники, рабочие... все-все-все. Пружину завел Сталин, как иначе? Товарищ тот еще был – спорить с ним мало кто себе позволить мог. Задвигали всю страну и засутили – подручные Иосифа Виссарионовича. А вот в страшной войне победили – все! И по праву гордятся той победой все тамошнее поколение.

Так и я решил действовать – пружины взводить. Мне вроде и попроще должно было быть. Послезнание – великая вещь. Я и раньше на память не жаловался, а пока в Вечности купался и подавно по полочкам все разложил. Каждую минуту жизни заново пережил. Нечем там больше заниматься – только себя самого поедом есть...

Может, я в истории и дуб дубом. Не интересны мне были тенденции исторического развития и всякая такая хрень. А вот то, что касается богатств – тут я специалист. На том и погорел, ну да чего уж теперь...

А то, что Сибирь богата – никому доказывать не нужно! Мой родной Томск вон вообще на плите из титан-никелевой стали по нефтяному морю плавает. И если с нефтью еще как-то худо-бедно разобрались, то железо и к моменту моей смерти добыть не могли. Я даже пару раз конкурсы устраивал на концессии по его добыче. Желающие были – денег не было. Не каждый рискнет ввалить пару миллиардов североамериканских рублей на строительство комплекса, зная, что половину нахальные москвичи сразу попилят и откатами высосут. Жаль, что сейчас, в шестидесятых годах девятнадцатого столетия ни колпашеской нефти, ни бакчарской стали мне не видать, как ушей Германа Густавовича. Первую полезную дырку еще до войны проковыряли, но черное золото в трубу только в семидесятых годах попало. Технологий не было. Уж больно глубоко залегает. То же самое и о стали. В этом отношении алтайские руды Темиртау и Верх-Тарское микро-месторождение более перспективными выглядят.

Ну, да и Бог с ними. Железо – ладно. Чугунный для дороги из чего-то делать нужно. А нефть-то мне зачем? Что-то обгоняющих по встрече мерсов я на Сибирском тракте не наблюдал. Александровские кварцевые пески и известняки и то полезнее той нефти. Стекло и цемент. И в мои времена с лесом у нас все в порядке было, а за полтараста лет до меня и подавно. Но чтоб нормально строить, кроме леса, еще кирпич, стекло и цемент надобны. О золотых приисках тоже представление имею. В том числе и о тех, что только в двадцатом веке

разведаны. А на что еще чугунок строить? Газпром или Томскнефть не выдоишь, нет их здесь еще.

Оставались еще вопросы про паровозы, вагоны и прочее железнодорожное хозяйство. Но я искренне полагал, что в необъятной Родине моей наверняка найдется специалист, согласившийся за длинный рубль отправиться строить паровые машины в холодную Сибирь. А уж уголь в районе будущего Кемерово прямо из земли торчит. На крайний случай, оставался Междуреченск. Там коксующиеся угли «Белазами» из дырки в земле вывозили... Благо, Томск и там правит. Не раскололи еще единый удел на четыре профильных и слабо друг от друга зависящих угла.

Хорошо все-таки, что Господь, в безграничной мудрости своей, меня домой вернул. Заслал бы куда-нибудь на Камчатку – и что бы я там делал? Медведей от гейзеров отгонял?

Чем только знание свое объяснять буду? Не отправишь же толпу людей олопаченных с напутствием: «ройте, мужики, мамой клянусь, здесь жила золотая». Мамаша у нас, конечно, дама уважаемая, только в здешних пределах совершенно не авторитетная. Иное что-то требуется...

А люди что? Люди найдутся. Неужели я из сотни тысяч пару десятков соратников не соберу? Уж не впервой, поди. А кто не захочет по доброй воле цивилизацию вперед двигать, так «кто не спрятался – я не виноват». До царя далеко, а я вот он. Тут. Рядом. И я здесь власть. Причем власть пришедшая. Страшная и непонятная. И говорю-то я, скорее всего, не так, и брякнуть могу чего-нибудь этакое, от чего у местных попа сжимается. И поступать буду иначе, чем здесь принято. И списать все эти несуразности и угловатости есть на что. Из Питера я. Да еще и немчура. Кто нас нехристей знает?! Можете они там все такие... поперешные.

И очень важно правильным «папой» в столице обзавестись. Крутится в памяти моего подопечного какой-то Бутков Владимир Петрович. Директор Сибирского комитета вроде. Но раз не хозяин, а директор, значит, человечек назначенный. Как поставили, так и сняли. Мне бы «крышу» из тех, кто сам право имеет и к царю дверь ногой открывает. И, если наследничек жив еще, то может, и стоит усилия приложить, упредить подлых преступников, так сказать. Глядишь, зачтется, когда шее топором или веревкой угроза возникнет. Ну, или хоть кивнет, когда мог бы промолчать. Тоже большое дело.

Определенные надежды возлагал на папу Лерхе. Как-никак – генерал и при дворе. Сынулю смог пристроить на медовое место, неужто не подсобит если что? А старший братец? Зря, что ли, уж сколько лет в адъютантах генерал-губернатора Западной Сибири штаны протирал? Замолвит же словечко...

– Ça, je me suis bien trouvé! – прошептал я себе под нос и с этой позитивной мыслью и уснул.

2. 1864 год

Пока спал, за какой-то час испортилась погода. Порывы ощутимо встряхивали карету. К длинным, причудливо изогнутым старицам на западной околице Усть-Тарки подъехали уже под аккомпанемент злобствующего ветра, волком завывающего в пробитых пулями дырах. На колокольне Петропавловской церкви, плохо закрепленный, болтался и гудел колокол. Невысокие, накрытые метровыми шапками снега домишки и прозрачная, прореженная вырубками полоса Назаровских лесов совершенно не мешали стихии вольготно куражиться.

Двор почтовой станции показался тихой гаванью в бушующем море. Хотя и тут сдуваемая с крыш снежная крупа совершенно заслонила мутное солнце.

– Экак запуржило-то! – поведал, сверкая акульей улыбкой, Евграф. – Думал ужо все. В трех березах закружит, снегом заметет, дорогу-то с фонарями не сыскать. Благо Дорофей Палыч огню запалил на башне своей металагической. Только так Назаровскую яму и сыскал...

Задал, короче, загадку.

Ну, насчет «закружит» – тут все понятно. Буран в зимней степи – удовольствие для мазохиста. Когда ветер дует, кажется, со всех сторон сразу, снег забивается в малейшие щели в одежде и небо с землей меняется местами. Явление же «металагическая башня» – совершенно наукой не изученное, а от этого любопытное. В связи с этим хотелось бы познакомиться с таинственным Дорофеем Палычем, сумевшим обуздать неизвестность и даже запалить на нем огонь.

Впрочем, у меня со сна всегда настроение не ахти. Годам к пятидесяти суставы стали ныть на непогоду, сна лишая, а пожаловаться некому было. Не находилось ни единой души вокруг, с кем можно было искренне поговорить. Так и бурчал себе под нос, вредничал. Сейчас-то тело вроде новое, а привычка осталась...

Башня быстро нашлась. Сначала огонь на башне – оранжевое пятно в снежной круговерти. Потом сквозь разрывы во вставших на дыбы сугробах проступила серая, не ниже трехэтажного дома, коробка башни. Но где же яма?

– Туда, барин, – невозмогая вопли разъярившейся природы, Евграф позвал, потянул к черному провалу в стене длинного сарая. Следом, закрывая лицо рукавом, мертвой хваткой вцепившись в рукоять сакvoja, шел Гинтар.

За спиной кони всхрапнули, сопротивляясь, но все-таки подчинились воле опытного лошадника и поволокли тяжеленный дормез в сторону распахнутых ворот каретного сарая.

Напрасно оборачивался. Извозчик, поди, и сам дорогу бы не потерял, а вот я, оторвавшись взглядом от гостеприимной двери, снова ее на месте не нашел. Направление и то отгадал по положению тела старого слуги.

Седой прибалт, похоже, обзавелся не ручной кладью, а якорем. Не отбери я у него не тяжелый, в общем-то, беременный портфель, думаю, он и шагу ступить оказался бы не в силах. Взял верного спутника под локоть, аки любимого дядюшку, и повел прямо в серо-ледяную мглу. Верил, что дорога найдется. Не оставит Вседержитель милостью своей двух усталых путников. Иначе – глупая шутка бы вышла...

Местного благодетеля, того самого пресловутого Дорофея Павловича Матвеева, мы прямо на пороге и встретили. Может, не догадайся он с фонарем выйти, мы бы еще часа два по обширному двору героически путешествовали. Пока или Мороз Колотунович, или немощь стариковская одного из нас не прибрала.

– Сюда, господа, сюда, – звонкий, почти мальчишеский и уж совсем неожиданный для «Палыча» голос и дрожащий, опасно поджигающийся огонек свечи за закопченным стеклышком наконец привели нас в спасительную утробу крепкого бревенчатого дома.

– А я и гляжу, двое-то из кареты-то выйти вышли, а нетути и нету. Ну, думаю, заплутали в круговерти гостечки мои долгожданные, – тараторил молодой, едва-едва пух на верхней губе, хозяин станционного хозяйства. Простенький мундир коллежского регистратора почтового департамента, накинутый на крестьянскую домотканую рубашку, ноги в стоптанных овчинных чунях, наколенные «пузыри» на форменных брюках. И совершенно искренняя забота, волнение даже, о судьбе посетивших его вотчину путешественниках.

В сердце кольнула игла стыда и за свой генеральский чин, и за... И за бездарно прожитую первую жизнь. Я смотрел на молодого человека – лет двадцать, не больше от роду – и не хотелось все портить. Знал, чувствовал – стоит сбросить шубу, блеснуть в неровном свете свечного огарка золотом позументов, и пропадет это очарование молодой искренности. Словно подчиняясь заклятию злобного колдуна, на месте гостеприимного парня появится испуганный, закаменевший, замерзший воробышек.

– Здесь вот. Для господ по лесенке... Тут три ступенечки всего... А коневода я в черной избе размещу, не извольте беспокоиться. И сыт будет и коняжкам хорошо будет. А я с обеда исче барометр наблюдаю. Все падает и падает. Падает и падает. Ну что ты будешь делать! И

небо, смотри-ка, темнеет и темнеет. А людям-то на тракте как? Степь-с, она людей не больно жалует-с... Ветра-то у нас какие! До пятнадцати саженей в секунду измерения доходят!

Тайна «металагической башни» существовали лишь в моем воображении. Самый младший чиновник в Табеле о рангах Российской Империи подрабатывал метеорологическими наблюдениями.

– Извозчик наш, – вклинился я в первую же звуковую паузу. – Евграф. Он ранен. Надо бы рану обработать. Есть в деревне доктор?

– Сюда, господа. Туточки располагайтесь, – продолжал, словно не услышав, Дорофей. – Поди, буран треклятый не раньше завтраха упокоится. А там и лошадки ваши отдохнут. И поедете себе. А я сейчас чаю вам горячего принесу. Матрена хлеб свежий спекла и постряпушки еще с грибами. А то и медку? Медку, не хотите ли?

И так вдруг захотелось меда. Так-то я его не особо жалую. Но тут так захотелось, даже запах его почуял. Травяной, пряный. А еще здорово огурец свеженький, только с грядки, в мед макать...

– Только мед в постатейной росписи не указан. Медок-то мне пасечник по осени привозит, а я уж добрым господам по пятнадцать копеек за фунт...

Из всех всевозможных фунтов я только «фунт лиха» и «фунт стерлинга» знал. Фунт – это сколько? Гинтар благосклонно кивнул – цена моего ветеранского слугу устраивала. Наверное, фунт – это много.

Герина память подтвердила. В пуде, а это примерно шестнадцать килограммов – сорок фунтов. Выходит, около четырехсот граммов. А за полтора рубля можно четыре килограмма меда купить?

– Рыбка еще есть. И копченая, и пожарить Матрена может... А доктора у нас нет. В округе только. Поди, не помрет прямо здесь-то. Куды ж я его дохлого... И господам проезжающим сдохлым неместно...

– Befehlen Sie ihm, mein Herr, Wodka zu bringen, – хрипло протянул с жутким эстонским акцентом Гинтар. Надо же! Еще пару часов назад я этого его говора не замечал...

– О! – вспыхнул восторженно глазами смотритель. Раненый извозчик был уже позабыт. – Старый господин – немец. Я тогда печи пожарче растоплю. Поди, здесь не Европы. Холодно-вато ему будет... Осторожненько. Дверцы сибирцами деланы. Низковаты.

Поклонились низкой и широкой притолоке, вошли в «белую» гостевую избу.

– Растопи, любезный, растопи, – снова вклинился я. – И на стол собирай. Мед говоришь? И мед неси. И вот еще что... Водка есть? Полуштоф.

Я хотел, чтобы он ушел. Я хотел сбросить с плеч давящий на душу мундир, и не мог это сделать в его присутствии.

В обширной комнате оказался удобный отвешенный тканями закуток, где нашлось место и для объемного мехового куля бобровой шубы и деревянный колышек в стене под мундир. От выбеленного бока печки ощутимо несло теплом, так что и в одной рубашке озябнуть я не боялся.

Вернулся заботливый Дорофей Палыч. Передал Гинтару отпилоч доски со стаканами, квадратной бутылкой, чашей с нарезанным крупными ломтями ароматным хлебом и пиалой меда.

– Сейчас и щти поспеют, – кивнул он сам себе. – Тута вот газетки пока полистайте. А подо щти уже и водочки отведаете...

Газеты! О! Источник информации! Дрожащими от нетерпения руками я взялся перебирать хрусткие, отвратительного качества бумаги, листы «Томских губернских ведомостей». И в первую очередь, убедившись, что газета выходит еженедельно, принялся отыскивать самую свежую из имеющихся.

Номер первый за девятое января 1864 года уведомил меня, что в Томском городском благородном собрании прошел праздничный новогодний бал. На котором, стараниями супруги городского полицмейстера, баронессы фон Пфейлицер-Франк, собрано 411 рублей на нужды воспитанниц Мариинской женской гимназии. Какие молодцы! Если я правильно помнил, Мариинск – это город к северу от Кемерово. Почему томская элита собирает пожертвования для девочек Мариинска, мне было не понятно. Мне, в общем-то, и дела до этого не было. Может, в самом городке у черта на рогах одна беднота проживает, детьми, стремящимися к знаниям, обремененная. Преимущественно – девочками... Собрали четыреста с лишним рублей, и ладно. Честь им и хвала. Могли и пропить, а так нуждающимся помогли.

Зато теперь я знал, что попал в новое тело 19 февраля 1864 года. До того самого, злополучного бон-вояжа наследника престола Российской Империи еще почти год, и я легко успеваю его предупредить. Нужно только источник моей информированности организовать. Ну да это дело не сложное. Придумаю чего-нибудь. Для начала с жандармами подружусь, а там будем посмотреть.

В «Ведомостях» жандармы не упоминались вовсе. Юбилей Сибирского линейного 11-го батальона в августе прошлого года – был. Назначение майора фон Пфейлицер-Франк Александра Адольфовича томским полицмейстером – было. Даже цены на основные продукты питания – были... О жандармах – тишина. Не любят, видно, их. Или те не любят публичности. И то и то мне на руку.

А имя надзирателей начальника и оперов командира я постарался запомнить. В крайнем случае, отложу в памяти его баронский титул. Вряд ли в Томске их много. Полковника Денисова, губернского воинского начальника, упоминавшегося в связи с очередным рекрутским набором, тоже на полочку. С силовиками надо дружить! Интересно, динамит уже придумали? И есть ли он у господина полковника? Чего мне шахты кайлом людишек заставлять рыть, что ли? Так, где я опытных шахтеров наберу. Сто кило взрывчатки, и гребни уголь или там бурый железняк лопатами...

От газет отвлекла Матрена – яркий представитель многоуважаемой гильдии поварих. Всегда с подозрением относился к худым и остроносым кулинарам. А Матренины яства кушал с удовольствием – у пышных телом, курносых хохотушек и в печи все пышет и шкварчит. И запахи такие завлекательные, что от одного вида ее булочек слюней полон рот.

Экстаз. Дуть на горячий суп в ложку. Откусывать тающий на языке ноздреватый хлеб. Граммов тридцать водочки под кислые щи. Густейший, терпкий чай со сдобой. Янтарные потеки меда на зажаристой корочке пирожка. Снова делать то, с чем распрощался миллион лет тому назад. Снова есть, пить, уставать, совершать глупости... Да просто развалиться в неудобном кресле и млеть, размышляя о том, что приобрел и чего лишился. Улыбаться возмущенным воплям выбравшегося из своего убежища Геры и верить, что лучшее еще впереди.

– Простите, молодой господин, – тяжело вздохнул Гинтар, решившись все-таки отвлечь меня от ленивых мыслей. – Я спать лягу. Силы уже не те...

– Ложись, – кивнул я. – У нас карта моей губернии есть? Достань и ложись.

Шелковый мешок с невзрачным чертежом на невероятно толстой – как два ватмана – бумаге. Ни китов или других каких кикимор, и медведей в лесах. Даже самоедов на оленях и тех не оказалось. Почему я думал, что украшать карты перестали только при Советах?

«Генеральная карта Томской губернии с показанием почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между оными верст», сочинена по новейшим и достоверным сведениям в Санкт-Петербурге 1825 года». Хренасе! Поновой ничего не нашлось? Полковник Пядышев, коим «сочинена и гравирована» уже, наверное, почил в бозе... А мне этим пользоваться? Как-то по этому чертежу деятельность планировать? Половина рек не подписана. Как мне геологов на разведку отправлять? Да и с точностью большущие проблемы. Я даже по очертаниям удела вижу, что с реалиями эта «генеральная карта» ни фи́га не совпадает.

Блин, проблема на пустом месте. Придется туземных проводников для своих экспедиций искать. Названия речек я помню, места примерно тоже, но по картам от ГУГК, а не от полковника Пядышева. Может быть, в легендарном 25 году эта картина и была прорывом в геодезии, но в 1864-м – уже совершенно не впечатляла.

С другой стороны, есть вероятность, что я зря нервничаю. Главным на этой «генералке» выведены дороги. В СССР тоже туристские схемы печатали, и даже кому-то были нужны. Почему бы и этой не быть просто пособием для путешествующих Сибирским и другими, совмещенными трактами? Да легко. У военных наверняка есть другие карты. Им же войска водить. И не только по дорогам. С «показанием расстояния между оными», блин.

Сквозь шипение ветра за стенами послышалась какая-то возня, конское ржание, топот множества копыт. Спусти пару минут уже в широком коридоре, разделяющем черную и белую избы, зацокали подковками кавалерийских сапог. Я взвел боек «Адамса» и пересел на стул лицом к входной двери. Не слишком метко получится стрелять из-под столешницы, но если в гости к Дорофею Павловичу явились караваевцы, им получится замечательный сюрприз.

А что? Вполне себе логичный ход. Ждали-ждали сообщников в условленном месте, сообразили, что фортуна повернулась к бедолагам задом. А приказ-то остался. Куда денется потерпевший, едва-едва ускользнувший от верной смерти? Конечно, на ближайшую почтовую станцию – место, по мнению столичного молодого повесы, надежное и безопасное.

И что бы я сам сделал на месте разбойничьего атамана? Во-первых, я бы уж точно не стал посылать троих самых бестолковых. Понятно – их не жалко, все-таки окажись у отважного губернатора охрана, сдуру в одиночку путешествующего по просторам дикой Сибири. Только ненадежно это. Я же ленивый. Уйдет, гоняйся за ним потом вдоль тракта. А если увидит кто?! Зачем мне свидетели? Нет, ни мне, ни им свидетели не нужны. Значит – грамотная засада. Даже десяток фузей образца Отечественной войны 12-го года, залпом, гарантированно подавит любое сопротивление.

Но, случилось непоправимое – я сглупил. Потеряны трое бойцов, внезапность и следы удачливого немчика. Куда Герман свет Густавович делся – уже выяснили. Что же дальше? Буран. Вся Усть-Тарка по домам сидит, поближе к теплым печным бокам. Полицейский, даже если он есть в этой Богом забытой дыре, за воплями ветра выстрелов не услышит. На станции – я же местный, мне это точно известно – кроме Дорофея Палыча и Матрены только этот скользкий тип – новый томский начальник... Ухмыляюсь, собираю пяток самых отмороженных злодеев с пистолями и длинными ножами и идем грабить почту. Voici et tout. Через часок цель мертва, а о банде Караваева слава гремит по всей Сибири. Шутка ли, самому барону фон Пфейлицер-Франк в лицо плюнуть! Государственную контору ограбить! В кассе у молодого коллежского регистратора хоть рублей десять да найдется – народу в оправдание. Для большинства сибиряков червонец ассигнациями – бешеные деньги.

И вряд ли ближайший подручный атамана глупее меня. Дурня уже давно отловили бы и запечатали в самую глубь сибирских руд. Так что, жаль, у меня нет второго «Адамса». Пусть я и не Брендон Ли, и стрельбе с двух рук не обучен, но курок нажимать – не великое искусство. В узком коридоре спрятаться особо негде. Дело решило бы количество выстрелов, а не спецназность с нинзяшностью.

– Генерал-то не почевает еще? – тяжелые шаги крупного и уверенного в себе человека оборвались низким, шаляпинским басом. – Ты б, мил друг, Дорофеюшка, глянул, что ли. Негоже с побудки знакомство начинать...

Могли ли тати быть знакомы с хозяином станции? Да легко. Раз в этих краях промышляют – почтовые дворы самое лучшее место для планирования налетов. Купцы ведь тоже здесь проезжают и на чай с печенюшками останавливаются.

Пальцы на ребристой рукоятке револьвера побелели. Знаю, что плохо. Мастера стрельбы говорят, нужно вообще пистолет двумя пальцами держать. Большим и указательным. Нежно.

И курок жать плааавненько... Ага. Когда руки дрожат так, что ствол по столешнице снизу постукивает, только о «плавненьком» думать!

– Что тебе, любезный? – кашлем скрыв волнение, поинтересовался я, едва кудрявая голова Палыча показалась в двери.

– Поспрашать, ваше превосходительство. Может, нужно чего?

Ваше превосходительство?! Герина память подсказала, что это обращение к военным и чиновникам в чине генерал-майора или действительного статского советника. А я ведь не представлялся. И чином не хвастался. Стрелять или пусть живет?

Понадеялся. Подумал – если это нападение, так он все равно из коридора никуда деться не успеет. А если нет? Нехорошо начинать службу на новом месте с убийства ни в чем не повинного маленького чиновника.

– Как там мой возница?

– А и жив еще. Чего ему сделается? Лошадок прибрал, повечерял да и спит уж.

Почудилось, что ладонь, отодвигавшая молодого почтаря от двери, величиной с лопату. Моргнул. Обрадовался. Все-таки меньше. Всего лишь со среднюю книгу. Но все равно – очень большая.

– Позволь-ка.

Скрипнули сапоги. Цокнули подковки. Медвежья ладонь смахнула с головы мохнатую папаху с алым верхом. Блеснули под расстегнутым волчьим полушубком натертые салом ремни португеев, перетягивающие грудь такой ширины, что Арнольд нервно курит в стороне. Картину видели «Три богатыря»? Там центральной – Илюша Муромский. Вот его, только облаченного в явно казачий мундир, я и увидел.

Свободный ход курка выбран. Не поклонись этот гризли, не начини говорить, одним богатырем на Руси стало бы меньше.

– Здоровеньки булы, ваше превосходительство! Вот вы где! А мы-то весь тракт облазили. Вас высматривали. Казаки мы. – Командующий первою сотнею, сотник Безсонов Астафий Степанович, 12-го конного полка Сибирского казачьяго войска. Со мною два десятка наисправнейших воинов. Другие-то вдоль дороги до самого Каинска сидят, вас ожидаючи.

Глупо было бы спрашивать у сотника удостоверение личности. Пришлось поверить на слово. И, нужно сказать, как-то это легко у меня, прожженного циника и даже параноика, вышло. Смею надеяться, в людях я немного разбираюсь, а Безсонов на грабителя с большой дороги вовсе не смахивал.

– Рад вас видеть, сотник. Размещайте людей, позаботьтесь о лошадях и возвращайтесь. У меня скопилось много вопросов... – и поспешил добавить в спину так и норовившего смыться Дорофея. – А вас, господин коллежский регистратор, я попрошу остаться!

А чем я не Мюллер? Генерал? Генерал. Немец? О, еще какой. Даже по-хфранцузски парлять обучен. Третьим по курсу в Императорском училище правоведения был. Это вроде Высшей партийной школы и Юридического факультета университета в одном флаконе. Латинский и французский языки. Этикет. Греческий, правда, незадолго до Геры поступления в этот светоч знаний заменили на естествознание. Но, судя по обрывкам его рассуждений, с таким же успехом могли и спиритизм преподавать. Естественные науки в этом веке еще выше плинтуса не приподнялись. Зато на специальных курсах проходили энциклопедию законоведения – начальный курс права, затем права церковное, римское, гражданское, торговое, уголовное и государственное, гражданское и уголовное судопроизводство, историю римского права, международное право, судебную медицину, полицейское право, политическую экономию, законы о финансах, историю вероисповеданий, историю философии, в связи с историей философии права. Что-что, а параграфов и прецедентов в голову моего подопечного вкачали, как в Аль-Каиду денег. Только вот выходило, после анализа ответов на самые распростейшие вопросы, что с законами в моей, теперь родной, Российской Империи, совсем плохо. Такой бардачина

с законами, что юридические консультанты олигархов XXI века от зависти слюной бы изошли. Всегда находилось уложение, указ или постановление Сената, полностью противоречащие предыдущим постановлениям, указам или уложениям. И это не могло не радовать. В-первых, мне, случись что, адвокат был бы не нужен. И, во-вторых, то, что я собирался совершить, лучше всего делать в мутной воде и при слабой власти.

Конечно – слабой. Чем сильнее власть, тем больше порядок. А уж в сфере юстиции и подавно. Исполнители не должны отгадывать и бегать по любому поводу на самый верх. Они должны точно знать: кого, за что и куда. А в отношении особо упертых даже и наоборот: куда, за что, кого. В моей же ново-старой Родине легко могло получиться, что тебя в острог, а ты на них в суд за клевету и навет. Те к царю, а он – это что вапче за тип? Тут ему кто надо на ушко шепнет, мол – милый парнишка, верноподданнически вас просит... И все! Суд закончен, ты в кабаке с фужером шампани, а злобные бяки, клеветники и наветчики в Туркестане абрекам лекции о пользе турнепса читают.

Гера мой вроде и гордится своим третьим местом по курсу в ИУПе. А и того, что попечителем здания на углу Фонтанки и Сергиевской улицы высочайшим рескриптом принц и племянник императора Николая I, Петр Георгиевич Ольденбургский назначен, друг и покровитель папеньки, Густава Васильевича Лерхе, тоже не скрывал. Потому как нет сейчас еще грани между личными успехами и блатом. Своим умом да энергией единицы на самый верх вылезают. Этот самый «верх» давно кланами да группировками, партиями, как ныне говорят, поделен. Через то и чин и должность Герману Густавовичу достались. Неужто думали, мода это новая – молодых охломонов губернаторами назначать?!

Ну, это по сравнению с другими правителями регионов мое новое тело относительно молодо. И сам я для них, конечно «ваше превосходительство», но все-таки повеса и выскочка. А для двадцатилетнего станционного зрителя я представитель государя императора, действительный статский советник – то есть генерал-майор. Просто жуть, какой важный господин.

– Чего изволите, ваше превосходительство?

– А скажи-ка ты мне, любезный, – вальяжно спросил я, спуская боек и бросая револьвер на стол. – Что за человек такой есть, коллежский секретарь Караваев?

– Капитолий Игнатьевич? Милейший человек, – испуганно затараторил парень. – Широчайшей души господин. Контролером губернской почтовой конторы служит. Инспектирует по Каинскому округу. Как бы ни приехали с друзьями, так обязательно и медку не побрезгует отведать, и рубль даст. Так-то жалованье у меня и до пятнадцати рублей за год не дотягивает. В скудности пребываю, в бедности. А ить и платье не казенное и мундир. Да я разве не понимаю. Честь почтового департамента блюду.

Пятнадцать рублей – годовая зарплата? Господи Боже, как он на эти гроши существует-то? Крестьянам и то полегче. Подворье, домашний скот. Огороды там, зерно. А этот же все покупать вынужден.

– А он что?

– Так я ж и говорю, ваше превосходительство. Я разве ж с жалобой? Я понимание имею. Государева служба-с. А он, как бы ни приехал, так рупь дает. Бывает-то часто по казенным делам. Порядок пригляда просит, разе я без понятия... Но строг! Как ни приедет, друзей в черную, а сам и выпросит все и журналы учетные просмотрит. И медку не брезгует отведать...

– А метеорологией сам решил заниматься?

– То его светлость упросил. И термометр, и барометр его же. Анемометр по его же чертежам... Добрейшей души человек. Просвещеннейший.

– Его светлость?

– Ах, ваше превосходительство. Вы у нас человек новый, а князь Николай Алексеевич Костров уж давно изучениями сибирскими занят. Хоть и сам жалование надворного советника получает, а по пятидесяти копеек с попутными гостями передает.

– Что-то не припомню штатного положения в губернском правлении по метеорологии...

– Что вы, что вы, ваше превосходительство...

– Что ты право с этим превосходительством зачастил. Герман Густавович я. В крайнем случае, господин губернатор.

С юмором у парня совсем туго, и шутки он не понял.

– Герман Густавович, его светлость при Губернском правлении комиссионером соляной операции служит... И в Русское Географическое общество сообщения отсылает, где и моя лепта малая...

– Похвально, – только и нашелся я что сказать.

Ну, с пресловутым местным бэтменом Караваевым все понятно. Служит себе мужчинка инспектором, а значит, имеет право почтовые станции посещать и документы смотреть. А в журналах все подорожные расписываются. Кто, куда, откуда, зачем. Коли мозги в голове, а не на метр ниже – не сложно понять, кого стоит встретить в пустынном месте, а кого себе дорожке. Пригрел чиновничек десяток варнаков, приручил, да и натравливает. А сам в полной безопасности. Даже случись облава – ему-то что? Его только предупредить должны. А он уже и татей своих. На один только вопрос моя параноя ответ не нашла – Гера-то чем ему помешал? Думаю – ни чем. Как говорится – ничего личного, просто бизнес. Или если по-нашенски – заказали меня. Что душегубам-то? Одной загубленной душой больше, одной меньше – все едино. И либо о-о-очень хорошо заплатил неведомый пока вражина, либо не может господин Караваев, он же Капитолий свет Игнатъевич, этому кому-то отказать. Например, тому, кто от беды бережет. Верхнему «папе». И вот доберусь я таки до губернского стольного града Томска и раскрою что-то этакое, прямиком к южному берегу моря Лаптевых ведущее. Тут сразу «крыше» и поплохее. А значит, и самому Робингуду.

Логично было еще узнать – с какой такой радости сотню здоровых мужиков из теплых казарм сорвали новенького губернатора встречать? Яйца в седлах морозить. Неужто я бы сам не доехал? Мне бы еще «максим» на крышу, так точно бы доехал...

А вот что казачки бы свершили, если бы нашли мое тело бездыханное на тракте, да троих придурковатых грабителей? При учете, что сотнику строго-настроено приказано было меня в дороге сыскать и в Томск сопроводить? Да порубали бы в капусту! Потом, может, и подумали бы, что надо было вязать да в острог тащить. Но сначала бы точно порубали. И концы в воду ушли бы безвозвратно. Ну, напали тати на карету. Ну, убили. Не повезло. А чьи людишки, кто кого о чем попросил? Только Бог ведает. Зачистили хвосты-то.

Только ошибка вышла. Душегубов самих приголубили. Проверить исполнение задания Караваев не успел, а тут и казаки. Наверняка поторопились приказ исполнить, всю дорогу коней нахлестывали. И самое забавное, что Безсонов мне легко расскажет, от кого инициатива исходила об его февральском вояже.

Дорофеюшка же, со своей башней и князем Костровым меня потряс до глубины души. На его-то доходы только с хлеба на воду перебиваться, а он – в Русское Географическое общество статьи пишет. И ведь наверняка их, эти его сообщения, благосклонно принимают. Может, и благодарственные письма шлют. Значит, не без таланта парнишка.

– Чем еще могу служить, господин губернатор?

– Матрену пришли. Пусть сотнику на стол накроет. Поди, весь день в седле...

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Разве ж мы без понятия...

– И еще... Посмотри, как там извозчик мой. Если не спит, приведи его сюда.

Дорофей Палыч клюнул головой в попытке изобразить военный поклон. И даже каблуками попытался щелкнуть, только нет у овчинных чуней каблуков. Но попытку я оценил.

Казачий сотник, похоже, тоже. Потрепал, протискиваясь мимо, парня по курчавой голове, разулыбался.

– Славный парень растет, ваше превосходительство! Уважают его крестьяне тутошние шибко.

– Я заметил, – кивнул я. – Не каждого в его-то годы по отчеству величают.

– Так-то еще с отроческих лет евойных, – позабыв величание, вскинулся могучий казак. – Дядька его по матери покойнице, Степан Иванович Гуляев, увлек колосками...

– Это как?

– Дык сам Степа под Барнаулом обретает. Науками там занимается. А Дорофейке раз по приезде и сказал, мол, ежели из колосьев пшеничных самые богатые выбирать, да из тех самые крупные зерна, потом только их и высаживать. На следующую осень все по новой. Так, мол, за десяток лет можно и семена вывести, что урожай вдвое поднимут.

– Правильно сказал. Так оно и есть.

– Так уже лет пять, как все это поняли. Ваше превосходительство, – вспомнил и смутился богатырь. – Ить девятая осень только вот была, а из зерен Дорофейкиных и правда поболее урожай уже выходит. Уже и до ста двадцати пудов с десятины получается, коли с другим семенем не мешать...

«Полцарства за таблицу соотношений. Пуд – это шестнадцать килограммов. А десятина – это сколько? В мое время урожаем в 35–40 центнеров с гектара никого не напугать было. Сто двадцать пудов – это 19,2 центнера. Если десятина – десятая часть гектара, то гигантский у них выход. А если больше? У кого бы спросить? Где бы прочитать?»

– Вы присаживайтесь, Астафий Степанович, – махнул я рукой. И на крепкий, туземного, незамысловатого производства стул, и на свои мысли о мерах и весах. – Повариха здесь отменная. Рекомендую.

– Благодарствую, – склонил голову польщенный величанием по отчеству сотник, снова смутился и поспешил добавить: – Ваше превосходительство.

– Давайте уж без чинов, раз за одним столом сидим. Герман Густавович я... Потом, на людях церемонии разводить будем... А что касается смотрителя местного, так селекция – это, конечно, замечательно. И полезно. Только надо бы по науке все. Агроном знающий нужен. Чтоб не только зерна и колосья отбирать, а и как какие земли обрабатывать, что лучше сеять выяснил. Губерния наша велика. Где-то одна земля, в другом месте другая. А кое-где и ковырять землю, быть может, не стоит – не для того подходит. Знаком вам такой человек в наших землях?

Эх, как было бы славно, вот так вот, походя, решить извечный сельскохозяйственный вопрос. Уж кусок земли для опытов с посевами и удобрениями я бы им легко подыскал. И финансирования ведь тут особенного не нужно. Вот и Гера подсказывал – провели бы изыскания по крестьянской комиссии при губернском правлении. Думаю, и внедрить на местах нашли бы как. Да тех же казаков в их поселениях бы припрягли. Потом сарафанное радио лучше всякой рекламы по региону весть бы разнесло. Одним, ну парой выстрелов такой пласт проблем бы перевернули – ого-го! На обильных урожаях бы рождаемость повысилась. Цены на хлеб уравнились бы. Глядишь, и на экспорт бы что-нибудь пошло. А больше денег у землевладельцев – выше их покупательская способность. Есть спрос – появилось бы и предложение. Сначала купчины из России бы товары везли, потом я б им подсказал, что и сами с усами – тут можно все производить. Первое время – протекцию для туземных фабрикантов...

– Экак! – крикнул казак. – Нету такого. Я бы знал. Тут немца выписывать потребно...

И покраснел. Так часто бывает у тех людей, слова которых быстрее разума. Вот брякнул, подумать не успев. Потом только дошло, что с немцем за одним столом и сидит. Самое интересное – как теперь выкручиваться?

– Не стесняйтесь, бога ради, – грустно улыбнулся я. – Прапрадед мой к Екатерине Великой на службу вызван был – вот он точно немец. Да и то женат на русской был... А я уж только по фамилии. Да и не выбирают люди, кем родиться. Господь распределяет...

Безсонов оглянулся в поисках иконы, нашел маленький темный лик за крошечной искоркой лампадки в углу и размашисто перекрестился. Я присоединился бы к нему, если б не играл роль лютеранина.

– Истинно так, ваше... Герман Густавович. Господним промыслом и живем.

Гера недовольно пробурчал из резервации для оккупированных душ: «Мое тело захватил православный ангел. Предки в гробах плачут обо мне». Мои предки много о чем плачут, поверь – посмотрелся. А твои пусть привыкают.

– Вот и хорошо. Вот и ладно... А немца-агронома, думается мне, нам не надо. Своего нужно искать, русского. Откуда немцу ведома наша земля? Начнет все по своему, по-европейски в наших дебрях корезить, так только хуже выйдет. Да и как наш Дорофеюшка германца понимать станет, если я, своей волей, его в помощники на опытную станцию определяю? Языкам парень не обучен... пока.

– Да уж где ему, – прогудел в бороду богатырь. – Не по его барышам в училищах обучаться.

– Решаемо это. Для его светлой головы изыщем средства. Я о другом хотел с вами поговорить...

Где-то вдоль тракта бродили варнаки караваевские, а я опять не смог обсудить это с казачьим сотником. В дверь коротко постучали, и Матрена, пропуском и разрешением, внесла парящие тарелки со снедью для нового постояльца. И в сравнении с форменной глыбой сибирского Шварценегера, показалась повариха этакой девочкой-подростком. Миниатюрной и шустрой.

– Че-то там возница ваш, батюшка генерал, топчеццо, – всплеснула она руками, когда чашки встали на крепкую столешницу. – Дорофейка привел болезного, а тот войтить опасается...

– Скажи ему, пусть заходит, – досадую на забывчивость, разрешил я. – И тряпок чистых принеси. Бинтов и ваты.

– Прости, батюшка генерал, – явно огорчилась толстушка. – Темные мы, тканей заморских сроду не видали. Ни бинтового отреза, ни ваты господской нетути у нас...

Едва сдержался, чтоб не заржать во всю силу молодых легких. Вдохнул глубоко только, и уточнил:

– Тряпки неси. Рану извозчику замотать.

– А и счас, это мы мигом, – обрадовалась благополучному разрешению дела Матрена. И умчалась. Представляете бегемотку с моторчиком? Вот так и ускакала, даже занавеси колыхнулись.

Через минуту, держась за бок, в широченную низкую дверь протиснулся Евграф. И остановился на пороге с видом покорным и виноватым.

– Простите, ваше генеральское превосходительство, ума я невеликого. Кого хошь спросите, всякий скажет – Евграфка Кухтерин не умнее сивой кобылы...

– Чего это он, Герман Густавович? – удивился сотник.

– Не знаю. Раньше-то он меня все барином величал...

– Прознал, поди, о чинах ваших высоких, господин губернатор. Да испужался гнева вашего праведного, – догадался Безсонов.

И видно верно догадался – Евграф закивал, как китайский болванчик, а потом и вовсе на колени брякнулся.

– Да встань ты, – на колени передо мной еще ни разу в обеих жизнях не падали. Может, прежние цари как-то иначе воспитаны были? Мне вот от вида униженного человека самому стыдно стало. – Встань и пообещай, что никогда ни перед кем больше не встанешь на колени. И детям тоже завещай!

– Завещаю, батюшка ваше превосходительство. Как есть завещаю! Только прости голову мою дурную, – хитрец наверняка уже понял, что ничего ему не грозит, но все-таки не торопился подниматься. Пришлось вставать из-за стола, идти и помогать. По пути успел заметить вытаращенные от удивления глаза казачьего сотника и едва сдержал смех. Если после этого моего демарша по губернии не поползут слухи обо мне, как о благодетеле народном, то я угол дома!

– Я тебя, хитрован, не за тем позвал, чтоб голову рубить, – хмыкнул я, усаживая Кухтерина на табурет. – Снимай одежду. Буду рану твою смотреть.

– Lassen Sie mich, mein junger Herr. Dass Sie ihre Hände nicht schmutzig machen, – угрюмо прокашлял Гинтар, поднимаясь с лежанки. Легко могу себе представить, как именно врачевал бы старый слуга, разбуженный воплями извозчика.

– Пустое. Отдыхай пока. Дай только щипцы какие-нибудь... Вдруг в ране пуля.

Седой прибалт вздохнул, обиженный недоверием, и, шаркая пятками, побрел к саквояжу. Евграф как раз успел скинуть рубаху, когда на столе появился грубоватый пинцет.

На обратном пути к своей постели слуга еще забрал так и валяющийся среди тарелок револьвер. А я-то все гадал – чего это Безсонов туда косится.

– Астафий Степанович, не в службу, а в дружбу, посмотрите, где там Матрена с тряпками.

Гигант, неожиданно резво для его-то комплекции, вскочил и выбежал из избы. А Гинтар, демонстративно проводив сотника глазами, достал из коробки мешочек с капсюлями и принялся надевать их блестящие головки на запальные трубки барабана пистоля. Чем немедленно вогнал меня в краску. Знатный из меня воин! Собирался воевать с бандой душегубов не снаряженным для боя оружием! Хорошо хоть перед казачьим офицером не оконфузился.

– Спасибо! – шепнул я старику, дождался величественного кивка и теперь мог, наконец, заняться раной Кухтерина:

– К свету повернись. Ни черта же не видно!

Тяжелая пуля, прежде чем попасть в левый бок возницы, прошедшая обе толстые, оббитые кожей, деревянные стенки кареты, сильно потеряла в силе. Преодолев последнюю преграду – толстую овечью шкуру шубы, бесформенный уже кусок свинца впился в спину чуть выше почки, под ребра. Где и застрял, завернув края рубахи внутрь раны. Доктор из меня тот еще. Раны сложнее фурункула вообще ни разу не видел. Но, на мой взгляд, ни один внутренний орган извозчика не пострадал. Печень вроде справа. А почки существенно ниже. Появись у меня хоть малейшие сомнения, лезть в страшную, спекшейся кровью черную дыру величиной с олимпийский рубль, я бы не рискнул.

Нашлось аккуратно свернутое на краю, вышитое полотенце. На него высыпал остатки хлеба, а в освободившуюся тарелку вылил водку из квадратного штофа. Гинтар с Евграфом даже охнули от возмущения, когда я в эту чашу пинцет запихал.

Вернулись сотник с Матреной. Казаку приказал крепко держать возницу за руки, а поварику отослал за иголкой с ниткой. Решил, что такую рану однозначно нужно шить.

Света не хватало. Скачущий в сквозняках огонек свечи только пугал воображаемыми подробностями ранения. Тряпье, с «барского» плеча пожертвованное хозяйственной женщиной, выглядело каким-то серым и оптимизма не внушало. Выбрал саму белую тряпицу и ее тоже замочил в спирт. Зря, что ли,пил эту бормотуху?! Спиртыга слегка разбавленный. Градусов под семьдесят – восемьдесят. Для моих целей – самое то. А для употребления внутрь у Дорофейки, поди, еще сыщется.

– Ложку в зубы зажми и терпи, – внутренне содрогаясь от ужаса, твердым голосом приказал я и отважно потер рану сочащейся водкой тряпкой. Под материей легко прощупывался колючий краешек пули.

Кухтерин что-то промычал, но слов я не разобрал. На всякий случай сказал:

– Терпи, казак! Атаманом будешь!

И взялся за пинцет. Черная корочка приподнялась, и стало понятно – за что хватать и куда тянуть.

– Крепче, Степаныч! – рывкнул я и, зажмурившись, изо всех сил дернул пулю наружу.

Граммов сорок, не меньше, звонко шмякнулось об пол, забрызгав кровью домотканые половики. Крови из раны полилось совсем мало, но и этого для меня было достаточно. Карету! Карету скорой помощи мне! Я б Герину душу прозакладывал за фельдшера со скорой.

– Матрена, едрешкин корень! Ты где?! – так заорал, что искры в глазах от напряжения полетели. – Быстро сюда!

Мышцы на богатырских руках Безсонова вздулись. Невысокий и жилистый, Кухтерин оказался тоже не слабаком. Глаза пациента едва помещались в орбитах, на губах выступила пена пополам с опилками от изгрызенной деревянной ложки.

Обильно смочил другую тряпицу в своей тарелке и тщательно промыл рану. Убрал уже образовавшиеся в глубине сгустки. Повариха едва в обморок не грохнулась от вида моей операционной, отвернулась, бросила толстую иглу, с вдетой уже нитью, на стол и убежала. Переправил последний инструмент в тарелку и принялся сводить края раны. Хотел представить себе, как шить стану.

– Последний бой, он трудный самый, – пропел себе под нос и решительно воткнул железку в кожу рядом с вяло сочащейся живицей дырой в боку.

Три стежка и узелок. Капля упала на запястье – удивился ее прозрачности, пока не понял, что это пот капает у меня со лба. Клянусь бессмертной Гериной душой, легче самому себе аппендикс вырезать, чем живому человеку, без анестезии, цыганской иглой с суровой ниткой рану зашить!

– Ну что, господин сотник, – отдуваясь, удовлетворенно заявил я. – Свистни сюда Дорофейку. Пусть еще полуштоф несет. Нам всем сейчас не помешает. Особенно Евграфу Николаевичу Кухтерину.

– Habe das von Ihnen nicht erwartet! – прокаркал Гинтар со своей постели и, прямо сидя, поклонился.

А за ним отпустивший уже тихонечко стонущего раненого поклонился и казак. Потом пришли Матрена с Дорофеем Палычем и водкой – благо сургучом запечатанной, потому что тоже поклонились. Мохнатый, блондинистый северный лис – истинный ариец!

– Хватит уже, – заскромничал я. – Приберись тут... И давайте по чарке выпьем. Самое время.

Толстушка проворно, а она все всегда делала проворно, преобразила заляпанный кровью стол в праздничное застолье. Смотритель собрал биологические отходы и испарился. Вознице всунули во все еще слегка дрожащие руки налитый по края стакан и заставили выпить. Уникальная микстура! И минуты не прошло, как, побледневшие было, кухтеринские щеки порозовели.

Плеснул себе на пару пальцев. Поднял, посмотрел на свет. Пить не хотелось. Знал, что надо, и жаль было без толку тратить драгоценное время. Теперь-то я точно знал, насколько жизнь коротка.

– Будь здоров, коневод Кухтерин, – выпил.

– Благодарствую, ваше превосходительство, господин губернатор, – по-военному коротко кивнул казак. – За заботу о мужике простом с Сибирского тракта!

– Это я-то простой?! – взвился уже успевший опьянеть Евграф. – Я, может быть, батюшку генерала с того света увез! Кабы не я с лохматыми скотинками, как есть вороги бы душегубство учинили!

Увез! С того света ты, мужичок, меня и увез. Только никто кроме нас с Герой этого доподлинно не знает. А мы не настроены делиться такой важной информацией...

– Давай-ка здесь поподробнее, – впился сотник взглядом в расхраб्रившегося извозчика. – Расскажи, и где ты ранен был, и как Германа Густавовича от смерти лихой увозил...
– Об этом, господа, где-нибудь в другом месте разговоры ведите. Устал я. Спать буду ложиться...

3. Московский тракт

Утром узнал, что, оказывается, основное здание станции стоит на подклети. А к дверям ведет лестница, устроенная из распиленных пополам бревен. Просто снега навалило столько, что из сугроба торчало только верхнее бревно. Что тут скажешь – хитро устроено. Бураны – явление зимой не редкое. Пооткапывайся-ка каждое утро! А дворников в малюсеньком штате почты нет. К конюшне и той ведет широкий пандус. Конечно, для тех же целей.

От высоты неба захватывало дух. Неуловимо голубое, без единого облачка, и алмазом сверкающее солнце-эгоист. Светит, но не греет. И хотя мороз пощипывал нос, в теплую духоту натопленного жаровнями дормеза лезть не хотелось. А верхом – не умею. Опасаюсь вывалиться из скользкого, натертого маслом седла, прямо под копыта казацких лошадок. Вот бы они удивились. Казаки – конечно, не кони. Животным эта забава даже понравилась бы. Не часто на их веку такое зрелище выпадает – кувыркающееся в сугроб превосходительство. Им я бы сразу признался – неуч. Непарнокопытных только в кино да из окна джипа и разглядывал. В далеком детстве, у бабушки в деревне на телеге с сеном катался. Но там, сами понимаете, из всей лошади только хвост в наличии да... филейная часть туловища.

А поди ж ты, объясни детям этого века, что человек может и не удержаться в седле. Понять – не поймут. Даже если и поверят – жалеть будут. Губернатор-то инвалидом увечным оказался...

Впрочем, я не переживал особо-то. Подумал – рано или поздно один черт придется осваивать это средство передвижения. Но лучше это делать летом и с использованием какой-нибудь смирнейшей, может даже напоенной чем-нибудь, малахольной кобылы. Ну, уж никак не громоздиться на полудикого степного, лохматого, по-волчьи скалящего зубы конька с бешеными глазами. Я близко к нему подходить опасался, не то чтоб посмечь на нем поехать...

Хорошо, что этого зверя к задку кареты привязали. Не завидую варнаку, что чемоданы попробует срезать. Эта скотина – конь, не грабитель – злыдня до костей за пару минут обглодает...

За «руль» экипажа сел хозяин коня – один из казаков. Евграфа завернули в ту самую доху и тоже усадили на облучок. Хитрованская морда уже чувствовал себя вполне здоровым, но, видно, ему приятна была забота. Вообще сотник настоятельно порекомендовал раненому изыскать возможность составить нашему отряду компанию до Каинска, где господина Кухтерина с нетерпением ожидает пристав по уголовным делам. Оказывается, полицейский чиновник прямо-таки жаждет запечатлеть в веках показания свидетеля бессмертной саги о победе героического губернатора в битве с ордой несметной. Мне о необходимости как-то оформить происшествие даже не заикнулся. Не по чину. А мужик не стал спорить с носорогом в казацьем мундире. Так, посокрушался минутку, да и пошел собираться. Его легко можно понять. Термаково – его родная деревенька от окружной столицы точно к северу, и другой дороги туда нет. Выходило, мы его бесплатно почти до дома подвозим...

Дорофейке Степаных зачем-то рассказал о моем плане отправить его учиться. Парень пришел весь в слезах. С чего я решил, что двадцатилетние лбы плакать уже не умеют? Рыдал, да так заразительно, зараза. Все на коленки бухнуться норовил. В конце концов, ему удалось меня здорово разозлить. То-то он глаза выпучил, когда я его легонько по печени тюкнул. Как там говорится... Если к сердцу путь закрытый, можно в печень постучаться... К его сердцу автобан, блин, ведет. Мне агроном-энтузиаст нужен, а не девка плаксивая. Приказал ему явиться

в конце весны предо мной, как лист перед травой. Он ускакал вприпрыжку делиться радостью с Матреной. Зря он. Повариха вряд ли обрадуется. Какого еще нового зрителя черти принесут, а этот вот он – вполне себе безобидный...

А вот с Гинтаром почтарь поругался. Орали друг на друга так, что аж лошади во дворе от страха приседали. Не учел Дорофейка немецко-прибалтийскую скрупулезность. Старик парнишке полный смотр всего полка с предъявлением подворотничков устроил по каждому пункту счета к оплате. Думал, сейчас зритель скучится и расплачется. Не фига. Рычал на седого совершенно по-взрослому. Тот даже револьвер у меня просил – пристрелить наглого начинающего вымогателя. Повеселили казачков, да и мне настроение подняли. Я со сна всегда... смурной. Говорил уже?

Наконец двинулись. Десяток казаков с пиками впереди, десяток сзади. В середине чемодан на лыжах со мной внутри. Эх, видели бы меня друзья! Прямо царский кортеж! Гера хихикает из чулана. Намекает, гад, что эдак по-царски мы до Томска два месяца пилякать будем, вместо двух недель. Ни на одной станции не найдется двадцати трех сменных лошадей. Да и не захотят казачки родную скотинку на казенную менять. Как выяснилось у Сибирского Казачьего Войска только оружие от государства да фураж. Остальное, включая транспорт, форменную одежду и пищу, – их забота. В походе еще ладно. Из бюджета на каждого разъездного кавалериста по три рубля дополнительно к жалованью выделяется. А как начальство в казармах засаживает – все, трындец. Конец всему и голодуха. А ведь еще нужно что-то семьям отправлять. Кормилец на службе, а детки малые, семеро по лавкам, и все, что характерно, жрать хотят. Думаете гастарбайтеры – изобретение XX века? А казаки – они кто? Служба вахтовым методом...

Лучших-то в лейб-гвардии Казачий полк забирают. Не заметил особой туда тяги у служивых – кому охота на четверть века от родных станиц уезжать. Да и не было у них шанса. Одним из самых обсуждаемых слухов в отряде была возможность отпуска их двенадцатого полка. Год назад в Омске казачий круг был. Это вроде съезда партии. Вернувшийся оттуда полковой старшина, майор Викентий Станиславович Суходольский, эту весть и привез. Мол, Одиннадцатому Тобольскому, да Двенадцатому Томскому городовым полкам наказной атаман места в новом обустройстве войска найти не может. В Петербург о том пока писано не было, но волноваться казачки уже начали.

Рассказал им о готовящемся походе на юг. Старший брат, Мориц, поделился планами – чай не великая тайна. Говорил, что и казаки пойдут туркмена воевать, а значит, и потери будут. Пока Бухару с Кокандом к ногтю не прижмут, никто их полки трогать не посмеет. Мало ли что. А вот потом... О «потом» тоже есть идеи, но о том буду с полковым старшиной разговоры разговаривать. Приободрил, как мог, охрану моего ненаглядного тела.

Кстати, действительно – ненаглядного. В Усть-Тарке не нашлось ни единого зеркала. Совсем маленькое, с пол-ладони было в бездонном саквояже Гинтара, но кроме одного глаза или подбородка в него ничего видно не было. Утруждать себя бритьем тоже не было необходимости – старик недрогнувшей рукой, острейшей бритвой за пару минут ликвидировал лишнюю растительность на моем лице.

Не богата на зеркала оказалась и станция в Камышево. В Вознесенском даже церковь была побольше, но отразиться и, наконец, оценить весь масштаб доставшегося мне тела не в чем было и там. В Голопупово, откуда-то со стороны казахских степей, занырнула телеграфная линия и пошла гордым олицетворением прогресса, от столба к столбу, километрами провода, прямо по главной улице большого села, у почтовой станции появилась пристройка для телеграфистов, но и у них не было зеркала. Связь, понимаешь, была. Хоть с Петербургом, хоть с Омском, хоть в Париж телеграммы шли.

После богатого Голопупова столбы так и сопровождали тракт. Молчаливые воины столбов, через каждые метров сорок – пятьдесят, словно охраняли наезженную сотнями полозьев

дорогу. Внушали уверенность. Зря, что ли, мы все чаще стали то обгонять, то встречать небольшие караваны торговцев?

Заночевали в Турумово. Безсонов пришел на ужин, но был каким-то немногословным, загадочным. Сжевал свою порцию и ушел в «черную», к своим. Да и черт с ним. У меня было чем заняться. Изучал добытые у варнаков бумаги – обычные подорожные, выписанные как бы курьерам по почтовому ведомству. Под чутким руководством прибалта разобрал и даже успешно собрал свой чудо-револьвер. Разобрался-таки куда деваются непокорные капсюли с запальных трубок. Не поверите – сваливаются! Патрон с запальной дыркой вставлялся в барабан не сзади, как у нормального революционного нагана, а спереди. А вот со стороны стрелка из барабана торчали узкие столбики-трубочки, на которые и надевались запальные цилиндрики. При такой вот системе-нипель единственный способ не потерять возможность стрелять – держать пистоль стволом вниз.

Новокузнецк на моей «генеральной карте» был еще просто Кузнецком. А Междуреченска не существовало вообще. Да ладно бы только его. Не нашлось Кемерово и Новосибирска! Я понимаю – Новосибирска нет. Он и появился-то только когда мост начали через Обь строить. Но Кемерово! Неужели уголь в тех местах еще не нашли?! Там пласт из земли утесом торчит, кем нужно быть, чтоб мимо пройти?

Отметил на карте. Заодно пометил Темиртау, Верх-Тару и пару речек с золотыми россыпями. Напряг мозги и подписал месторождения Искитим-цемента, Линево с белыми фарфоровыми глинами, Александровское с кварцевым стеклом и, раз пошла такая пьянка, Колпашевскую нефтяную скважину.

А потом нашел пустыню. Глянул на Алтай в районе будущего Чуйского тракта, а там ничего! Южнее Бийска пара невразумительных точек с пометками то ли деревень, то ли туземных стойбищ. Как же так?! А как я с Китаем торговать буду? Как же мне богатство заснувшей империи вперед англичан вывозить, если туда даже пути еще нет?! Непорядок! Провел тонкую черную линию. В самом низу, поближе к границе, вычертил аккуратный прямоугольник – крепость. А при ней – таможня. Ее рисовать не стал – так запомнил.

Задумался. Долго так сидел – свеча на пару сантимов сгорела, прежде чем решился и классическими черно-белыми прямоугольниками обозначил трассу Томской железной дороги. Вот так! План на пятилетку! Даешь!

В дороге пытался читать бумаги. Оказалось, у меня с собой целая куча инструкций и поручений. Читалось хорошо, понималось плохо. Большая часть текстов касалась размещения ссыльных поляков. Все время упоминались какие-то прошлогодние события в Польше и близлежащих губерниях. Следовало обратить внимание, поспособствовать и особенно учить... А я понять не мог – на кой панов в Сибирь-то? Тут народа мало, они сразу выделяться станут. Землячества образуются. У меня деревень не хватит, чтоб только по одной ссыльной семье в каждое расселить. А мне еще предписывалось ограничить проживание ссыльных в губернских, штатных и заштатных городах только лицами дворянского сословия. Ага! В деревню! В глушь! Быкам хвосты крутить! Много они там насеют, напашут...

В душе боялся и, тем не менее, надеялся, что не обнаружу в документах ни про инвестиции, ни про рост благосостояния граждан. Это так начальство новым региональным начальникам как бы намекает, что готово и к инвестициям, и к росту благосостояния. Своего, конечно, плевать им на граждан. Да и, что они сами – не граждане, что ли? «Всесторонне поддерживать деятельность администрации Алтайского горного округа» – так я это и так собирался делать. На Алтай у меня вообще планов громадье накопилось...

Третий день путешествия Сибирским, который оказывается все-таки Московский, трактом начался раньше предыдущего. Встали еще на рассвете и собрались быстрее. Смотритель не слишком радел за санитарное состояние вверенных ему помещений. Даже в «белой» с потолка падали клопы, а что творилось в мужицкой гостинице – вообще не вышептать. Радостно поч-

тового чиновника пропесочили. Сначала Степаныч, потом еще я добавил. Пообещал сжечь его халупу и рассадник насекомых вместе с ним, если еще раз об этой мерзости услышу.

Ехали медленнее. То ли лошади устали, то ли Безсонов решил, что опасный район остался позади, и перестал торопиться. Покусанные казаки чесались, ругались и ерзали в седлах. Евграф, которого почему-то зверьки не тронули, шутил и смеялся.

– Расскажи лучше, как ты жопой хлебное вино употребил, – огрызнулся кто-то молодым, звонким голосом. И как патефон завел. Кухтерин и так-то за словом в карман не лез, а тут у него просто словоизвержение случилось. Фантазией и воображением мужичка тоже Бог не обидел. Из его рассказа, например, выяснилось, что он сам уговорил нас с сотником сделать ему операцию и даже подбадривал нас в процессе.

– И вот сидю я, значицца, на табурете, а генерал-то наш ну мне на бок водичку холодненьку лить. Щекотна так. Струйками в штаны затекают и по жопе, значицца, растекааат. Я пищать зачал, мол, это зазря, вашство, вы шутить изволили над раненым-то! Да и Матрена, мол, гневацца станет, што полы позамочили. А губернатор-то наш, кааак рывкнет, как застрожится. Молчи, грит, дурень! Я те на язву огнебойную водку чистейшу господскую извожу. Матрена, грит, баба глупая – воды те, мужик деревенский, пожалела, а мне бегать к колодцу невместно...

Вот оно как, оказывается, было! Но вывод, под дружный гогот казаков, под всю историю Евграф подвел политически верный. Наверняка ведь знал, зараза, что мне отлично слышно все.

– Эттак вот, служивые, бывает. Хорошему человеку и барской водки для задницы мужицкой не жалко. Хотя я б ее родимую, водку сию, лучше бы через рот да вовнутрь...

Конвой веселился. Под кухтеринский сказ как-то ненавязчиво мимо промелькнуло Покровское и уже скоро на горизонте показалось Антошкино.

Несколько раз к дверце кареты подъезжал Безсонов, ехал какое-то время рядом. Может быть, ждал, что позову внутрь – я видел, как мужик мучается, не знает, с чего начать какой-то важный и трудный для него разговор. Не дождавшись, нахлестывал бедную, изнывающую под его тяжестью, лошадку и скакал вперед.

К вечеру, на станции в Булатово, он решился. Поручил кому-то из урядников размещение людей и заботу о конях, а сам, как приклеенный, всюду таскался за мной следом. Напряженно-сосредоточенное выражение его круглого, добродушного вообще-то лица так меня забавляло, что я изо всех сил тянул время. Все время старался быть на людях, посетил кухню и телеграфную станцию.

Кухня понравилась – повариха оказалась с еще большей талией, чем приснопамятная Матрена. А техника на грани фантастики повергла меня в депрессию. Предупреждать же нужно, что в сарае искрит, гремит и дребезжит телеграф, а не адская машинерия гения-изобретателя. Я чуть было, мир спасти не кинулся. Не понимаю, чем там можно было хвастаться, но молоденький связник рассказывал о своем агрегате с искренней гордостью.

Расстроился. В основном от того, что понятия не имею, как эта электрическая мутотень работает и чем я могу помочь. И даже вспомнить не смог – есть уже специалисты радиоэлектронщики, или еще даже радио не изобрели?! С одной стороны, как бы и не плохо, что нет телевизора и сотовых телефонов. Никто не сможет промыть мозги миллионам людей сразу, и никто не поднимет по дурацкому поводу с постели в три часа ночи. Но как совсем без телефонов-то жить? Хотя бы в пределах города?!

Так-то, принципиально, я подозревал, что ничего сложного в телефонном аппарате нет. Две мембраны, метров пять проводов и такая штука, где цифры по кругу. Раньше, в кино показывали, и без штуки обходились. Сидели барышни с милыми голосами и соединяли абонентов. Мне бы и это сошло.

Барышень найти не проблема. Провода – тоже. Вот их сколько на столбах висит. Значит, делать уже умеют. Мембраны, слышал, делают из сажи от сожженной резины. Вот где про-

блема, так проблема! Нет тут ни резины, ни даже пластмассы какой-нибудь зачуханской. Чего жечь будем, чтоб мембрану сляпать? Чую – ни фига не получится. Похоже, так всю жизнь, Гера, ты и проживешь без телефона. Суждено нам с тобой целый отряд пейджер-джанов завести и эсэмэски таким способом рассылать.

В гостевую пришел грустный и задумчивый. Наскоро умылся и сел за приветливо парящий яствами стол. Меланхолично отломал ногу запеченного гуся.

И разозлился. Вот суки! Предупреждал же! Еще голопуповских стукачей телеграфных предупреждал – о моем приезде вперед не сообщать! Сдали! Иначе откуда птица на столе? Нетути в постатейной росписи почтовых и ямских станций такого параграфа – гусь печеный с гречкой – одна штука. Гера подсказал, что и Гинтар с его маниакальной скаредностью не стал бы заказывать дорогое блюдо.

Лизоблюды, блин! Пусть попробуют деньги за угощение не взять! Прокляну!

Под ехидненькие смешки отстраненного теловодителя остыл так же быстро, как вспыхнул. Факт жополизания следовало ожидать и заранее придумать, как на него реагировать. А я прикладной лингвистикой полдороги занимался – слушал, как говорят люди в этом столетии, вылавливал новые слова... Филолог, блин...

Аппетит пропал. Налил себе чаю из пузатого, до рези в глазах начищенного самовара. Снова огорчился – на других станциях чайные церемонии обходились без дорогостоящих атрибутов. Уже и любимый напиток в горло не лез...

– Гм, хрр, – Безсонов прочистил горло и осторожно начал важный для него разговор. – Задача у меня, Герман Густавович.

– М? – не слишком оптимистично получилось. На столе нашлось блюдце с неровно нарубленными желтоватыми кусками сахара. Так-то я чай не сладкий привык пить, но тут аж рот слюной наполнился, так захотелось. Вгоняют в растраты, сволочи. За все рассчитаюсь...

– Давеча на дороге... Последнего-то душегуба вы живым, что ли, застали?

Хотел Гинтара обвинить в убийстве? А вот фиг. Мне старик самому дорог. Как память.

– Допустим.

– Чую я, вы и вопросы варнаку задавали?

Ух ты! Вот тогда мне стало действительно интересно.

– Конечно.

Сотник непроизвольно дернул подбородком, словно хотел оглянуться – не подслушивает ли кто.

– У его превосходительства, генерал-губернатора Александра Осиповича Дюгамеля, есть знакомец один. Сослуживец по кавалерийскому полку...

Сибирский богатырь сделал паузу и взглянул прямо в глаза. Знакомая фигня. Все указывало на то, что он наконец переступил свой Рубикон. Выбрал свою стаю. Далее должна была последовать информация, способная утвердить меня в том, что он мой.

– Сам-то генерал-лейтенант быстро вверх пошел, а приятель евойный так на интендантских майорах и остановился. Да только не позабыл генерал-майора... Как смог пристроил...

Жаль Господь не дал умение читать мысли. Терпения не хватало слушать эту «нет повесть печальнее на свете»...

– У майора жена из местных. Из Бердского острожка.

Я кивнул. О Бердске раньше слышал. Там спутники для Роскосмоса делают.

– Родитель ее, Игнат Порфирич Караваев мукомольную мануфактуру и поныне в острожке содержит. Там место верхнее, ветряное...

Вон оно что, Михалыч! Наступало самое время, чтоб продемонстрировать казаку – его посыл понят и принят:

– Капитолий Игнатьевич Караваев ей старшим или младшим братом-то приходится?

– Младшим, Герман Густавович. Она, говорят, вместо мамки ему была...

– Лихо она. Из мельниковых детей в майорши...

– В баронессы, ваше превосходительство.

Мне уже пора было догадаться. Сам же юморил, что в Томске не так много баронов. А барон да еще майор наверняка так и вовсе один. Тот, который полицмейстер.

– Вот и думаю я, что случись какая неприятность с шурином евойным, сильно осерчать может майор. Глядишь, за перо возьмется али на телеграф побежит...

– In diesem riesigen Land alle Bewohner sind eine große Sippe, – глухо прорычал Гинтар. Значения разведданных он, конечно, не понимал, но угрозу для меня чувствовал.

– Здесь пока не так много людей живет, – ответил я слуге. И поспешил возобновить разговор с Безсоновым:

– Опасный промысел шурин выбрал. По краю ходит. Всякое может случиться, может и сам случайно себя выдать да сбежать. А беглый он и есть беглый. Долг властей беглеца отловить и в допросную привести. Верно говорю?

– Как водится, – кивнул Степаныч. Куда я клоню, он еще не понял, но пока все сказанное легко укладывалось у него в голове.

А я веселился в душе. Такой подарок! Сказочный, царский подарок. Сотник-то думал меня предостеречь от неприятностей, а вышло попросту подарить мне полицмейстера Томска с потрохами. И с приятельским отношением полномочного представителя... тьфу, генерал-губернатора.

– Вот найдется добрый человек, что, из уважения к баронессе, предупредит братика ее. Скажет, мол, новый-то немчура до всего дознался. Душегубов на тракте повязал да железом каленым спрашивал. Те и сказали. Озлился начальник губернский – жуть как! А, Астафий Степанович? Может такое случиться?

– Да запросто, Герман Густавович, – поморщился гигант. – Ныне-то народец гнилой пошел. За серебряную монетку и не на то готовы.

– И кто именно нам в этом смог бы помочь?

М-даяяя. Каждому свое. Кому-то тайны мадридского двора – открытая книга, кому-то простейшая комбинация – темный лес. Зато Безсонов честный и верный. А еще – сильный и на лошади умеет ездить. И сабля у него есть...

– А коли беглый с вами, ваше превосходительство, посчитаться решит?

– Это уже ваша забота, казачки сибирские. Придется вам денно и ночью персону мою от варнака беглого оборонять!

Das ist einfach fantastisch! Одним скопом получить полицмейстера, его связи в Омске, да еще и личную гвардию в придачу! Вот это удача! И пусть только кто-то вякнет. Я такую речь задвину про неусыпную борьбу со злодейской преступностью... Кстати, может, и правда порядок навести на вверенном куске «необъятной родины моей»? Но для этого маленькой гвардии может не хватить – уж больно велик мой удел. Штуки четыре-пять Швейцарий легко уместится. Придется устроить сотнику еще одну проверочку...

– Так это мы ага! Уж не извольте сомневаться, ваше превосходительство! Денно и ночью! И мышь не проползет!

– Не сомневаюсь, – важно кивнул я. Увижу ползущего мимо грызуна – уволю всех к едрене фене! – Вы мне вот скажите: командир полковой ваш – он что за человек?

– Лисован-то? Эм... Майор Викентий Станиславович Суходольский? – глаза казака расширились. С первых слов стало понятно – командира ценит и уважает, но ему неприятно обсуждать полкового старшину за глаза.

– Я знаю, как его зовут. Ты мне о делах майорских Расскажи.

– Так это... Хороший он человек! Дюже славный и командир настоящий... Года уж два как он в Омск ездил. Полкам новые ружья с Рассеи привезли, да наказной атаман городовым

давать не хотел. Сказывал прилюдно, будто и не воинские мы, и нам каторжан гонять нагаек хватит. Пистолей вон и по сей день не выдали...

Да понял я, чего же тут не понятного. Маленькие многозарядные ручные пушечки оказались тайной страстью огромного кавалериста.

– А ружья?

– Ружья? Дык, дали ружья-то. Майор наш до Дюгамеля дошел, а полторы тыщи стволов привез. И пулек к ним восемь возов. Арсенала в Томске нету, так в цейхгаузе сложили заряды.

– Денисов позволил?

– Ну да, – Степаныч даже не удивился моей осведомленности. – Николай Васильевич за справу воинскую радетель. Чего же он противу-то будет?

– Мало ли. Может, он на ножах с Суходольским. Сам посуди. Целый полк кавалерии, а подчиняется губернскому управлению...

– Так на то, господин губернатор, монарша воля!

Трудно спорить. Что монарша, что Господня, для жителей Сибири примерно одинаково. И того и другого они только на картинках и видели. Практически – мифологические существа. Только царь все-таки ближе. Потому что история его, в отличие от Иисуса, еще не окончена. Каждый день новая страница пишется. И почти каждое проявление «воли» петербургских небожителей как-нибудь да отражается на их жизни. Ну, вот хотя бы посланцы приезжают. Спроси меня сейчас Степаныч – видел ли я государя-императора? Что я ему скажу? Подшефный саркастически замечает – «эти глаза видели». Ну, значит – видел. Главное правду говорить... А коли спросит – какой он? Эй, Гера?

Не спрашивай меня, сотник, о царе. Не хочу я правду говорить. И врать не хочу. Высок и статен твой государь. Горда его поза и величественна. Только он трус и глупец. И нечего на меня грозно пищать из какой-то нелегальной дырки на задворках мозга. Сам посуди. Крестьян освободил, а землю не дал. Что получилось? Фигня! Твоей ведь памятью знаю. Бунты и разборки с применением армии. И полстраны нищих землепашцев. И голодные дети. Верно? Да не «можно и так сказать», а верно! То же и с армией. Видел я новейшие казачьи ружья. Жуть. Уж в чем в чем, а в ружьях-то я разбираюсь. Потомственный охотник. Ты, Герочка, сам помнишь Высочайший Манифест о судейской реформе. Вот и скажи мне, как юрист экономисту: если я соберу доказательства, что барон покровительствует грабегам на тракте – его под суд реально отдать? Видишь, ты и сам сомневаешься. А я так точно уверен – фиг. Отправят в отставку и то – это в лучшем случае. А если в доме какого-нибудь крестьянина банду накроют? Каторга, однозначно! Вот тебе и вся реформа. И так во всем, Герасик. Все по половине.

И не нужно меня называть бунтовщиком и революционером. Я последствия одной революции уже видел, а в другой, тихонькой, и сам участвовал. Вечером люди спать ложились – одно государство на дворе было. Утром проснулись – уже другое. И, думаешь, кто-то протестовал? Не-фи-га. Всем надоело. Люди порядка хотят и спокойствия. В мое время это «уверенность в завтрашнем дне» называлось. Так вот, как царей на Руси не стало, так и это спокойствие тоже куда-то делось. Все стало общим. То есть – ничьим. Группа товарищей в Кремль сели и ну давай декреты по стране рассылать. А страна читает и приговаривает: ты глянь, какие молодцы, как много слов мудреных знают! Как-то так и пошло. Столица сама по себе – страна тоже отдельно. А раз хозяйство у каждого свое, то и тащит каждый в свою сторону. Правила у народа, народ у правителей. Даже присказка такая появилась – сколько у государства ни воров, своего все равно не вернешь... Блядское время. И последней нотой этого балета – демократия. Нет. Сначала – гласность, когда стало можно воров называть ворами. А только потом, как гласность отменили, появилась демократия. Называть стало можно кого угодно как угодно, кроме самого главного демократа. Вроде как – все воруют, а он, там наверху, такой белый и пушистый. Причем реально – воруют все. Рабочие с заводов, директора у рабочих, чиновники у директоров и рабочих. И ведь все знают. Обсуждают и осуждают. Подсчитывают,

кто, сколько у кого украл в этом году и каков прогноз на год следующий. Программы по борьбе сочиняют. Деньги выделяют. Смешно, право слово.

И главное спросить не с кого! Все временные. Верховный – временный. Министры – назначенные. Чиновники – на зарплате. Народные избранники – это вообще диагноз. Так что не переживай, Герман. Не собираюсь я заговоры против законной власти устраивать, а даже совсем наоборот. Зубами глотки врагам самодержавия рвать готов. Потому что у всего должен быть хозяин. Пусть не ахти какой, но он не продаст все китайцам, до чего сможет дотянуться. Не разбазарит и не профукает, ибо знает – ему еще детям нужно что-то оставить. Каждый царь что-то да прибавил. Где-то да откусил. В чем-то да преуспел. Все в дом. Все детям. А как не образовалось наследника – тут смутное время и начинается. Не для кого хранить и преумножать. Некому о наследстве отцовом позаботиться.

И надежду людям может Империя дать, что есть справедливость на земле, а не только бабло. Пусть даже не справедливость, без которой как-то живут, а только надежду – без нее и жить-то не хочется. Вот так-то.

А сейчас заткнись и не нервируй меня. Мне еще хитрому извозчику нужно объяснить, что и как он должен будет сказать местному зрителю, чтоб тот со всех ног побежал будить телеграфистов и эсэмэску Караваеву слал. Да такие слова подобрал, чтоб я эту тварь в Каинске уже не застал.

И взятки я решил брать. Дело привычное. За гуся вон платить не стану, если не спросят. Мне еще чугунок строить и экономику края поднимать. Месторождения разрабатывать и заводы основывать. Народ новый на пустующих землях размещать. На свои я этого точно не осилю.

Эх, так и не спросил сотника, почему он командира Лисованом назвал. Знатное прозвище. Такое заслужить – это еще постараться нужно. И много чего о человеке говорит. Не прост, ох не прост атаман Суходольский. Но, похоже, с бароном они характерами не сошлись. Не верю я, что Степаныч за пару дней ко мне такой любовью воспылал. Скорее, инструкции четкие получил – коли новый губернский начальник человек приличный, добиться благосклонного его отношения к казакам. Вот бесхитростный Безсонов и решил меня предупредить. Улыбается, поди, сейчас во сне. Нахваливает себя. Экак у него все лихо да хитро вышло. И барону по носу щелкнул, и к казакам губернатора лицом повернул. А придется немчика охранять, так это и вовсе славно. Поближе к телу – послаще кухня.

Так и меня эта ситуация устраивает. Держаться меня будут казачки. Жилы за меня рвать. Потому что как с новым господином выйдет – только Богу известно, а я вот он. Самые крепкие отношения всегда основаны на взаимном интересе. Это не я придумал. Психолог сказал, к которому мы с бывшей перед разводом приходили. Он про супружеские отношения говорил, но это к чему угодно подходит.

Поговорил с Кухтериним. Честно сказал – чего хочу и к чему это приведет. Прислушался к настоятельным рекомендациям совести и объяснил – чем это может грозить ему лично. Слава богу, ранен ямщик был в бок, а не в голову – минутой спустя оценил свое участие в операции по дезинформированию вероятного противника в рубль. Дал трешку одной купюрой. Хитрован заявил, что сдачи нет, рассыпался в благодарностях и отправился на задание. А я лег и задул свечу.

Подумал – это сколько же нужно обождать ульев, чтоб всю губернию свечами снабдить?! Вспомнил про керосин. Попытался вспомнить, как его делают. Все сходилось к примитивнейшему самогонному аппарату. Осталось найти нефть в промысловых количествах и не слишком глубоко. Те месторождения, что я знал и до которых мог дотянуться, находятся на глубине больше двух километров. Приказал себе запомнить – поинтересоваться у инженеров, на какую глубину сейчас бурят.

Долго лежал просто так, прислушиваясь к далекому лаю собак и стрекотанию телеграфного механизма. Понял, что засну и забуду о нефтяных дырках. Пришлось встать, зажигать свечу, искать – куда записать. Потом – чем записать. Потом – куда положить, чтоб не забыть. Сна не было ни в одном глазу, так что сел к столу и из подручных материалов сварганил небольшой блокнотик. Такой, чтоб в карман удобно было складывать. К нему присовокупил карандаш с надписью на немецком – «карандаш». Похихикал: это боши специально для России подписали или сами тупят? Если для нас, то почему не по-русски? Еще раз хмыкнул, когда вспомнил, что вроде как и сам теперь не совсем представитель титульной нации.

Лег. В голову продолжала лезть всякая чушня. Телеграф уже просто бесил. Принялся придумывать способы борьбы с революционной агитацией. Плавню съехал на методы борьбы с самими революционерами. Особенно с профессиональными. Теми, что за свою деятельность от организации жалованье получали. Профессор прямо соловьем заливался, описывая их героическую борьбу и лишения. Как они бедные по Лондонам до Цюрихам лишения терпели! Причем, как деньги от спонсоров или от экспроприаций кончались, так они домой норовили приехать. Вроде как – для встречи с рабочими и крестьянами. Обычно эти встречи заканчивались свиданиями на тайных квартирах с депутатами от корпуса жандармов. Идейные страдалцы за свободу униженных и угнетенных радостно сливали тайной полиции друг друга, единодушно записывались в осведомители, получали очередной транш по бюджету охранки и возвращались к заграничным лишениям. Потому во время Февральской революции Жандармское управление и его архивы сожгли в первую очередь. Не то чтобы вожди восставшего народа боялись всплывшего компромата – мало ли чего наймиты мирового империализма навдумывают – просто с соратниками неудобно бы вышло.

Потом шутки кончились – началась мировая война. А во время войны идеологическая борьба почему-то воспринималась самодержавием более нетерпимо. Жандармам настучали по разным местам и запретили подкармливать эмиграцию. Представьте, сидите на Лазурном берегу, и тут хоп – ваши карточки аннулированы банком. Кредит закрыт. Извольте оплатить счета, милостивый государь! Мялись-мялись революционеры, да и решили – проще изменить доктрину борьбы, чем научить организм питаться два раза в месяц. И тут же продали новую идею германскому генеральному штабу. За большие деньги, между прочим!

Все-таки талантливые махинаторы подобрались в этой ВКПб. В двадцать первом веке идеи вообще перестали что-либо стоить. А они чиркнули пару строк – и куда там незабвенному Осе Бендеру – пара миллионов марок в кармане. Ленин писал: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью революционной агитации поражения этой страны».

Выходит недостаточно перерезать каналы финансирования этих бестий. Нужно сделать так, чтоб быть революционером стало не выгодно. Умные же люди, должны понимать намеки. Вот и намекнуть, а не поймут, так и мордой тыкнуть – иди работай, горлопан пархатый! Или к Лерхе в каменоломни поедешь, пятилетний план за два месяца выполнять... Я даже и официальным душегубом побыть согласен, если это хоть в половину сократит количество агитаторов.

Кстати! Труд каторжников обходится дешевле всего...

Наверное, я тоже, как и Безсонов, улыбался во сне. Снилось мне, как Ленин с Троцким подрались из-за пайки. А верный соратник Дзержинский схватил кайло, да по морде. По козлячьей, очкастой морде...

Впервые, сколько себя помню, проснулся с отличным настроением. Гинтар уже, наверное, с час шаркал по горнице, а я и не слышал. Все уже умылись, попили чаю и собрались. А я все сны разглядывал. Ну и ладно. Имею право. В конце концов, это они со мной едут, а не я с ними.

Дежуривший у дверей Евграф поделился новостями:

– Вот все не слава богу, вашество, у ентих телекрафитов! Всю-то ноченьку бегали тудысь-сюдысь, тудысь-сюдысь! То станционное начальство в ихню избенку, то механик к етному. Топ-топ-топ! Топ-топ-топ! Ну, не давали ироды глаз сомкнуть. Уж не война ли? Вы б, батюшка генерал, поспрошали. Не дай Господь, случилось что?

– Угумс, – мурлыкнул я. Нужно было напустить на себя грозный вид и идти к телеграфистам – отдавать приказ о задержании гражданина Караваева К. И. А я улыбался, как плюшевый мишка, и ничего с собой поделывать не мог.

Было чувство, словно сегодня меня ожидает очень важный и сложный экзамен. Только я его совершенно не боялся, ибо был готов как никогда. Все выучил, все запомнил, даже шпоры написал на всякий случай. И даже больше того, был уверен – экзаменаторы знают меньше моего.

Злобный Гера напомнил, что не позже как к полудню будем в Каинске. Городишка-то так себе, и до пяти тысяч жителей не дотягивает. Но по меркам пустынной Сибири – крупный окружной центр. Культурная, административная и торговая столица куска земли с Голландию размером. И вот там придется встречаться с людьми. Да не затюканными почтмейстерами, а с губернскими чиновниками и купцами – знатными передовиками капиталистического труда.

Он волновался куда больше меня, мой бедненький Герман Густавович. Это для него все впервые. Это он понятия не имеет, как общаться с шишками на ровном месте и углублениями на неровном. А мне давно уже наплевать. Я с Президентом разговаривал тет-а-тет. И кресло сумел сохранить, и лишнего не наобещать. А-то были случаи...

Поймал нужный настрой. Одернул расшитый мундир, накинул шубу на расправленные плечи и шагнул в телеграфную халупу.

– Э-э-э... Как тебя там...

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

– Да-да... Любезный! Как там этого... Городничего каинского?

Вскочивший с места при моем вторжении механик, как согнулся в раболепном поклоне, так и замерз. Лица видно не было, а очень хотелось.

– Что вы там бубните, милейший! Извольте смотреть на меня, когда говорите!

– Павел Петрович Седачев, титулярный советник, – глазки масляные, хитрые. Ленинский прищур. Выражение лоснящегося рыла – «я что-то знаю, но тебе не скажу»! Отлично! Предводителя засранцев полиция на месте уже не застанет.

– Титулярному советнику Седачеву телеграмма. Спешно. Принять меры к задержанию губернского секретаря Караваева Капитолия Игнатьевича. Препроводить задержанного в каземат пересыльной крепости до выяснения. Подпись. Действительный статский советник, исправляющий должность начальника Томской губернии, Герман Густавович Лерхе... Готово? Где расписаться?

Японский городской! Гера, выручай! Как ты расписываешься-то? Нефиг ржать. Это из тебя, придурок, демона примутся изгонять... Не знаешь, колдунов на кострах еще жгут?

Непослушная, онемевшая от внутренней борьбы двух душ-сущностей, рука вывела замысловатый вензель на светло-коричневой странице учета отправляемых сообщений. Все! Причудливый электрический механизм запустил сложную систему отношений, родственных чувств, жажды наживы и страха. Сотни нитей чужих судеб, натянутых на раму коварного замысла, из которых еще предстоит соткать пуленепробиваемую ткань моего статуса.

4. Каинск

Низкий мост, едва-едва над замороженной, занесенной снегом рекой. Третье свидание с Омью. Здесь она уже не та полноводная красавица, как в столице Западной Сибири. И следа не осталось от степной меланхоличности в Усть-Тарке. Здесь, в Каинске – это просто преграда.

Жидкая дорога, по которой с севера в городок приходят плотгоны. Место для водопоя тучных стад скота с растоптанными, взбитыми в сметанообразную грязь берегами.

Церковь на пупырышке единственного на сотни верст вокруг холма. С ее колокольни наверняка просматривается половина равнодушной Барабинской пустоши. Громоздящиеся, напозающие друг на друга дома, толкающиеся плечами в битве за лучшее место поближе к храму. Кривая улица. Конечно же – Московская. Думаете, только у коммунистов было тяжело с фантазией? В каждом Мухосранске обязательно есть улица Ленина и Советская. А тут Московских без счету...

Амбары. Амбары. Гигантские амбары с грузовыми эстакадами. Амбары поменьше. Побольше. Целый город амбаров. Жилые дома и присутственные места, зажатые амбарным воинством.

И снег. Открыть им страшную тайну? Рассказать о существовании волшебников, способных победить снег? О дворниках!

Сугробы, подобно детским снежным крепостям, перегораживающие улицы. Дорога подчиняется – вверх-вниз, с одной снежной горы на другую. Виляет между куч, огибает перемыты. Люди даже не пытаются воевать с природой. Весь этот мир, вся эта страна за границей Уральского забора – одна сплошная природа. И за триста лет, за десять поколений отважных первопроходцев ничего не изменилось. Грязь, сугробы и степь. И четыре с хвостиком тысяч человек на сотни квадратных верст. Каинский округ Томской губернии. Двадцать третье февраля 1864 года.

К полудню не успели – выехали намного позже, чем планировали. По моей прихоти, конечно же. Который раз убеждаюсь – все что бы ни делалось – к лучшему. Нас с нетерпением ждали. Стоило пересечь по скрипучему мосту Омь, как сбоку пристроилось несколько битком набитых людьми саней. Казаки сдвинули ряды. Конскими крупами отгесняли любопытствующих горожан. Сотник подгонял колонну. Притомившиеся лошадки скалили и рычали. Щелкал кнутом возница.

Лихо подлетели к одноэтажной длинной избе с вычурной надписью «Гостинный двор». Кавалеристы оттерли зевак от кареты. К дверце подбежал Артемка – молодой казак, назначенный Безсоновым мне в порученцы. Я сам попросил. Мог бы и приказать – все одно отказа не услышал бы. Но не стал.

Артемка еще раз выслушал инструкции и, придерживая левой рукой шашку, со всех ног ринулся к парадной. Минуты через три, неторопливо и даже как-то вальяжно, из дормеза появился и я. Как раз рассчитал, чтоб услышать, как вопящий от служебного рвения казачок требует в лучшие «апартаменты» самое большое зеркало, что есть в городе. А как вы думали?! Я же изнываю от любопытства. Можно даже сказать – сто лет себя во весь рост не видел!

– Борткевич, Фортунат Дементьевич, – отдав воинское приветствие, четко доложил Степану. – Коллежский асессор, окружной начальник. К вашему превосходительству с приветствием и товарищами.

Кивнул. Это вроде как билет на экзамене вытянул. Сейчас начнется.

– Счастливы приветствовать вас, ваше превосходительство, на томской земле! – шкиперская бородка – а весь Питер усы и бакенбарды а-ля Александр II носит. Бунтарь? Глаза цепкие, настороженные. Губы средней полноты, верхняя и нижняя одинаковы. Явной покорности и подобоострастия не демонстрирует, но и не дерзит. Неужто стоящий человек? – Примите, не побрезгуйте от щедрот земли нашей, сибирской!

На рушнике у соседа окружного начальника хлеб-соль и рюмка водки. Хоть бы один гад догадался жбан пива принести. Сколько можно печень этой бормотухой мучить?! Под рюмкой бумажный сверток. Пошутить? Сказать – взятки только серебром беру?

– Was ist das? Warum?

– Selon une vieille coutume russe, – уже по-французски встречает в разговор хлебоносец. – От всего сердца-с.

Взял рюмку, выдохнул, выпил. Заел предусмотрительно отломанным и посоленным куском сдобы. Кивнул Гинтару на деньги в бумажке. Тот тяжело втиснулся между нами, сграбастал весь комплект целиком. Конечно – чего хлебу пропадать.

– Здравствуйте, господа. Фортунат Дементьевич? Очень хорошо. Пригласите господина Седачева и... прочих ответственных лиц... Через час – ко мне.

Говорил твердо, но без напыщенности. Как старший офицер младшим. Смотрел внимательно, стараясь запомнить лица, но в глаза не заглядывал. И улыбался совсем чуть-чуть. Почти протокольно. Приехал работать, а не политесы разводить. Должны понять.

Прибежал Артемка. Доложил, что номер готов. Заказ мой исполнят. Нужного размера зеркало нашлось в доме одного из купцов.

– Отлично, – повернулся к делегации местных чиновников. – Встречу с купечеством перенесем на завтра. Приготовьте подобающее помещение.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Все исполним в лучшем виде.

– Конечно, – совершенно серьезно, даже без легкого подobia улыбки, согласился я, глядя на Борткевича. – Как же может быть иначе? До встречи через час, господа.

Тороплюсь я очень. Нужно выбрать место для драгоценнейшего подарка судьбы, для воплощенной мечты, для света моей души. Для зеркала, конечно. Я намерен был хорошенечко себя рассмотреть. Целиком и полностью, до последнего прыщика на заднице. И место для этого действия – это очень важно. Не стану же я раздеваться прилюдно.

Просторный, хорошо отопленный номер. Мебель на европейский манер, но явно произведена руками туземных мастеров. Тяжелые бархатные шторы от пола до потолка прикрывали маленькие, по-сибирски, окна. Репродукции каких-то картин – ни одной знакомой. Три комнаты. Гостиная, спальня, совмещенная с кабинетом, и еще одна, предназначение которой сразу не понял. Да и не старался, для зеркала вполне подошла спальня.

Забрал у Гинтара бумаги из саквояжа и выпроводил его готовить цивильное платье на вечер. Не весь же день в мундире бродить. Запер дверь.

Шуба осталась в гостиной на кушетке. Так что в ледяной глубине огромного, чуть меньше меня ростом, зеркала увидел среднего роста господина в темно-зеленом с шитьем представительном мундире, с гладко выбритым лицом, не лишенным приятности. Ничего особенного. Средней ширины плечи, едва-едва образующийся животик – но это временно, я за здоровый образ жизни. Пропорциональное тело. Обычное лицо. Бакенбарды ниже ушей – нужно постепенно от них избавляться. У других-то раздражают глаза, а у себя так просто бесят.

Высокий лоб с глупыми, отступающими к затылку темно-русыми волосами. Прямой нос. Средние, раскинутые в стороны брови. Четко очерченные глаза. И не вдавленные внутрь черепа, как это часто бывает у скандинавов и у жителей южного берега Белого моря, и не по-еврейски выпуклые. Немного полноватые, на мой взгляд, губы, но это всегда проходит со временем.

Сбросил на постель мундир и рубашку. Повернулся боком. Округлая задница. Слышал – это первый признак хорошего кавалериста и любовника. Ляжки толстоватые, но и это пройдет, если буду много двигаться. На руках вместо мышц какие-то сосиски. Грудь почти нет. Кожа чистая. На плече след от прививки оспы. Больше никаких шрамов или изъязвлений. Ни тебе синего портика с десятком куполов, ни кинжала с розой на плече. Слава тебе, Господи, что сохранил это тело в первозданном виде для меня!

Снял штаны. В сумрачных не отапливаемых «скворешниках» с дырой в полу много не рассмотришь, так что вглядывался вдумчиво и тщательно. Антибиотики – изобретение двадцатого века, а неприличные болезни еще испанцы в колумбовскую Америку экспортировали. В обмен на индейское золото. Неприятно было бы обнаружить у себя какую-нибудь заразу.

На счастье, все обошлось. И «аппарат», и его состояние вполне меня устроили. Нужно будет озадачиться его применением. Не то чтоб уже прямо очень надо – но интересно же. Как говорится: не развлечения ради, а науки для.

Жить стало лучше, жить стало веселее. Новому телу требовалась небольшая коррекция – как-то непривычно было не иметь возможности хорошенько приложить по роже наглецу какому-нибудь. То-то мне револьвер таким тяжелым показался! Но, тем не менее, все не так плохо, как опасался.

Оделся. Почти сразу выяснил, что зря – Гинтар принес свежую, шелковую с кружевами рубаху и кусок бирюзовой тряпки для повязывания на шею. И в той жизни терпеть не мог галстуки, но постоянно их носить приходилось. Dress code, мать его... И тут – то же самое. Хорошо хоть самому эту удавку наматывать не приходилось. У слуги это получалось не в пример быстрее и лучше.

Мундир со стоячим воротником, оказывается, здорово мне шел. Интересно, как этот вид одежды называется? Сюртук? Камзол? Кафтан какой-нибудь? А-то и еще чего-нибудь поинтереснее. Обеднел язык после большевистского вмешательства. Куча слов смысл сменила, а некоторые термины и вовсе исчезли. Я уже опасаюсь одежду как-либо называть, чтоб не оконфузиться. Назвал однажды войлочную шапку колпаком, а это грешневик оказался. Думал у Евграфа на голове шапка-ушанка, ан нет! Треух! Потому и называю свою парадную одежду мундиром. Во избежание, так сказать.

Жаль орденов Гера не успел нахватать. Прямо просятся на грудь для полноты картины. Ну да – лиха беда начало. Наберу еще, если могущественных врагов не наживу.

Картина маслом – на большом обеденном столе в гостиной прибалт раскладывал пасьянс из купюр Государственного банка Российской Империи. Высокий, седой, остроносый – ну вылитый Кощей, чахнувший над золотом. Взятка оказалась весьма приличной. Полторы тысячи рублей ассигнациями – это чуть меньше пятисот рублей серебром. Однако! Для микроскопического города сумма весьма... Да. Весьма.

Под угрюмым взглядом Гинтара выбрал из общего набора двадцать бумажек по три рубля. Подумал и вытянул еще и четвертную. Остальное велел прибрать подальше. И побыстрее. А то сейчас люди придут, а у меня тут касса...

Крикнул Артемку. Попросил пригласить ко мне Астафия Степановича. Казачок убежал. Ждать было скучно. Окна заросли толстым слоем изморози, картины оказались подлинниками. Получше, конечно, «Черного квадрата» или «Девочки на шару», но и до «Утра в сосновом лесу» не дотягивали. Подпись автора разглядеть не смог, хоть и хотел. Чтоб случайно не пригласить этого богомаза писать свой портрет.

Картины быстро кончились. Ходил кругами, наталкиваясь на высокие спинки как бы венских стульев. Хотелось действия. Экшена. Хотелось что-то делать, куда-то бежать, строить, договариваться, менять. Приходилось ждать. Время засечь, конечно же, не догадался, а жаль. Наверняка туземное начальство уже опаздывает. Был бы повод лишний раз их, барсуков, построить.

Каждый раз удивляюсь – насколько же сотника много. Вот вроде только что гостиная была довольно большим помещением, а стоило этому человеку-горе перешагнуть порог и все – кладовка!

– Ваше превосходительство, явился по вашему приказанию.

Улыбнулся, протянул руку для пожатия. Легкий дискомфорт от перчаток, но здесь так принято. Начальник с голыми руками – нонсенс.

– Я вас пригласил, господин сотник, вот по какому поводу, – протягиваю ему тоненькую пачку денег. Видно, что это только трешки, но здесь и червонец – повод для убийства, а в моей руке много больше. Брови казака взлетают. Тороплюсь объяснить:

– Мы проделали вместе большой путь. В Каинске я намерен задержаться... ну, скажем, на неделю. Раздайте, Астафий Степанович, это своим людям. Будем считать это премией... и авансом. Распределите людей так, чтоб десяток был всегда где-то возле меня. Остальным – отдыхать. Ходить по городу...

Мою идею он не понял, а я не стал объяснять. Однако жест его, видно, впечатлил. Ха! То ли еще будет. Казакам еще понравится быть МОИМИ людьми. Сейчас же мне нужно было, чтоб простые парни пошли в город. Там их наверняка уже поджидают приказчики тех купцов, встречу с которыми я назначил на завтра. Будут вопросы. Кавалеристы станут хвастаться. Перескажут на свой лад историю с лечением Кухтерина. И про то, как я поднимал его с колен – тоже скоро станет достоянием гласности. Потом приказчики перескажут эту болтовню хозяевам и те задумаются.

Был соблазн устроить брифинг не завтра, а послезавтра. Слухи бы множились, сами собой обросли бы подробностями. За сутки форы информация утесилась бы в головах туземцев. Так-то оно так, да только оттягивать встречу – это демонстрировать купцам свое неуважение. Я же хотел добиться прямо противоположного эффекта. Я хотел, чтоб они мне верили!

– Да, вот еще что! – остановил я собравшегося было уходить сотника. – У меня будет к вам личная просьба. Простите великодушно, но больше ее поручить некому. Лишь вы кажетесь мне достаточно опытным в этом деле человеком...

Не часто же устаивался похвалы этот могучий воин. Иначе не краснел бы передо мной от удовольствия. Не мямлил бы что-то вроде: «да мы завсегда», «не извольте беспокоиться», «в лучшем виде, коли в моих силах».

– Вот двадцать пять рублей. Берите же... В городке наверняка есть оружейная лавка... Осмотрите, что может быть там предложено. Хотелось бы получить оружие не хуже моего. Ведь вы хорошо рассмотрели револьвер? Не обязательно именно английское... Тут уж полностью полагаюсь на ваш опыт! Если этого хватит на два – берите оба. И о припасе не забудьте... Конечно-конечно, можете идти...

Деньги может и не взять – это сразу понял. А вот от хорошего оружия – точно не откажется. А одарить будущего командира личной охраны необходимо!

Безсонов торопливо, по-медвежьи семена, убежал радовать бойцов премией-авансом. У двери остался блеснуть глазами в предвкушении увольнительной вихрастый Артемка.

– Вашство, там енти... Тутешние господа. Звать што ль?

– Зови, Артемка. Зови. А сам бегом на кухню. Считать умеешь? Перечтешь гостей... Да меня не забудь. Скажешь на кухне, чтоб обед на всех готовили.

– Дык я побег?

– погоди, «побег» с пашкой... Дык... Потом найдешь сотника и расскажешь ему, что я велел научить тебя, как доклады командиру делать и как к господам обращаться. Теперь – иди.

Я сел во главе стола. Положил перед собой несколько чистых листов бумаги и карандаш с надписью «карандаш». Счет пошел на секунды.

Удивительно, сколько мыслей может промелькнуть в голове за какие-то секунды. Входили люди. Кланялись, желали доброго дня. Кивал в ответ, ждал, пока соберутся все. И успел еще раз прокрутить в голове стратегию поведения.

– Здравствуйте, господа. Рассаживайтесь, – даже и не подумал встать. Пусть теперь мы все в одной лодке, но все равно – между нами гигантская пропасть с названием «Табель о рангах».

«Присаживайтесь» – сказал бы человек, желающий угодить. Или – хороший знакомец. «Рассаживайтесь» – должен говорить радушный хозяин. Тварь, право имеющая, заставила бы людей слушать стоя. Я – хозяин. Я теперь тут всему хозяин, но у меня не сотни глаз и не тысяча рук. Мне нужны их глаза и руки, поэтому я предложил чиновникам разделить со мной стол и даже намерен был отобедать с ними вместе.

– Фортунат Дементьевич, представьте мне господ.

Карандаш повис над белым листом. Попробуй-ка, запомни с первого раза эти замысловатые имена. Вот где фантазия разыгралась не на шутку!

Окружной начальник встал. Рефлекс. Трудно заставить себя сидя говорить с начальством. Это в Америке столетиями изживали. Ноги на стол складывать нашим-то староверам и в страшном сне не приснится! Ну да америкосы – песня вообще отдельная. Как сказал британский консул на губернаторском балу у нас в Томске: «Не обращайтесь внимания на янки, господин губернатор. Что поделаешь. Некоторым нашим колониям свобода не пошла впрок!»

Борткевич встал. Может быть, это и не культура, а всего лишь танцы чинопочитания. Но образованный человек ДОЛЖЕН вставать, когда говорит с начальством.

– Позвольте представить вам, ваше превосходительство, окружного казначея, коллежского секретаря, Хныкина Ивана Алексеевича.

Кто бы сомневался. Именно он держал рушник с караваем и говорил по-французски. Странно для чиновника десятого класса, но ничего удивительного для казначея. Хранящееся у меня в бумагах предписание Министерства внутренних дел в Томское казначейство о начислении мне жалованья было написано на чистейшем парижском языке.

Хныкин вскочил и не садился, пока я не взмахнул рукой.

– Каинский городничий, Седачев Павел Петрович. Титулярный советник.

Умным полицейский не выглядит. Особенно честным – тоже. Видимо – всех устраивающая кандидатура. Никому не мешает жить. Глаза преданные, собачьи. Побить палкой и дать косточку?

– Надворный советник, Чаговец Михаил Григорьевич. Исправник Каинского земского суда.

Суров. И по чину выше окружного начальника. Бородища лопатой. Купцы у него наверняка по струнке ходят. Сказал – полторы, значит – полторы. А казначей выдал. Все честь по чести.

– Нестеровский Петр Данилович. Окружной каинский судья, коллежский советник.

Встал, но тотчас рухнул обратно. Изображает старческую немощь, а по чину самый старший из всех этих ухарей. Невместно изображать перед хлыщом столичным невесть что. Он-то уедет, а судья останется. И продолжит править в Каинске. Где прямо, где тайно, а где и вот так – всем положением тела. И сразу не сдвинешь ведь. Наверняка за долгую жизнь и связями успел обзавестись. Ладно, разберемся. Будет мешать – уберу. Дайте только на ноги крепко встать...

Кивнул Борткевичу, чтоб тот сел. Улыбнулся понимающе. Ему одному улыбнулся, считай – подмигнул. Отложил карандаш. Убрал улыбку – большинство ее еще не заслужили.

– Отлично... Сейчас я выслушаю отчеты тех из вас, господа, кто сегодня уже получил мои распоряжения. После перейдем к новым поручениям... Итак... Господин городничий? Я вас слушаю.

– Кхе-кхе... Ваше превосходительство, вы видно о Караваеве?

– Разве вы получали другие какие-то мои приказы?

– Э... Кхе... нет, ваше превосходительство.

– Не стоит убеждать меня в своей некомпетентности. Докладывайте.

– Кхе... Господин губернатор, ваше превосходительство! Бежал, изверг! Из пистоля в урядника пальнул и на коня. А мои-то люди пешими были...

Поморщился от его косноязычности.

– Стрелял в полицейского служащего? Я правильно вас понял?

– Так точно, ваше превосходительство! Стрелял, душегуб. Как есть, кто-то упредил варнака...

– Надеюсь, вы догадались завести дело? Кто им занимается? Завтра – ко мне с докладом! И еще... доложите о мероприятиях по поиску злоумышленника и его сообщниках. Особенно о

тех, кто посмел его предупредить. Особенное внимание телеграфу! Вам все ясно? И уж будьте любезны проявить старание. Не стоит меня разочаровывать...

Каблуки Седачева так громко щелкнули, что это отлично было слышно из-под стола.

Он что-то еще бубнил о «всех силах» и «денно и ночью», мне это уже было не интересно. Дело пошло, дело будет заведено. Одним выстрелом почтовый инспектор убил не только свое будущее, но и сестры с бароном. Более меткого снайпера трудно себе представить. А что, если бы он того незадачливого урядника вообще убил бы? Нервы все. Все болезни от нервов...

– Фортунат Дементьевич, как продвигается организация встречи с купеческим человеком Каинска?

– Приглашения виднейшим торговым людям разосланы, ваше превосходительство. Готовим зал в окружном управлении, – в уголках глаз смешинки. Борткевич еще не стал моим человеком, но его симпатии уже явно на моей стороне. – О времени купцам сообщим дополнительно, господин губернатор. Без вашего соизволения решили не назначать...

– Герман Густавович, – поправил я каинского начальника. – Вполне можете без величаний. Нам с вами долго еще трудиться на благо округа... и губернии в целом.

Транспарант писать не стану. А намекнуть – почему бы и нет. Мне верные и умные люди понадобятся. И в округах, и в Томске. Начальник никак не менее чем лет на десять меня старше, но карьера ведь не закончена. Может статься, и в губернском правлении послужить придется.

– Хорошо, господин окружной начальник. Прошу садиться. С купцами, как я и указывал прежде, встречусь после обеда... К полудню попрошу ко мне. С отчетами... Вам, Фортунат Дементьевич, в отчете особо указать места в округе, пригодные для заселения. Исключительно будет, если получится с указанием десятинок. Север и юг округа. Озера богаты ли рыбой и пригодна ли она для консервирования? Бывали ли предложения о том от состоятельных людей, и если бывали, то от кого. Какие предложения о производстве бывали. С именами. И запомните, господа! Те, кто не только там купили – здесь продали, а и производить продаваемое сами станут – сразу под мое покровительство попадут.

Обратил внимание на тщательно скрываемое удивление окружных чиновников. Хмыкнул про себя – то ли еще будет. Я всю вашу богадельню растребушу!

– Это к завтрашнему дню. Потом список мне сделаете по всем чинам окружного управления. С указанием жалованья и надбавок. А также с указанием имущественного положения каждого. Кто дом или усадьбу имеет, кто в найм жилье берет и сколько платит. Будем изыскивать финансовую возможность поддержать государевых людей. Особенно тех, кто исправно служит...

Борткевич пожалел, что не взял с собой письменных принадлежностей. Поди-ка, упомни все, что новый губернатор напридумывал. То-то на мои листы так завистливо смотрит. Да, на. Мне не жалко.

– Передайте, – добавил в голос немного немецкого акцента. Шаркающий за спинами моих гостей Гинтар тяжело вздохнул.

– К вам, господа судьи, у меня поручений нет. Служите честно, во имя императора, Империи и правосудия! Именно в таком порядке, господа! А кто достоин вашей заботы, тех я вам укажу...

И ведь не улыбнутся даже. Сидят как два сыча. Привыкли тут рулить? А вот фигушки. К вечеру уже все узнают, кому именно на этих судей жалобы писать!

– Иван Алексеевич.

Хныкин снова подпрыгнул солдатиком. Далеко пойдет. К его энергии – ум и верность добавить, и я его еще дворянином потомственным сделаю. И на гербе девиз начертать велю: «Всегда!»

– Et vous, il y a aussi le travaille pour vous! К полудню, милостивый государь, потрудитесь приготовить мне справку о состоянии тех торговых людей, кого на встречу пригласили. Чем промышляют, во сколько капитал оценен. Основная собственность. Уж кому, как не вам сие ведомо должно быть!

– S'accomplira, – как все же красиво звучит этот язык. Вот не знал бы смысла, и не понял бы. То ли обматерил, то ли в любви признался.

– Ах да. Чуть не запамятовал... Одному из моих людей требуются услуги врача. Господин городничий, это ведь по вашему ведомству? Извольте пригласить доктора ко мне. Мои казаки помогут вам сделать это быстрее, чем вы привыкли...

Только так! Именно – мои казаки. Два десятка, да десяток еще где-то по окрестностям бродит. По местным меркам – серьезная сила. И моя. И право имею.

Казачок от дверей усиленно сигнализировал о готовности обеда. Пора побитым собакам косточку давать.

– И последнее. Не берусь судить о качестве кухни в сей гостинице, ибо не пробовал еще. Но не откажите в любезности отобедать со мною вместе, – и сразу, без малейшей паузы, куда мог бы втиснуться вежливый отказ: – Артемка, пусть заносят!

Вошли женщины. Белые глухие блузы, обширные юбки до пола. Чепчики столь забавные и неуместные среди тяжелых, обвивающих голову кос, что не удержался – улыбнулся. Пока разглядывал официанток, на столе появились приборы. Второй волной – хлебница и с десятков замысловатых вазочек с грибами, квашеной капустой, горчицей, мочеными яблоками и еще чем-то, мне неизвестным.

Постепенно на столе места все меньше и меньше. Из парящей супницы умопомрачительный запах, но и графинчик с коричневой маслянистой жидкостью весьма и весьма привлекателен. И пельмени! Господи, как же я скучал по пельменям! Здравствуй, здравствуй, мои ненаглядные!

Встал не наговорившийся Борткевич. Ну, кто его просил? Пельмени вон скучают в одиночестве, а он... Оратор, блин. Завел старую песню о том, как они тут все счастливы и как теперь мы все ого-го! И народ не забудем! Милостию Господней и по воле Его Императорского... Знакомые песни, но звучат как-то... честнее. Они все еще боятся Бога? Гадство! Чуть не прослушал тост. Все встают. Ясно – за царя!

Кто-то уже успел наполнить маленький стеклянный стаканчик ледяной водкой. Жаль. Хотелось коньяку. Ну, за царя! Выдохнул, влил, потянулся за пытавшимся спрятаться под веткой укропа рыжиком. По горлу потекла волна тепла, гриб хрустнул на зубах. Все, как я люблю. Господи, а жизнь-то налаживается!

А-а-а-а! Что же делать?! Тряпочная салфетка!!! Гера, выручай.

Пока всовывал за воротник потрескивающую от крахмала салфетку, невидимый джинн уже успел и супу в тарелку плеснуть и рюмка опять полна. Все смотрят. Видно, моя очередь говорить тост. Да легко!

– Поднимем чаши, господа, за Российскую Империю и малую часть ее – обширную и богатую Сибирь!

Выпил первым. Закусил капустой. Бесподобно. Но что-то они гонят. Решили спить и выведать все секреты? Ха, не на того нарвались. Нас же двое. Гера, слышишь? Ты, братишка, не пей. Я вожжи брошу, ты подхватывай...

Борщ. В центре айсберг сметаны. Она уже топится, расплзается по красной поверхности жирными щупальцами. Эта не та сметана, что у нас в тетрапаках продавали. Это настоящая. Натурпродукт! Почти что масло – желтая, густящая, приятно обволакивающая язык. Холодненькая. Суп сразу остыл, хотя за тарелку все еще взяться нельзя. М-м-м... вкуснотища!

Тост за Его Императорское высочество наследника престола. Под пельмени. Хорошая примета. Нужно пить. И скорее, скорее, скорее к ним, к моим обожаемому и нежно любимым.

Тугое тесто. Все такие ладненькие, шершавые, подсушенные на морозе. Их бы еще в майонез макнуть, но и так тоже не плохо. Даже просто замечательно! Свинина и... Не может быть! Неужели лосятина? Может, и зубрятина. Слышал, до революции, в Алтайских горах еще водились какие-то крупные рогатые...

Все. Не могу больше. Пузо раздулось, как барабан. Пора заканчивать этот праздник живота. А то еще рюмки три-четыре – и я их всех полюблю. Все эти наглые, зажавшиеся на хлебном месте морды.

– Благодарю за честь, – встаю. Все сдергивают с шей салфетки и тоже подсакивают. – Господа, до встречи завтра к полудню.

Чиновники подходят прикоснуться к руке. Крепко пожать никто не рискует. Я все еще столичное чудо, хрупкое и непонятное своей чуждостью. А может, и не принято у них...

Хочется сигарету. Никогда не курил. В юности спорт, потом политика. Здоровье нации и все такое. Иногда. Пара затяжек под рюмочку... Боюсь спрашивать. Вдруг сюда табак везут из Питера? И стоит он, как Боинг 747. Гера, не смейся. Ты меня тоже, бывает, забавляешь своими высказываниями. Ну ее, эту куряшку. Пойду, прилягу...

На стене календарь. Прямо рядом с зеркалом. Как раньше не заметил? Двадцать третье февраля 1864 года. Воскресенье. Мясопустное заговенье. Понятия не имею, что это значит, да и знать не обязан. Я, слава Всевышнему, – лютеранин. Из всех заговений только морковкино и знаю. Хорошо хоть не пост какой-нибудь. Хорош я был бы, если бы православным чиновникам на стол мяса положил. И злился бы потом, сидел – чего не жрут гады. Брезгуют угощением?!

Нужен секретарь. Желательно срочно. Такой проницательный парнишка, чтоб знал много, а болтал чуть-чуть. В Томске-то я уже знал, к кому с этой темой подойти, но туда еще добраться нужно. Как бы не спалиться по дороге...

Двадцать третье февраля. День Советской армии. Вот и отпраздновал. Хотя вроде до Советов календарь был сдвинут куда-то... Старый Новый год вон аж куда уехал. Но ведь и праздную я пока один. Больше никто и не подозревает о том, что скоро может появиться лишний повод. Мужской день. День защитника Отечества. Весь год, блин, ты губки подкрашиваешь и юбку носишь, гомосятина позорная. А 23 февраля – фокус покус – и ты защитник.

Может, и не будет здесь этого. Может, и не появятся Советы, не уедут за кордон двадцать миллионов русских. И не увезут с собой большую часть культуры. Салфетки вот эти за воротник, галоши поверх сапог, чтоб ковры в парадных не пачкать, дворников с бляхами на пузе и отвратительной чистотой во дворах... Я бы легко пожертвовал этим Днем защитника с восьмым марта в придачу... Если бы все так просто было.

Гинтар легким движением руки сдернул мундир с плеч. Вот ведь может ходить совершенно бесшумно, когда хочет. Пришел, как привидение, забрал сюртук, или как его там, исчез. Это искусство тоже в восемнадцатом году за границу уйдет. Нет, прислужники и угодники останутся. А вот служаки – уйдут. Вместе с господами своими, угнетателями. И идею с собой унесут, что каждый на своем месте хорош. Что кому-то с пеленок в училища и институты суждено, чтоб потом в комиссиях заседать и мосты строить. А кому-то в услужение – великое знание постигать, как быть невидимым и полезным. И не может кухарка править Великой страной. Тем более, если не хозяйка этой державе. Там у нее подгорит, тут сбежит... Потом придет Хозяин и пожурит – лет на десять без права переписки. Ибо нефиг. Кесарю кесарево...

Цари, они тоже затейники те еще, но каждого десятого в тундре железные дороги строить не отправляли. Просто потому, что эти «десятые» – их собственность. Подданные. А кто же станет свое имущество в вечную мерзлоту закапывать?! Общее, колхозное, а значит, ничье – легко. Мне в бумагах предписывалось приготовить пересыльные пункты аж для – держитесь за стул – двух-трех тысяч ссыльных поляков. Гигантская толпа! Там наверняка каждый второй бунтовал, а в ссылку – две тысячи. Поди, еще расстреляли аж целых двоих... Кровавое самодержавие, блин. И ведь бояться. И царских тюрем бояться, и ссылки в дикую Сибирь. От ай-

яй-яй из Высочайших уст, поди, в обморок падают... Не с чем им еще сравнивать. Красные придут – такой порядок заведут, что царь невинным ангелом покажется...

А может, и не придут. Иначе зачем я здесь?

Во всем теле приятная истома, а сон не идет. Мысли лезут, строятся поротно, сбиваются в батальоны. Батальоны просят огня... Что бы такого сказать купчинам, чтоб не пошли, побегали заводы строить. Мне пресловутое благосостояние повышать нужно. Причем именно что народное. Со своим личным и так все в порядке. Мне нужно дать им интерес к чугушке. Чтоб им было куда и что везти. Был смысл ехать и покупать. И, главное, чтоб было на что. Я хочу, чтоб урожаи у крестьян на корню скупали. Чтоб за каждой коровой ходили и вымя рулеткой мерили в ожидании молока. Чтоб кожи уже при рождении на скоте посчитаны были. Хочу, чтоб земледельцы могли сеялки и комбайны себе позволить и детей в гимназию отправляли. Чтоб не ситец, а шелк на платки бабам дарили.

Хочу, чтоб промышленники делать не успевали, а торговцы в очереди у конвейера стояли в ожидании товара. И чтобы даже ерзали от нетерпения, потому что покупатели тоже ждут и ерзают...

И все это только для того, чтоб, когда пришел к этим людям большевистский, или еще какой – не важно, агитатор, так ему сразу в морду. Без споров и объяснений. По-тупому. В морду и ногой под зад. И чтоб мыкался этот горемычный и не знал – где же найти каких обиженных, чтоб хоть выслушали...

Кстати, Гера! Ты пиво любишь? Вот и я думаю – что это за немец, что пиво с рульками не уважает. Жаль не в Приморье тебя, Герыч, рулить отправили. Там бы креветками объедались. Очень я их обожаю... Ничего, братишка! Будет и на нашей улице праздник. Полетят чумазные паровозы от самого Тихого океана и привезут нам с тобой шикарных королевских креветок к пиву... Вот ради чего стоит жить, парень! Ради «в морду» и восточных креветок. А ордена, имения и благоволения – пыль все это и суета.

Позвал седого слугу. Испытал легкий укор совести – похоже, старик дремал. Попросил по-немецки, чтоб подластиться:

– Ich möchte hiesige Bier probieren!

– Wo gibt es in diesem barbarischen Land ein gutes Bier? – проворчал прибалт, но за пивом все-таки пошел. Или Артемку отправил, что скорее всего.

Вернулся сияющий, как самовар, Безсонов, со свертком под мышкой. Хмурил брови, будто бы был чем-то всерьез озабочен, а у самого глаза блестят, как у мальчишки, заполучившего, наконец-таки свою красную пожарную машину.

– Ваше превосходительство, дозволейте доложить?

– Докладывайте, сотник.

– Урядник и два казака, отпущенные в город на отдых, в питейном погребе стакнулись с местным рваньем. По прибытии исправника были препровождены обратно в гостиницу. Все трое наказаны.

– Дрались за правду?

– Так точно, Герман Густавович, – ощерился Степаныч.

– Кто победил?

– К приходу исправника наши были еще на ногах, а... те, другие – нет.

– Отлично. Астафий Степанович, передайте казакам мою благодарность и пожелание – всегда крепко стоять за правду.

– Будет исполнено, ваше превосходительство.

– Конечно-конечно... Я пива заказал. Составьте мне компанию.

Гигант боднул воздух головой и принялся неловко, не выпуская сверток из рук, снимать полушубок. На Гинтара, подошедшего принять, будто тент от КамАЗа свалился...

– Присаживайтесь, – показал пример.

– Ваше превосходительство... Герман Густавович. Вот, – сотник положил на стол свою аккуратно запакованную в ткань добычу. Потом примерился к стулу, чуть шатнул и выбрал другой, показавшийся богатырю более крепким.

– Развернете?

Бумажная бечева в его пальцах не прожила и секунды. Я бы нитку с большим усилием рвал. Под тканью показалась украшенная травлеными узорами деревянная шкатулка. Судя по размеру, вряд ли туда поместилось бы два пистолета. Значит – один, но очень хороший.

– Во-от, – подвинул он шкатулку ко мне. – В лавке у Хотимских нашел. Видно, кто-то в залог оставил...

Под крышкой богато украшенной шкатулки пряталось чудо. Потрясающий серо-стальной, травленный листовыми узорами, револьвер. Сверху, рядом с прицельной планкой было выбито «J A COSTER IN HANAU». Оружие выглядело произведением искусства...

– Стреляли, Астафий Степанович?

– Что вы, ваше превосходительство. Как же без вас...

Вложил пистоль в предназначенную для него выемку. Подвинул шкатулку казаку:

– Постреляйте. Мне важно знать ваше мнение.

– Конечно, Герман Густавович, – было видно, как ему трудно расставаться с чудесной игрушкой. Отсрочка и та показалась ему подарком судьбы.

Вошла без стука суровая бабища с пивом и чашкой обжаренных с солью лесных орехов. А если бы я тут голым бегал? На чай не дал – буду воспитывать.

Степаныч умело разлил обильно пенящийся золотистый напиток по большим стаканам, больше походившим на маленькие вазы для цветов.

– За славный пистоль! – выдавил из себя казак. Выпили. Пожевал орехов. Гадость. Неужели кому-то может этот горько-соленый вкус нравиться? А вот пиво славное. Нечто подобное я, наверное, только в Гамбурге, в той жизни, и пробовал. Самое главное – не ощущалось отвратительного смолянистого привкуса, присущего кузбасскому пиву, и слащавости алтайских сортов. Мечта консерватора – классическое пиво.

– Давно хотел спросить, Астафий Степаныч. Как у нас чиновничья братия поживает?

– Воруют, ваше превосходительство, – не задумываясь, только и успев утереть пену с усов, брякнул сотник.

– Гм... Вы так говорите, будто можете это доказать.

Пиво в вазе Безсонова уже кончилось. Движением бровей разрешил наполнить заново. Ну и мне подлить.

– Дык, как, ваше превосходительство. Коли кто за руку поймать бы смог, так, поди, эти бы уже не крали. С этим-то у нас ох как строго! Коли словили, знать, уже каторгой если и отделяются...

– И как же воруют?

Пиво в том виновато было или общее благодушное настроение, только сидел я за столом, слушал речь словно сошедшего с картины богатыря и млеял от восторга. Чуден свет и хватает в нем лжи, коварства и зла. А еще есть на белом свете такие вот бородачи, в сердцах которых все еще жива правда.

Оно так и в моем времени было. Будет... И мое время по уши наполнено грязью. Да только знаю одно: хороших людей все равно больше, чем плохих. Стоит свернуть с шоссе, заехать в неказистую деревеньку или небольшой городок – туда, где нечего делить. Где о «нефтяных» распилах только по телевизору и видели, где главный злыдень – хозяин вино-водочного магазина. И сразу замечаешь – насколько они другие. Спокойнее, увереннее, чище... Говорят чуточку по-другому, заботы их другие, беды кажущиеся наивными. И еще – они всегда готовы помочь. Потому что – а как же? Как перешагнуть упавшую от голодного обморока бабульку? Как не подать нищему, не помочь соседу... Они и соседей по именам знают!

Слушал сотника, наслаждался разговором и знал – этот из таких. Из тех, кто знает имена соседей и здоровается с незнакомыми людьми. И большинство здесь, в этом мире, в моей Сибири – такие.

Пиво казаку понравилось. Уж он его и на просвет проверил, и понюхал, и на пену подул. Похоже, скользкая тема разговора его нисколько не смущала.

– Дык ить всячески воруют, Герман Густавович. – Не знаю объем рта у этого человека-бегемота, но хлебнуть им медка я бы не отказался. Этап дегустации у Степаныча был успешно пройден, и кружка в полуштоф пустела в один глоток. – В губернии-то чай ученые люди собрались. То так придумают, то этак...

Позвал Артемку. Приказал тащить жбан побольше. Сотник на глазах совмещал несовместимое – время и пространство. Литры отличного напитка исчезали мгновенно. Но лишь та теория становится законом, что подтверждается многочисленными опытами. А у меня в кувшине уже дно просматривалось.

– Хотелось бы примеры.

Допил первую кружку и нагло вылил себе остатки. Казачок уже с добавкой бежит – вон по ступеням каблуками подкованными грохочет.

– Дык эта... господин губернатор. Оно мож и мне бы хотелось. Этих-то... примеров. Толька не ловили еще, штоб всем способ открылся.

Понятно. Считается, что чиновник должен воровать. Может быть, кто-то и крадет. Но чаще всего этого и не требуется – сами мзду несут. Как же вора не подмазать – он ведь и бумагу в руки не возьмет, побрезгует...

– И что же, так уж и богато в губернском правлении людишки живут?

– Да где же богато, – сморщился сотник. Это Артемка все пробку с бочонка вытянуть не мог, а у командира фаза сохнет... – Мож Фризель да столоначальники евойные и не бедствуют, а мелкие-то чинуши знамо рублям до полукопейки счет ведут.

– Фризель – это у нас кто?

– Павел Иванович? Дык он, Герман Густавович, у вас председателем служит. Он и при Александре Дмитриче служил, а при Валериане Александровиче советничал...

– Я так понимаю, эти господа – мои предшественники на посту начальника губернии? И как бы вы их охарактеризовали?

– Герман Густавович, – укоряющее глянул Безсонов. – Я-то кто, штоб господам генералам характеры сказывать? Мое дело казачье: бери шашку, скачи – воюй. А они кто?! Они начальство и енерал-майоры. Его превосходительство Озерский, который Александр Дмитриевич – он нашим Томским инвалидным батальеном командовал в чине дивизионном. Во как! А мы при ем тока в распутицу в томских казармах сиживали. Все боле по тракту ссыльных водили.

– Разве казачье это дело?

– Я так мыслю, ваше превосходительство, што воинское это дело. Коли приказ даден, его сполнять надобно.

– А вообще, каково жилось-то при Озерском?

– Дык так же, как и при его превосходительстве, Бекмане. Они ученые господа, по горному ведомству-то поболее были, чем по правлению томскому. Александр Дмитриевич так и в губернии не часто показывался. Все больше в Барнауле да по заводам алтайским. Слышал, уголь при ем начали из земли ковырять, серебро на горюч-камне плавить. Прежде горные господа деньгу с углежогов на пенсию себе собирали, а Озерский сильно обидел их... Без конвойных и не ходил никуда. Как в Санкт-Петербург ево забрали, поди, сызнова дрова на угли пережигают...

– Ну, это начальника Горного округа головная боль.

– А и то верно, Герман Густавович. От многия знания – многия печали.

– Да ладно тебе прибедняться-то, Астафий Степанович. Чего же ты, с закрытыми глазами да ушами, что ли, ходишь? И не молчат ведь люди. Один одно брякнет, другой другое.

– То жандармов государевых дело, за людьми разговоры слушать. Мое дело казацкое...

– Знаю-знаю-знаю. Шашку в зубы и на коня! Дурачка-то из себя не стройте. Я ведь тоже не третьего отделения чин. Сами понимать должны. Вот приеду я в Томск, и что? За что хвататься? Куда бежать? Кто есть кто? По незнанию и сволочь какую-нибудь к себе приблизить могу. Знать мне надо! Оттого и спрашиваю. И на вас наседаю, ибо больше не у кого узнать. Борткевича вызвать да вопросы ему задать? Он от испуга «Боже царя храни» выть начнет...

– Кхе, кхе... И то правда, ваше превосходительство. Начнет. Он ить, поди, тоже мзду с купчин сымает. Жалованье коллежскому асессору хоть и поболее чем в сто рублей положено, а все равно, по сибирским расходам – маловато для такого чина. Подворья чай своего не имеет, на съёмном жилье не разбогатеешь. Детки, опять же...

– И сколько же тут платят за квартиру?

– Кхе, откедова, ваше превосходительство, тут квартирам-то взяться? Чай не Томск или Барнаул. Поди, дом в наем берет. Хныкина поспрошали бы. Этот проныра казначейский точно все знает.

– А и в Томске чиновничий люд на жилье поборами собирает?

– Кому дают, те не иначе как. А секретарям да мальчишкам побегушным-то кто даст? Некоторые и по пятеро в комнатах спят. Соломки с возов надергают, да и примастыряются.

– Вы, Астафий Степанович, мне ужасы рассказываете... Выходит, младшие чиновники и вовсе в нищете пребывают?

– Дык и выходит, ваше превосходительство. Их благородия, коллежские регистраторы, как положенные сорок рублей получают, перво-наперво бегут долги раздавать. Домовладельцам да в лавки к евреям. С остального леденчик дитю да моток ниток жене. А там, глядишь, проситель какой подношение сделает. Так и до следующего раза дотянут...

– Охренеть...

– Что, простите? Вы что-то сказали, ваше превосходительство?

– Это по-немецки, сотник... Ну вы меня расстроили. Как с голодными помощниками большие дела делать? Они же половину разворуют просто чтоб штаны от голода с животов не падали...

– Как есть разворуют, – полуведерный жбан, словно игрушка в руках ребенка, совершил замысловатое движение. В вазах вспухала роскошная мелкопузырчатая пена. – С голодных глаз-то лихо всяческие махинации выдумываются...

Препечальнейшая картина. Полагаться на людей, озабоченных только добыванием денег на прокорм семьи, совершенно нельзя. И самое отвратительное – в голову ничего не приходит, чтоб как-то исправить положение. Зарплаты министерством назначены. Не из своего же кармана подкармливать три сотни подчиненных... А если не из своего, тогда из чьего?

И пиво уже не лезло в горло. В животе булькало, а приятное легкое опьянение, словно холодным душем, смыло печальное известие. Пришлось выпроваживать ничуть не обидевшего Безсонова, чтоб подумать в одиночестве. И он ушел, как Винни-Пух, с револьверной коробкой под одним локтем и жбаном пива под другим.

5. Купцы Иерусалимские

В мое будущее время в России могло нормально работать все что угодно, только почему-то не почта. До курьезов ведь доходило, но так ничего годами и не менялось. А тут, за полторы сотни лет до, рано поутру мне принесли пару писем и несколько газет. «Томские губернские ведомости», «Русский инвалид» и еще какая-то, с мухой в заголовке – «Северная пчела».

Вообще больше чай уважаю. Тем более тутошний – крепчайший, ароматный, терпкий. То ли травки какие-то в него добавляют, то ли это совсем другое растение. Может статься, заваривают этот божественный напиток из того, что действительно чай, а не ошметки с обгрызенных для англичан кустов. Вот вроде и способов никаких особенных не применяют – тупо суют в заварник пол-ладошки спрессованной в кирпичик субстанции и получают шедевр.

Но вместе с почтой предложили кофе. Столь же ароматный, адски черный и сладкий. И повелся. Захотелось. Первый кофе за миллиард лет – кто бы отказался? Да еще с блинами. Артемка сказал – масленичная неделя началась. Нужно есть блины! Я что против? Я блины вообще забыл когда ел... Но и тут убили – поинтересовались: какие именно я блины предпочитаю. Чугунные, блин! Они что, какие-то другие бывают? Квадратные, епрст, давайте! Оказалось – это я в своем двадцать первом веке немцем был, а не здесь. Сдобные, масляные, белые, ржанные, гречишные – мало? С грибами, с икрой, с медом, с ягодами, с вареньем, со взбитым масляным и сметанным кремом... С печенью, муксунячьей струганиной... Зайчатиной, свиной, лосятиной, говядиной и кониной... Макашь в сметану? Фу, какой дурной вкус. Неприятно! В высших домах Лондона и Парижа давно изволят макать в патоку...

Встретил бы большевика – голыми бы руками удавил! Это же надо – этакую кулинарную культуру разрушить. И что взамен? Профсоюзное «масло» и картонные котлеты в столовках? Про рыбный день имени Минтая напомнить? Как начнется пост – напомним. Они ж тут и в пост голодом сидеть не станут...

Просмотрел газеты. В «N» заинтересовало объявление некоего мещанина Акулова об открытии в своем доме «Справочного места». Всякий желающий сдать жилье в наем или ищущий найма мастер мог прийти и оставить весть о себе. Другие же приглашались смотреть списки предложений по классам... Интересно, он сам понял, что изобрел «Доску объявлений»? Нужно будет предложить ему совместно издавать газету частных объявлений. Успех гарантирован...

Томское благородное собрание переехало из Загородной рощи в дом Горохова на Почтампской улице. По сему случаю был дан бал... Избави Господи!

В конце января скончался старец Федор Кузьмич. Похоронен на кладбище Алексеевского монастыря при большом скоплении народа. Ух ты! Кто ж из коренных томичей не знает легенду о старце. Вот он когда, оказывается, жил. И умер. Жаль, очень жаль не довелось встретиться. Интереснейший, должно быть, был человек. Тебе, Герочка, расскажу как смогу, чтоб знал – не на край света едем. Вон какие люди у нас, в Томске, не брезговали проживать!

С чего бы начать... В общем жил-был царь Александр I. Тот самый, что с Наполеоном сначала дружил, потом воевал. При этом царе казачий генерал Платов два года комендантом Парижа служил... Но это так, к слову.

В общем, однажды случилось этому царю умереть. Да неудачно так – далеко от дома и летом. В Питер гроб привезли и не открывая похоронили. Все семейство в панике – как так! Обычно по смерти императора его в обязательном порядке бальзамируют. А тут, говорят – не успели. Не сходится что-то...

Ну да ладно. Прошло время. Стали люди в Сибири старца на дорогах встречать. Странного. Все-то ему в новинку было, ничего делать не умел. Зато по-французски болтал лучше Наполеона и всех в Питере поименно знал. Дворцы царские изнутри описывал. О балах и приемах рассказывал. Не всем конечно. Некоторым. И пополз по Сибири слух, что этот старец, по богомольям бродящий, и есть Александр Первый. Будто бы не умер он, а править устал. Бросил все и грехи свои замаливать ушел. А в гроб другого человека положили...

Рано или поздно, а только пришел старец в Томск. Купец какой-то сердобольный ему избенку выстроил и денюшку подкидывал. И люди шли. Поговорить, посоветоваться, бумагу помочь составить. Подношения несли. Федор Кузьмич подношения брал, сколько ему нужно было оставлял, остальное нищим раздавал или монахам. Святую, короче, жизнь вел.

А однажды к старцу вроде как из Санкт-Петербурга молодой офицер с дамой приехал. Долго они о чем-то беседовали, а вышел гость весьма задумчивым и просветленным. Никто не знает, что это был за офицер, только у жандармов у местных незадолго до этого прямо приступ служебного рвения случился. Ссылных куда попало из города повыпихивали, а по притонам и кабакам масса глазастых мальчиков шныряла. И расквартированные в Томске воинские силы под ружьем двое суток находились – ни увольнительных, ни послаблений. Болтали всякое. Может, и будущий царь-император Александр II приезжал...

Такая вот легенда. Теперь, выходит, помер святой человек. Нужно будет не забыть на сорок дней ему за упокой свечу в храме поставить... А все равно, Герочка, в какой церкви. Бог – он один. И не важно – какое имя мы, люди, ему выдумали. Свечку можно и просто у себя дома по хорошему человеку зажечь, коли с Богом в душе живешь. Господь, он там, где ты, а не под золочеными куполами... Ха! Какой из меня староввер. Скорее уж нововвер я. Только ты, парень, мне верь. Я это все на своей... гм... душе... испытал. Экспериментатор, блин.

Заняться, что ли, действительно изданием газеты? Что «Инвалид», что «Пчела» оказались совершенно убого скомпонованы. Я, со своим знанием о разделах и рубриках, обывателям просто мозг взорву. А к хорошему-то быстро привыкают. Законодателем моды могу стать... Остается ответить на один, но немаловажный вопрос: оно мне надо? Где в нескончаемой череде предприятий, участие в которых я себе наметил, место медиахолдингу? Что-нибудь экономическое, вроде «Коммерческого вестника» – еще ладно. А вот «политической и литературной», как «Пчела», – даром не надо...

«12 февраля 1864 года был открыт московский зоопарк. Ученые-биологи Императорского общества акклиматизации растений и животных в Москве организовали первый в России Зоологический сад на окраине Москвы. В вольерах зоосада было 286 представителей местной фауны, домашних животных сельского хозяйства». Историческая дата, блин. Известия о войне Австро-Прусского альянса против микроскопической Дании даже как-то жалко смотрелись на фоне зоопарка. Постоянно упоминался некий лорд Пальмерстоун, который зачем-то настаивал на собрании «Конференции» по судьбе отбираемых у несчастной Дании земель. Неужели кому-то интересно мнение лорда? Кого бы спросить? У кого бы узнать – что вообще в международной политике происходит?

Пара строк о гражданской войне в Америке. Фамилии и места сражений ничего мне не говорили. А вот блокада английским флотом морских портов – это интересно. Только непонятно – британцы за кого?

Статейка в полколонки о военно-морской доктрине Российской Империи. Упоминался генерал-адмирал. Хорошо Гера в курсе – это великий князь Константин Николаевич. Брат царствующего Александра. Жаль нифига не понимаю в кораблях. Но само решение обзавестись броненосным флотом радует. Броня и пушки – это сталь. А значит, ее производители будут на особом счету.

Объявлялся конкурс на соискание почетной премии Ее Императорского высочества великой княжны Елены Павловны (Еленинская премия) в области сельского хозяйства. Сверился с обратными адресами отложенных пока писем. Одно от отца, второе из канцелярии этой самой Елены Павловны. И снова без консультации Герочки ничего бы не понял. Оказывается, княжна попечительствует Императорскому вольному экономическому обществу, а мы, то есть я – Герман Густавович Лерхе, имею честь состоять членом этого высокоученого собрания.

Впечатлил список акционерных обществ, доли в которых объявлялись к размещению в свободном рынке. Еще больше удивила общая сумма за 1863 год – 1,2 миллиарда рублей. Колоссальная цифра. Гера утверждает, что бюджет годовой Российской Империи не превышает пятиста миллионов...

В «Инвалиде» вялое описание перемещений полков по территориям Великого Царства Польского. Боевые действия не упомянуты, но не станут же десяток тысяч человек просто

так гонять по немаленькой стране. Похоже, данные мне инструкции по подготовке к волне ссыльных несколько преждевременны. Восстание все еще не подавлено.

Кольнул в сердце комментарий бывшего теловладельца. Пришлось признать – действительно забавляюсь. Читаю о событиях в этом, новом для меня мире, а воспринимаю их так, словно это никак меня не касается. Как там, дома, читал бы о забастовке в Гондурасе... Все еще не ощущаю родства с этой страной, с этим временем, с этими людьми. Стрелками всю карту изрисовал, полки расставил, а людей в этих квадратах не увидел.

Гера удивился. Не ожидал такой моей реакции. Ну и ладно. Главное заткнулся и задумался. Может быть, когда-нибудь он и сумеет меня понять. Было бы славно...

Письма хотел отложить на сладкое. Очень любопытно было выяснить – о чем таком важном хотела мне поведать великая княгиня. Судя по титулу – член Императорского Дома. Послание от отца вскрывать было страшновато. Словно чужое. Боялся обнаружить выражения любви к сыну, тело которого я – чего уж там скрывать – попросту отобрал. Заранее себя оправдывал – мол, не сам этого Германа выбрал, не сам в голову вселялся. Но слабое это оправдание – снова жить кто хотел? Так хотел, что границы миров треснули.

Я хотел! И хочу. И буду. Потому что мне нельзя обратно. Дорога эта в одну сторону. Пройдет время, и я стану Германом настолько, что даже мысленно буду к себе так обращаться. Но ведь получать письма от родных я уже сейчас начал. Оттого и поганенько на душе.

За дверью спальни-кабинета ругались Борткевич и Хныкин. Из всех сил спасали меня от участи чтеца чужой корреспонденции. Оба принесли заказанные мною отчеты и оба надеялись первым предъявить труды пред моими светлыми очами. Конкуренция – великая сила. Прибежали ни свет, ни заря, а я ведь к полудню назначал. Значит, хотят чего-то от меня. Денег? Вряд ли – я по их традициям деньги только отбирать должен. Карьеры хотят? Ага, вот прямо сейчас все дела брошу и потащу обоих в Томск! Разбежался. Протекцию заслужить надобно, и не эксплуатацией рабского труда подчиненных, а личными достижениями.

Почему решил, что мелкотня секретарская всю ночь пахала, чтоб начальники со сранья мне папочки принесли? Ты, Герочка, сам подумай! Реально ли за ночь в одиночку такой объем работ произвести? И не отписки ведь приперли, в надежде, что мое превосходительство по юным летам, все одно ничего понять не в силах. Не стали бы пузами у дверей бодаться за отписки... Впрочем, сейчас определим степень наглости каинских государевых людишек.

Учить еще и учить молодого казачка. Вот где его черти носят, когда так нужен? Старика вот побеспокоили... Гинтар через всю гостиную прошаркал, чтоб я слышал. Тихонько дверь приоткрыл, скользнул внутрь, доложил:

– Их благородия, господа Борткевич и Хныкин.

Запахиваю шикарный – всегда о таком мечтал – шелковый халат с подкладом. Подвязываю поясом с кистями – барин, едрешкин корень! Приказать, что ли, холопов на конюшнях пороть? Или ну их нафиг? Гера – без паники! Это я шучу так замысловато. Не собирался я господ кнутом... Больно это, должно быть, и обидно. Станут плохо себя вести – я им каторгу построю. Будут мне уголь для сталеплавильных печей добывать в поте лица.

Последний взгляд на себя в зеркало – выхожу.

– Доброго дня, господа. Чем обязан?

– Здравствуйте, ваше превосходительство! – Борткевич первый. Один ноль в его пользу.

– Доброго дня, ваше превосходительство. С самого утра вы в трудах и заботах! Завидной энергии у нас губернатор ныне! – Хныкин. Профессиональный жополиз. Отчего не по-французски? Окружной-то начальник, точно знаю, импортным выговором не владеет. Но счет выровнялся – один-один.

– Ваше приказание выполнено в лучшем виде, ваше превосходительство, – интересно, а кто позволил Борткевичу носить бороду в присутственном учреждении? Непорядок. – Отчет уж больно велик вышел. Опасались, что к назначенному вами, господин губернатор, ваше пре-

восходительство, приему торговых людей Каинска, не успеть ознакомиться. На страх свой утром решились побеспокоить ваше превосходительство.

Он всерьез полагает, что я стану все сразу внимательно изучать? Наивный чукотский мальчик. Я что тебе, Штирлиц, чтоб сразу запомнить всю эту бездну сведений? Мне до брифинга самое основное выхватить, мнение сформировать – и то ладно. А вдумчиво читать и обдумывать я в дороге стану. Надо же чем-то заниматься по дороге в Томск. Но за инициативу – два-один.

– Все капиталы учтены и в табличку, смею надеяться, удобную вашему превосходительству, выведены. Спешил к вам, дабы ценнейшее указание получить от вашего превосходительства. Удалить кого, или добавить из списка приглашенных купцов? – Молодец. Выкрутился. Два-два.

Беру обе работы в руки. Листов по двадцать в каждой. В начальниковой еще и сложенная карта-план – оттого папка выглядит толще, чем у его конкурента. Аккуратные записи. Весь отчет переписан одной чьей-то искусной рукой. От бумаги сильный запах едва высохших свеженьких чернил.

У казначея множество таблиц и схем. Тоже все чистенько, но каждый раздел писан другой рукой. Организатор. Не скрывает, что припряг к работе толпу подчиненных. Честно говоря, такой подход больше греет душу. Без выпендрежа.

– Благодарю, господа. Похвальное прилежание. Свое мнение по существу вопроса доведу до вашего сведения после изучения сих... работ. Не смею вас больше задерживать.

Еще с армейских времен испытываю некий пиетет к картам. Люблю разглядывать, знаете ли. Интересно выискивать деревеньки со всякими забавными названиями или находить местечки, куда вообще не ведет ни одной дороги. «Генеральную карту» свою по дороге только что наизусть не выучил.

На принесенном Борткевичем плане губерния имела другие очертания. Здорово прирезалось земли к западу от озера Чаны и к востоку от Телецкого озера. Добавилось деталей. Больше рек, деревенок, дорог. Чертеж был явно срисован с какой-то другой, гораздо более точной карты и предназначался только для Каинского округа. Остальные округа показывались совсем уж схематично.

В углу плана значилось: «План Каинского округа по Большой Карте Томской губернии. Губернской чертежной губернский землемер М. С. Скоробогатов. Утверждено губернским архитектором А. К. Македонским». Шкала масштаба. То-то же. Есть все-таки нормальные карты! До меня вон только эхо докатилось, но и эта жалкая срисовка в разы лучше моей «генералки».

А. К. Македонского отложил в память. Стану его пытаться с особым цинизмом, пока нормальным материалом меня не обеспечит. Мне трассу под железную дорогу планировать, а там цена ошибки – многие тысячи рубликофф. Юрченко – новосибирский губернатор – рассказывал, что Транссиб что-то около пятидесяти тысяч рублей за километр царской казне обходился. Без учета мостовых переправ. Даже если вдоль Сибирского тракта и почтовой Барнаульской дороги чугунку тянуть – это почти полторы тысячи верст получается. Семьдесят пять миллионов. Плюс станции, водокачки, угольные базы, депо и паровозоремонтный завод. Округлим для ясности в сто лямов. Мама дорогая! Может, лучше пяток дредноутов генерал-адмиралу склепать? Ну, уж – фиг! Броненосные монстры они все равно под Цусимой утонут, а моя дорога в веках останется и людям служить будет.

Но сто миллионов! Четверть годового бюджета Империи. Где деньги, Зин? Срочно ехать к Рокфеллеру, чтоб усыновил? Ага! Нужен я ему как зайцу стоп-сигнал!

Вдоль рек Тара и Тартас чьей-то умелой рукой аккуратно расчерчены квадратики. В каждом циферка. Наверняка в десятинах. Ну, вот чего этим губернским чертежникам и земле-

мерам стоило продублировать шкалу в метрической системе? Сейчас взял бы линейку да и высчитал бы соотношение между десятинами и гектарами.

Гера опять изволит шутить. Сарказма полные штаны. Глумится – спрашивает, зачем мне хфранцузские гектары, если переселенцам наделы в десятинах нарезают? Норма для Сибири – двадцать пять единиц. По российским меркам – это сказочно много. И никаких тебе выкупных платежей и помещика-миroeда. Только очередей к землемерам что-то не наблюдается. Как узнают земледельцы, что до волшебных сибирских десятин три тысячи верст добираться, так и весь энтузиазм и пропадает. Столыпину попроще было. Загрузил обреченных на переселение людишек по вагонам, да и полный вперед! А мне как быть? Мне ведь не десятки и даже не тысячи, мне сотни тысяч людей нужно. Миллионы! Кто-то на земле закрепится, кто-то в городах ремеслом овладеют. А ведь кому-то и дороги строить нужно и здания. На шахтах руду добывать, уголь ковырять.

Американцы в свое время по методу караван-капитанов пошли. На Запад за какие-то годы орды поселенцев ушли. Примерно половину индейцы приголубили, остальные под защитой фортов окопались. У меня чухонцы смирные, как бы их пришлые самих не уконтропупили в споре за земельку. Ну да нужно просто отделить мух от котлет. А вот идея с капитанами весьма и весьма привлекательна.

Идея такая: берется опытный мужчинка, суровый дядька, знающий и маршрут следования и трудности, которые предстоят каравану в дороге. К нему прикрепляют сотни две киби-ток с экипажами охотников за удачей. Довел капитан людей до места – честь ему и хвала! И по доллару за каждую мужскую голову от правительства. Давай еще... Почему я не могу так сделать? Что мне мешает? Бумаги нужные выправлю. Капитанов... Вот таких, как Евграфка Кухтерин... Который без мыла в любую дырку влезет... Кстати, как поживает свидетель разбойного нападения на особу государева губернатора?

Крикнул Артемку. Приказал отыскать Кухтерина и притащить под светлы очи.

С сожалением отложил карту. В дороге стану разглядывать. Отделил ту часть отчета, что касалась переселенцев, в отдельную папочку. Пока не актуально. Купцы, конечно, и подождать могут, но лучше лишний раз с торговым людом не ссориться. Им и так... не сладко от моих реформаций будет.

Беру хныкинскую табличку. Молодец. Караваев дорого бы дал за такую наводку. Все расписано, учтено и измерено. Итог подбит – общее достояние каинских купцов около ста тысяч рублей. Богатеи, блин... Детский лепет.

Смотрю список Борткевича. И сразу сравниваю с казначейской таблицей. Семейство Ерофеевых. «Прошения в окружное управление об обустройстве»... ого! Целый перечень! «Крупчатая мельница на паровой тяге – отказано ввиду инструкции «О применении паровиков». Что за бред? Та-а-ак, разберемся! «Винокуренный завод – решение положительное с ограничением закупа зерна». Звездец! Они что – рехнулись? «Пивзавод – решение положительное. Построен. В год производится пенного трех сортов на сумму, предъявляемую к акцизным сборам двадцать тысяч рублей». Экий молодец! «Показательная сельскохозяйственная ферма с маслодельней. Прошение не подавалось ввиду строительства фермы на собственной земле». Красавец, что тут скажешь. Кто там у них рулит, у этой непоседливой семейки? Петр Ефимович Ерофеев. Запоминаем.

Шкроев Иван Васильевич. «Прошение об обустройстве винокуренного завода. Отказано». Я им, бл...м, покажу – отказано! Еще, блин, сами бревна подтаскивать станут!

«Мясников Дмитрий Федорович. Стяжатель и скрытый якобинец. Построил Салотопный, свечесальный и мыловаренный заводы. Прошения не подавал, на замечания окружного управления грозился обратиться к его превосходительству генерал-губернатору в Омск». Ха! Наш человек!

Так. А это у нас кто? Купцы 2-й гильдии Левак, Тинкер, Лошинский, Куперштох, Зингельшухер, Голдман, Мосальский, Ющевский... Все они подавали прошения по открытию винокуренного или водочного заводов. И всем отказано «По Высочайшему указу, запрещающему иудеям владеть винокурнями или иными водочными производствами». По сведениям Хныкина, евреи в Каинске вовсе не бедствуют. Совершенно. Судя по размеру капитала, а хитрованы иудейские наверняка еще половину затихорили от бдительных глаз казначейства, тот же Куперштох чуть ли не богатейшим человеком городка получался. Был еще купчина Алехин Мойша Моисеевич, лютеранского вероисповедания. Тоже просил и тоже получил отказ. Просто так, без объяснения причины. Зря фамилию менял...

Забавно. И что? Так ни один из этих славных патриархов иудейской общины сибирского городка Каинск и не догадался, как построить завод? Построить и прибыль стричь, но не владеть. Да они, с такой изобретательностью, в мое время с голодухи бы пухли... Или в Тель-Авив порой весенней... С арабами воевать...

У Алехина в графе «род деятельности» указано – «доставка особ женского пола, иудейского вероисповедания с метромониальными намерениями». Это он невест, что ли, братьям по вере привозит? Каков молодец! Вроде штатовского капитана, только под заказ... Есть видно спрос... И работорговцем ведь назвать нельзя. Все совершенно добровольно...

Кухтерина доставили под конвоем. Не заметно было, чтоб это его сильно напугало – скорее, наоборот. Шел, высоко задрав бородавку, и дюжие казаки не столько вели, сколько сопровождали. Так, поди, и проскочил холл гостиницы, куда в другом случае его и на порог бы не пустили. Спину только у меня в гостиной переломил. Поклонился глубоко, в пояс. Понималось как-то сразу – не от обязанности, по уважению кланяется.

– Здоровычка, ваше превосходительство, батюшка генерал. Звал, поди. Так вот он я – весь перед тобой.

Улыбнулся. И тут извозчик умудрился выпендриться. И тут тему для слухов на пустом месте создал. Боюсь даже думать, о чем завтра по углам шептаться станут. И ведь в его, кухтеринской воле – куда пожелает, туда сорока хвост и повернет.

– И ты будь здоров, любезный, – под шубой у мужичка новая поддева алеет, как грудка снегиря. И шапка новая, беличьими хвостиками обшитая. Прибарахлиться успел, на трофейные. – Я в прошлый день приказывал, чтоб тебя доктор посмотрел. Выполнили ли мое распоряжение?

– Истинно так, батюшка генерал. И смотрел, и в рот лазил, и ошупал холодными руками всяво. В изъяне моем ковырялся, да ваше превосходительство коновалом ругал. Я молчать-то не стану! Как человека просил спирту на доньшке, штоб, значицца, болезнь похмельную излечить. Не-е-е. Куды там. Все на палки железные вылил, аспид. Он же не генерал, штоб водкой спину коноводу не побрезговать помазать.

– Ругал, говоришь?

– Как есть ругал, батюшка генерал. И коновалом звал, и ентим... паталагаматором. Ажно на очечках стекла морщил и про спайки да рубцы причитал. Нитки-то Матренины ну давай тянуть. Я выл и ругался, а он даже спирту пожалел...

– Ай-яй-яй... Придется, видно, доктора на каторгу...

– Как на каторгу, – удивился Евграф. – Што ругался и на каторгу? Ты, батюшка генерал, не серчал бы так. Доктор еще и хвалил тебя шибко. Сказывал, что коли бы не ты, кровью бы мне истечь. Еще говорено было, што от той водки, коею ты на рану мне налил, лихорадка меня не взяла. Уж так хвалил тебя дохтур, так хвалил...

– Ну, ладно, – смиловился я. – Раз и хвалил, то пусть служит здесь и далее... Ты сюда проходи. Вот на стул садись. Я тебе рассказать кое-чего хочу. И мнение твое после услышать...

– Это совет, получается, будем держать, ваше превосходительство?

– Нашелся мне советник, – хмыкнул я. – Я рассказывать стану, а ты слушать. Потом ты станешь говорить, а я слушать. А там и посмотрим, как дальше оно повернется.

Честно говоря, почти все имеющиеся у меня сведения об американских переселенческих капитанах исходят из куперовских «Прерий». Плюс предисловие к роману от издательства «Детская литература» с разъяснениями политики КПСС в отношении захватнических обычаев жителей США и притеснений коренного населения. Вот краткую выжимку из этого первоисточника я Кухтерину и выложил. Со своими выводами о том, что проводники эти заокеанские должны были о людях заботиться – платили-то только за живых. А у нас как? Отправили «куда-то туда». Дойдут – хорошо. Заболеют, на полдороге останутся, так и на Урале люди нужны, и в Тобольской губернии рабочим рукам рады.

И еще минуты три смотрел в затуманенные мечтами глаза мужичка.

– Нешто и по ста целковых получают? – наконец недоверчиво протянул извозчик.

– Говорю же – сколько семей приведут, столько и получают. Бывает, индейцы – это инородцы американские – и весь караван вырежут.

– И много ли у них таких капитанов? Мне-то, батюшка генерал, разок бы пройти, я глазастый, я вмиг дорогу запомню...

– Ты уже в Америку, что ли, засобирался? – хихикнул я. – Глазастый...

– Так, а к чему ты мне сказку такую поведал? – в ответ удивился Евграф.

– Да вот думаю, найдутся ли у нас люди, желающие в Россию отправиться да семьи к нам сюда провожать? Хоть бы и до Каинска...

– А и найдутся, так и что? Ты же, ваше превосходительство, поди, по целковому не дашь?!

– Не дам, – согласился я. – А по коричневой дам. И на расходы дам. На телеграф дам, чтоб вести слать – сколько людей набралось, сколько им земли нарезать и чем из инструмента помочь. Читать умеешь, поди?

– Не обучен, – искренне огорчился раненый. – А вот сын к батюшке с иными детишками бегаёт. Уже и буквицы в слова складывает. Черты карябает.

– А желающих в Сибирь жить поехать как бы ты собирал?

– А чево тут? К весне поближе бы и поехал. Они, расейские, к весне как раз кору вместо хлеба грызть начинают. Тут землецей их и поманил бы... Только дело сие хитрое. Пачпорта нужно выписать – значит, старосте общинному поклониться. Потом телеги нужны. Лошади. Кормить дорогой странников...

– А ты думал, легкие деньги предлагаю?

– Не сердчай, батюшка генерал. Ведаешь же – умишки невеликого я, всяким премудростям не обучен... А только – не видел я легких денег. Бывает, пятак на дороге найдешь, а ить ему тоже поклониться надо. На тебя же, ваше превосходительство, всю дорогу глядячи, измыслил уже – ты даром-то деньгу не дашь. А и заработать позволишь. Да каждому норовишь посильный труд впенять...

– Бесплатный сыр только в мышеловке.

– То так, батюшка генерал. Мудры слова твои.

– Только, Евграф Николаевич, мало мне тебя одного. Людишек многие тысячи мне нужно. Ты столько за несколько лет не привезешь... Так что до следующей весны предприятие это отложим. А надумаешь, да еще кого на дело подговоришь, так зимой ко мне в Томск приезжай. Там все и обговорим. Сейчас домой?

– Домой, батюшка, домой. Лошадок на почте выберу по отписи ямщицкой, да и домой. Сенца бы ище прикупить...

– Исправник вопросы задавал?

– Задавал, батюшка. После дохтора сразу и к себе утащил. Ух и хитрый тут исправник, ваше превосходительство, ух хитрый. Все пальбу твою, батюшка, перечесть хотел. Сколь да куда с ревальверты стреляли, да как последнего ирода минута прошла.

– Рассказал?

– Сказал, как не сказать. От ран, сказал, в глазах ночь настала. Пальбу слыхом слыхал, а видать не видал. Кто, кого, куда, когда – а и не моего ума дело. Душегубцев на тракте поубавилось, то и ладно.

– Хитрый, говоришь... Это хорошо. Это славно... Так ты наказ мой помни. Прочих охотников за людьми подговаривай да в Томск ко мне приезжай.

Кухтерин ушел. Как поезд, на который ты опоздал. Как последний звонок в школе. Как период в жизни. Бежишь по жизни, все время вперед и вперед, перелистываешь страницы, встречаешь и расстаешься с людьми. И иногда, вот как в тот миг, испытываешь труднообъяснимое сожаление. Оставалось надеяться, что коновод все-таки наберется смелости и соберется меня навестить в Томске. Через год.

Бегут секунды. С легким щелчком открыл крышку тяжелых, серебряных с позолотой карманных часов. Настоящий «Брегет» пропиликал какой-то бравурный марш. Это, конечно, не мой «Ролекс», с тридцатью двумя бриллиантами, стоимостью в годовой бюджет среднестатистической средней школы. Это раритет. Ручная работа. И старичка-эксперта звать не нужно – здесь сейчас китайцы копировать и штамповать все подряд еще не научились. Заснула в прошлом веке Поднебесная, и не скоро еще чмокнет ее в щечку суженый богатырь. Спи, моя радость, усни. Твое время еще придет.

Несколько минут одиннадцатого, до брифинга с купцами еще масса времени.

Потянулся к письмам, да так и замер с протянутой рукой. В двух шагах от меня, аккуратно расчесанным затылком торчал какой-то тип. А я ведь и не услышал и не увидел его появления. Прямо ниндзя какой-то.

– Позвольте отрекомендоваться, ваше превосходительство...

– Гм... Минуту, сударь.

Достал из саквояжа пистоль. Проверил заряды и капсюли. Положил на стол рядом с рукой. Не нравится мне такое нахальство – входить без приглашения. Куражится, ну так и я могу. И посмеюсь последним.

– Я полагаю, что вижу перед собой каинского пристава гражданских и уголовных дел?

Помяни черта...

– Совершеннейше... Исключительно верно, ваше превосходительство. Губернский секретарь Пестянов, Ириной Михайлович, к вашим услугам.

– Полагаете, мне потребны ваши услуги? Для услуг у меня вот казачок есть. – Глаза живые, карие. Понимает, что своим неожиданным явлением меня напугал и что теперь ему это отзывается. Понимает и всем видом изображает раскаяние. Талантлив, подлец. Не переигрывает, не доводит до абсурда, как Кухтерин. Этакая скромная невинность.

Но ведь врет! Давай, братец, потянись пальцем, почеси свой длинный нос... Ну, вот. Вот и молодец. И я молодец – вычислил опера. Просчитал. Теперь будем удивлять.

– А впрочем... доложите, господин пристав, о ходе розысков беглого преступника Караваева. Попрошу особо отметить – каким именно путем сей варнак был предупрежден. И какие в этом отношении приняты меры?

Рука туземного Шерлока Холмса нырнула в карман. Я поудобнее взялся за рукоять револьвера. Хитрец, говоришь? Пестянов плавным движением вытянул на свет распухший от вложенных листов блокнот.

– А верно ли, ваше превосходительство, говорят, будто вы вот из этого, простите, револьвера, единолично трех разбойников...

Наконец-то! Зря я, что ли, оружие доставал? С каким же наслаждением я процедил в ответ сакраментальную фразу сталинских опричников:

– Здесь вопросы задаю я!

– А?! Да-да, несомненнойше... – А ведь не привык опер, чтоб на его вопросы этак вот отвечали. Ищейка настоящая, породистая! – Мне лишь для полноты картины... Ваше превосходительство позволит ли перейти к докладу?

– Несомненнойше. Переходите, голубчик. Посмотрим на вашу картину...

А ведь – молодец. Суток не прошло, а уже все раскопал. Кто там бормотал, что царская полиция работать не умела? Познакомить с Иринеем Михайловичем? Вот он стоит передо мной, скучным голосом мне обо мне сказки рассказывает. Не интересно ему, видите ли. Когда копал, поди, аж дым коромыслом стоял, ночь не спал, свидетелей с постелей поднимал. Составил свою «мозаику» и поскучнел.

И вышло у него, что действительный статский советник Герман Густавович Лерхе, подвергшись нападению «чайных» караваевских грабителей, героически дал отпор. Двоих сразу порешил его превосходительство, а последний, лошадью придавленный, о главаре рассказал. Потом зачем-то бежать попытался и тоже Богу душу для Суда отдал. Во время нападения был серьезно ранен извозной мужик Кухтерин Евграф, сын Николаев.

– Останки душегубские сильно за ночь зверье дикое повредило, – посетовал. – Староста усть-тарский, что осталось, с мужиками собрал, да у ограды церковной похоронил по обычаю.

И вот добрался героический молодой губернатор до телеграфа. В Каинск приказ отдал о задержании «предположительно атамана».

– Согласно почтовой учетной книги, прибыли вы, ваше превосходительство, в субботу к вечеру. Однако ж телеграфическое распоряжение отдано было уже в воскресенье, двадцать третьего февраля сего года.

И смотрит. Вдруг все-таки объясню. Почему нет. Но не сейчас. Появилась у меня на твой счет идея... Только обдумать ее тщательно надо.

Вытянул местный Эркюль из Кухтерина, что именно тот сболтнул телеграфисту о моих планах по поимке Караваева. Трогать мужичка не решился – мало ли что там на тракте в действительности происходило. Может статься – это извозчик губернатора спасал, а не наоборот. Осерчает еще за спасителя новоприбывшее превосходительство... Вот и отпустил. А стукача телеграммного не поленился съездить арестовать. Тот уж и сознался во всем. И в Томск требование отправили на замену телеграфного специалиста. Машина, блин, в действии.

Описал попытку задержания Караваева. Я заметил, как пристав выделял голосом эти бесконечные «не учел», «не предпринял», «не подумал» в действиях подчиненных городничего. Намекал, что связывали беглого с «группой захвата» какие-то отношения помимо служебных.

Кивнул. Нечто подобное я и предполагал. Потому и с телеграммой не торопился, чтоб не давать времени местной камарилье подумать.

Караваев объявлен в розыск. За стрельбу по полицейским – пока других доказательств нет. Но будут. Купцов опрашивают, станционных смотрителей. Контролер расходы и доходы беглеца подсчитывает – а ну как жил не по средствам, изверг?!

Глаза пристава вновь загорелись, заблестели. Господи Иисусе, он что фанатик? Про религиозных много чего слышал. Этими антитеррористическими мероприятиями мне эсбэшники всю плешь переели. Столько бабла на ветер пустили – не вышептать. Но чтоб фанат полицейских расследований! Это что-то новенькое.

– И много ли преступлений случается в округе?

– Мало, ваше превосходительство. Тихо у нас. Хоть на тракте стоим, а людишки все больше проезжие, торопливые. Смртоубивствами не досуг им...

Он еще и жалеет! Ему мало?! Пристрелить его, что ли? Иначе, народит себе потомков, те еще. А гены эти, беспокойные, останутся. Из них адреналиновые наркоманы разовьются. Байкеры, паркурщики, экстремалы всевозможные. От них только шум и толкотня, пользы – ноль. Раньше они океаны переплывали и новые земли открывали. В армии с голой шашкой на пулеметы кидались. Россию-матушку приращивали. В двадцать первом веке – только суета

осталась и беспокойство. И, как воры говорят, – понты. Один только плюс – адреналин не героин. Вложений тоже, конечно, просит, но последние штаны не снимает. И вечно голодное животное не превращает.

– ...Давеча в Убинском человеچه тело нашли. Волки обгрызли, конечно, как без этого. Зима хоть и теплая нынче, да буранами обильна. Серым голодно – мимо дармовщины пройти не в силах. Так от одежды неизвестного только лохмотья обнаружены были. Вот, скажете вы – бедолага. Видно, упал с саней во сне, да и замерз. Ан нет! Стал я сличать почтовые станционные книги...

Сколько ему лет? За тридцать. Для пристава явно молод. Откуда взялся? Чей человек? Кому выгодно, чтоб в округе был кто-то, способный раскопать любой умысел и пресечь замысел? Городничий? Да перестаньте. Он ложкой рот со второго раза находит. Судья? Показатели раскрываемости и все такое... Очень похоже. Только где он этого маньяка выкопал-то? Такие же на деревьях не растут, и в университетах на них не учат. Этим заболеть только можно. Зафанатеть так, что труп у дороги за лучший подарок пойдет, а поимка лихоедая экстаз вызывать станет. Где нашел и насколько успел привязать к себе? Чем в Томск с собой увлечь – тут и так ясно. Тесно ему здесь. Мало ему преступлений. А в качестве моего личного добытчика информации я ему всю губернию в качестве подозреваемых подарю. Всех и каждого. А некоторых – особенно. Самых интересных, самых богатых, вороватых или непотопляемых. С таким пронырой на святого компромат можно нарыть и засудить. И любого скупердяя поделиться заставить. Не иначе сам Господь мне этого Мегрэ подсунул...

Отдаст судья человечка? Отдаст – куда ему деваться. Прикажу и все. Еще и рад должен быть, особенно если прикормил уже Каттани Каинского разлива. Глаза и уши в кабинете губернатора.

Впрочем, может, и зря все на мерки своей бывшей администрации меряю. Проще здесь люди. Нет той изощренности в коварстве. Это ж вам не Мадрид и даже не Зимний с нескончаемыми шепотками по углам. Откуда знаю, Герочка? Оттуда и знаю, что не одни штаны в приемных протер. Я в столичных министерствах, по коридорам да курилкам, больше времени проводил, чем в кресле собственного кабинета. И шепотки эти сам умею шептать. А как ты думал? Подал прошение на высочайшее имя и ждешь? Малолетка! До поросячей пасхи ждать будешь. Толкать нужно. Одному презент умело преподнести. С другим откатиком поделиться. Третьему привет от первых двух достаточно передать. Некоторых на охоту полезно вывезти. На медведя, например. Столичные господа очень наших томских медведей уважают...

А вот потом найдется кто-нибудь, шепнет, намекнет Тому-От-Кого-Все-Зависит, что прошение бы желательно удовлетворить. Хороший, мол, человек, этот Лерхе. Свой, надежный и верный до гроба. Надо бы и ему навстречу пойти. Вот так-то, Герочка. А ты говоришь – прошение. Больше чем уверен – в Санкт-Петербурге все точно так же. Точно такая же банка с пауками. Или ты с молодых лет ногой дверь к царю открывал? Вот и я о том же...

– А скажите, сударь. Вы женаты? Есть ли детки?

– Женат, ваше превосходительство, как же иначе. И сынок подрастает. В следующем годе в гимназию его везти намереваюсь.

– В Томск?

– В Томск, господин губернатор. Куда же еще. В Барнауле не слишком нашего брата привечают. У них, у горных, свои замашки...

– А супруга ваша? Здорова ли? Хозяйством, поди, занята?

– Анастасия Прокопьевна, ваше превосходительство, ныне в Москву мной отправлена. Фотографическому делу обучаться. Она и лица варнаков мне вычерчивает, а как выучится, так и карточки печатывать станем.

– Отлично. Не знал, что губернские секретари настолько жалованьем богаты, что на дело благое могут средства выделить. Или городничий за казенный счет операцию эту провел?

– Где там, ваше превосходительство. Без благорасположения к семейству моему от Петра Ефимовича Ерофеева так бы словесными сказками и пробавлялись бы. А так-то и подворье нам по божеской цене в наем сдает, и супругу мою в Первопрестольную с караваном торговым принял.

Те же и Ерофеев. Ну не купчина же маньяка этого ищейского на должность определил. Это уже из области фантастики. Скорее чью-то личную просьбу исполняет. И я даже догадываюсь – чью. Только непонятно – если купец так здорово дружит с судьей, чего же ему в начинаниях-то все еще «зеленой улицы» не открыли? Мог ли коллежский советник Нестеровский Петр Данилович – окружной каинский судья, коли этого действительно захотел, надавить на Борткевича с компанией? Мог, конечно. Мог, но не стал. А почему? Крыша не рекомендовала. Не захотел верхний «папа» ссориться с аналогичным товарищем со стороны окружного начальника. Ну да эту мелкую шушеру я к ногтю быстро придавлю. У меня тоже вроде как есть кому поплакаться, если что. А вот на чью сторону встать, как свои интересы соблюсти и в чужие свары не залезть – это вопрос.

Ну, да ладно. Время пока терпит – я не завтра из Каинска отбыть намерен. Сначала нужно уточнить, чей сейчас человек мой будущий агент 007.

– Должно быть, добрейшей души человек, этот купец... Весьма приятно было с вами побеседовать, господин пристав. Весьма. Думаю, вы найдете время еще ко мне заглянуть. Завтра, в это же время, меня вполне устроит. До встречи, Ириной Михайлович. Передайте купцу Ерофееву мое восхищение его бескорыстной помощью...

Длинный носатый и худой Пестянов на фоне казачьего сотника показался еще более длинным и худым. Как вешалка рядом с бабушкиным комодом. Причем оказалось, что это мебель одного гарнитура – они были прекрасно знакомы. То-то там мило раскланялись, разулыбались. «Лопата» Астафия Степановича даже дернулась было потрепать сыщика по плечу, но остановилась на полпути. Меня, наверное, засмутил.

От Безсонова несло кислятиной сгоревшего пороха. Пахло отвратительно, но я сдержался и промолчал. У человека горе, ему любимую игрушку возвращать надо, а тут я со своим обонянием. Все чувства легко читались с лица этого простодушного гиганта.

– Замечательное оружие, Герман Густавович, – траурным тоном прогудел он. – На пять барабанов зарядов ни единой осечки. Спуск мягонький. Толкает, правда, аки конь лягает. Но и то в сторону не отводит. Мастер великий изготовил.

– Понравился пистоль, Астафий Степанович?

– Как не понравится... Да чего уж там, знатная механизма. Первый раз и держу такое в руках.

– Превосходно. Просто отлично. Значит, вы не откажете мне в любезности принять револьвер в дар?

– Мне? – проблеял казак тоненьким голоском. – Мне?

– Вам, вам... Артемка! Скажи, пусть на стол накрывают. Обедать будем.

Выпили с огромным ребенком по рюмочке. Откушали щей. И еще по чуточке под гречневую кашу со шкварками. Захрумлили огурчиками. Маленькими, шершавыми. Французы их корнишонами обзывают, а Безсонов – детками. Он брал их из чашки горстями, как семечки, всем скопом впихивал в пасть, и так смачно грыз, что желудочный сок растворил суп за секунды. И каша пошла в гостеприимно распахнутые двери.

И чай с засахаренными фруктами. В общем-то – урюк обычный, но отчего-то не липнущий к зубам, ароматный, с кислинкой. Ароматизированные «одноразовые» чаи из пакетиков рядом с этой «чайной церемонией», как резиновая женщина...

Принесла нелегкая «сладкую парочку» – Борткевича с Хныкиным. Сообщили радостную новость – купцы начали собираться. Ироды. Ничего святого у них нет. Как он там говорил... «Какой-токой павлин-мавлин?! Не видишь? Мы кушаем!»

Ага! Счас. Рядом, с начищенным форменным пальто в руках замер Гинтар. Алый подбой, узкие золотые погончики с двумя «лохматыми» звездами на каждом. По карманам и отворотам рукавов пламенеющие галуны. Мечта киллера, а не одежда. Только еще мишени на спине не хватает. Но смотрится, конечно, шикарно. Богато и представительно. Жаль, в мое время мундиры для гражданских чиновников уже отменили.

А может, и к лучшему. При царях-то жандарму руки не подавали, а при демократии эфэсбэшники – уважаемые люди. Зато будь у меня такое пальтецо, замаялся бы плевки со спины оттирать...

Начальник с казначеем уверяли, что идти недалеко. Тут еще все недалеко. Все население Каинска можно в один железнодорожный состав уместить. Кабы его еще найти, тот состав. Приказал показывать дорогу, а сам придержал раскрасневшегося, млеющего от радости сотника. Хотел переговорить по дороге – чего время терять?

– Вы ведь знакомы с приставом. Верно?

Генерал в центре неряшливой, присыпанной конскими каштанами деревни в дебрях степной Сибири. Попугай в стае серых ворон. Избы вокруг крепкие, с подклетью. Обширные подворья прячутся за крепкими заборами. Лохматые псы на страже хозяйского добра. Устремленные в небо «звездолеты» церковей. Точечная псевдоцивилизованная двухэтажная застройка. Кирпичные избы с декоративными фасадами. Тонны вылетающей в трубу древесины. Пыжится, лезет, старается колония, стремится в люди выбиться. Хотя бы в такие, каких сама себе насочиняла.

– Знаком, ваше превосходительство. Это ж Варезка. Сынок дружка моего – Михайлы. Вмestях в омском училище буквицы первый раз увидали...

– Варезка?

– Батя-то евойный, как углядит, что отрок опять от любопытства на что уставится да рот откроет, так говаривал – «варезку-то закрой». Так и прилипло... Ваше превосходительство.

Надо же. Вспомнил о величании.

– Как же его в приставы занесло?

– То судьбинушка евойная. Он и грибы с детства лучшее всех собирал.

– Это ни о чем не говорит.

– Смотря кто спрашивает, Герман Густавович. Варезку медалькой «За покорение Чечни и Дагестана» наградили да домой отправили. Он интендантов одним своим видом до трясунчика доводил. Их благородия ево завсегда за довольствием в штаб отправляли...

– А здесь кто его к месту определил?

– Дык дружок Петра Даниловича и определил. Седачев в Каинске и года еще не прослужил. А до него городничим Сахневич был, Павел Павлович. Из-за них с Нестеровским округ бывало, в шутку, Петропавловским называли...

– И что, хорошим хозяином был Сахневич?

– Последним, – ткнул пальцем-сарделькой в небо казак. И спохватился: – Ваше превосходительство.

– Ныне-то Павел Павлович чем пробавляется?

– В Томске живет, ваше превосходительство. Дом у него там. Комнаты писарчукам сдает в наем. Суров старик. Не каждый его ворчание выдержать может. А мелким чинушам и деваться некуда. Он денежку малую за жилье берет...

Хихикнул. Я еще не был знаком с последним хозяином Каинска, но уже хотел этого знакомства. Судя по рассказу Безсонова, из ума старик еще не выжил.

За разговором как-то незаметно дошли до двухэтажного кирпичного здания, в котором должна была состояться историческая, для меня, первая встреча нового губернатора с представителями купеческого сословия. К обеду морозец отпустил – градусов пятнадцать, не больше. Но небольшой зал был натоплен так, что лица торговцев, наряженных в богатые шубы, блестели

от пота. И волосы, расчесанные «с маслом» блестели. Блестели массивные золотые побрякушки на пальцах, цепи на шеях. Новорусский «бомонд». Подмывало заглянуть под меха – а не прячутся ли там малиновые пиджаки?

Вошел. Разговоры – басовитое пчелиное гудение – стихли. Глаза двух десятков собранных в одно место туземных богатеев смотрели на меня, и никто не встал. Даже попытки не сделал. Словно это они, вершители судеб, вызвали меня на суд. Или еще того пуще – выписали модного актеришку и ждут теперь – а ну-ка, брякни чево-нить, рассмеши честной народ... Знали ведь, что аукнется этакая выходка. Знали, но отчего-то не боялись. И это бесило больше всего.

Зеркал рядом не было, но я и так знал, что мое лицо не на много отличается по цвету от подбоя генеральского пальто. И еще знал, что зря собрал эту публику. Стоило выбрать парочку по списку Борткевича и побеседовать тет-а-тет. Поддержать желание строить производственные предприятия, помочь. Остальные потом и сами бы подтянулись. А теперь-то что с ними делать? Взбешенный Гера настойчиво рекомендует обратить внимание на торчащую из-за пояса Безсонова рукоятку немецкого револьвера.

Я пытался просчитать варианты, отгородиться от эмоций, подумать. И плюнул. Может быть, первый раз в жизни. Расслабился и позволил себе поплыть по течению. И вдруг испытал невероятный, на уровне оргазма, экстаз освобождения. Будто могучая океанская волна накрыла меня с головой, смывая, растворяя шаткие преграды, понастроенные во мне толерантным двадцать первым веком. Стало вдруг совершенно ясно, что мне можно педераста назвать пидором и никакое телевидение не обглодает меня за это до костей. Можно дать в морду подлецу, и он не потащит в суд по правам человека. Дуэль, Герочка? Это же прекрасно! Да здравствует дуэль! Это честно, а исход Божьего суда не зависит от толщины кошелька. Только от крепости руки и верного глаза.

В глазах посветлело, но я не торопился отпустить это упоительное чувство. Представьте! Я почувствовал себя свободным. Истинно свободным. И это не имеет ничего общего с вседозволенностью. Это... как ощущение правды. Вдруг начинаешь понимать – это черное, а вот это белое. Вот это правильно, а это против Бога. Именно так. Не против человеческой морали или традиций. Против Бога. Неправильно. И пока я в праве – ничто и никто не способен мне помешать поступать так, как я считаю верным. Именно в тот момент я поставил на кон собственную жизнь и знал, что не умру от пули из дуэльного самопала. Господь не попустит.

Вместе с просветлением в глазах пришло четкое понимание того, что именно и как я должен сейчас сделать. И мне это нравилось.

Пауза затягивалась. Купцы потели, но не двигались с места. Я стоял перед ними, еще одну долгую минуту стоял и молчал. А потом прошипел сквозь зубы. Тихо и зловеще:

– Встать, бл... толстопузые!

Зашелестели по рядам вздохи, взвизгнули предатели-стулья. Потом из первого ряда, кряхтя и упираясь ладонями в коленки, поднялся жилистый старик. Прорвал плотину. И уже в эту маленькую дырочку ухнул весь пруд. Задвигались, заскрипели ножками о паркет отодвигаемые кресла. Вспыхнули искрами богатые меха. Вся эта толпа, вся наряженная словно новогодняя елка человеческая спесь, поднялась на ноги.

– Молчать и слушать, – продолжал я голосом мудрого удава Каа. Заметил – действовало. Что-то все-таки есть общего у психологии толпы с теми мартышками – бандерлогами из киплиговских джунглей. – Я пришел сюда, чтобы поведать вам, как мы станем жить дальше. Что при мне будет хорошо и мною будет поддерживаться, а что дурно и за что карать стану жестоко. Но вы, собравшись в гурт, становитесь баранами, а со скотом мне говорить не о чем...

Рванул из кармана список.

– Купец Ерофеев?

– Здесь, ваше превосходительство, – тот самый старик из первых рядов. Кто бы сомневался.

– Через два часа быть у меня в гостинице...

Не ждал согласия. Не появятся сами, приведут под конвоем. Земский судья смеяться по ночам станет, спать не сможет – столько я ему дел заведу. Уголь копать тоже кто-то должен.

– Шкроев?

– Тута, господин губернатор.

– В шесть часов пополудни. Мясников?

– Да, ваше превосходительство?

– Завтра. Девять часов утра. Куперштох?

– А-а-а?

– Хрен – на! Завтра. Одиннадцать часов! Все, кого не назвал, но имеющие что мне сказать... испрашивайте аудиенции в установленном порядке. А теперь... пшли вон, бараны!

Пришлось ждать, пока расфуфыренные богатенькие буратины покинут помещение. Хорошо, Безсонов понимает намеки. Подмигнул, мотнул подбородком в сторону сгрудившейся возле выхода выставки меховых изделий. И вот уже скалящиеся казачки нагайками и пинками подгоняют упирающееся стадо. Не часто мальчикам доведется покрасить забор... Мои «овчарки» особо не стеснялись...

Господи! Хорошо-то как! Птички чирикают. На корявой ранетке хохлатые, похожие на попугаев свиристели переговариваются. Солнышко светит. Снег пахнет влагой – верный признак – весна близко. Еще холодно. Еще зима, но скоро, совсем скоро вся эта белая мерзость исчезнет, превратится в веселые ручьи и скучные лужи. А потом трава. Жизнь. Экологически чистая жизнь.

Безсонов молча топал рядом. Десяток верховых казаков регулировали движение народа на Базарной площади – я не желал неожиданных встреч. Навстречался. Совершенно не тянуло к делам, в тепло, под крышу. Хотелось просто бродить по деревеньке, смотреть на причудливо украшенные резьбой дома, на людей. Хоть на полчаса почувствовать себя туристом...

Краем глаза заметил движение сбоку. Рука дернулась в карман, к оружию, но это всего лишь Степаныч размашисто перекрестился на тусклые купола церквушки. Удивился. Как раньше не обращал на это внимания? Оглянулся, выискивая знакомые жесты. Те, кто не тянул пальцы ко лбу – не христиане. Иудеи, скорее всего. Их в Каинске полно. А вот остальные...

Остальные верили! Не так, не мимоходом, не по привычке. Искренне, от души. Некоторые – и истово. Губы шептали молитвы, шеи гнулись – не от страха, не от уважения к дому Господнему. От благодарности к сыну человеческому, принявшему на себя грехи. Один за всех – тогда. И все к одному – теперь. Как случилось, что все эти люди однажды поверили – Бога нет? Как могли они вот этими руками сбрасывать кресты с колоколен? Какие слова нужно им сказать, чтоб в одночасье стереть тысячелетие благодарности? Свобода? Воля? Власть? Блестящие, словно фантики французских конфет, слова для образованного человека, но что они вот этим сибирякам? Свобода? А кто из них несвободен? Чиновники, купцы и военнослужащие. Остальным-то что? Тайга большой – иди-ка, поищи. Воля? В границах от морали до смиренной рубашки – бери, пользуйся. Власть? На что она им? Кому нужна власть в краю, где от деревни до деревни сотни верст? Что делить?

Но тогда – почему?

Эх, блин. Все настроение пропало. Припомнились непрочитанные письма на столе и грядущая встреча с Ерофеевым. И время. Безжалостное, неумолимое, бесконечное и драгоценное, утекающее сквозь пальцы, как бы ни сжимал кулак, время.

Чудны дела твои, Господи. Глянул на кулак и вспомнил о почерке. То-то папаша твой, Герочка, удивится, если у тебя вдруг почерк изменится. Да знаю. Да точно. Наука есть такая – графология. Изучение характера человека по его почерку. Говорят даже точная наука. Вроде

математики. Ну да с этим еще полбеда. Напишем, мол, руку повредил... Стиль письма от возраста и опыта человека тоже меняется... А вот чего с этими вашими ятями и фитами делать? Меня читать-писать в обычной советской школе учили. Потом в институте доучивали. Так что у меня самое лучшее в мире образование. Это не я придумал – общепризнанный факт. Вот только незадача – я читаю-то ваши ижицы с трудом, не то чтоб еще и писать... Если от смены почерка Густав Васильевич еще просто удивится, то от моего алфавита просто обалдеет!

Хороший вариант, Гера! Действительно хороший. Молодец, парень! Хвалю. Чувствуется – растешь над собой, развиваешь соображалку! Действительно, отчего же мне не писать письма на нерусских мовах? Папе на дойче, великой княжне – на хфранцузском. Пожаловаться еще, типа – скучаю по образованности. Не с кем туточки словом импортным перекинуться. Дикие места, дикие люди. Окромья русского да татарского ни на каковском не балякают. Так и забыть можно...

А потом... а потом у меня секретарь будет. Говорил, что знаю, кто мне его подберет? Причем я еще и выбирать буду их лучших представителей. Вот секретарь и будет с ятями документы шпарить, а я милостиво подписывать. На счастье, автограф мы с Герой быстро согласовали. Простенько и со вкусом.

Гинтар принял с плеч пальто. На столе потрескивал угольками вскипевший самовар, но приходилось отвлекаться от чайного натюрморта. Вслушиваться в размеренное брюзжание прибалта, который на немецком рассказывал, какие слухи о подвигах губернатора прилетели впереди меня. Принесла новости вовсе не сорока на хвосте, а вполне себе симпатичная горничная с выпученными от нетерпения глазами.

Оказывается, я вдрызг разругался с купцами, приказал некоторых – в основном иудеев – побить плетью, а остальных выгнал взащей. Причем еще успел наобещать несчастным все кары небесные и даже – кошмар! – каторгу. Интересно, среди них телепат завелся, или у меня все на лице написано было?

Но и это еще не все. Потом достал из кармана толстенную папку, где «вся-то жистюшка каждого из людей торговых прописана». Где бы взять такую чудесную вещь? Оружие куда более эффективное, чем пресловутый меч-кладенец.

Выбрал из этой мифологической базы данных самых состоятельных, которым приказал самим явиться в тюрьму пересыльного острога. Вот я какой!

6. Колыванские мысли

В сторону Колывани удалось выехать лишь в субботу, 29 февраля. Дела задержали.

Не зря говорят: понедельник – день тяжелый. Вот затеял ту историческую встречу с купеческим населением Каинска в первый день недели, и что вышло?! На импровизации только и выехал.

И никто ведь не подсказал. Для них-то это как само собой разумеющееся. А мне-то откуда знать? Ну, проезжал этот Ирбит по дороге – село, чуть больше деревни. Много каменных зданий. Часть из них двухэтажные... Да мало ли. По сравнению с Екатеринбургом – мухосрань. Только я в январе проезжал, а жизнь там, оказывается, в феврале кипит. Ирбитская ярмарка! По обороту только Нижегородской уступает. Купчины, что победнее, давно уже там, а богатеи приказчиков заслали да вестей с телеграфа ждут. Часам к двум-трем там самый торг начинается. А я их от дел оторвал, не подумавши.

Да и они хороши. Как дети – обиделись. В неуважении меня заподозрили и сидячую забастовку устроили. Если бы не благоразумие стреляного воробья – Ерофеева-старшего, их бы не нагайками по домам разгоняли, а шашками по погостам...

Пока ждал первого из вызванных «на ковер» бунтовщиков, прочел наконец письма. Поднял настроение. Ее Императорское высочество, великая княжна Елена Павловна на изыскан-

ном, образном и замысловатом русском языке поздравляла меня с получением высокой должности. Но не только! На поздравление бы и телеграммы хватило, а тут текста на страницу. «Мой милый Герман, – писала эта обогнавшая время женщина. – Зная твою неумную энергию и приверженность прогрессу, верю, что долг свой в управлении столь обширными пространствами исполнять станешь ревностно. Столь же истово, как брался за любую должность, на коей судьба тебе быть завещала. Об одном только заклинаю тебя – будь добрее к людям. В земной юдоли своей человеки и без нас обременены многими страданиями. Кои удесятериться могут, коли ты их, как и прежде, лишь колесами зубчатыми в государственном интересе почитать будешь. Впрочем, это продолжение наших давних споров, о которых я все еще продолжаю скучать. В любом случае, знай – мне дорога твоя светлая голова и у меня ты найдешь самую горячую и преданную поддержку...» Отлично! Уж кто-кто, а великая княгиня-то точно имеет доступ к телу государя-императора. Может быть, со всякой ерундой она к царю из-за меня и не побежит, но вот с проектом Томской железной дороги я ее точно попрошу помочь.

Письмо от отца не блистало изящными оборотами. Я бы даже сказал – было сухо, как военный приказ. Однако и оно мне понравилось. Старый отставной генерал извещал своего младшего сына, то есть меня, о том, что его старый приятель – «ты знаешь, о каком господине я говорю» – предупредил о готовящемся решении Государственного Совета касающегося дальнейшей судьбы уральских заводов, «акции коих я тебе передал». И по сведениям этого господина – акционерам не стоит ждать ничего хорошего. В связи с этим Густав Васильевич отправил за мной вслед «известного тебе стряпчего» для оформления доверенности на право продажи «сих ценных бумаг». В столице наблюдался определенный ажиотаж к участию в акционерных обществах со стороны высшего света. Так что «покупатели найдутся всенепременно». Этот же юрист должен был разыскать моего старшего брата Морица. Либо в Омске, либо «если влекомый воинским долгом, брат твой уже выступил в Семипалатинскую крепость», – в северном Казахстане. Естественно, с тем же заданием. У Морица тоже были бумаги несчастных Кауфских заводов.

Самое для меня чудное заключалось в самом конце письма. Там, где обычно должны помещаться слова любви. «Густав, не смей волноваться, – писал отец моего Геры. – Денежные средства, полученные мною с торгов за принадлежащие тебе бумаги, будут помещены в новомодную Сберегательную кассу Государственного банка. Или любое другое место по твоему указанию. Не забудь составить соответствующий документ». Дата. Подпись. Странные отношения. С одной стороны, вроде как вырисовывается крупная кучка готовых к инвестированию средств, а с другой – до слез обидно за лишенного родительской ласки Герочку.

Тот даже удивился сначала, а потом почему-то кинулся меня утешать. Тут у меня и вовсе бардак в мозгах случился. Окончательно перестал понимать, кто теперь кому кем приходится и как мне к этому нужно относиться.

Ерофеевы, отец с сыном, именно таким ошарашенным меня и застали. Поклонились и замерли на пороге, не зная – то ли бежать от этого непонятного начальника с шальными блестящими глазами, то ли в ноги падать и каяться.

Выручил всех Артемка. Самовар притащил. Варенье, мед, сдобу – это уже горничные, а вот полуведерного великана с натянутым на трубу сапогом – казачок. Под чаек с крендельками и разговор как-то легче пошел.

Хорошо поговорили. Петр Ефимович-то все больше помалкивал, пыхтел да пристально в рот смотрел из-под густых седых бровей. А вот сын его, Венедикт Петрович – моих, в смысле – Гериных, лет – тот сразу загорелся, едва понял, о чем я речь веду. Он вообще показался мне не похожим на своего отца, степенного, былинного купчину с окладистой бородой. В мать, наверное, пошел. И черты лица и повадки другие.

Жаль, Венедикт не решился ехать со мной в Томск. Не помешал бы доверенный и, главное, мыслящий сходно, прирожденный промышленник. Но и так много точек соприкосновения

обнаружилось. Оказалось, что старший из сыновей Петра Ерофеева тоже озабочен бестолковым, принесенным из России и не адаптированным к Сибири способом земледелия. Недалеко от Каинска даже затеял ферму, где хотел делать все по науке.

Рассказал Вене о Дорофее Палыче. Посоветовал сманить парня из почтового ведомства. Пообещал поискать ученого агронома и, если они вообще уже существуют, – зоотехника.

Поговорили о паровых машинах, которые Ерофеев-старший назвал «адским движителем». Младший механики не пугался и, видимо который уже раз пообещал обязательно освятить мельницу, куда планировал ее поставить.

Именно в связи с паровиком всплыла тема Ирбитской ярмарки. Стало немного стыдно, но я держался. Извиняться было нельзя. Не поняли бы. Тем более что ничего особо предосудительного я натворить еще не успел. Ну, погонял купцов плетками. В своем праве – они тоже должного почтения не проявили...

Так вот. На этой самой ярмарке неподалеку от Тобольска можно было купить черта лысого и бабу в ступе, не говоря уж о машине. Урал рядом, и купцов оттуда приезжало изрядно. Вопрос в другом. Как этот груз в Сибирский Иерусалим притащить? «Она чай не пуховая перина – в мешок не сунешь». Вариант с разборкой-сборкой купцами не рассматривался. Сломать вещь легко, а кто ее тут чинить будет? И по Оми баржа с такой тяжестью не пройдет, специально узнавали. Предложил подумать о доставке груза в Омск или Колывань, а уж оттуда как-нибудь... Механика, знакомого с работой техники, тоже в Томске поискать нужно было. Все записал в блокнотик. Мало ли – закручусь в заботах, позабуду. А люди надеяться будут, ждать.

Спросил, зачем они хотели винокурню? Куда спирт продавать-то? Поди, полно уже самых хитрых. Тут вдруг сам Петр Ефимыч оживился. Оказывается – это его идея. Неторопливо, но без единой заминки всю идею мне поведал. На Алтай и Степной край нацеливался старый. Туда бухашку возить хотел. Да бог в помощь. Особенно если обратно шерсть и кожи повезет. Чего войлоки у инородцев покупать, самим дешевле валять. И сукно опять же...

Спирт гнать глава рода намеревался из пшеницы. Экий эстет, блин. Чем ему сахарная свекла не угодила? Сахар тоже товар хороший. Задумался старый, а Веня аж плечи расправил, кулак в бок упер. Гляди, батя – полчаса с ученым человеком беседу ведем, а уже столько полезного!

«Батя» взглядом сынуле много чего сказал. Вроде на один только миг от лица моего глаза отвел, а Веня сдулся как дирижабль. Наверняка дома еще и руками добавил – мужик на следующий день ко мне с новыми вопросами прибежал, так под глазом красочная печать синела.

Велел готовить новые прошения и не медлить. Пока я в Каинске – подпишу. Разговор уже заканчивали, вот-вот раскланиваться – пришел Шкроев. Ерофеевы к стульям тут же прилипли, не оторвешь. Все понятно. Конкурент. Интересно, о чем с ним говорить буду.

О водке, о чем же еще?! Иван Васильевич профессию менять не хотел. Как торговал оптовыми партиями хлебного вина, так и продолжать намеревался. И винокурня ерофеевская ему даже не как кость, а как бревно в горле была. Постарался объяснить, что слияние интересов и капиталов всегда выгоднее вражды и конкуренции. Вот если бы производство вместе финансировали, но один только производил бы, а другой только продавал? И вина больше изготовить можно и продать больше.

Вроде задумались. Ближе к ужину выпроводил всех троих. Сказал – если к завтрашнему дню не договорятся между собой, подпишу шкроевское прошение. Пусть будет конкуренция. Хотя не хотелось помогать этому царскому тезке. Не понравился он мне. Мутный какой-то.

Вечером под чутким Гериным руководством писал письма. Парень похвалил и мой новый почерк, по его мнению на его старый был очень похож. Княгине живописал Сибирский тракт, описал в общих чертах свои мысли о развитии губернии, поделился наблюдениями за сибир-

ряками. Вышло вполне мило. На всякий случай, чтоб не показывать изменившихся в одночасье взглядов на роль человека в государственной машине, немного прошелся о долге каждого подданного. И высказал некоторые сомнения. Будем меняться медленно. Интересно, что она ответит. Особенно о железной дороге. Воровство голимое и коррупция в ведомстве путей сообщения такую репутацию сделали, что в Санкт-Петербурге в приличном обществе о новых проектах говорить не прилично. Но я рискнул. Мне нужно.

Генералу Густаву Васильевичу написал три строки: «Отлично. Сберкасса вполне подойдет. Я вас тоже люблю и уважаю, отец». Гера фыркнул, но возражать не стал.

Борткевич с Хныкиным заявили с утра пораньше. Пил кофе и слушал их жалобы на окружного судью. За стол звать не стал. Нафиг они мне нужны, настроение только портить. Пообещал разобраться с каждым и наказать кого попало. Сладкая парочка благодарила до слюней и, радостная, усакала в предвкушении. Почему-то ни одному, ни второму в голову не пришло, что «прилететь» может и им.

«Стяжатель и скрытый якобинец» Мясников явился как немецкий поезд – точно по расписанию. И принес с собой пухлую папку с подборкой выписок из законов Российской Империи, согласно которым он имеет право заниматься производством в Каинске. Поинтересовался у него, в каком именно месте упоминается именно Каинск? С юмором у сально-свечного короля оказалось не очень, и минут пять был вынужден слушать цитаты из следующей пачки. Гера плакал от хохота, а я попросил Артемку принести еще кофе. Законы под оладушки шли лучше, чем без них.

Когда надоело и напиток в кофейнике кончился, спросил:

– В вашей папке, Дмитрий Федорович, случайно не найдется прошения на строительство тех фабрик, что уже имеете?

Вы когда-нибудь видели растерявшийся компьютер? Я раньше тоже. Теперь знаю, как он мог бы выглядеть. Особенно, когда добил:

– Что ж так? Пришли к губернатору, а тому и подписать нечего! Сегодня же! Слышите? Сегодня же прислать мне документы! И потрудитесь присовокупить к ним прошения на обустройство суконной мануфактуры и валяльной фабрики. Поставки шерсти от инородцев организовать сможете?

– Не смел и надеяться, ваше превосходительство, – пролепетал скрытый якобинец и открыто затюканный тупоголовыми туземными князьками Мясников.

– Плохо, господин купец! Плохо! Отправляйтесь оформлять бумаги. И впредь потрудитесь приходить лучше подготовленным!

В общем, вторник начался гораздо лучше понедельника.

И представляет! Тело само вспомнило, как держаться в седле. Стоило отвлечься – оно, мной нежно любимое, крепко усаживалось и уверенно поводья держало. А как только глупым мозгом пытался понять – что происходит, тут же съезжал набок и коняга надо мной ржал. Так что удовольствие оба получили – и я и лошадь.

На конную прогулку, конечно же, сотник вытащил. Третий десяток его казаков встречать. Пришлось соответствовать.

Хорошо, Варежка вовремя пришел. Опоздай минут на пяток и могло некрасиво получиться. Сидел бы ждал, пока я по окрестностям на резвом хохотуне разъезжаю. А так и поговорили по дороге. В общем-то, ни о чем. «За жизнь», как говаривали в мое время. Мне было важно понять, что он за человек и можно ли ему доверять. Я ж его на место главного добытчика чужих и хранителя своих тайн прочил. Как такому не доверять. Либо так, либо ну его нафиг. Пусть бы и дальше в своей Барабинской степи обглоданные волками трупы по дорогам собирал.

Парень не разочаровал. Умный, наблюдательный. Язык за зубами умеет держать. Я ему свою сказку рассказал – о том, как молодой и ничего не умеющий поручик с Кавказа домой

вернулся... Слушал внимательно. Иногда бросал на меня взгляды. Но молчал. Лишь кивнул, когда я поделился планами – навестить окружного судью по месту его основной работы. Договорились встретиться на следующий день. Пообещал рассказать ему о возможном грядущем.

Куперштох пришел-таки немного раньше назначенного времени. Так чтобы мало ли что. Правый карман его... ну не знаю, как эта одежда называется... вроде длиннополого сюртука, заметно оттопыривался. Рентгена у меня нет, но я и так знал, что там. Конечно – деньги! Зачем бы еще честный иудей понадобился гражданскому губернатору?

Приятно было его разочаровать. Впрочем, он в долгу не остался. Просто убил меня наповал, открыв страшную тайну – зачем подавал прошение на открытие винокурни, если знал – обязательно откажут. Думаете – на авось? А вдруг гои все-таки разрешат и нескладный, угловатый такой весь, еврей сможет поправить свое финансовое положение? А вот и нет.

Оказывается, в Каинск постоянно, пусть и не по доброй воле, приезжали на жительство иудеи из европейской части России. Естественно, мошна у них не занимала много места. Местная община, конечно, помогала единоверцам, пока не был открыт исключительно тонкий способ образования первоначального капитала. На вновь прибывшего покупалось разрешение винной торговли. Небольшая рюмочная у тракта за год легко зарабатывала хозяину на открытие «красивой» торговли или ремесленной мастерской. Забегаловка передавалась следующему страждущему, и цикл повторялся.

Так вот именно тут и пряталась основная проблема. Сибирские виноторговцы вовсе не стремились продавать евреям водку. Ибо все годами наработанные схемы и каналы оптовой торговли разбивались о безусловный торговый талант этого гонимого племени. Там, где русские продавали сто ведер хлебного вина по рублю оптом, какой-нибудь Изя выторговывал то же количество в розницу по три.

Последнее же время, когда успехи русского воинства в продвижении границы все дальше на юг, открыли новые рынки сбыта, каинским евреям и вовсе хоть плачь. Нет для них жизненно необходимой жидкости и все тут. Вот и собрали гигантскую по местным меркам взятку – аж десять тысяч серебром. Уговорили Мойшу Цехевского стать Алехиным и подали прошение. Борткевич деньги взял, но положительного решения все еще не было. Чиновник отговаривался тем, что будто бы отправил бумаги в Томск. Это я знал, что окружной начальник их попросту кинул, а деньги присвоил. Они же продолжали ждать...

– Господи милостивый, зачем же так сложно-то? – возопил я. – Что ж вы, богоизбранное племя все в лоб, как турок какой, кидаетесь! Наш государь-император, в бесконечной мудрости своей, запретил иудейскому народу производить спиртное. Но ведь владеть и производить – это разные вещи!

Лейбо Яковлевич меня не понял. Закатил свои большие, влажные, грустные – словно со святых ликов – глаза и принялся спорить. Пришлось объяснять, что закон не препятствует евреям владеть долями в любом производстве. Потому что доля – это имущество, а Империя чтит право своих подданных владеть имуществом. Производить ведь и другие могут... Вон, те же Ерофеевы, например. И продавать водку вкладчикам в совместное предприятие точно не откажут. Получится, что и волки сыты, и овцы съедены.

Но в оплату за дельный совет, и даже, если нужно за посредничество в этой сделке потребовал от еврейской общины содействия. Не денег. Нафиг мне их деньги не нужны. Связи! Они ведь со всей Россией в сношениях, да и в Европе о них не забывают. Этот вот самый Куперштох, судя по хныкинской справке, аж в Лейпциг на ярмарку меха отправляет. Подозрение есть, что белка там соболя изображает. Да только мне-то что с этого? Желают европейские господа сибирских мехов – получите.

Люди! Специалисты! В разных областях. Механики, судостроители, агрономы, железнодорожники. Причем – только те, кто в Сибирь навсегда, на постоянное место жительства, переехать согласен. Мне даже «с доставкой на дом» не надо. Сам могу. А вот найти, договориться

– тут помощь ох как нужна. Нет у меня сети агентов по всему миру. А у этого мосластого Куперштоха есть.

– Я не еврей, – заявил я, отправляя Лейбо Яковлевича на совет к лучшим представителям не маленькой иудейской общины. – Я русский немец и евреем никогда не стану. А вот врагом или другом евреям на моей земле могу стать. Передайте, любезный, это своим... единоверцам. Мы можем враждовать или быть полезными друг другу. Именно об этом сейчас идет речь...

Скромно одетый богатей покосился на валяющийся без дела на столе пистоль – наверняка уже наслышан о моих подвигах – и заторопился. Думаю, никогда еще ни один «новоиерусалимский» иври не приносил в кегила такой многообещающей вести.

Минут десять после того, как за Куперштохом закрылась дверь, выдумывал способ казни для Борткевича. Фантазия разыгралась не на шутку. Гера орал «хватит, хватит» и бился в истерику от хохота. Я вообще заметил – чувство юмора у нас с ним нивелируется. Он теперь легко понимает мои шутки, я его. И подсказывать он стал до того, как спрошу. Иногда, кажется – сам знал, сам помнил – настолько естественным стал чужой шепот в голове.

Причем ему, похоже, к моей памяти доступ открылся. Копаются там, роется. Порой за объяснениями обращается. Как-то он спросил – я ответил. Про уран и атомную бомбу. Он часа три молчал. Пока не заявил, что ему жаль этот мир в будущем. Жить с занесенным над головой мечом... Рожать детей и знать, что все висит на волоске... Вялотекущий кошмар! Потом еще добавил, будто теперь понимает, почему ему иногда кажется, что у меня мозги набекрень...

В конце концов, наш с Герой военно-полевой суд постановил: окружного начальника обобрать и сдать судьбе. Если, конечно, с Нестеровским получится договориться. Я же не хочу оставлять за собой пепел и тлен. А если ничью сторону в этом затянувшемся противостоянии не выбрать, тут такое начнется! Атомную бомбу на Каинск тратить не понадобится.

Взялся за газеты, до которых утром руки не дошли. «Томские ведомости» – других не завезли еще. Причем странно как-то. Три номера – пятый, от 31 января, шестой от 7 февраля и восьмой, от 21 февраля. Словно кто-то специально подборку сделал. Хотя... седьмой номер вроде вчера просматривал... Тем более странно!

Пятый просмотрел по диагонали. Пока не открыл тетрадку с последней, неофициальной частью. Грешным делом, искал обычные для этой вкладки сведения о происшествиях в губернии, а нашел статью Николая Ядринцова «О Сибирском университете». Вдохнул глубоко, да так и не выдохнул, пока не прочел до конца.

И тому было целых три причины. Первая – конечно же меркантильная. Создание высшего учебного заведения в Томске враз и навсегда покрыло бы все мои потребности в специалистах. Достаточно было бы оказывать «пасторскую» поддержку, направлять в нужную сторону исследовательскую работу, а на выходе получать нужные технологии и людей, умеющих их применить. Плюс – бесконечный, болезненный энтузиазм новорожденных сибирских студентов...

Однако насколько мне было известно, в той, оставленной мною в будущем, истории так необходимый региону университет появился только в конце восьмидесятых. Причем на этот же период пришлось и время наивысшего расцвета губернской столицы. Потом случилось непонятное – Транссиб промахнулся мимо Томска. Триста лет героических усилий по благоустройству, развитию города были принесены в жертву спорной экономической целесообразности.

Я никогда не задумывался, насколько связаны были между собой факты открытия вуза и расцвет купеческого Томска. В любом случае, даже не принимая во внимание мои личные потребности, университет – это статус. Первый за Уралом университет – это суперстатус. Это заявка на звание Столицы Сибири. Добавим сюда железку, и получим полное и безусловное превосходство нежно мною любимого города над любым другим – от Казани до Ново-Архан-

гельска на Аляске. Теперь представьте мое удивление, когда сейчас, в последние дни зимы 1864 года, будем считать за двадцать лет до, я обнаружил этот материал. Чем не вторая причина?

Третья скрывалась в личности автора статьи. Немного найдется коренных томичей, кому имя Николая Ядринцова ничего бы не говорило. Честно говоря, еще в школе историей этого человека вместе с другом евойным, господином Потаниным начинались и заканчивались уроки «патриотизма» или «краеведение». Основная причина их известности вовсе не в просветительской, исследовательской или публицистической деятельности, хотя и на этой ниве товарищи исправно трудились. Нет. Просто их суету в каком-то бессмертном творении высоко оценил Ленин. И, по мнению вождя, были они славными борцами за светлое будущее пролетариата и жертвами царской охранки.

В памяти откопались сведения о «областниках» – то есть заговорщиках, желающих отделения Сибири от Российской Империи. Так вот, тот самый Гриша Потанин, друг Коли Ядринцова, «краеведами» и назывался как их идеолог и лидер. И я ни секунды не сомневался – раз «всплыл» один, значит, где-то неподалеку припрятан и второй. А теперь вопрос, господа знатоки! Мне такие люди нужны?

Сложный, действительно сложный вопрос. С одной стороны – деятельные, любящие свой край и радеющие за его жителей господа лишними не будут. С другой – Третье отделение Кабинета Его Императорского величества и весь жандармский корпус в придачу. Не ошибусь, если скажу, что господам жандармам мое близкое знакомство с заговорщиками покажется весьма подозрительным. Да чего уж там. Прицепят «паровозом», и стану я такой же жертвой охранки с высокой оценкой от товарища Ленина. Только вот об университете и о чугунке, с таким-то аттестатом, можно будет забыть. Неравноценный обмен, не находите?

Информации не хватало. Планы в отношении политического сыска требовалось менять уже сейчас. Придется сотрудничать с жандармами плотнее, чем собирался. И ждать явления деятелей областнического движения. А там... Или найти им применение, чтоб всякую дурь о сепаратизме из головы вымыло, или занятие им найдут более суровые господа.

В шестом номере «Ведомостей» привлекли внимание статья от Сибирского Телеграфа. О нем самом. Хвастались, что провода дотянули аж до Иркутска. Как я понимаю, это значит, что дальше на восток страна обходится голубыми. Жуть. Показательно с точки зрения эффективности управления. Ни Кузнецк, ни Барнаул с Бийском не упоминались вообще. Глушь и медведи по улицам бродят... Как администрировать губернию, большая часть которой не обеспечена надежной связью? Интересненько!

Восьмой номер добил. Снова статья об университете! На этот раз – перепечатка из «Санкт-Петербургских ведомостей». Автор не указан, но он, несомненно, одного поля ягода с Ядринцовым. В материале «Еще о Сибирском университете» рассматривался финансовый аспект проблемы. Выводы вполне ожидаемы. Если что-то очень хочется – любые сведения можно изогнуть в нужную сторону. Но тут неведомый корреспондент выразил надежду, что обязательно найдутся желающие проспонсировать... В общем-то верно. Я и сам дал бы... Тысчонку.

Кстати о деньгах! Чуть не забыл! Кликнул Артемку. Велел отнести записку окружному начальнику Каинского общего окружного управления, коллежскому асессору Борткевичу, Фортунату Дементьевичу. И пригласить ко мне пристава гражданских и уголовных дел, губернского секретаря Пестянова Ириней Михайловича. Именно в таком порядке.

Написал вот что: «Говорил с Куперштохом. Вам требуется объясниться».

Для Варезки же у меня было задание. Очень меня заинтересовал добродетель, подсунувший подборку газет со статьями об университете. Телеграфные новости – явно примитивная попытка пустить пыль в глаза, а в случайности я давно уже не верю...

Между Каинском и Колыванью триста восемь верст. Двенадцать станций. Десять ночевок. Достаточно, чтоб вспомнить насыщенные событиями дни в Сибирском Иерусалиме. И

совершенно удручающе мало, чтоб наговориться с попутчиками. Бедному старому Гинтару теперь не до сна. Какой уж тут сон, когда в дормезе постоянно кто-то с кем-то беседует. Нет-нет и смех слышится. В том числе – женский. Да и сам прибалт изменился. Совсем немного, на мой взгляд, и кардинально, по мнению Герочки. Все такой же угрюмый и колкий, но хотя бы в разговор стал вступать. Причем по-русски. Еще бы! На старости лет сделаться распорядителем, по местным меркам, весьма внушительного состояния...

Государственный банк Российской Империи при обмене серебряных монет на ассигнации использует курс один к трем с половиной. Обратное, бумажки на монеты, вообще не меняются, оттого и не официальный курс здорово от официального отличается. Гинтар считает, что один к четырем – вполне справедливо. Я не спорю, мне все равно. Я ни туда, ни обратно менять не намерен.

Самая крупная купюра – билет Казначейства России в пятьсот рублей. Этакая мифологическая бумажка. Все знают, что она есть, только никто ее в глаза не видел. Лежат у кого-то в надежном сейфе пачки таких банкнот, а по стране бродят ассигнации номиналом поменьше. Сотенки. Они же – «государственные» – с надписью «Государственный кредитный билет». Эти вполне распространены. У прибалта в волшебном саквояже таких много.

Много, но далеко не такой ворох, как тот, что притащил в холщовом мешке Борткевич. Вот вроде умным человеком кажется. А разволновался, как юнец. Прибежал, в мыле весь, в ноги бросился. Прощения просил. Избавить его от соблазна великого просил и мешок свой мне в руки совал. Всего-то четыре пачки денег, если правильно собрать да уложить. А в рассыпную – полмешка.

Действительно соблазн. Такой соблазн пережил – пнуть это существо, как пса шелудивого, и в нежные руки судьи передать. Сдержался. Участь его другая ждала. Такая, что, быть может, моему ногоприкладству рад был бы.

– Возьмите, батюшка ваше превосходительство! Возьмите, Христа ради прошу!

Было бы дело только в несчастных обобранных и кинутых евреях – взял бы. Мне быгодились. Но я не только за Куперштоха на начальника обижен был. Скорее за стиль и метод его работы. За «нельзя». За подавление и непуущание любой инициативы. За интриганство и лесть. За самые обычные явление среди туземной чиновничьей братии, которые я намерен был выжигать каленым железом.

– Нет. Не возьму. Что ж это ты мне взятку, что ли, суешь, собака?

– Возьмите, милостивец. Возьмите, господин губернатор. Чтож мне теперь, их в мусор выбросить, что ли? Или первому встречному...

А вот идея с первым встречным мне понравилась. Не знаю, от ума большого он это сказал или по дурости брякнул, но у меня даже «встречный» готов был. И далеко ходить не надо... Борткевич, как осознал, что я слугу своего имею в виду, прямо как был – на коленях – к Гинтару переполз. Руку целовал. Старик и размяк. Согласился снять с бедолаги обузу. Они еще полчаса ее пересчитывали да за ветхие или надорванные бумажки лаялись. Потом тесемками пачки перевязывали...

В этот день как-то так получалось, что почти все посетители с деньгами являлись. Только коллежский асессор ушел, только Артемка на стол пыхтящий самовар приволок, нарисовались Веня Ерофеев с фингалом под глазом и братом Ваней. И не поймешь ведь – то ли на запах сдобных «жаворонков», то ли деньги к деньгам...

Благодарить стали. Вдвоем. Поддакивали друг другу и друг друга дополняли. Да складно так, словно всю ночь репетировали. Оказалось – нет. Как до дому от меня дошли, отец перво-наперво мудрость передавать стал. Воспитывать. Чтоб не лез с прожектками своими поперед и родителя дурнем да тугодумом перед генералом не выставлял. Потом помолились всей семьей. Повечеряли. Тогда уже за расчеты сели. Впятером. Четыре у Петра Ефимовича сына, оказывается. И все четверо окружное училище закончили. Образованные. Глава семьи только цифирь

складывать да автограф свой в книгах выводить и умеет, а о детях позаботился. Умеет старик вперед смотреть. Все бы так!

Спорили до хрипоты. За ночь кипу дорогущей бумаги извели. О костяшки счетные все пальцы пооббились. Женское население усадьбы так перепугали, что те ножи и топоры прятать кинулись. К утру итоги вывели.

Долго смотрел седовласый Ерофеев на чистовой расчет. Потом встал, низко Венедикту поклонился да за науку отцовскую простить попросил. И еще сказал, что негоже человека государева, что милость великую им явил, прибытком будущим весь род до правнуков обеспечил, без подарка оставлять. Хотел уже старшего сына ко мне отправлять, да тут делегация от евреев заявила. Пришлось снова молиться и за тот же стол садиться. Умеет, конечно, племя иудейское торг вести – не отнять. Но и Ерофеевы не пальцем деланы. К обеду стряпчего позвали – договор писать и прошения на фабрики с мануфактурами.

– Если не секрет, Венедикт Петрович, скажи – сколько Куперштох в вашу винокурню вложить должен? – полюбопытствовал я.

– И в винокурню, и в свеколку с сахаром, ваше превосходительство! Сто пятьдесят тысяч ассигнациями...

Хмыкнул. Думаю, не на много ошибусь, если скажу, что в ерофеевских расчетах итог ближе к миллиону получился. Понятно – не сразу. Понятно, что путь еще не малый впереди и работы непочатый край, но теперь им хотя бы понятно, за что бороться.

– Прими, благодетель, не откажи! – взмолился розовый от смущения Иван. – От всей семьи нашей, батюшка вот передать велел.

И, главное, снова «билетики». Может, и не полная пачка, но уж половина – точно. Вкусная такая, замечательная половинка. Только брать нельзя. Против правды это. Я и делать ничего не делал. Идею со свеклой подсказал – так крестьяне, что ее выращивать согласятся, прибыль вчетверо больше, чем от пшеницы, получают. А значит, покупать смогут больше. И детей учиться отправят. И с углем для паровой машины так же. И с фермой. Выходит – это дело не мое личное, а государственное.

И не брать – нельзя. От души ведь дают. Не вымогал и нож к горлу не приставлял...

– Слушайте меня внимательно, купцы Ерофеевы. И другим передайте! Я, Герман Густавович Лерхе, исправляющий должность начальника губернии, поборов с торговых да промышленных людей не брал и брать не стану...

Лица братьев скисли. Легко догадаться – что именно им скажет батюшка, если они деньги обратно домой принесут. Но торопиться нельзя. Тон такой выбрал, пафосный. Поспешишь – решат, что крутится новый губернатор аки ерш на сковородке. Словами громкими прикрывает стяжательство.

– Однако ж! Вот Гинтар Теодорович. Он – глава вновь открытого Фонда содействия губернского управления. Ему вклад можете сделать, и впредь не забывать. Фонд много чего хорошего делать станет. В том числе и следить, чтоб прошения к нужным людям попадали... А мне лично – и вашего доброго слова довольно. Я не о себе пекусь, о государственной пользе!

Фух. Вроде нормально получилось. И, главное, вовремя. Седой слуга вот только головой качал, сомневался. Но это не на долго. Как только подписал документы ерофеевские, распрощались с братьями и сели с Гинтаром Устав фонда писать.

Костяк идеи давно в голове жил. Обрастал помаленьку мясом. Сухожилия связывали разваливающиеся части, конечности обтягивались кожей. Не хватало двух самых главных частей – сердца и головы. А тут как-то вдруг сразу – и то и это. Распоясавшиеся, ожившие без этой пресловутой «черты оседлости» в Сибири евреи, посредством лихоимца Борткевича, дали сердце. Что за фонд без денег? Самое его существование – это обоснование движения средств в нужную сторону. От желающих дать к нуждающимся в получении.

А бережливость Гинтара натолкнула на мысль сделать из него управляющего. Голову. И человек на своем месте, и всегда под присмотром, и мне руки развязывает. Прибалт сначала даже возражал. Вяло и не изворотливо. Повторял, как попугай, одну и ту же фразу с разными интонациями в ответ на все мои доводы: «Что же я батюшке вашему скажу»? Будто у Густава Васильевича забот больше нет, только отчеты со слуг собирать. Гера вон не даст соврать. В их петербургском доме одних истопников двое. Повар и повариха с помощниками. Горничных пятеро. Конюх-форейтор. Генеральский адъютант постоянно в доме еще проживает... Вот вся эта орда с самого утра бумаги отцу и несет. Как представил, смешно стало...

Потом Гинтар по существу вопросы стал задавать. О доходной и расходной частях фонда. О контрольном органе и попечительском совете. Сели записывать. Гера мой юридические термины прямо под руку подсказывал. Старик – финансовые. Я за тот вечер много нового о седом слуге узнал. Тайну – где стрелять научился и людей убивать без моральных сомнений – он мне так и не открыл. А вот о том, что в Ревельском финансовом училище обучение проходил, поведал. Ох, чую, «сколько нам открытий чудных» готовит битый жизнью прибалт. В одном лишь сомнений нет – не предаст. Есть что-то этакое, связывающее крепче клятв слугу и старого генерала. Нечто, от чего Гинтар даже имя отца с придыханием произносит.

Забегал Варежка. Попросил его прояснить для меня один презабавный вопросик. Тот сначала фыркнул в усы, а потом, дослушав объяснения до конца, кивнул. Проблема стоила его усилий.

Артемка принес счета. Прикинули суммы и распределение фондов по направлениям. Позвали сотника. Пытали его по поводу цен на стройматериалы и стоимость работ. Он оказался настоящим партизаном: «Кирпич отобрать, артельных мужиков на стройку нагайками загнать... А сколь за это платить, о том я не ведаю. В губернии на то архитекторы имеются!» Кстати, чуть не забыли проектные работы! Не напомнил бы об архитекторах, могло некрасиво получиться...

Ночь уже была, когда с уставом и планами на первое время закончили. Отдали черновики документов хозяйке гостиницы. Обещала, что к утру переписанные вернет, в трех экземплярах и каллиграфическим почерком. Сервис, блин. До появления ксероксов еще сто лет...

В казне еще даже официально не зарегистрированной общественной организации уже было сорок шесть тысяч пятьсот рублей. Полторы тысячи я выделил. Это те деньги, что местные чинуши с купцов в мою честь собрали. Посчитал правильным присовокупить их к средствам Фонда.

Хорошо день прошел, даже вспоминать приятно. Большущее дело сдвинулось с мертвой точки. Дело, призванное дать мне работающий с максимальной эффективностью административный аппарат.

И в мое время, и здесь – всюду одно и то же. Чиновникам назначена слишком маленькая зарплата, ибо быть государственным служащим, по мнению правителей – великая честь. Но чтоб соответствовать статусу, требуются дополнительные расходы. И одеваться нужно строго да представительно. И кушать не что попало. Машины, дети в дорогих школах, отдых в ведомственных профилакториях... А где деньги, Зин? Тут и начинается вторая часть знаменитого Марлезонского балета. Чиновник начинает брать взятки. А ему дают. Хотя бы потому, что на Руси принято благодарить за добро. Раз отблагодарили, другой, третий. Потом обиделся на неблагодарных, а там уже и «благодарность вперед» начинается. Те же, кто без благодарности придет, от бюрократии и погибнут.

И как, спрашивается, с этим бороться? Каторгой? Так не пойманный не вор. Все знают, что берешь. Знают – за что и сколько. И никто не сдаст. Потому что удобно и предсказуемо. А ты и законов-то больше никаких не нарушаешь. Делаешь свою работу и получаешь за это достойное вознаграждение...

Можно, конечно, поднять жалование до таких пределов, что потерять доходное место станет полной жизненной катастрофой. Думаю, от этих пределов казна любого государства мигом опустеет. Но мы же пока чисто теоретически рассуждаем, правда?

Подняли зарплату. Взятки брать перестали. Увеличилась ли эффективность управления? А вот вряд ли! Сначала и ненадолго – возможно. Но потом упадет, причем резко. Потому что деньги ежемесячно в кассе выдадут вне зависимости от того, работал ты вообще или начальнику помогал кроссворд отгадывать. А посетители и прочие попрошайки очень скоро назойливыми «мухами» будут восприниматься. Нет, конечно что-то делать все-таки будут. Отчеты будут писаться – начальству же нужно доказать свою полезность. Те из нескольких отчетов свои меморандумы составят. И так далее до самого верхнего уровня, где министры радостно рапортуют, как у нас все расчудесно. Только ничего подобного. Рапорты эти в разделе фантастики должны храниться, а не в архиве.

Так что же делать? Как что?! Взять в одну руку кнут, а в другую... лучше все-таки пачку денег. Пряник они сами себе по вкусу выберут. Был бы я царем – давно бы порядок навел. Но нет, не вышло. Попал в Герочку. Благо он хотя бы губернатор, а не голытьба какая-нибудь вроде биндюжника в Одессе-маме. Вот и действовать я буду исходя из возможностей, а не желания.

Тут как раз фанфары берут тему Фонда.

Представьте себе некую общественную организацию, существующую на добровольные взносы. Может она, совершенно официально, через банк, приплачивать чиновникам? Допустим – таково его, Фонда, предназначение. Может конечно. Почему нет-то? А может Фонд приплачивать побольше тем из многих, на кого за месяц жалоб от просителей нет? И поменьше – на кого есть? И снова – почему нет? Вот на это и должна была пойти половина денежных средств.

А вторую половину мы с Гинтаром решили истратить на строительство. Вы вообще знаете, что строительство – одна из важнейших отраслей промышленности? Что каждый десятый работоспособный человек в мире каким-либо образом связан со строительством? Соответственно, чем лучше это направление развито, чем больше строят, тем лучше для промышленности вообще. Прямая связь – люди получают за работу на стройках деньги и покупают товары. Другие изготавливают стройматериалы и тоже получают деньги... Дальше нужно объяснять? Причем только строительство использует огромное количество низкоквалифицированной рабочей силы. Конечно, нужны и мастера, и архитекторы. Но копать ямы или «круглое таскать, квадратное перекачивать» может любой. Лишь бы здоровьем Бог не обидел.

И строить можно что угодно. Один умный президент строил дороги, и страна успешно преодолела экономический кризис. Другой – канцлер – военные заводы. Тот же эффект.

Одна лишь загвоздка. Нужен инвестор. Кто-то должен платить. А значит – все построенное должно нести смысл. Иначе вся Земля уже пирамидами была бы покрыта. И ломали бы голову археологи будущего – за каким ЭТО было построено? И не находили бы ответа. С тремя-то разобраться не могут, а, представьте, их сотни!

Значит, нужно каким-то образом стимулировать строительную отрасль. Сделать так, чтобы вкладывать капиталы в строительство было выгодно. Как-то расшевелить, показать хранителям нежно оберегаемых кубышек, что здоровенный жилой дом со сдаваемыми в наем квартирами – это тот же сейф, только лучше. Не вскроют и все нажитое непосильным трудом не утащат. А деньга будет капать и капать. И дом стоять. Внукам-правнукам достанется...

Конечно, это идея не нова. Гера говорил, и сейчас в столице такие «доходные» дома весьма распространены. И в Томске люди флигельки нуждающимся сдают. Вот и придумали мы с Гинтаром построить большой, квартир на сто, с флигелем-общежитием, дом для работников губернского правления. И цену за аренду поставить намного ниже, чем в городе. Фонду будут продолжать поступать пополнения средств, а чиновникам легче будет жить. И приказы вышестоящего руководства, меня то есть, будут выполняться мгновенно и со счастливым выра-

жением на лицах. Потому что я злобный тип и тупых да ленивых выпну в пять секунд. И заплатят доплаты от Фонда, и с ведомственным дешевым жильем придется распрощаться. Такой вот я коварный тип.

И потом, я ведь еще не все городки своей огромной губернии посетил. Подозреваю, что на счету Фонда очень скоро денежков в разы больше станет. И чтоб они там мертвым грузом не лежали, предусмотрели мы в уставе возможность инвестирования в добывающие, производственные, транспортные или строительные предприятия. Так с этой приятной мыслью и уснул...

А вот среда оказалась днем беготни. Слава богу – не бестолковой. Полезная оказалась беготня и поучительная.

Разбудили ни свет ни заря. Конечно, Гинтар постарался. Только он способен на такой подвиг. Знает же, что я весьма неохотно покидаю объятия Морфея, да еще и делаюсь от этого раздражительным и ядовитым на язык. Знает и все равно будит. Да еще хитро так. Ходит, скрипит половицами, дышит шумно. Пятками по полу шлепает. А то и уронит что-нибудь тяжелое. Вроде он тут ни при чем, но тут хочешь – не хочешь, проснешься. Как на него злиться?

На рассвете среды у слуги и по совместительству, управляющего Фондом содействия губернскому управлению причина была куда как уважительная. Оттого и явился он со своими «хитростями» раньше обычного, и настроение у меня проснулось хуже некуда. Оделся, умылся, причесался и приготовился загрызть голыми зубами любого, кто посмел стать причиной раннего старта.

За столом в гостиной баловался кофе Пестянов. Судя по выражению лица, напиток был не слишком-то ему по вкусу. Велел Артемке принести приставу чаю. Нечего благородный напиток на эту кислую рожу переводить.

Ириней Михайлович резво вскочил, принял некое подобие стойки смирно и доложил, что тайный «благодетель» обнаружен. Еще добавил, что дело тут тонкое, а потому он не стал «виновнику торжества» вопросы задавать. И «ежели вашему превосходительству все еще любопытно, кто именно такую заботу о его превосходительстве имеет, то не соизволит ли его превосходительство одеться и проследовать за вернейшим его слугой». Моему превосходительству было все еще любопытно, хотя и очень не хотелось выходить из теплой гостиницы на мороз. Но Варешка продолжал настаивать, утверждая, что «доставка указанного лица в номера может оказаться неуместна». В общем, хитрыми маневрами седой прибалт и усатый сыщик вытянули-таки меня в серый сумрак дымного от тысяч топящихся печей Каинска.

Молодцы! Оказалось, что цель нашего рассветного променада была расположена не слишком далеко, и вся наша честна компания отправилась пешком. Потому, прежде чем свернуть с Московской улицы в какой-то неопознанный переулок, успел заметить, как к крыльцу гостиницы подлетели сани Хныкина. Вот уж с кем точно не хотел встречаться, так это с ним. Успей казначей перехватить меня, одним чиновником в моей губернии точно стало бы меньше.

Свернули еще раз. Снова какая-то улочка, упирающаяся в старую, деревянную церквушку. Мелькнула мысль – а не поп ли какой-нибудь озаботился моей агитацией за высшее образование в Сибири, но была тут же отброшена как совершенно невероятная. Слишком трудно мне было представить себе священника – приверженца «гнезда вольнодумства». Да и что православным церковнослужителям до какого-то лютеранина русско-немецкого происхождения. Больше все-таки немецкого. Матушку Геры, Царство ей Небесное, Дарьей Карловной величали. В девичестве – Гейдеман. Не слишком похоже на «Иванову», правда?

Говорят, кавалеристы пешком ходят неуклюже. Врут. Нужно же что-то говорить, когда завидно. Ты в пыли по самую макушку на обочине, а они такие красивые мимо едут... Пестянов, бравый казак, герой Кавказской войны, шагал быстро и вполне уверенно. Я за ним бежать вспотел. Конвойная пятерка, отправленная со мной Безсоновым, на половине дороги уже ныть начала, что лучше бы на конях поехали...

Не знаю, что в понимании Варежки – далеко, только нам с Герой, сугубо городским жителям, не каждый день доводится столько пройти. Пот уже и лоб замочил, и по спине холодными струями потек. Благо «сусанин» отдышаться дал, прежде чем в избу зашли.

– С той стороны батюшка Пелагей проживает, ваше превосходительство. А здесь, значаща, школа...

Ха. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Одно слово, а все намеки пристава сразу объяснения получили. Где школа, там учительница. Правильно? Где учительница, там особа женского пола. А как женщину, или тем паче – девушку в номер гостиницы тащить, к губернатору?! Весь Каинск через полчаса уже судачить будет. Позорище! Так что все правильно Варежка рассудил. Кем бы ни была этот таинственный добровольный «пресс-секретарь», но уж лучше мы к ней.

– Как ее зовут? Давайте-ка, Ириной Михайлович, поподробнее. Откуда такой подарок мне на голову свалился?

Пестянув удивленно сверкнул глазами – не ожидал, наверное, что так быстро догадуюсь, и выдал информацию к размышлению: Василина Владимировна Росикова. Двадцати лет от роду, дворянка. Не замужняя. Выпускница Иркутского девичьего института. Детишкам в школе при церкви науки преподает – писать учит, читать и счет до ста. Еще при почте помогает – подписные издания оформляет и по заказам раскладывает. Ну и за два рубля в месяц в гостинице подпиской газет ведает да постояльцам подает. Отец ее, отставной штабс-капитан Владимир Осипович Росиков, ныне инвалид. К креслу прикован. Последние жилы надорвал, чадо единственное обучая. Имений или иных каких капиталов не имеет. Пенсия назначена по чину, за ранение и как орденоносцу.

Видно, не слишком у отставного военного велика пенсия, раз дочь вынуждена на трех работах трудиться. Попробовал уточнить у пристава, но он порекомендовал обратиться к Хныкину... Опять этот... Только не это. Решил, что благосостояние отца не слишком трудно разделить по внешнему виду его дочери.

И тут вспомнил о своем внешнем виде. Выскочил-то из гостиницы в спешке. Оделся кое-как. Сюртук, конечно, из дорогой ткани, здесь ни у кого такого нет. И рубашка батистовая. Шейный платок с рубиновой иглой. Но знал бы, что в школу идем, мундиром бы озаботился. Гера вон и то не знал, будет ли приличествующим губернатору посетить приходскую школу в штатском...

Все решила лень. Как представил, что снова бегу по утопающим в снегу неряшливым улицам окружного городка... Да еще только чтоб переодеться... Ну бы его...

Пока раздумывал, в класс уже ввалилась пара моих казачков. Мало ли чего! Вдруг там засада! Супостаты под партами спрятались... Заставь их молиться, они лбы порасшибают. Телохранители, блин, доморощенные. Так что эффекта неожиданности не вышло: десятка два детишек – стриженные под ноль головы – вдоль стены. Учительница – низенькая, полноватая девушка с круглым, некрасивым, веснушчатым лицом. Рыжая и с зелеными глазами.

– Доброе утро, ваше превосходительство! – голос тихий, но уверенный. Учительский. Горделивая осанка, которая сразу в глаза не бросается, но, быть может, единственная ее привлекательная черта. – *L'aube d'aujourd'hui est particulièrement belle. N'est-ce pas?*

Ого! Французский. И выговор неплох. Возможно, на Невском ее акцент и мог бы вызвать снисходительные улыбки, но только не у меня. Тем более не здесь.

– Конечно, мадемуазель. Рассвет стоит того, чтобы встать пораньше. Вы всегда назначаете уроки так рано? – говорю тоже на парижском. Выделяю гундосые звуки. Учиться никогда не поздно. Даже учителям.

– Детям еще работать весь день, ваше превосходительство. Их тяга к знаниям восхитительна, но не все родители ее разделяют.

– Грамотным людям всегда проще найти свое место в жизни. Так что эти дети мудрее своих родителей. Жаль не в моих силах сделать образование обязательным...

– Вы действительно этого хотите, ваше превосходительство? – легкое движение бровей. – Отчего же вы не выскажитесь об этом? Хотя бы, со страниц газет?

– О! Что вы, мадемуазель. Сама мысль о необходимости писать что-либо в газету пугает меня...

Девушка искренне верила в силу средств массовой информации. Она считала, что с появлением газет у каждого человека появилась возможность донести до остальных людей все самое лучшее – идеи, мысли, чувства. Да, она признавала, что отчего-то не слишком многие торопятся воспользоваться чудесной силой печатного слова.

– Я имею возможность прочитывать множество листов, – поделилась она шепотом, блестя глазами. И если бы она еще чуточку наклонилась, могло показаться, что два заговорщика составляют свои зловещие планы. – В иной день и по двадцати газет приходит. И я вижу, наблюдаю всеобщую страсть к наукам. К мысли об университете в Сибири даже купеческое сословие положительное отношение имеет...

Поговорили еще. Выяснилось, что выпускницу частного женского училища интересует не одно только образование. С не меньшим энтузиазмом она рассказала о тенденциях развития науки в России и в мире. Всплеснула руками по поводу Гражданской войны в Америке. Мягко пожурив поляков, с которыми «и так излишне исключительно обращаются». А потом я сделал Василине предложение, от которого она не смогла отказаться. Попросила, правда, время, чтоб обсудить важный шаг с отцом. Но я уже видел – все. Согласна. Попросил разрешения навестить ее больного батюшку, чтобы лично ответить на возможные вопросы, и тот же час это разрешение получил.

И ведь всерьез собирался посетить скромное жилище штабс-капитана. Нет, вовсе не для того, чтоб просить руки его дочери. Свою супругу я представлял несколько иначе, а Гера так и вовсе не представлял. Просто я намеревался практиковать так называемое, «открытое» управление губернией, и мне очень нужен был пресс-секретарь.

Естественно, ни о каком «взаимодействии со СМИ» речь не шла. Единственная издающаяся в губернии газета целиком и полностью подконтрольна и входит в структуру чиновничьего аппарата. И пиаром эту девушку заниматься не заставишь – я даже объяснить ей не смогу суть этого загадочного термина. В мое-то время пиарщики представляли собой, как мне кажется, нечто среднее между шаманами и прохиндеями. Ни на того, ни на другого Василина не была похожа.

Зато умела читабельно складывать слова. На мой вкус – излишне эмоционально, но в моем новом мире так принято. Каждый автор каждой статейки считал своим долгом выразить собственное отношение к описываемой проблеме. Из всякого мало-мальски значительного повода расписывались целые рассказы с прологом и эпилогом. При всем при этом влияние печатного слова здесь поражало воображение. Куда там будущим радио с телевидением. Приходившие в Каинск еженедельные «Ведомости» ровно неделю люди и обсуждали. Так же искренне и горячо. Со спорами и хватанием друг друга за бороды.

Дела я намеревался делать новые, необычные. Правильно их подать – тоже большое дело, а на господина Кузнецова, редактора «Ведомостей» надеяться не приходилось. Пишет вроде бойко, только умный слишком. Слова такие использует... не для простонародья. Казаки мои днями статейки его читали, так постоянно друг у друга непонятности спрашивали. Иной раз эти грамотеи такое сами себе напридумывают, что весь смысл перевернется. Мадемуазель Росикова в этом отношении явно предпочтительнее. Все-таки в поселенческой приходской школе учительствовала. Ближе к народу уже и некуда.

Тут, правда, одна заковыка обнаружилась. Я сначала-то внимания не обратил, а потом уже поздно было. Дело в том... Как бы помягче выразиться... Дело в отношении теперь современных мне мужчин к женщине, тем более к девушке. Гера, пользуясь тем, что его кроме

меня никто не слышит, такие комментарии вворачивал, что другой кто-нибудь на моем месте и покраснеть мог.

Нет, не все так плохо, как вы можете себе вообразить. Уж в Сибири – точно. Женщин здесь пока мало, отношение к ним соответствующее. Любят, лелеют, балуют. Бывает, конечно, особо зарвавшихся и плеткой учат. Как и в той, дальней, России за Уралом. Другое дело – женщины, занявшиеся мужской работой. Это... блин, с чем сравнить-то? Вроде казака верхом на корове. Нет. Вроде мухи в компоте. И снова – нет. Вроде казака на корове со стаканом компота, в котором муха. В общем, что-то странное, забавное и неприемлемое одновременно. Гера прямо заявил в ответ на жалобу Василины, что родители ее учеников не разделяют тягу детей к знаниям: «ежели сменить профурсетку на серьезного молодого человека, враз и тяга проявится у отцов».

На девушку легкого поведения Росикова вовсе не смахивала, но как-то иначе патриархальное общество этого времени ее воспринимать отказывалось. Отважная рыжая ведьма!

Для меня лично проблемы не существовало вообще. Я сын другого времени, других нравов. Женщина – тоже человек. Станный, не логичный – вроде инопланетянина, но обладающий не меньшими со мной правами. Всколыхнулось что-то внутри, вспыхнуло. Мелькнула мысль побороться с дремучими предрассудками. Кому-то что-то доказать... Вспыхнуло и погасло. Вспомнились румяные мордашки мещанских женок у колодца. Вот им нужна моя борьба? Матрене – поварихе Усть-Тарской почтовой станции – нужна? Вдовой купчихе – содержательнице местной гостиницы? Крестьянкам, которым сначала поди-ка объясни – чего добиваюсь, – им нужно?

А мне самому? Мне человек, свободно ориентирующийся в этом мире, обладающий навыками работы с прессой нужен. Так получилось, что этим человеком оказалась мадемуазель Василина. Вот и хорошо, вот и ладно. Чин же официальный я ей назначать не буду. Пусть у Гинтара в Фонде писмоводителем числится. Будет мне «письма» с подборками информации писать. Меня много чего интересует. Цемент, асфальт, новые разработки в химии и металлургии, работы ученых по селекции зерновых и скота, медицина. Транспорт, особенно железнодорожный. Речные пароходы и паровые машины. Куда за специалистами кидаться? Кого спросить? Вот ее, пресс-секретаря своего, и стану спрашивать.

Так всю дорогу до дома отставного штабс-капитана Владимира Осиповича Росикова и размышлял. И так глубоко задумался, что, столкнувшись на какой-то широкой улице нос к носу с Хныкиным, в ответ на его приветствие, только и смог пробормотать:

– Потом, все потом!

Тремя минутами спустя вспомнил вытаращенные от удивления глазки казначея, хмыкнул. И решил. Не имею я права разбрасываться людьми. Ну и что, что девушка. Мне же не детей с ней крестить. Может быть, и встречаться-то не чаще раза в неделю придется. Она ведь и дома свою работу может выполнять. Почтальонам все равно, куда кипы газет таскать. А мне только еще обвинений в чем попало не хватало...

Росиковы жили в нищете. В новой своей жизни я таких трущоб еще не видел. А в той и подавно. Завалившаяся на один угол, вросшая в землю по самые малюсенькие оконца, крытая посеревшей от ветхости соломой избенка. Двор не чищен, к маленьким сенкам протоптана узенькая тропинка. Ни сараев, ни поленницы на зажатом между двумя богатыми усадьбами дворе не нашлось.

– Эка как, – дернул себя за кончик уса Варежка и посмотрел на меня. Гостинцы нужны. В такой дом без подарков сходить – как ограбить. Отправил троих конвойных. За дровами, чаем, сдобой и вином. Лавки уже открылись.

Топтались у порога, ждали гонцов. Прохожие пялились через сугроб, невесть что себе выдумывали. Слухи уже к вечеру поползут, один другого чудесатее и чудесатее, как говаривала та самая Алиса. Потом в набитых тулупами санях приехал Гинтар. Вот откройте мне секрет

– как без телефонов и радиостанций, за какие-то считанные минуты новости разбегаются по селению? Откуда старик знал, куда ехать? Спросить забыл. Сначала не до того было – от холода зуб на зуб не попадал. Потом принесли подарки – настала пора входить в халупу.

Отставник оказался не старым еще мужиком. Виски припорошило сединой, но так ему больше сорока пяти – пятидесяти и не дашь. Если бы не отнявшиеся после ранения ноги – в самом расцвете сил мужчина. Гусарские усы, офицерская осанка, знак ордена на груди, светящиеся жизнью глаза. И жуткое, отвратительное убожество жилища. Глиняный пол, окна, затянутые скотным пузырем, чадающая из щелей печурка. Неряшливая мебель, кажется составленная из упаковочных ящиков. Два аккуратно заправленные солдатскими одеялами лежанки. Я предлагал штабс-капитану деньги и приличествующее дворянам положение. И шанс выбраться из этого... из этой беспросветной дыры. А он, раскрасневшийся от пары глотков вина, задавал мне вопросы и вынуждал его уговаривать. Каково!

К концу бутылки кавалерист сдался. И тихонько появившаяся и большую часть разговора просидевшая молча в уголке Василина тут же принялась собирать вещи. Оставшееся до отъезда в Томск время они проживут в гостинице.

Дымный морозный воздух улицы показался ароматом цветов. В избенке пахло подгнившим тряпьем и сырой землей. Как в могиле. И лица из-за плохого освещения становились серыми, безжизненными. Так что трудно передать, как был рад покинуть гостеприимную... нору. Не должны так люди жить. Не должны! Лучше в советских коммуналках, в вечно шумных общежитиях, но только не в этом... не в этой безнадее. Трудно было перешагнуть через давно и накрепко устоявшиеся взгляды, но был вынужден признать – в чем-то коммунисты были все-таки правы. Уж что-что, а социальные гарантии государство обязано своим жителям давать.

Хотел было вернуться в гостиницу. Гинтар уже шепнул, что документы готовы – именно сейчас очень важно было их подписать. Пока свежи в памяти подробности быта отставного военного. Мы же и пенсионные единовременные выплаты уставом предусмотрели. Душа требовала ответа, любого действия, которое, пусть не прямо сейчас, через год, через десять, но избавит хотя бы небольшую часть народа от этакой, убогой участи. Те, кто видел, в чем и как живут самые бедные русские люди, готов будет многое простить Ленину с группой товарищей. Вот если бы еще не океаны крови...

7. Колыванские встречи

Никогда не забуду тихую революцию августа 1991 года. Ну, может в Первопрестольной она и не совсем по-тихому прошла, а у нас – в провинции – совершенно незаметно. Просто люди под «Лебединое озеро» легли спать, когда еще на «домах Советов» развевались красные флаги, а проснулись – уже с пресловутым торговым триколором. Великая, пусть и социалистическая, Империя превратилась в невесть что.

Меня, тогда еще молодого перспективного секретаря райкома ВЛКСМ старшие товарищи пригласили на выездное «заседание». На север области, в глухую тайгу, на берег абсолютно круглого небольшого озера с живописной, оставленной жителями, деревенькой на берегу. С вертолета целый час только ящики с припасами выгружали. Андроник Пагосян – армянин и по совместительству начальник милиции района – мясо на углях готовил – пальчики оближешь. Под водочку. Егеря ленивого летнего мишку почти к самому лагерю вывели. Стреляли как в тире.

А вертолетчики весь вечер и ночь радио слушали. Капитан постоянно бегал, всем надо едал – о ГКЧП и танках на улицах Москвы докладывал. Можно подумать – кому-то было интересно... Я дергался сначала. С «видными деятелями» пытался речь завести. Тут-то мне популярно и объяснили. Сиди, сказали, парень на попе ровно и благодарен будь, что тебя из толпы

таких же выделили и с собой увезли. Потому как для понимающего человека совершенно не важно, что именно вокруг Кремля происходит. Что бы ни происходило и кто бы ни победил в заварушке, здесь, у черта на куличках у самого начала нефтяной трубы, ничего не изменится. А вот спросить потом могут. Нужен будет повод выдернуть из-под твоей любимой задницы кресло, и спросят – а что ты делал для новой власти в августе девяносто первого? И тогда ты, я – то есть, не отводя честного взгляда, скажешь – в тайге сидел без связи. Весь извелся, скажешь, так на помощь стремился, но никак. Вертолет сломался. Бывает...

Вот так и получилось, что флаги на зданиях власти перевешивали другие люди. А мы, едва вертушка «починилась», кинулись телеграммы строчить о поддержке победивших сил Добра. Я через месяц замом главы департамента строительства области стал. Считайте, зам министра провинциального правительства...

Вот можно же было в семнадцатом так же? Ну, заняли там почту-телефон-телеграф, выгнали «временных» из дворца, да и успокоились бы на этом. Можно же было. Наверняка можно. Национализировать заводы без расстрела заводчиков можно было. Землю, деленную-переделенную, по сотому разу разделить. И интеллигенцию поддержать, которая сначала с красными бантами по митингам моталась, а потом, в едином порыве, за бугор рванула. Никто же тогда не знал, что все плохо будет. Царские генералы красное ополчение в армию превратили, а их потом на Колыму. Инженеры сожженные да порушенные по широте душевной фабрики восстановили, а их в «номерные» шарашки – оружие для победившего пролетариата ковать... И НЭП, плавно переходящий в репрессии тридцатых. И ради чего? В девяносто первом все набок повернулось по-тихому, большинство и вякнуть не успело...

Я к чему это все? К тому, что ехали мы по Московскому тракту спокойненько. Никого не трогали. Развлекали друг друга разговорами. Штабс-капитан интересным собеседником оказался. Дочь ему регулярно газетки приносила, так что о боевых действиях в Дании и о гражданской потасовке в САСШ представление имел. Вот и делился впечатлениями профессионального военного. Об устройстве нашей армии и о военных реформах. О разогнанных кадетских училищах. О духе солдата и штабных чиновниках.

Ну да не в этом суть. На второй день пути заночевали в Калмаково. Ужинали еще нормально – пельмешки, сметанка, куриные задние лапки, а вот завтракали уже скромно. За ночь тихая гастрономическая революция случилась – Великий пост. Утром я еще всей катастрофы не прочувствовал – и так со сна в горло кусок не лезет. А вот после обеда волей-неволей памятный обед у окружного судьи Нестеровского вспомнился.

И ведь снова без Хныкина не обошлось. Преследовал прямо меня этот маленький человечек. То ли так же, как у Борткевича, было чем порадовать казну моего нового Фонда, то ли за приятеля просить собирался. Так хоть намекнул бы. А то лез везде, за мной следом таскался. А тут посыльный от Петра Даниловича – дескать, к обеду нижайше просит. Выбор очевиден, не правда ли?

Я тут, в дремучем девятнадцатом веке, гурманом постепенно, но неумолимо становлюсь. Половину кушаний только теперь и отведал, хотя ничего вроде хитрого, и для сибиряков вполне рядовые яства. Вроде «ветряного» мяса, например. Не знаю уж, как его делают, но вкуснятина редкостная. Похоже на буженину, только не копченое. Говорят – чуть ли не в каждом доме закуска эта зимой готовится, а я, коренной сибиряк, только теперь и попробовал.

Судья постарался. Стол ломился от обилия кушаний и закусок. Конечно, присутствовал и пресловутый графинчик. Скрепя сердце, отказался. После выпитого с отцом Василины вина пить водку – смерти подобно. Извинился перед хозяином, чтоб не подумал, будто брезгую. У них тут пунктик по этому поводу. Чуть что – «не погнушайтесь». Нашли кому говорить! Кто в Советской Армии служил, тот никогда не брезгует.

Разговор все не начинался. Ели, пили, смотрели друг на друга. Любезничали: «Передайте, будьте любезны», «Вот, пожалуйста». Отведайте то, вкусите этого. Грибочки очень уродились в том годе... Где они в Барабинской степи грибы собирают?

Так, за приятной суетой, в процессе застольной беседы ни о чем, постепенно и выясняется – кто зачем пришел. Кочевники – мудрый народ, и они никогда сразу не начинают важных разговоров. Издалека заходят, смотрят – как ведет себя человек, нервничает ли, боится ли. Скрытые струнки в ушах опытного человека целые оперные арии поют.

Данилыч ждал. Умело скрывал нетерпение и даже как-то смаковал это ожидание. Такое бывает, когда у человека есть какой-то козырь в рукаве. Хранишь его, придерживаешь. Обходишься. Даже где-то уступишь собеседнику. Миг выбираешь, когда наилучший момент наступит, когда от одного хода вся игра поменяться может. Плохо, когда козырь не в твоих руках. Вдвойне плохо, если не знаешь, что это за козырь.

Но тогда я догадывался. Почувствовал старый лис мой интерес к Варежке. Знает, что очень пристав мне для чего-то нужен. И готовился продать выпестованного лучшим другом и соратником человечка очень и очень дорого. Но, если я правильно вычислил, то еще должна быть у Нестеровского какая-то сладенькая пилюля. Нечто, призванное подсластить мне горечь проигрыша партии. Иначе может статься, что раскланиваться на пороге, улыбаясь и желая всех благ, мы уже станем злейшими врагами. А на месте судьи я бы с новым губернатором враждовать не стремился. Не тот вес. Это здесь, в Каинске, сейчас Петр Данилович – князь. А стоит мне добраться до Томска, все может измениться. По «Уставу государственной службы» я даже объяснять, за что человека уволил, ни кому не обязан. Правда, это касается чинов до десятого класса, а у судьи – шестой, ну да и тут способы имеются.

Очень мне было интересно, с чего опытный интриган начнет свои маневры. Сам я разговор и вовсе начинать намерен не был. Меня пригласили, я ж не сам напросился...

Он начал, и я снова, который уже раз поразился мастерству, с которым это было проделано. Не вспомню теперь, как именно, но ход мыслей был примерно таков:

– Испробуйте вот маслица, Герман Густавович. С ерофеевской маслобойни фабричной. Очень, знаете ли, благое дело – эти фабрики. И для города нашего и для губернии. И в казну прибыток. Я прежде, как мог, протекцию производителям делал, так новым господам не по вкусу сие пришлось. Доложили, поди, уже, нажаловались?

Пришлось признаться – да, успели. В грехах тяжких обвиняли. В неуважении. Говорили, мол, собрали бы и больше гостинца, да судья воспротивился. Говорил, что у молодого губернатора городков таких много, а купцов у нас в Каинске мало. Ему еще много где насобирают, а наши того и гляди по миру пойдут от поборов-то. Гера стонал и бился головой о воображаемую стену, пока я как бы тайные сведения Данилычу выбалтывал. Так-то, по новому николаевскому «Своду законов Российской Империи» – явление неуважения высшему должностному лицу приравнено к неуважению власти самодержца Российского и карается соответственно. Если грамотно подвести под обвинения «сладкой парочки» доказательную базу, поедет Нестеровский осваивать Восток нашей необъятной родины, как миленький. По сути, я открыто грозил окружному судье. Только он мои слова опасными не признал. Умен старый юрист. Понимает – хотел бы упечь его куда подальше, словами бы не тряс. А раз открылся, значит, оговоры те к исполнению принимать не намерен.

Но и я не первый раз живу. Хитрецов таких толпами в МММ отправлял. Понял, почувствовал – вот он момент для козыря. Давить сейчас на меня станут и вкусняшки из меня выдавливать. И нанес упреждающий удар.

– Только, милейший Петр Данилыч, человечиска-то этот Борткевич никчемный и вороватый. Гребет под себя и ума не хватает и себе взять, и для дела кусок приберечь. Забыл свое место коллежский асессор. И за себя и за городничего власть прибрал. Да кабы еще городничий опытный был, чтоб начальника на место ставить весу хватало... Слышал – в прежние времена

здесь Сахневич был, Павел Павлович. Говорят, вот при нем порядок в Каинске образцовый пребывал. И купеческое сословие так не притесняли...

Удар в самое яблочко попал. Судья сначала беззвучно разевал рот, пытаясь вклиниться в мою речь, потом уже просто сидел и улыбался. Я предлагал ему честный размен. Его козырь оказался битым еще до того, как лег на сукно.

– Думаю, по приезде в губернию навестить старого воина. Просить вернуться на пост. Как вам думается, господин коллежский советник? Уважит меня Павел Павлович?

– Уважит, Герман Густавович, – усмехнулся в усы Петр Данилыч и расправил и без того топорщащиеся бакенбарды. – Вы к Павлуше с Иринею идите. Мой друг принимал участие в судьбе молодого Пестянова, любит он Варезку. А вы, ваше превосходительство, все одно ведь собирались приставу нашего в Томск с собой забрать...

Вот и все. Размен. Теперь мне, как первым атаковавшему, по закону жанра, нужно добавить ложку дегтя, а судье приготовить мед.

Но это у поварской братии сначала в кушанье кладется сладкое, а потом портится горьким. У нас, у чиновников, все наоборот. И это тоже закон. Нельзя завершать разговор на плохом. Даже после чудовищной выволочки «на ковре» плох тот начальник, что отпустит подчиненного без чего-нибудь позитивненького. На худой конец, сойдет даже «бородатая» шутка. Ибо, как говаривал один из моих наставников, «лишенный ободряющего слова человек злым делается и коварными мыслями одолеваемым». Но миловаться с Нестеровским я не собирался. Так или иначе, но я намерен был придерживаться намеченного плана и, если потребуется, действовать жестко.

– Что же касается купцов и промышленников! Я, Петр Данилович, имею определенные задачи по развитию губернии. В следующем году Государственным Советом станет рассматриваться проект строительства железной линии дорог во вверенном мне краю. Смею надеяться, решение будет положительным. Но к моменту начала земляных работ по чугунке должно быть что возить. В министерстве не слишком благожелательно относятся к возможности вывоза из Сибири зерна и прочих продуктов крестьянского труда. Этого и в России в достатке. Наибольший интерес, кроме пушной рухляди и китайского чая, вызывают промышленные товары. Масло, канаты, металлы, ткани. Возможно – цемент. И я стану прикладывать все усилия, чтобы увеличить или создать эти производства. Несмотря ни на что! И стану требовать того же от окружающих властей...

– А ежели народишко не возжелает капиталами в сем деле участвовать? – вклинился судья. Похоже, он принимал меня за проектера. Или не принял всерьез. Пришлось продолжить атаку. А деготь – он вообще не вкусный!

– С начальников спрашивать стану. Не желают, значит – не объяснили, не увлекли. В протекции отказали. Мзду сверх обычного потребовали. Его Императорское величество сейчас вперед смотрит. Реформы великие затеял. Наша в том поддержка нужна. Те же, кто не сможет вслед за государем страну нашу благоустраивать, звания государевых людей недостойны. Молодые их места займут. Сейчас с этим просто!

Поди, проверь, что из всего сказанного я сочинил, а что истинная правда. Реформы проводятся? Конечно. Молодых назначают? Так я тому пример. Госсовет ни сном, ни духом о Томской железной дороге? Так подам документы и станут рассматривать. Говорил убедительно – сразу почувствовал – собеседник верит. И помогать станет. Лет ему наверняка уже к шестидесяти ближе. Выслуга, награды за беспорочную службу и все такое – обидно будет лишиться приятных доверков к пенсии. Так что помогать станет. Жилы, может быть, рвать и не будет, а и препятствовать не посмеет. И на том спасибо.

– Людей много потребно будет, – кивнул черно-бурый лис. – Рук рабочих и прежде не на все хватало, а с потребностями такими и подавно. Писать стану старым друзьям за Урал.

Помогут поди... А ежели и я свои за всю жизнь накопления пристроить в заводик какой-нито решусь? Мне как быть?

Ух ты! Нельзя так. Это он должен был медом меня умасливать, а не я. Но лишний десяток тысяч большому делу не помеха. Почему бы не указать путь?

– Вы, Петр Данилович, как судья окружной, управлять заводом не вправе. Но кто же вам запретит им владеть? У вас, небось, и дом есть и лошади, хозяйство. Стройте свою фабрику, или с компаньоном каким на паях. Только управляющего нанять потребно будет. А долю свою в управление жене или детям оформить.

– И каким же товаром, по вашему просвещенному мнению, мне Европы удивлять стоит? – так-так-так. Тут не десятком, тут сотенкой тысяч пахнет. Иначе не торопился бы так. Не перебивал.

– Европы? Зачем вам они? Я вам вот что скажу, господин судья: не тот богатеет, кто золото на ручьях по крупице собирает. А тот, кто штаны и хлеб старателю сему продает. Фабрик у нас много будет. Некоторые – с паровыми двигателями. Да пароходы уже по Оби плавают. И здесь, в степи Барабы печи в каждом доме сколько леса зазря сжигают? А ведь в земле уголь ждет своего часа. На реке Анжера место есть, где не хуже английского горючий камень скрыт. Было бы и у меня капитала в достатке, затеял бы копи угольные.

Поймет или нет? Нет, конечно – не ловушка это, но очень на нее похожа. Завязать его на обеспечение промышленного производства, на использование пока еще экзотической паровой машины, и этим заставить поддерживать развитие. Еще и меня в долю взять. А что я ему, просто так, что ли, дорогу к Эльдорадо показывать стану?

– А в половинных паях, Герман Густавович, рискнули бы?

– Отчего нет, Петр Данилович. Кабы кто рудознатцев да маркшейдеров к делу привлек. Людишек рабочих, умелых привез. Так и я средства бы изыскал.

– И что? Так ли уж это доходное дело?

– А вы вот друзьям писать станете, так поинтересуйтесь. А после и разговор продолжим.

– И где же, ваше превосходительство, речка та?

– Так в губернии моей, где ж ей еще быть? Верстах в ста от Томска. Могу и в карту пальцем ткнуть. Только средств немало потребуется. Дороги туда нет покуда. И селений значительных. Глушь, знаете ли...

Ладно. Хватит. Где мой мед? Эй, сова, открывай. Медведь пришел!

– А не может так случиться, что кто-то, покаместь я думаю да размышляю, уже и того?

Блин, судья! Отлезь по-хорошему. Давай десерт и думай себе, пока мозги не закипят. А когда мне уголь понадобится, я такой ураган раздую – ты первым прилетишь.

– Я ведь кому ни попадя о таких делах не рассказываю. А место то, только на немецких картах указано, которые у батюшки моего прежде в Петербурге хранились. На секретных картах.

– Вот оно как, значит... – глаза затуманены. Мысленно судья далеко. Он что? Фантазер? Может быть, ему карту пиратских сокровищ продать? Я ему за вечер пару штук намакую... Что-то уставать я стал от этого разговора...

– Я вот, Герман Густавович, о Фонде вашем размышляю... – молодец. Выкрутился. Вот и долгожданные плюшки на сладкое. – А ведь славное дело сие! Вы, ваше превосходительство, уж простите великодушно, только я посмел любопытствовать уставом. Мне и список сделали...

Махнул неопределенно рукой. Еще один плюс Варежке. Не гнушается. Наверняка ведь приказ получил присматривать за шальным губернатором, а тут я такой подарок сделал – рукопись устава отдал хозяйке гостиницы переписывать. Конечно, пристав побежал к хозяину. Значит, и ко мне будет бегать.

– Благое начинание, право слово! Тут я вам честный слуга и помощник. Сочту за честь попечителем в окружное отделение попроситься. Не откажите, уважьте старика. Я вот и взнос приготовил... От радеющих за государево дело каинских обитателей, так сказать. Ассигнациями. Пять тысяч.

А глаза такие масляные, такие хитрющие. Мол, знаем мы ваши фонды. Поди, с того фонда и уголек рыть будешь.

«Получение взятки должностным лицом при исполнении служебных обязанностей в особо крупных размерах наказывается штрафом в размере от шестидесятикратной до восьмидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере пятидесятикратной суммы взятки». Статья 290 Уголовного кодекса РФ. Раздел 10. Глава 30. «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Гера удивился даже. Царское законодательство от преступлений баблом откупиться не позволяет. Так ведь и сказал, промокашка – «баблом». В Уложении и направление указано – Западный берег Тихого океана, остров Сахалин. Как там говаривал мой любимый литературный персонаж? Уголовный Кодекс надо читать!

– Отлично, – дергаю губой. – Управляющий Фонда, господин Мартинс, Гинтар Теодорович, будет несказанно рад, когда вы внесете средства в кассу...

Разочарованный, сбитый с толку Нестеровский спешно, и уже не так элегантно, перевел разговор на Караваева. И снова промахнулся. Судьба беглого почтового инспектора меня мало интересовала. Особенно, пока он не пойман. Но для поддержания легенды предложил назначить премию за поимку беглого «стрелка». Аж в целый рупь атамана оценил. А то, не дай бог, поймают. Что я с ним делать-то буду?

Намеки на полицмейстерскую «крышу» несчастного тоже игнорировал. Варезка столько компромата мне на шурина караваевского притащит, что никакой генерал-губернатор не станет вмешиваться.

На этом беседа как-то сникла. Судья заговорил было, и на удивление – в весьма позитивном ключе, об идее Сибирского университета. Только это я со старым ретроградом обсуждать не намерен был. Решил же – сначала знакомлюсь с компанией Потанина, после уже вуз планировать. Дело, конечно, нужное, но как кузница кадров, а не лаборатория для идеологической бомбы. Да и дорогое это удовольствие. Сколько бы купцов-благотелей не насобиралось, без государственной поддержки эту махину с места не стронуть. Это не чугунок, которую можно километрами строить. Сегодня один, завтра еще парочку...

Кроме того, пришла мне в голову идея, как дополнительную копеечку на отсутствии высшей школы в Сибири заработать. Ну, допустим, идея не моя, но в России ее еще точно никто не применял. Консалтинг! В первую очередь – технологический. Это ведь совсем не дорого – собрать два десятка ученых и инженеров, дать им достойную зарплату, обеспечить комфортными условиями для жилья и работы. И за монетки отправлять на помощь новообразованным предприятиям. Там что-то внедрили, тут подсказали. Чертежик набросали. Формулы там всякие. Можно еще жаждущих знаний недорослей к светилам прикрепить. Вроде как – в помощь. Потом в Питер или Казань на дальнейшее обучение отправить. Так постепенно свои кадры вырастить.

Разговор вовсе перестал клеиться. Нестеровский витал в эмпиреях, я тоже нет-нет да пропускал мимо ушей какие-то мало для меня значимые слова собеседника. Мысли, планы, подсчеты, вопросы и варианты их на них ответов теснились в голове. Стройными рядами атаковали уставший после тяжелых переговоров мозг. Еще паразитический Гера масла в огонь подливал своими советами вроде «согнать быдло, так голыми руками отроют. Этим червям

не привыкать – в земле ковыряться». В общем, настала пора расставаться, чему и я и судья были только рады.

Знал бы, что Великий пост настолько... жестокая штука, остался бы у старого пройдохи еще и на чай. Так-то оно конечно – на всю жизнь не наешься, но вспомнить-то приятно.

Начиная с понедельника второго марта дорога стала еще длиннее. Приближение станций не радовало, не говоря уж о ночевках. Страшный калган и суета. Ни минуты покоя и уединиться, посидеть с бумагами попросту негде. Перед самым отъездом к отряду присоединился еще один десяток Безсонова. Теперь по Московскому тракту я передвигался в середине небольшой армии, но сорок казаков больше не вмещались в «черную» избу на почтовых станциях. Приходилось часть людей размещать в «кандалных». Начавшиеся были споры Степаныч пресек предельно быстро и неожиданно жестоко. Двоих бузотеров выпороли на конюшне и назначили скользящий график ночевки одного из десятков в неудобном помещении для этапировавшихся ссыльных и каторжников.

Дорога становилась все шире. Случалось, мы обгоняли купеческие караваны, возвращающиеся с ярмарки, нисколько не стесняя движение. Увеличился и встречный поток. Предыдущий санный поезд еще не успевал скрыться за горизонтом, а навстречу уже мчался следующий. Зима кончалась, спохватившиеся путешественники торопились воспользоваться простотой и скоростью перемещения по заснеженному тракту.

Я изнывал от безделья. Разговоры разговорами, планы планами, но и они надоедали. Хотелось новых впечатлений. Хотелось новых встреч. Хотелось толкать и тянуть людей в нужную сторону. Моя генеральная карта истерлась по углам от бесконечных сворачиваний-разворачиваний. Верстовые столбы становились главными врагами. Отчего они так редко встречаются?

10 марта 1864 года моя маленькая орда втянулась в сжатую неказистыми избушками, конечно – Московскую, улицу убогой Колывани. Я, в принципе, многого и не ожидал от заштатного городишки, но то, что обнаружилось в действительности, просто меня раздавило. На четверть меньше по численности населения, чем недавно оставленный Каинск, Колывань в четыре раза проигрывала окружному центру по торговой и промышленной активности. Я поверить не мог, что могло быть время, когда вся губерния называлась не Томской, а Колыванской. Мрак и ужас. Приобское рыбацкое село, даже не имеющее действующей церкви – столица огромного края?! Тем не менее, Варезка утверждал, что именно так все и было.

Да что там церкви. Там даже гостиницы не нашлось. Главная и единственная достопримечательность – недавно отстроенная обширная почтовая станция. Пришлось ночевать там.

К ужину явился местный городничий, Александр Венедиктович Борейша. Беседы не получилось – он боялся меня до дрожи в коленях, до сведенных судорогой челюстей. Может, и не плохой человек, может, я и местечко получше бы ему присмотрел, но не судьба. Какое ему местечко, если он говорить в моем присутствии не мог?! Благо пятьсот рублей в казну Фонда не побоялся внести. Сунул ворох мятых бумажек Гинтару, промямлил что-то и поклонился в пояс. С тем и отбыл. И, слава богу!

Казачки, под чутким руководством Варезки, отправились по злчным местам. На разведку. Сам бывший каинский пристав пошел запугивать телеграфиста. Еще в пути, я однажды посетовал, что даже не представляю – каким именно образом сведения обо мне распространяются по губернии с такой скоростью. То, что это дело рук купеческой «мафии» – это понятно. Но как? Не по телеграфу же они досе на меня друг другу перебрасывают. Первый в мире интернет. Персональная страница Германа Густавовича Лерхе на сайте Викиликс. «Тайное становится явным», блин.

Пестянов задумался. Это был явный вызов его профессионализму. Ну, и просто вкусная для сыщика загадка. С тех пор ни одна телеграфная станция не избежала его нашествия.

Пьяненькие «Следопыты» принесли неутешительные новости. Купцов первой гильдии в Колывани нетути. Фабрик или заводов отродясь не водилось. Зерновые перекупы чухнули из села в разные стороны, справедливо опасаясь, что я не стану миловаться со спекулянтами. Есть в заштатном городе с десяток ремесленников всевозможных. Шорника все хвалят...

Летом большинство мужиков отправляются тянуть баржи. Или по рекам-озерам рыбу ловить артелями. Обь-то вот она. С пригорка отлично видно здоровенное, присыпанное снегом ущелье между высокими берегами. Специально вышел взглянуть. Впечатлился. Фантастические просторы. И перспективы. Сюда бы энергичного хозяина – с деньгами и моей поддержкой, он бы пристань пароходную и склады выстроил. Угольные, зерновые, под бочки с хлебным вином...

Но нет пока такого человека. Задворки это Великой Империи, хоть и стоит городок на пересечении Сибирского тракта и летней речной дороги. Обидно, право слово.

Уехали следующим же утром, в среду, 11 марта. Последний рывок. Чуть меньше трехсот верст до Томска, а еще нужно успеть Томь пересечь до ледохода. Иначе, на пару недель на левом берегу застрянем. Вроде вот он, губернский Томск, а достичь, пока льдины не пройдут, невозможно.

Степаныч утверждал, что обязательно успеем. Лед непроходимым в первых числах апреля только становится. До этого людишки томские гати на лед кладут. С транзита грузов полгорода живет. Говорят, за год из Кяхты только с китайским чаем до ста тысяч подвод проходит.

Вот и рванули. И так бы и остался у меня в памяти образ зачуханного, воняющего рыбой селища под боком разваливающегося от старости Чаусского острога, если бы не удивительная встреча прямо на выезде за граничные столбы Колывани. Новое, долгожданное знакомство, существенно изменившее мои планы.

Вообще-то, нужно сказать, с чего именно началась цепь случайностей, приведшая, в итоге, к такому поразительному результату. Дело в том, что Колывань мне настолько не понравилась, что перегон до Орской станции я решил сделать верхом. Погода уже который день стояла замечательная. Днем припекало, и температура вряд ли была ниже минус восьми. Ночью, конечно, гораздо холоднее, и на ветвях деревьев с рассветом образовывались причудливые узоры изморози. Высоченные сосны и мелкие сосенки, кусты подлеска и былье, торчащее из сугробов, становились совершенно белыми, сказочными. Хотелось свежего воздуха и простора. Хотелось видеть, как крепкие ноги лошади отталкивают ненавистные версты назад. Ну, и до смерти надоела сумрачная, жарко натопленная коробка дормеза.

Эта исключительно эмоциональная причина, тем не менее, тут же нашла вполне рациональное объяснение. Я решил, что обязательно нужны тренировки в вольтижировке. Не вечно же мне, здоровому мужику, сидеть в каретах. Люди не поймут. Хотя я еще в той жизни открыл, что себя уговаривать проще всего...

Непривычно низкое казачье седло стало причиной того, что пришлось позаимствовать у одного из конвойных полушубок. Естественно, тоже казачий, потому что кроме них такой вид верхней одежды здесь больше никто не использовал. Бобровая шуба совершенно не подходила для путешествия верхом – вроде свисала до самой земли, а все равно оставляла колени открытыми. Отдал ее Гинтару. Старик ожил, распрямил плечи и как-то даже похорошел, зарумянился, после смены статуса. Выяснилось, что не такой он уж и старик. Пятьдесят два года – второй рассвет в жизни мужчины. Но и жизнь его побросала. Он постоянно мерз и жаловался на боль в суставах.

Мехов оказалось достаточно, чтоб прибалт полностью в них утонул. Только белые бакенбарды причудливым воротником торчали, да розовая закорючка носа. Подарок ему безумно понравился, и он сидел таким барином в окружении сереньких, плохо одетых спутников.

Лошадь мне подобрали достаточно спокойную, чтоб мои эксперименты не привели к непоправимым последствиям, и все же достаточно резвую, чтоб не отставать от каравана. Кобылу звали «Принцесса» и следом за ней бегал голенастый смешной жеребенок. Так и поехали. И, как я уже говорил, прямо на выезде, едва-едва за пограничными столбами, на въезде в сосновый бор случилось забавное и судьбоносное событие.

Я впервые за много дней был один. Впереди рысило два десятка кавалеристов с пиками, сзади карета и еще половина отряда, да и Безсонов конечно, ехал рядом, но никто с разговорами не лез. Не слишком внятные получаются беседы, когда четвероное идет крупной рысью. Тем более что тренированное Герой тело без участия моего разума гораздо лучше справлялось с постоянно оглядывающейся в поисках шаловливого чада кобылой. Так что у меня появилось время поразмыслить.

И нужно сказать, пока проезжали заспанную деревеньку, по ошибке названную городом, я настолько ушел в свои мысли, что очнулся только у границы. Тяжело, знаете ли, пытаться вспомнить – чем трест отличается от корпорации, когда на дороге вдруг, откуда ни возьмись, шум, гам, вопли, щелчки кнутов и весьма резкие высказывания возниц, за которые в приличном обществе обычно сразу бьют морду.

Вообще, дорога между бором и полосатыми столбами представляла собой широкую, наезженную тысячами саней, натопанную тысячами копыт поляну. Этакое десятирядное шоссе с узким въездом и выездом. Путники, вырываясь из узости колыбанских улиц или стиснутого соснами тракта, спешили обогнать более тихоходные караваны. Но у городка или бора, были вынуждены снова втиснуться в плотное движение. Естественно, если кто-то, даже в «мерседесе» этого мира – шикарных, богато украшенных и снаряженных санях, попытается пересечь это поле наискосок, да еще с матами и кнутом – шум получается невероятный. Нет еще у местного народа привычки, не задумываясь, уступать дорогу синей мигалке...

– Экий варнак, – крикнул Степаныч. – Нешто у иво в санях баба рождает?

Баб там не было. И бинокля не потребовалось, чтоб разглядеть стоящего за спиной возницы пассажира в развевающемся по ветру длиннополом сюртуке. Наконец нахальная повозка сумела-таки пробиться сквозь поток и направилась прямо к нам. Больше никто не рисковал препятствовать ее передвижению – тройка совершенно диких лохматых, в пене, коней, рычащих и тарасивших налитые кровью глаза, едва слушалась размахивающего длинным бичом извозчика.

Отряд остановился. Кто-то из казаков брякнул: «Не иначе – война!» Другой возразил: «И што теперя? Лошадей по-пустому палить?» Ну конечно! Бомбы не упадут с неба через полчаса. До войны в это время нужно еще добираться. Месяц, а то и больше. Так и чего коней загонять из-за пустяка? Чего торопиться?

Кони остановились сажень в четырех-пяти от кареты. Бешеные на скаку, они как-то сразу сникли, расслабились, стоило остановиться. Опустили гривастые головы в попытке ухватить кровотокащими губами куски плотного снега с дороги. Пыхтели и тяжело дышали. Пассажир так чуть ли не кубарем скатился с повозки, кое-как удержавшись на ногах, и тут же повалился на колени возле открывающейся дверцы дормеза.

– Батюшка губернатор! Не вели казнить, вели слово молвить! – захлебываясь еще бурлящим в крови адреналином, крикнул этот странный человек. И все так же на коленях качнулся вперед в глубочайшем поклоне величественному Гинтару в достойной принцу крови шубе.

– Дикий край, дикие нравы, – от неожиданности по-немецки прокашлял пораженный до глубины души седой прибалт. – Чего хочет этот безумный человек?

Безумцу остзее-дойч оказался неведом. Но нельзя сказать, чтоб он растерялся:

– Охо-хо! Братцы! Переведите кто-нибудь басурману, что я говорить с ним хочу. Отблагодарю, не обижу!

– Ты кто таков будешь, лихой ездок? – пробасил Безсонов, пуская коня прямо на незнакомца. Передовые конвойные давно уже взяли и его и сани в круг. Арьергард выстроил лошадей в две линии, перекрывая доступ к карете с боков. Пики опущены, короткие кавалерийские ружья полувынуты из чехлов.

– Так Васька Гилев я, бийский купец. Об том и здесь всякий знает. Мне бы, ваше благородие, с господином нашим, с губернатором только чуточку побеседовать...

– Ты ошибся, купец, – пытаюсь улыбнуться, скривился Гинтар. – Я не есть губернатор.

– Во те на! – огорчился Гилев и встал. Резко. Как-то – одним движением. Так, как делают это большие и сильные кошки. Барсы.

Этот человек имел обличье воина, хоть и назывался купцом. Волевой бритый подбородок, рубленый нос, взгляд исподлобья. Ему больше подошли бы доспехи рыцаря или легионера, чем суконный наряд торгового гостя. И еще... И еще он мне понравился.

– Что вам нужно, любезный? Новый губернатор – это я.

Очень-очень-очень нужно было спуститься с лошади величественно. Как подобает это делать высокому чину. Ну, или, на худой конец – спрыгнуть ловко и легко, словно опытный кавалерист. Получилось ни то ни се. Зря я подумал об этом...

Расстроиться не успел. Купец разглядел-таки воротник дорогого кафтана, или как его там, под полущубком и снова брякнулся на колени.

– Встань. Встань. Что ж это вы... – в самой глубине души вскипела немецкая кровь. На наезженном тракте хватало конских «яблоч». – Что ж это вы... коленями-то. Брюки же испортите!

– Батюшка губернатор...

Ну, сколько можно-то?! Ведь знает же прекрасно, что нет у меня права казнить без суда и следствия кого ни попадя. Конечно, очень бы хотелось... Даже больше чем «Лексус» с мигалкой и хорошо прожаренную отбивную. Но – нет.

– Ладно-ладно. Говорите.

– Что, прямо здесь? – удивился он.

– Ну, а чего тянуть? Скажете свое слово, я, даст бог, отвечу. А там... нам туда, – я махнул рукой на север. Тракт после Колывани соседствовал со спящей покуда Обью. – Вам куда-то еще... И встаньте немедленно!

Гилев поднялся. Снова стремительно и сильно. Так, как сделал бы это Брюс Ли.

– Я, ваше превосходительство, из самого Бийска... Едва услышал, что новый начальник... Вы то есть. Покровительство купцам да промышленникам оказывать обещались, – сделал грамотную паузу. Дождался моего кивка, чуть улыбнулся и продолжил: – Так сей момент в сани прыгнул и на тракт. Боялся разминуться до ледохода. Пятьсот верст за четыре дня...

Становилась понятна причина его удивления. Прodelать полтысячи верст в погоне за нужным человеком и, догнав, отыскав, разговаривать попросту стоя у стремени... Думаю, вовсе не так он себе представлял эту встречу. Да и благообразный Гинтар больше на начальника похож...

– Хорошо, – сжалился я. – Можете следовать за нами. В Орской станции поговорим.

– Отчего же в Орской? – снова удивился купец. – Колывань-то вот она. Туточки.

– Снова в это... в эту Колывань? Нет уж. Благодарю, – и, неожиданно даже для самого себя, добавил совершенно честно: – У меня уже эти леци с карасями станционными поперек горла стоят.

– Так ить пост Великий, – прогудел казачий сотник. – Как же иначе?

– А! – обрадовался бийский гость. – А и чего же вы, батюшка губернатор, хотели? На то она и почта, чтоб путника на тракт выталкивать. Чай они деньгу за перегоны имают, а не за сидельцев. На то и пища такая. У гостеприимца любезного и рыбы другие. Приглашу-ка я вас к

другу своему закадычному и партнеру торговому. К купчине колыванскому Кирюхе Кривцову. Чай не откажет гостя великого принять...

В общем, я согласился. В первую очередь, конечно, из любопытства. Очень, знаете ли, стало интересно – по какой-то такой надобности люди здесь готовы пятьсот верст пролететь. Да и сама личность Гилева показалась мне какой-то загадочной. Так и напрашивающейся на разгадку.

Господин Кривцов тоже заинтересовал. Чем же он в этой распоследней дыре торгует, что может себе позволить мою маленькую армию на постой определить?

А желание отведать рыбные блюда «по-гостеприимному» – так, краешком сознания прошмыгнуло. Честное слово!

Отдал лошадку с жеребенком Варежке. Шепнул пару слов. И пошел пешком обратно в Колывань. В карету лезть не хотелось, а гилевская тройка из последних сил копыта переставляла. Куда уж этим, выложившимся до последнего, марафонцам еще нас тащить.

Конвой выстроился в квадрат. Авангард нагайками сгонял народ в сугробы, никого не пропуская внутрь. Бийчанин хмыкнул, но ничего не сказал. А он как думал? Сирены с синим ведерком у меня нет, и народ здесь еще простой, непонятливый. О том, что «президент в городе» хуже, чем «внимание, воздушная тревога», не знают.

По пути разговорились. И вот что оказалось!

Василий Алексеевич Гилев, тридцати четырех лет от роду, унаследовал кожевенную мануфактуру у матушки своей, Дарьи Никитичны. Таскал кожи сюда, в Колывань, да через друга Кирилла Климовича Кривцова чайным кяхтинским караванщикам для упаковки байхового продавал. Ну и копеечку свою имел. Потом к инородцам на юг Алтая стал похаживать. Накупит тканей, инструмента железного, вина хлебного и по улусам. Туда товар, обратно скотину. Мясо в Томск или Барнаул горожанам на пропитание, а из шкур кожи выделявал. Прибыли у Васьки в четыре раза выросли. Матушка во второй гильдии числилась, а он уже и в первую взнос оплатил.

И вот узнал он однажды, что есть далеко на юге, как раз на границе с китайской Монголией речка Чуя. А где-то рядом – ключ Бурат. И вот там несколько раз за лето инородцы с китайцами торг ведут. Вроде ярмарки. Да цены хорошие дают и товар интересный с Китая привозят. Земли те вроде как и Китаю и России одновременно принадлежат. Туземцы – народ хитрый. Китайский мытарь придет – они русскому царю подданные, русский – они цинцы чистокровные. Разжирили меж двух гигантов сидючи. Разбогатели. Ткани хорошо берут, утварь медную и железную, сахар, порох...

Вызнал Гилев на ключ этот путь, собрал по весне караван, нашел проводника из теленгитов, да и двинул...

– Места там есть, бомы зовущиеся. Обрыв это. Лошади идут – одним боком о камень царапаются, другое стремя над пропастью болтается. Тропка махонька, не боле одного человека и проходит. Коники прыгают, бывает, через щели, ажно дух захватывает. А внизу-то река быстрая да леденючая. Цветом чудна. И голуба не голуба, и зелена не зелена. Катунью обзывается...

Мама моя дорогая! Так это он мне о Чуйском тракте рассказывает? Шикарное место для отдыха. Из Барнаула до «Бирюзовой Катунь» три часа на джипах. А там и шашлычки с пивком, и рафтинг, и маралы с понтами, и пещеры, и бассейны... Сибирская Швейцария. Очень мне тогда там понравилось! Сейчас, выходит, туда еще и дороги-то нет?

Чуть больше месяца эти несчастные двести семьдесят верст Василий преодолевал. На первую ярмарку почти опоздал. Конец только самый зацепил.

– Черю Кельды она называется. Орда из-за рубежа приходит. Вроде казаков ихних. Они не как мы, воевать всем табором ходят. Скот с собой гонят и жен с детьми тащат. Но мы не успели маленько. Пришлось до августа оставаться... на Калан. Это торг августовский так

зовется. Там и расторговались. Я ситцы московские привез, сукна немного, кожи, что сам делаю. Ножей немного, котелки, крючья для очагов. Железа еще в полосах было немного...

Китайские костяные деньги бийского купца не впечатлили, а золото-серебро у монголов китайцы поотбирали давно. Пришлось ему, как встарь, меновой торговлей пробавляться. Нож на связку горностаевых шкурок, отрез ситца за чай, котелок за ворох шкурок сурка. Столько вороха набралось, что в феврале друзьям пришлось в Ирбите торговое место в наем брать. Словесный торг – это для одного товара. А тут целая выставка получилась. В общем, гигантская прибыль вышла. Не меньше чем сам-двадцать.

– Другой весной я еще мужичков с собой взял. Пока приказчики с калмыками торг вели, мы на холме дом со складами срубили. Могалок, тамошний князек – зайсан по-ихнему – проговорился, что зимой на торге, Шалангою обзываемом, маньчжурские мурзы бывают. Часть монгольского ясака, того, что от царя своего малолетнего украли, сбывают. Тогда, нехристь выдал, самая высокая цена...

Оставил Гилев приказчика с парой крепких мужичков в доме том и половину товара доверил. Зайсану подарок отнес, чтоб торговую факторию не обижали. А весной, весь в нетерпении, снова туда.

Китайцы приходили. Приказчик еле выжил. От побоев да издевательств и весной следы еще оставались. Одного из мужичков Бог прибрал. Не было сил могилу рыть, до тепла под крыльцо положили тело...

Торговли не получилось. Не почувствовали мурзы за русскими силы. А если можно так взять, зачем платить? Больше бийский купец на зимовку никого не оставлял. Летом еще дважды ходил и прибыль только больше становится. Этой весной снова собирался...

– Дорогу-то мы строить сами начали. На Чуе уже с десяток нашенских торг ведет. Вот миром скинулись, людишек по деревням собрали... От Бийска до села Алтайское – семьдесят верст. Дорогу туда сами крестьяне натоптали. Купцы поправили чуток, и все. От Алтайского до Онгудая – семьдесят семь. И Семинский перевал. Там руки пришлось приложить. А вот дальше только до деревни Хабаровка и пробились. Дальше боны и множество речушек, через которые нужно строить переправы. Оттуда только вьючный транспорт и две ноги.

– Нам бы, ваше превосходительство, батюшка губернатор, человека ученого, чтоб знал, как тракт строить. Да пороху чуток, чтоб каменюги взорвать. А уж мы бы расстарались для блага российского...

– Казаков с пушками просить не станете? – удивился я.

– Хорошо бы оно, конечно, – улыбнулся отважный торговец. – Только острожек там строить не из чего. Была рощица лиственниц, так вся на дома да амбары вышла. А больше там дерева взять не откуда. Пустыня там. Иностранцы вердлюдов да коров китайских пасут... Чуйская степь. Только у самых гор деревца какие-нито торчат.

– А чо ж ты, Васька, купцом обзываешься, а лошадей добрых запалил? – кому что, а казаку – кони. Безсонова, шумно топавшего за моей спиной, алтайская экзотика совершенно не тронула.

– Так, ваше благородие, то тепереча не мои кони! Я Прошке обещание давал – коли догоним батюшку губернатора, все его станет. И тройка, и сани резные, и пушные покрыва из саней – все теперича евойное. Мое слово крепко!

– Ну, ить, ты б сказал ему, коней-то водить надобно. Глядишь и отдышутся...

Конская тема была близка обоим. Гилев тихонечко приотстал, оставив меня наедине с армией мыслей.

Казалось бы, чего проще?! Нужна спекулянтам бийским дорога к китайской границе. В Кяхте давным-давно таможня обустроена, и торг при ней знатный ведется. Да только где она, та Кяхта?! В соседней, Енисейской губернии? Или еще дальше? А там свои торговцы есть и место прикормленное за здорово живешь не отдадут. Другое дело здесь. Без знакомств полезных

среди туземцев, без авантюрной жилки, без отважного сердца на Чуге делать нечего! Появись так хорошо мне знакомый по прошлой жизни Чуйский тракт, Бийск новый торговый маршрут оседляет. Через город сотни караванов пойдут. Но кто первым у границы обоснуется, тот все сливки снимет. Тот моду задавать станет и другим порядки устанавливать. Так что сомнений нет. Нужна им эта тропа. Очень нужна.

Только мне-то что с того – спросите? Так, в тракте новом и мой интерес есть. Я когда производства в своей губернии планировал, рассчитывал на новые рынки сбыта. Брат мой... Герин... который подполковник, рассказывал о планах командования на военную кампанию 1864 года. Так, если даже половина запланированного русскому воинству удастся совершить, южная граница верст на пятьсот к югу продвинется. А это десятки тысяч новых подданных Империи, которые будут нуждаться во множестве разнообразных вещей. Честь нашим солдатам и слава. Да только небольшой форпост на Чуге с полусотней казаков не меньше пользы государству принесет. Это же еще одни ворота в Китай! А юго-восточных соседей в разы больше, чем несчастных и нищих киргизов и прочих узбеков. Определить границы, договориться о торговле, доказать неверующим, что за нами сила, и удивительный мир замерзшей в шестнадцатом веке Поднебесной откроется для наших товаров. А обратно... Блин, у меня фантазия зашкаливала, стоило подумать, что именно можно вывозить из Циньской Империи. Шерсть на сукно, которое можно обратно им же... Чай, шелк, бумага, порох, рис, жемчуг, бамбуковая мебель и экзотические травы, тибетская медицина и у-шу... Список огромен и всему этому в Европе будут рады. Но и это не самое главное! Торговля, особенно торговля монополия – это влияние. Это престиж России и подряды для русских инженеров. Помнится, КВЖД в начале двадцатого века тоже не французы строили. А ведь можно и телеграф в Пекин протянуть, и корабли для императорского флота строить, и оружие поставлять. И это уже не миллионы рублей золотом. Это миллиарды! Это пинок под зад национальной промышленности и науке.

И в первую очередь промышленности и науке Томской губернии. Потому что есть такая злая штука под названием «транспортные расходы»! Чем лучше логистика, тем дешевле товары, тем больше и легче их доставлять, и тем охотнее их потребляют. Дайте мне доступ к хлопку из Средней Азии и Китая, к шерсти из Монголии – и я весь Бийск ткацкими фабриками застрою. Такие цены будут, что последний нищий у меня в кашемировом фраке подавание просить будет на паперти...

Так что вопрос – помочь или нет – передо мной не стоял. Помогать всей душой! И всех вокруг заставить в этом деле участвовать! И как раз вот тут возникают сложности. Аж целых две!

Во-первых, Бийск и все, что его южнее – это все еще Алтайский горный округ. Как бы земли, принадлежащие лично Его Императорскому величеству. И с одной стороны, разрешение на строительство тракта может дать либо правление Алтайского округа, либо сам государь. И что им в голову втемяшится – вещь совершенно непредсказуемая. Вроде Гера подсказал, с января этого года должность главного начальника Алтайских горных заводов упразднена, а генерал-майор Фрезе назначен начальником АГО. Но население округа, кроме Барнаула, из ведомства АГО забрали и подчинили Томскому губернскому правлению. Такие вот пирожки с котятками. Землей управляет одна управа, а людьми на этой земле – другая. Дурдом на выезде...

Есть, конечно, и здесь варианты. Гера не зря гранит юридических наук в песок превращал. Сразу догадался – если строительство Чуйского тракта по военному ведомству провести, то никто и не вякнет. С военными не ссорятся. Уж кому-кому, а им после позорной Крымской войны царь всегда навстречу идет.

Значит, нужно договариваться с генерал-лейтенантом Дюгамелем, генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Западно-Сибирского военного округа. Если он скажет, что в бочке килограмм, значит, будет килограмм и ни фунта меньше. Да и в любом случае с ним контактировать бы пришлось. Горная дорога, с подпорными стенами в местах осыпей, с

мостами через реки, с плавными подъемами – это не простое инженерное сооружение. И кто кроме специалистов из Корпуса инженеров путей сообщения ее построить сможет? У кого еще, по роду деятельности, есть доступ к взрывчатке? Вот то-то и оно.

Крепость на границе тоже необходима. Желательно с десятком пулеметов и парой пушек. Казаков, допустим, я уговорю. Может быть, даже получится их туда переселить всем табором – с детьми, скотом и скарбом. А вот даст ли царь им землю? Это вопрос! В крайнем случае, можно организовать службу вахтовым методом. Год одни, год другие. Но постоянное население беспокойного района добавило бы мне спокойствия. За родные станицы казачки бы китайцев на доширак порубали...

Теперь вопрос вопросов! Как привязать к военной дороге бийчан? Заикнись я только Дюгамелю, что нужно выбивать бюджет на строительство – он меня сразу отправит в длительное эротическое путешествие. И будет прав. Совершенно незачем привлекать государство к этому замечательному делу. Нужно как-то так все повернуть, чтобы и армия была счастлива, и карманы у купцов оттопыривались...

Шел. Размышлял. Разговаривал с Герой. По сторонам смотреть было не на что. Переставлял ноги, ориентируясь на спину конвойного. Потому чуть в эту самую спину не врезался, когда все остановились. Каково же было мое удивление, когда я, подняв глаза, вместо купеческого подворья, обнаружил перед собой какое-то странное сооружение, больше всего напоминающее стационарную радарную станцию. Конечно, без «чебурашки» сверху.

– Это еще что...

– Да здесь он, ваше превосходительство! Где же еще-то? Он еще на Крещение хвалился, что с Великим постом богомазов ждет. Ежели приехавшие они, так и друган мой туточки!

– Да вы о чем, вообще...

– Так как, ваше превосходительство, без хозяина в дом евойный вламываться? Это ж не по-людски. Вот я и подумал! Кирюха Кривцов собор сей, Троицкий, строит. Все свои барыши в кирпичи. Вот он каков, друган-то мой, ваше превосходительство!

– Не слишком похоже это на собор...

– Так, ваше превосходительство...

– Вы, Василий Алексеевич, запревосходили уже меня до тошноты. Извольте по имени с отчеством ко мне обращаться.

– Здесь, Герман Густавович, еще колокольня не достроена, – мигом сориентировался купец. – Оттого и смотрится так... нелепо. Птицы прилетят, Кирюха колокольни начнет ставить, во тогда красота выйдет!

Недостроенная церковь смотрелась странно и неряшливо. И как бы купец ни уговаривал меня войти, посмотреть на работу художников-богомазов, я отказался. Есть у меня печальный опыт...

Я в комиссии по приемке новой больницы председательствовал. Отправились на объект, так сказать, осмотреться, найти виноватых в срыве сроков сдачи и хвосты накрутить кому-нибудь. Чтоб денег не просили. Ишь, моду взяли! Архитектор с замом начальника департамента здравоохранения пошептались, да и накатали дополнение к заказу на двенадцать миллионов. Им детей в Англию на учебу отправить захотелось. Подрядчик тут же заявил, что раз работ больше, то и сроки необходимо пересмотреть. Вот и поехали глянуть – так ли страшен черт-архитектор, и как там подрядчик стены мулует.

Малевали в полный рост. Гастарбайтеров, как муравьев. Везде что-то красят, мажут, штукатурят. Провода с потолка аки паутина свисают. В общих чертах ясно, что дело темно. И ведь не обвинишь никого в лени и нежелании работать. И их понять можно – и так полгода счета не оплачены, а люди заработанное просят. А я что? Я и рад бы деньги отдать, да только они уже месяца три как в банке проценты накручивали. И прямо сейчас отдать – лишиться лишнего миллиона, с которого, между прочим, еще половину «папикам» раздать придется.

Пришлось кричать. Так себя накрутил, даже каска с затылка свалилась. Руками махал, ногами топал. Все гайки, какие нашел, и даже половину только что изобретенных закрутил. Ну, и пока распинался в собственном финансовом бессилии, рукавом дорогущего костюма в краску залез. И туфли какой-то серой гадостью так заляпал, что и отчистить потом не смог. Из Италии туфли, между прочим.

А уже когда из здания выходили, кто-то в щель между лестничными пролетами остатки извести плеснул. Не знаю – специально в меня метил, или судьбе так было угодно, только пальто испорченное я прямо там выбросил. Вместе с таблетками сердечными, что в кармане были. Часа через два после той стройки меня Инфарктий первый раз и посетил...

Как там?..

Не стойте и не прыгайте,
Не пойте, не пляшите
Там, где идет строительство
Или подвешен груз...

Вот я навсегда и запомнил – нефиг там делать. Гайкозавертыванием можно было и у себя в департаменте заняться. Вызвать и разделать.

Гилев побежал вызывать своего друга Кирюху, а я вновь взгромоздился на лошадь и поехал себе тихонечко в сторону дома купца.

Сонная, ленивая Колывань. Привыкшая прятаться за спину Великого и Непогрешимого Горного Начальника. Зажатая сотней «нельзя» и тысячей «не положено». Два месяца назад получившая свободу от княжеских замашек правления уделами Его Императорского величества, но еще не осознавшая этого. Раскрепощенная и не знающая, как теперь с этим жить. Отвратительная в своей пассивности и страхе. Уменьшенная модель все еще пребывающего в рабстве Барнаула. Благо Бийск с Кузнецком уже свободны...

И вместе с крупнейшим городом юга моей губернии в том же полудохлом состоянии пребывали сотни тысяч людей. Десятки тысяч квадратных километров не использующихся земель. Масса спящих в горах ресурсов.

Настроение портилось. Казавшиеся раньше блестящими планы серели, скукоживались и опадали осенними листьями под гнетом действительности. Застроить Бийск ткацкими фабриками? А чем они станут приводиться в действие? Использование паровых машин в царской вотчине запрещено! Железом с Китаем торговать? А где его брать? Сталеплавильные заводы принадлежат АГО, и захотят ли они делиться – один Бог ведает. Дорогу строить? Скалы взрывать? Так ведь, дорогой мой Герман Густавович, и взрывные работы в АГО под запретом. Гера – сволочь. Не мог раньше из памяти эти долбанные инструкции повыковыривать?!

А как было бы хорошо! Организовать что-то вроде Ост-Индской компании с исключительными, монопольными правами на торговлю в долине Чуи. Под это дело испросить у царя в аренду пару горок в Кузнецком округе. В одной железа немеряно, в другой – уголь. В самом окружном центре комбинат построить. Ножики с лопатами для бедных киргизов клепать, ну и рельсы потихоньку готовить. Связать линией Кузнецк с Бийском. Если между городами прямую линию прочертить, дорога почти рядом и с одной горой и с другой проходить будет.

Из Бийска, пароходами, рельсы в Томск можно везти. Второй очередью из Томска до Мариинска путь проложить. Золотопромышленники помогут. Им чугунок здорово логистику снабжения приисков улучшить может. А там еще чуть-чуть и Ачинск, что в Енисейской губернии. Да и Красноярск недалече. Там тоже нашим купчинам найдется интерес. Потом уже «марш на Запад». С двумя здоровенными мостами и героическим преодолением заболоченных убинско-барабинских низменностей. Северную ветку с южной можно тоже потом соеди-

нить. Речники, поди, не сильно обидятся. Им заказов на маршруте Томск – Тобольск еще лет на тридцать хватит. Ирбитская ярмарка пока вне конкуренции.

И все, блин, упирается в АГО. Вот зачем, спрашивается, разделили горную и административную власти? С момента образования губернии всегда было, что главный начальник АГО и томский губернатор – одно и то же лицо. Так нет. В Барнауле теперь этот Фрезе сидит и крестьян государевых выкупными платежами страшит. Наслушался страшных историй по дороге. А в Томске я. И ничегошеньки без АГО сделать не могу.

Гилев с Кривцовым совершенно отказывались мне помогать. Уперлись, как ослы, едва услышав мое предложение о создании Томско-Китайской компании. Дорогу – да, хотим! Компанию с государственным участием – ни в коем разе.

– Вы, Герман Густавович, нам офицера обученного дайте, а тракт мы и сами построим, – храбрился Василий. – Такие поезда к Кош-Агачу запустим... Кош-Агач? Так место сие, где я избенку с амбарами справил, так зовется. Рошица это на басурманском говоре. От леса того от силы три древа и осталось, а имечко прилипло... Так, годика бы с три-четыре нам по тракту торговлишку поддержать, так и самим за заводику можно браться. Лет через пять нас с другом, поди ж ты, мильеном и не напугать будет.

Пять лет! Где я им возьму столько времени? Нет у меня столько. Через пять лет мои паровозы уже медведей распугать должны, а не только-только за металлургию браться. Предложил купцам отделить мух от котлет. Пять лет торга им нужно? Да – пожалуйста. Поздней весной Гилев сам туда собирается? Отлично. В Онгудае меня пусть ждет. Сам хочу наглых китайцев посмотреть. Это чтоб вопросов глупых ни у кого не возникло – зачем к границе половина полка казачьего двинулась. Меня охранять будут. Персону нежную, всякого шороха боящуюся. Еще и пушки с пулеметами у Дюгамеля выпрошу...

Тут выяснилось, что никто не ведает о звере таком – «пулемет». Даже Безсонов, помещанный на всем стреляющем, режущем и колющем. Я ему принцип действия описал, он этот механизм каким-то словом обозвал на марсильезу похожим. Почему я в той своей жизни оружием только охотничьим интересовался? Почему не выучил назубок чертежи «дектяря», ПКМ или «максимки», на худой конец? «Калаш» – машина совершенно простейшая. Я в армии хоть и «пиджаком» отслужил, а агрегат этот видел неоднократно. Стрелял даже разок. Где бы конструктора талантливого отыскать? Я бы ему картинку начертил, глядишь и сварганил бы чего-нибудь похожее.

Или мосинскую трехлинейку лучше? Я с ней на кабана охотился. Надежнее и... ухватистей «Сайги» показалась. Да и роднее, что ли. У прадеда такая же была. Первый раз в жизни, в той еще, я как раз из трех линий и стрелял.

А на Чую действительно нужно ехать самому. Другого благовидного предлога ввести в спорную зону русские войска не придумывалось. Нет пулеметов – обойдемся пушками. Потом генерал-губернатору рапорт напишу... Нет, придется и сейчас писать. О намерениях. Пушек у казаков нет. А без них крепость как-то не серьезно выглядеть будет.

Поднимем в этом Кош-Агаче флаг российский. Посмотрю на зайсанов. Наверняка ведь, гады, налоги не платят. Чего ты, Гера? А! Не налоги, а ясак? Да пофиг, как товарно-материальные ценности, несправедливо нажитые туземным населением, обзываются. Главное – повод есть принудить к распилу и взлохмачиванию. И государя-императора порадовать. Фрезе по носу щелкнуть. Ему, поди, недосуг по горам мотаться... Кругом хорошо.

А вот на фоне патриотического акта можно и кое-чего попросить. Две горки по соседству с Кузнецком. Инвесторы найдутся. Железо всем нужно. Золото тоже мыть – лопата все-таки требуется.

Но неорганизованное торговое движение по Чуйскому тракту меня совершенно не устраивало. Трест, корпорация, товарищество на вере – что угодно, лишь бы печать была и налоги могло платить. А пошлины? Таможню нужно не забыть выстроить при крепости. Таможня –

это у нас Министерство финансов. Значит, и туда нужно отписать. Уведомить, испросить и вытребовать. Специальные тарифы нужны и парочка чиновников грамотных. В Кабинет Его Императорского величества, в ведомство уделов – тоже бумагу послать требуется. Разрешение на расселение семей служащих 12-го полка Сибирского Казачьяго Войска в верховьях Чуи и Чулышмана получить. Все-таки земли царские.

Можно будет в МВД прожектик отписать. В Сибирский комитет. Отделить на хрен от АГО все земли по тракту, Чуйскую степь и долину Чулышмана. Специальный Горно-Алтайский округ в составе Томской губернии сделать. Помнится мне, где-то недалеко от Кош-Агача серебро в горах спрятано. В промышленных размерах. Вот Гера в моей памяти порядок наведет – отыщет. Что-то такое и про золото припоминается. И, кстати, про железо. Как бы геолога с собой прихватить, умеющего язык за зубами держать? У Фрезе выпросить студента какого-нибудь, а по дороге воспитать?

После великолепного, вкусного, несмотря на пост, обеда, после многочасовых споров с упертыми купцами, после божественного ужина, уже лежа на перине, я улыбнулся. Проблемы? Проблемы! Но это и делает жизнь такой интересной штуковиной. Будем бороться. Прогрывать и выигрывать. Это не олимпиада, это жизнь. И здесь главное все-таки победа, а не участие.

8. Томские открытия

Подгоняли утомившихся лошадей. Двадцать пять верст от Калтайского растянулись на сотни. Бор, потом Черная речка. Кони радовались каждой появившейся у тракта деревеньке – думали, глупые, что – все, конец пути. И обижались, мотали головами, когда отряд, не останавливаясь и на минуту, продолжал двигаться на север.

Вот она – Томь. В воскресенье, третьего апреля 1864 года, в третью, крестопоклонную, неделю Великого поста я наконец добрался к месту службы. И пока Безсонов рассылал казаков на разведку – стоило осмотреть неверный, апрельский лед на реке, я жадно разглядывал оставленный мною миллиард лет назад, и сто пятьдесят вперед, любимый город.

Все также много деревьев. Как я гордился когда-то тенистыми улочками одного из древнейших городов Сибири! Особенно перед гостями из Новосибирска. Как любил проехаться по центру поздним вечером. Медленно, никуда не торопясь, разглядывая потрясающие каменные кружева старых домов.

Совсем мало железных крыш. Не торчат на горизонте уродливые коробки, в шестидесятые решившие жилищную проблему. Желтеет двухэтажка с колоннами губернского правления – главное присутственное место огромного края. В мое время – Физико-технический институт. Чуть левее недостроенная громада собора. Краткий миг узнавания – на старых фотографиях видел – и волна грусти. В двадцать первом веке там памятник студенчеству. Наверное – это важнее...

Губернаторского дома еще нет. Зато есть только что достроенная лютеранская церквушка. Две проблемы сразу: где жить и как сложатся отношения с местным пастором? Мне уже рассказали, что во флигеле домика Вивей Соколовой, вдовы коллежского советника, где обитали предыдущие губернские начальники, ныне Мариинская женская гимназия. Не выгонять же девчонок на улицу! А с лютеранским священником все еще хуже. Гера не преминул ехидно поинтересоваться – позволено ли поводьям лгать пастырям? Я брякнул было, что ангелам и особам, к ним приравненным, общение с церковнослужителями и вовсе не нужно, мы отчет перед Богом держим. Но скрывшуюся в тайниках мозга сущность старого *тело*-хранителя моя отмазка не впечатлила. Отчет отчетом, а церковь церковью. Ее не зря Домом Божиим прозывают! Каждому ведь не объяснишь, а люди шептаться начнут – отчего это новый губернатор в церкву не ходит и с пастором не разговаривает? Не иначе дьяволом одержим... Добавим сюда

бесовские паровые движители и получим кандидата на костер. Инквизиции-то на Руси никогда не было, ибо не нужна оказалась. Крестьяне сами справлялись. Сами колдунов и ведьм выискивали и в Ад спроваживали.

Придется обзаводиться личным... как он там называется... душевником... духовником. Главное, чтоб крепкие нервы у мужика были и язык... Лучше бы вообще без языка. И грамоту чтоб не знал. И пальцев чтоб не было... И где этакое чудовище отыскать? На каторге если только. Можно, конечно, и не увечного, но сильно от меня лично зависимого. Чтоб каждое лишнее слово в неподобающем месте ему сильно боком могло выйти. Искать буду. Это важно.

С жильем-то – не велика беда. Два месяца могу и в гостинице перебиться. Потом на Чую уеду, а за лето мне дом построят. Я сюда надолго. Мне гнездо нужно, крепость и берлога. С удобным кабинетом, подземным огромным сейфом-хранилищем под архив и отдельным для ценностей. Оружейка тоже пригодится. Гостевые комнаты, хотя бы небольшой бассейн и сауна. Вдруг надо, а у меня нет...

Несколько комнат для Гинтара. Пусть он теперь и не слуга, но не выкину же я на улицу верного старого прибалта! Горничные понадобятся и слуги. Им тоже где-то жить нужно. Секретарь скоро появится, к себе поселю.

Василине с отцом и Варежке домики или квартиры снять можно. Оплачу. Они мне нужны с чистым, не замутненным мелочными проблемами, разумом.

Серенькие, еще бревенчатые мосты через Ушайку. Чудно, но я и раньше о них знал. Полицейское управление с пожарной каланчой на Воскресенской горе. Там когда-то томский острог располагался. Пока город из-за стен не выплеснулся. Сначала к речке, потом в стороны, взобрался на Юрточную гору, спустился в Пески. Вокруг Белого озера. Где-то там Соляная площадь. Сейчас, наверное, там все еще соляной рынок.

Университета на холме среди деревьев не видно. Его еще нет. И Городской больницы нет. И институтов вдоль проспекта Ленина. Почтамтская, которая сейчас. А вот колонны Краеведческого музея торчат. Церкви только еще рядом нет. Значит, особняк все еще жилой. Интересно, Асташев жив? Как-то не получилось в дороге узнать. А мужик славный был, хотелось бы познакомиться, подружиться.

На месте белесого безликого кубика Администрации Томской области – красные корпуса Гостиного двора и базара. Ближе к берегу – Пески. Нижний рынок и пока еще деревянное здание трактира «Славянский базар». Дальше, между горой и рынком – часовня Иверской Божьей Матери. Над ней торчит треугольная крыша городской управы. Справа – пряничные домики на Набережной.

Столбы с проводами обрываются в середине проспекта. Телеграфа с этого берега не видно, но он там. Прямо возле резкого спуска к реке с Юрточной горы. И торговые пассажи рядом. И церкви, огромное количество крестов над городом. Господи! Спасибо тебе огромное! Я дома!

Руки чесались немедленно приняться за работу. К переправе подъехали сразу после полудня, можно было и в управу заскочить – шороху навести. Применил силу воли. Пусть ждут. Фонд требует постоянного пополнения, да и мне еще строительство дома оплачивать. Пара лишних копеек пригодится. А чем дольше ждут и нервничают, тем, большее количество монеток они оценят мое хорошее настроение.

Шучу, конечно. Главная причина не в этом. Мне человек нужен. Секретарь. Башковитый и молчаливый. И расторопный. Чтоб кухню местную досконально знал и кто есть кто – объяснить мог. Без него я в банку с пауками не полезу. А секретаря мне предоставить другой человек должен. Вот пока я эту, первую и самую важную, встречу не проведу – нефиг в присутственное место соваться. Купцы и городская управа – дело третье. А полицмейстера я еще недельку промариную. Будем с ним через бумаги общаться. Приказам и распоряжениям в глаза не заглянешь.

Сама переправа как-то из памяти вылетела. Просто отряд, выстроенный в походную колонну, вновь пришел в движение. Под копытами Принцессы немного похлопала вода, и вот уже полосатые столбы – граница города. Мостов еще нет. Ни автомобильного, ни железнодорожного у Юрги.

Затяжной подъем. Слева остается инородческий пригород – Заисточье. По случаю выходного дня не дымят трубы кузниц вдоль тракта. Поворот. Здесь должна быть Городская больница, а за ней многочисленные здания университета. Пока – это просто кусочек леса с тропинками для прогулок. О! А это еще что такое? Театр? Изба-переросток – это Томский театр? Что, и ложи для господ есть? По шесть штук с каждой стороны? Вот это новость...

А вот и Соборная площадь. Прямо впереди собор. Справа впереди – Губернское управление. Казакам направо, по Большой Садовой. К казармам. Мне – налево, на Почтамтскую. Есть, правда «Номера» и на Спасской, но Гостиный двор мне больше нравится. Да и хочется посмотреть знаменитую на всю Сибирь часовню Иверской Божьей Матери. Хотя издали. Ближе подходить не стоит. Прямо рядом с ней городское полицейское управление, и велика вероятность «случайно» встретиться с бароном.

Пятерка конвойных продолжает нас сопровождать. По лицам и не поймешь – рады или недовольны таким поворотом. Вроде и домой вернулись – самое время расслабиться. А тут опять служба... Безсонов обещал прислать мужичкам смену через час-полтора. Ну, к вечеру-то точно! В общем, терпите. Завтра отдохнете. Здесь вам не Германия, чтоб все точно по часам и инструкциям. Тут вечная битва желаний и возможностей, с маневрами и попеременным успехом каждой из сторон.

Распугали чинно прогуливающихся горожан. Тротуары, конечно, есть, но что они, ежели воскресный погожий денек и упряжек мало совсем. Вихрем пролетели мимо телеграфа к набережной. Вот и конец пути.

Сняли все правое крыло. То, что на Богоявленскую церкву смотрит. Она еще маленькая – не тот двухэтажный собор, что в 1995 году реставрировали и РПЦ вернули. Но все равно приятно видеть из окон «привет» из другой жизни. Рядом полукаменный домик священника. Амбар, баня – все, как положено, украшено прихотливой деревянной кружевниной.

Отдельные номера для Гинтара, Росиковых и Варежки. Еще один, дешевый, для охраны. И самый лучший, «ампираторский» – для меня. Завалили, поросята, чемоданами и сундуками всю гостиную. И прибалт на помощь не торопится – не положено управляющему Фонда прислуживать. А сам я и представления не имею, где что лежит. Ну да ладно. Жажда действия такая, что и эта работа в радость. Главное, не забыть дверь запереть. Не дай бог, гостиничная горничная придет, застучает за разбором вещей. Не по чину мне...

Предложили легкий перекус. Так, червячка заморить, до ужина. Почему – нет? «А вот отдайте нашего муксуна. Поди, не едали, ваше превосходительство, рыба такого никогда»... Ага, это я-то – муксунник в трех поколениях – не едал? Да несите, чего уж там. Гера же – немчура, ему деликатес местный в новинку.

Тяжеленный чемодан. Снова вспомнил о благом намерении заняться приведением тела в порядок. В моем доме нужно спортзал не забыть. Тренажеры какие-нибудь, гантельки. Вдруг и правда – сподоблюсь.

Перетаскал багаж в спальню – она же кабинет. Открыл крышки, внимательно посмотрел, поворошил белье. Закрыл. Вспомнил о приличиях, достал умывальные и бритвенные принадлежности. Потом еще выкопал пару понравившихся костюмов и мундир. Это нужно отдать горничным, чтоб в порядок привели. Мне перед местной элитой плохо выглядеть нельзя...

Пока лакомился слабосоленной рыбой с пряностями, расторопные девчушки принесли мои фраки обратно. Можно было назначать первые встречи, но посыльный, выпучив глаза, напомнил, что сегодня вообще-то воскресенье. В присутственных местах кроме сторожей никого нет, и, где искать поименованных мною господ, он не ведает. Конвойные казаки,

конечно же, имели представление, но в рукописных приглашениях, я все-таки указал завтрашний день.

Отметил про себя, что перестаю любить праздники и выходные. Праздник – это теплая компания, душевные разговоры с друзьями за обильным столом. Не злые шутки, воспоминания и забавные рассказы. Обсуждение жен и детей. Можно немного алкоголя, но так, чтоб не упасть мордой-с в салат-с. Неприлично.

И где мне все это взять? Собрать стол – не проблема. Стоит только свистнуть, местный повар из кожи выпрыгнет, чтоб меня удивить. А друзей где взять? Это ведь такое странное дело – другом только равный может сделаться. Посади я за стол своих спутников, так они весь праздник этими «ваше превосходительство» испортят. Плавали – знаем – каково быть «свадебным генералом».

Выходные – еще хуже. Повода напиться нет, и делать особо нечего. Хобби какое-нибудь завести? Картины, например, начать коллекционировать... А по воскресеньям с них пылинки сдувать? Жуть. Даже думать противно. Картины, кстати, собирать стоит. Это же вторая половина девятнадцатого века. Сейчас куча художников замечательных и еще не оцененных по достоинству. Творения их, лет через пятьдесят, миллионы на аукционах стоить будут. И если не получится у меня хотя бы Сибирь из кровавого кошмара гражданской войны выдернуть, детям будет на что в Лондоне безбедно проживать.

Одна проблема – детей у меня нет. И в той жизни как-то не сложилось. Женат дважды был, а наследников Бог не дал. Сначала сам не хотел, потом... Потом сомнение взяло, что хочу от этой белобрысой куклы ребенка. Был момент, хотелось отправить ее в Афганистан на сафари. Она бы поехала, с географией у нее бо-о-ольшие проблемы были. И по телевизору она только «Дом-2» смотрела и «Каникулы в Мексике». Кукла моя даже дачу домом № 2 стала называть и в Мексику меня потащила. На пляжи.

Хотел, в общем, смерти ей. Потом стыдно стало. Подумал, что девчоночка моя – это наказание Господне за грехи. Много я чего наворочать успел, многих обидеть. Поди, и проклинали за глаза...

В той жизни выходные были для меня непозволительной роскошью. Вечно что-то случилось. То лесные пожары, то московских гостей в тайгу вывезти, то саммиты всякие с иностранцами. Инвестиции, будь они неладны... Помню пару вдруг свободных вечеров, когда сидел тупо уставившись на огонь в камине и напивался дорогущим шотландским самогомом. Мог этот самый камин баксами неделю топить, а вот помер и что? Ни ребенка, ни зверенка... Даже памяти доброй после себя не оставил. Ненавижу выходные!

Разозлился и сразу вспомнил о необходимости писать письма начальству. Ну, не то чтобы начальству... У нас, в Империи, все запутано донельзя. Вот вроде есть генерал-губернатор, Александр Осипович Дюгамель. По сути – владыка Западной Сибири и мое непосредственное руководство. Высочайшим повелением назначен, как, впрочем, и я, но чин имеет генерал-лейтенанта и должность командующего округом по Военному министерству. А я статский чиновник, отношусь к Министерству внутренних дел. Если быть уж совсем точным – к Сибирскому комитету МВД.

Но Томск – место постоянной дислокации двух подразделений. Двенадцатого казачьего и Одинадцатого линейного батальона Корпуса внутренней стражи. И полк, и батальон, являясь военными частями в составе Западно-Сибирского военного округа, тем не менее, напрямую подчиняются мне – гражданскому чиновнику.

Сбоку от нас с Дюгамелем Министерство финансов – сборщики пошлин и налогов, которым мы всемерно должны способствовать. А они за это здесь, в провинции, нам обоим подчинены. Плюс еще Государственный контроль – ведомство вроде экономического отдела ФСБ. Мой Гера там полгода оттрубил, пока его в Сибирь не сослали. На хорошем счету был у господина Татаринова – самого страшного человека среди чиновников России. Ох, сколько он

судеб своими проверками переломал! И здесь, в Томске, отделение ГК есть. Им также поручено помогать и их контролировать. По идее, они мне, как высшему должностному лицу в губернии, подчиняться должны. Но подставляться не стоит. Не посмотрят, что я их с руки кормлю. Стукнут наверх, и нет Германа Густавовича Лерхе, действительного статского советника.

Со спецслужбами еще больше дыма. Полиция – понятно. Раз я из МВД, то полицаи мне в рот должны заглядывать. А вот политическая разведка – охранка – Третье отделение Собственной Его Императорского величества канцелярии вообще вне чиновничьего понимания. Согласно инструкциям СК МВД, я, в части контроля за ссыльными и каторжниками, обязан сотрудничать с Жандармским корпусом при Третьем отделении. И как же с ними сотрудничать, если жандармы и на военных, и на статских плевать хотели? Жалованье им отдельно от всех платят. Чины как-то по-особому раздают. Никаких рычагов воздействия!

О военной разведке вообще молчу. В Сибири офицеры Генерального Штаба, императорские «штирлицы», формально генерал-губернатору подчинены. Но и тайну блюсти обязаны. А значит – имеют право не отчитываться перед Дюгамелем о вещах, которые ему как бы знать не следует. Такая вот петрушка с винегретом. Все кланяются и величают, а делать могут кому что в голову придет. Об АГО я уже рассказывал. Царские вотчины – вообще другая страна.

Все-таки в Российской Федерации с вертикалью власти больше порядка было. Я, как у Геры всю эту катавасию вызнал, прямо с нежностью вспомнил свою администрацию. Понятно, что структура нового времени не на пустом месте возникла. Ее коммунисты потом и кровью создавали. Но механизм весьма эффективный получился. Если бы еще не временные, выборные, должности, так я не постеснялся бы сказать – лучший в мире.

И самое забавное, что и там и здесь система власти выстроена так, что без высокого покровителя на самом верху – делать нечего. Да и не удержишься в кресле надолго. Какой-нибудь близкий к трону или к красной кнопке человечек, который может шепнуть вовремя в ухо Самому Главного нужное имя. Или предупредить, что мной недовольны. Заводики с твоего края в новомодную Госкорпорацию пропихнуть. А это рабочие места, налоги и федеральные денежные вливания. Этому «папику» и мзду нести не обидно. Нужен он. Без него никак. Зато, стоит ему в подковерных битвах голову сложить, как и мы, его гнезда птенцы, из списков вычеркиваемся. Если перелететь не успели вовремя.

Думаете в девятнадцатом веке иначе? Прямо! Всесильный Повелитель, Сотрясатель Вселенной, Великий и Ужасный генерал-губернатор ни единого полка без разрешения Министра с места двинуть не может. А я своей властью – легко. Но и я без поддержки здесь ноль без палочки. Найдутся желающие на сладкое место.

Получается, нужны мы с Дюгамелем друг другу. Я в письме ему намекнул, что «верный вашему, ваше превосходительство, напутственному слову, о Государстве Российском пекусь», и раз он не в силах – сам сотню казаков к границе поведу, нахальных китайцев на место ставить. Прошу только пушчонок каких завалящих парочку-троечку и инженера Корпуса для исследования возможности прокладки дороги к новым владениям.

Письмо Буткову – директору Сибирского комитета – писал дольше. Обложился картами – мне Гилев новейшие чертежи Бийского округа АГО подарил – вымерял и мелкобуквенные надписи расшифровывал. Чем черт не шутит, вдруг идея в какое-нибудь русло придворных интриг вольется и получится отделить горную часть Бийского округа от АГО?! Наглости у меня на южную часть Кузнецкого округа не хватило. За эти места Кабинет живьем сгрызет – там золото роют в горах. А Чуйский тракт с долиной Чулышмана – почему бы и нет. Геологоразведки там не проводилось. О богатстве, прямо под Кош-Агачем спящем, они ни сном ни духом.

Вроде удачно вышло. МВД и Минфин с Кабинетом не дружат. Появится шанс ущипнуть побольнее – схватятся, уцепятся и царя уболтают.

Посыльный унес конверты на почту, а моя жажда деятельности все не унималась. Позвал Варезку. До ужина составляли с ним список лиц, информация о которых мне нужна. Когда

и какая. Приоритеты расставляли. Пестянов половину блокнота исписал. Молодец – не испугался объемам работы. Похоже, такой же трудоголик, как и я. Только с уклоном. Глаза заблестели – столько подозреваемых сразу! Я и бумаги ему сразу выправил. Коллежский секретарь он теперь у меня и чиновник особых поручений при губернском совете. Подчиняется только председателю, то есть – мне.

Василину не стал звать. Ее время не пришло еще. Пусть они житейские проблемы решат, обживутся. Деньгами я их снабдил. Здесь на сто рублей можно полгода безбедно жить. Газетки пока пусть читает. Я ей еще в дороге круг интересов своих обрисовал. Еженедельные отчеты посыльный приносить будет...

Там и ночь подкралась.

А следом – утро. Окна выходили на северо-восток, так что солнце на рассвете зашло меня поприветствовать. Точно, Герочка! Как мама в детстве... Странно! Я все хуже помню детство. Там, где времени нет, казалось, что вся жизнь, каждый миг, каждый удар сердца сохранился в памяти. А теперь вот забывать стал... Какие-то обрывки, ощущения, запахи, прикосновения, еще и здорово перепутанные с заимствованными из воспоминаний бывшего хозяина тела. Интересно, где находится хранилище памяти? И не там ли спрятался мой немецкий друг? А, Гера? Да, ладно, не пищи! Не собираюсь я пока тебя изгонять. Мне без тебя совсем грустно будет. Выходит, Герман, ты мой единственный в этом мире родной человек...

К хорошему быстро привыкаешь. Без помощи слуг уже и одеться стало затруднительно. Бриться опасной железкой – вообще страшно. Где-то мой «Жиллет – лучше для мужчины нет»? Нужно не забыть попросить Гинтара подобрать себе замену. Он лучше знает, что и как должен делать слуга. Гера слишком привык к этим благам цивилизации, а я понятия не имею о «правах и обязанностях прислуги».

Не было в мое время такого понятия. В дом раз в два дня приходила уборщица, в домике у гаража жил таджик-дворник, а кушали мы обычно в ресторанах – кухаркой обзаводиться не стали. Ну, так это же не слуги. Скорее – сотрудники моего домашнего предприятия. Я только здесь и познакомился с этим явлением. И знаете! Мне понравилось. Сам-то я вполне неприхотливый человек. Лично мне мало чего нужно. Есть же такие люди – житейские дурни, у которых вечно один носок и все куда-то неожиданно пропадает. Так я из таких. За мной постоянный присмотр требуется. И что самое удивительное – на работе все с точностью до наоборот. На службе я сама пунктуальность...

Кое-как справился. Не сказать, чтоб идеально, но пепельный налет щетины исчез, волосы не торчали куда попало, и вроде все завязки и пуговицы приспособил на положенные им места. Благо, большое зеркало в спальне присутствовало. Успел вовремя заметить и исправить огрехи внешнего вида.

В гостиной на столике у дверей ждала почта. Пара газет, небольшой конвертик для записок и письмо. И колокольчик. Забавная штука. Раньше думал – это только в кино бывает. Позвонил – через минуту пришла горничная, спросила – чего желаю. Ох, милая, построй мне металлургический комбинат в тайге неподалеку от Мариинска... Но заказал кофе с выпечкой и масло. Не такими же хорошенькими ручками, с аккуратненькими розовыми коготками чугунный плавить...

Как им удастся подавать заказы так быстро? Словно за дверью ждали. Едва до стола дошел, а мимо уже, шелестя юбками, пронесся отряд подавальщиц. Мм-м-мм, как вкусно пахнет кофе, как румяны маленькие булочки с корицей, как плавится золотистое масло на теплой пористой сдобе!

«Северная пчела» от 24 марта рассказывала об увеличении денежного содержания мировым посредникам Алтайского округа. Судя по добавке в семьсот рублей, кроме жалованья в полторы тысячи в год, люди, призванные решать судьбу освобождаемых государственных кре-

стьян, не бедствовали. Зачем еще увеличили? Взятки брали? И кто им давал? Крестьяне? Да перестаньте. Откуда у них-то суммы, которые при ста рублях в месяц заинтересовать могут?!

Сходил за карандашом, сделал на полях газеты пометки. Пусть Варезка порезвится. Утолит мое любопытство. Есть у меня подозрение, но нет доказательств. И это плохо. Хороший был бы аргумент в споре с одним весьма значимым господином.

Материал о проекте реформирования гвардейских полков не заинтересовал. Как-то по-детски все. Не серьезно. Гера вот хохочет: с чего я решил, спрашивает, что гвардия – это самые боеспособные части армии? А и правда. С чего?

«Томские ведомости» снова вдарились в историю. Какие-то князьки туземные, ясаки и всякая-такая лабудень. Скучно.

В конвертике, твердым чуть наклоненным почерком значилось, что приглашенный мной господин готов почтить присутствием в десять часов до полудня. Предельно сжатый, сухой текст. Молодец, майор. Так и надо.

Письмо с гербом на печати. Из Сибирского комитета МВД. От директора, Владимира Петровича Буткова. Во-о-от. Вот чего я с нетерпением ждал. Один из штатных министерских «папиков» решил увеличить свое влияние, присовокупив в свою шайку еще одного губернатора. Ножом для масла вскрываю конверт. Плевать, что испачкалось. Мне этот документ не в музей, а в самый отдаленный и тайный архив спрятать надобно. «Крыша» по переписке! Они тут вообще страха не ведают?

Зачитался так, что непроглоченный глоток кофе во рту остыть успел. Какой талантище в человеке погибает! Война и мир! Преступление без наказания и идиот в одном флаконе. Намеки и намеки на намеки. Общими мазками определены прелести совместной деятельности. Пара слов о «к сожалению моему, служба столь молодого и многообещающего чиновника на столь высоком посту, может столкнуться с кажущимися непреодолимыми трудностями»... От так вот! Может столкнуться, а может – и нет. Зато, как только столкнется, я должен знать, к кому бежать в жилетку рыдать. Кто мзду примет, по головке погладит, и кому надо за меня слово замолвит. Как бы еще узнать, что за человек-то такой этот Бутков. Насколько он значимая фигура в столичных играх? Или подставная пустышка кого-то посильнее? Гера рассказывал, в столице сейчас две основные партии – ретрограды и реформаторы. Первые, естественно, за сон в летнюю ночь и возврат к благостным традициям. Вторые хотят хоть что-то изменить, чтоб стало хоть чуточку лучше. Уже несколько лет вторые вполне успешно придают первым. Александр II натерпелся в юности от ретрограда-отца и распахнул сердце для реформаторов.

Блин, блин и еще раз – блин! Реформаторы – это вроде хорошо. Я и сам за развитие промышленности, дорог и послабления для народа. Но реформы чаще всего либерастами делаются. А у них есть свойство нехорошее – они на Запад любят смотреть и еще как-то так умудряются извернуться, чтоб и задницу туда же подставить. Стоит этих господ к власти пустить, как тут же забугорники все самое вкусное в России скупают. И приходится потом ретроградам, которые – консерваторы, все обратно отбирать. Потом, когда реформы уж совсем до абсурда доходят, и маятник предпочтений качается в другую сторону.

К тому же еще бунт этот в Польше. Ну, никак не выходит у либерастов с бунтами успешно справляться. Чечню ту же взять. Пришли потом так называемые центристы и быстренько порядок навели. Плохо, что тут таких нет. Центристов, я имею в виду. Вот к ним я бы всей душой. Они и Польшу усмирить, и заводы строить могут. А когда маятник туда-сюда мотается – это вдвойне плохо. Вразнос система идет, в разброд и шатание. И начинается неуверенность в завтрашнем дне у чиновничьей братии. И отсюда логичный итог – вымогательство взяток растет как на дрожжах. Если вот-вот можешь лишиться кресла – так хоть деньгами разжиться успеть...

Польша бунтует уже год. И великий князь Константин Николаевич, брат царя и по совместительству – лидер реформаторов, уже пробовал уговорить поляков по-хорошему. Ему прострелили важную часть тела и отправили лечиться в одно из германских королевств. Думаю – не ошибусь, если предскажу появление какого-нибудь махрового ретроградского генерала, который огнем и мечом поставит шляхту на колени, а особо непокорных развешает на дубах. И придется Его величеству расплачиваться с партией какой-нибудь вкусняшкой. Министерским портфелем, похеренной реформой или еще чем-то в этом роде.

Теперь вопрос! Кто такой Бутков, какой он партии принадлежит и насколько он мне может быть полезным? Иногда, даже радостно становится, что нет еще телефонов и не требуется принимать такие вот решения за три минуты, пока длится разговор. Есть время хорошенько поразмыслить, посоветоваться, вызнать подробности... Ответить пока общими фразами. Все-таки не тот это человек, чтоб его письмо без ответа оставлять. Кому бы в Санкт-Петербург отписать? Чьего бы совета спросить? И, главное, как спросить, чтоб и информацию вызнать и директора СК не подставить. Напрягайся, Герочка! Вспоминай, обдумывай и выдай мне к вечеру подходящую кандидатуру...

Письмо пока убрал к самым важным бумагам. И вовремя. Пришел Варежка. У него глаз острый, и читать кверху ногами он умеет. Был уже случай убедиться.

Пестянов привел знакомить казачьего хорунжего, Ивана Яковлевича Корнилова. Знаменитая фамилия, но вряд ли этот родственник тому. Фамилия довольно распространенная среди казаков. Командир третьей сотни будет теперь моей охраной заведовать. Во всяком случае, пока безсоновские хлопцы не отдохнут. А потом, по предложению комполка, майора Суходольского, можно будет выбрать самых расторопных в особый конвойный казачий отряд.

Согласился. Просил передать майору, что несколько невежливо передавать такие разумные предложения через подчиненных. Что много слышал о Суходольском от его подчиненных, заранее хорошо к нему отношусь и я бы рекомендовал не тянуть с личным знакомством. Корнилов, жилистый, слегка сутулый человек с невероятно резкими, быстрыми движениями, согласно кивнул, поклонился и собрался уходить. Но был остановлен и отправлен посыльным в номер Гинтара. А Варежка получил от меня газету с пометками и просьбу – передать Василине мое пожелание собрать информацию о господине Буткове. Придется все-таки девушке включаться в работу раньше, чем я планировал.

Похоже, бьющая через край энергия отразилась на всех моих спутниках. Прибалт без споров и ворчания согласился посетить ставшего знаменитым благодаря своему «Справочному месту» в Томске мещанина Акулова с целью выяснения – не сдастся ли в наем среднего размера домик, комнат не более восьми, с кухней, в центральной части города. Желательно с конюшней и каретным сараем. Кроме того, бывшему слуге вменялось в обязанность размещение объявления о конкурсном отборе слуг для меня. Гинтар ушел, и походка его ничем не напоминала неторопливую, шаркающую поступь прислуги. Из моей комнаты вышел солидный энергичный мужчина в самом расцвете лет с благородной сединой в тщательно уложенных волосах. Приятно было видеть такое превращение, черт подери.

Или коридорных в Гостином дворе подбирали с конкурса красоты, или нам с Герой срочно требуется решать одну небольшую личную проблему. Вошла без стука – в гостиную можно – сложила розовые ладошки на животике, слегка зарумянилась и, блестя глазами, доложила, что господин Кретковский, Киприян Фаустипович ожидает разрешения войти. Будто бы он утверждает, что ему назначено.

Матка боска! Давай его сюда немедленно! Спасибо, красавица! Вот тебе рубль за самую приятную новость за последнюю неделю. Как же давно я жду эту встречу...

Штаб-офицер, то есть, говоря современным языком – командир губернского отделения корпуса жандармов, майор Кретковский был похож на крысу. Здоровенная этакая тварюшка, не меньше чем мне по плечо, с вытянутым подвижным носиком, топорщащимися усиками и

кистями рук с длинными ловкими пальцами, упакованная в добротный серый сюртук, обтягивающий заметно выпирающий животик. Сразу захотелось заглянуть ему за спину в поисках хвоста...

Рассказывали, что некоторые люди в это удивительное время делали блестящую карьеру благодаря сущим, по моему мнению, пустякам. Один имел прекрасный каллиграфический почерк, другой ликом схож с одним из великих князей, третий имел длинные сильные руки и всегда успевал подхватить начальника, когда тот начинал падать, будучи сильно под шофе. Кое-кто здорово пел и этим радовал непосредственное руководство. Отдельные личности жуть как не нравились главам конкурирующих контор, а потому, дабы усть супостата, всячески продвигались наверх. Были еще чиновники, коих держали из гордости. Члены всяких географических обществ, действительные корреспонденты какого-нито журнальчика или кто-нибудь еще в этом роде. Возможно, некоторые выдвинулись и благодаря трудолюбию, аккуратности или таланту, но о таких и говорить не интересно. Нет в них некой изюминки... Жандарм явно был из неинтересной, безизюмной, части. Он явно это знал и в себе ценил.

– Доброго утра, Ваше превосходительство, – мягкий, располагающий голос. Таким хорошо залезать в душу или эту душу вынимать. – Несказанно удивлен этим приглашением. Мне доложили, вы еще не виделись ни с кем из правления...

– И вам здравствовать, Киприян Фаустипович, – улыбнулся я, протягивая руку. Любопытно было, какова рука крысы на ощупь. Оказалась – сухая и теплая, как я и ожидал. – Нисколько не удивлен вашей осведомленности.

– Служба такая, господин губернатор...

– Конечно-конечно. Служба... Вы же знаете мое имя?! Давайте уже без церемоний.

– С удовольствием, Герман Густавович. И все-таки. Утолите мое любопытство. Отчего же вы прежде всех остальных желали встречи со мной?

Тому были причины. И, на мой взгляд, более чем веские. Во-первых, мне очень нужен был секретарь...

– Тому несколько причин, господин майор. Начну с того, что меня особо предупреждали о непримиримой позиции, занимаемой жандармский корпусом в Сибири относительно статского управления. В Омске, в Главном управлении ходят совершенно былинные легенды о вашем руководителе, господине Казимовиче...

– Уверяю вас, если бы узнали господина генерала поближе...

Улыбаюсь. Предсказуемая реакция для человека, получившего задание присмотреться к новому губернатору, определить степень его, то есть моей, полезности и доложить. Кто же станет дерзить и нарываться, в такой ситуации-то?

– Я непременно встретился бы с ним, но не случилось. Господин генерал отбыл из Омска в Семипалатинск. Для каких целей – вы наверняка знаете лучше меня... Но позвольте мне продолжить.

– Конечно-конечно, Герман Густавович!

– Я, конечно, человек здесь новый и всех местных реалий не знающий, но довелось мне и в Морском министерстве послужить, и в Государственном контроле у господина Татаринова. По долгу службы я не раз сталкивался с офицерами Корпуса и Третьего отделения, и, должен признаться, имею весьма высокое мнение об этих людях. Тем больше меня удивляет... странная ситуация, сложившаяся в Сибири. Вы, Киприян Фаустипович, только представьте – меня упреждали, что вы непременно станете за мною следить и о каждом моем шаге докладывать...

– Вы уж не сердчайте на меня, Герман Густавович, – принял правила игры крыс. – Но ежели в замыслах супротив государя-императора нашего уличены будете, так и станем. И следить и докладывать. Служба-с! На страже Империи мы, знаете ли.

Ого. Он явно гордится своим положением и о «страже» не врет. Цепной крыс самодержавия – это что-то новенькое. Но ведь – не дурак. Дураков в охранке не держат. Чего же он передо мной комедию ломает?! Считает меня идиотом тупоголовым?

Смеюсь. Не над ним, над самой возможностью «замыслить». Утираю несуществующие слезы.

– Спасибо, за добрую шутку. Я оценил! Заподозрить вернейшего слугу Его Императорского величества... Ох, хорошо! Но я не о том. Ваша служба и почетна, и трудна. И даже, на первый взгляд, как будто не видна... Я и инструкции получил из Министерства, всемерно вам помогать и содействовать. Приказы руководства привык исполнять, тем более что и сам считаю сотрудничество делом важным и обоюдно полезным. Касательно же присмотра за вашим покорным слугой... Не примите за службу, но не могли бы вы помочь мне в одном... деле. Я ищу себе грамотного и исполнительного секретаря. Молодого человека, имеющего представление о местных реалиях, сообразительного и не имеющего отношений с губернским правлением. Чтоб не слушал боле ни чьих советов, кроме моих. Сами понимаете...

– Вы, Герман Густавович, ищите человека, на которого другие не могли бы влиять? Я правильно вас понимаю?

Ты всегда такой тугодум или мне таким представляешься? Я тебе глаза и уши в своем кабинете даю, а ты еще сомневаться будешь? Как зачем, Герочка?! Ты-то хоть дурнем не прикидывайся, не позорь мои будущие седины. Лучше иметь известного шпиона, чем неизвестного. Дела мне больше нет, стукача в чиновничьей орде высчитывать.

– Совершенно верно. Но не только. Хорошо было бы, если бы этот молодой человек обладал правом ознакомления с некоторыми сведениями, собираемыми вашим ведомством. О, ничего такого, что могло бы нанести вред государю или Империи. Просто – слабости некоторых чиновников или предпринимателей, их предпочтения и увлечения. Вам уже известно – я намерен способствовать развитию Высочайше врученной мне губернии. Новые производства, новые торговые маршруты, увеличение населения... Волей-неволей придется сталкиваться с разными людьми, и мне бы не хотелось поверить какому-нибудь проходимцу...

– А ваша полиция...

– Ах, оставьте. Это вы о бароне, что ли? Наслышан уже. И с родственником его успел по дороге столкнуться...

Крыс кивнул. Ему тоже докладывали о моих дорожных приключениях.

– Там, на тракте, вы проявили истинное мужество и героизм, – совершенно серьезно вдруг заявил жандарм. – Несколько неожиданное для статского чиновника, но от этого не менее похвальное.

Ба-а-а! Так вы, сударь мой, просто любитель громких слов? За лозунгами так удобно прятать собственные мысли, не так ли?

– Какие-либо особые пожелания по молодому человеку? – резко перешел на деловой тон мой гость.

– Нет. Ничего такого, о чем я уже бы не сказал... Единственное... Отлично было бы, если кандидатов оказалось бы трое-четверо. Сами понимаете, бывает – запах человека не нравится или уши большие. А он же всюду сопровождать меня станет.

– Думаю, это можно устроить. Истинным патриотам следует помогать друг другу.

– А как же! Можете на меня рассчитывать! Кстати, мне даны инструкции о потребных приготовлениях к большому поступлению ссыльных. Из Польши и Гродненской губернии. Введенная мне полиция готова принять этих бунтовщиков, но и ваши рекомендации о местах их расселения стали бы весьма ценны. Может статься, если проявить повышенное внимание, можно и заговоры какие-нибудь загадочные раскрыть...

Или организовать. Понял или нет? Он о внедрении в мое окружение своего соглядатая доложит – ему плюсики поставят. Потом я ему злодеев организую – еще один. А там и до сле-

дующего чина рукой подать. А что среди ссыльных лиходеи найдутся – к гадалке не ходи. Активные участники бунта – они и есть разбойники, и в их скорое перевоспитание во глубине сибирских руд я не верю.

– Ну, загадок и без ссыльных тут хватает...

Вяло отказывается. Подумает. Внимательно слежу за его жестами. Часто руки рассказывают больше, чем рот. Жандарм судорожно обдумывал мое более чем любезное предложение, а говорил о всяких пустяках. О таинственных письменах, оставленных отдавшим Богу душу таинственным старцем Федором Кузьмичем. Заинтересовался. Не знал, что после предполагаемого Александра Первого осталось наследство. Киприян Фаустипович охотно уточнил, что и богато украшенный крест и письма можно в доме купца Хромова увидеть.

Руки «стража государева» замерли. Он знал явно больше моего о личности святого старца, и проявленный мной интерес его насторожил. Спешно перевел разговор на другие загадочные явления. Легенду о Белом озере он пересказывать не стал, а вот о таинственных исчезающих подземных ходах упомянул. Вместе посмеялись над незатейливой людской фантазией.

Договорились, что уже сегодня вечером не менее трех кандидатур на секретарскую должность будет мне представлено. Договорились о взаимодействии по вопросу ссыльных. Договорились, что немедленно сообщу о крамоле, буде она, поганая, предо мной явится. На том и раскланялись.

У двери Кретковский едва не столкнулся с жалобно выглядевшим Артемкой и раскрасневшимся Корниловым.

– А! Братцы! – кивнул сам себе жандармский майор, еще раз мне поклонился и вышел.

Хорунжий поздоровался было в ответ, но потом, разглядев с кем, раздраженно дернул головой. И тут же отвешал подзатыльник молодому казачку.

– На колени падай, чудило. Коли проситься пришел...

– Что-то случилось, Иван Яковлевич? – едва удерживаясь от смеха, поинтересовался я.

– Позвольте войти, ваше превосходительство, – без вопросительных интонаций заявил начальник третьей сотни. И подхватил за шиворот, втаскивая в мою гостиную норовившего рухнуть на колени Артемку. Ну, в целеустремленности ему не откажешь...

– И все-таки? Артем! Стоять смирно! Ты же знаешь, я этого не люблю!

Парень замер так, как и стоял – на полусогнутых.

– Брат это мой, младшой! – поведал сотник. – Эвон каким вымахал, а балбес балбесом.

– А вы, видимо, старший... Средний – есть?

Ситуация все больше меня забавляла. Как там? «Старший – умный был детина, средний был и так и сяк, младший – вовсе был дурак».

– Точно так, ваше превосходительство. Мишка четвертою сотнею начальствует.

– Ясно, – продолжал веселиться я. – И что же я могу сделать для вразумления этого, как вы выразились, балбеса?

– Так ить вам, ваше превосходительство, в денщики его взять потребно. Все одно его теперь в подворотне забьют, коли не примите!

– Это как же так?

– А вчерась, как Безсонова сотня в погребке проставляться стала с похода, так этот... в драку кинулся на старших, за вас горой стоя. Ну, знамо дело, поучили молодого. А он встал и сызнава кинулся. Сказывал, што пока старые казаки слова для вас, ваше превосходительство, обидные взад не вызмут, он так и будет...

– Фамилии?! Адреса?! Явки?! Кто что говорил? Бунтовать вздумали, сучьи дети?! – Мама родная, Гера – фу. Гера! Стой, нельзя!!! Откуда это во мне? Отчего вдруг в глазах темень и слова злые – не мои? Пустяк же. Ну, брякнул кто-то, не подумав. Так безсоновские люди и без Артемки могли возразить. Их-то я зря, что ли, прикармливал?

– Никак нет, ваше превосходительство! – резко выпрямляясь, расправляя плечи и становясь смирно, гаркнул хорунжий. – От дурости только. От темноты сибирской!

– То-то же, – мне удалось-таки перехватить управление телом обратно. Но вспышку эту, острое чувство беспомощности в гневе и наглое, бесцеремонное вторжение Германа запомнил навсегда. – А людям тем передай. Прежде чем судить, всегда разбираться надобно. Людей знающих выпросить...

Артемка выпрямил все-таки колени и, подобно брату, замер бледный, как свежая побеленная стена.

– А тебя, Артем, к себе возьму. Коли служить честно и не болтать лишнее слово дашь. И впредь запомни! Новый немчик – это не обидно. Так ведь назвали? Я и есть – немец, и батюшка с матушкой немцы. И начальник здесь новый. Выходит – и они правы.

Корниловы мало-помалу приобретали нормальный цвет лиц. Только у старшего еще и глаза от удивления вылезали. Не часто, видимо, он в начальстве людей отыскивал.

– И вольно уже. Не на параде.

Братцы изменили стойку, но не расслабились. Старший резко пихнул, почти ударил младшего локтем в бок, и тот скороговоркой отбарабанил клятву. После я милостиво отпустил обоих. Ивана – охранять мою ненаглядную тушку, Артема – за вещами. Денщик должен жить поблизости. Надеюсь, в гостинице найдется еще одна комната?

Перед уходом Артемка, как бы невзначай, сболтнул, что внизу, на улице, во внутреннем дворе мнется толпа господ чиновников в «испитых глазырями» одеждах. В парадном – значит. И, правда, балбес балбесом мне достался, хоть и верный. Чего ж он, дурень, сразу-то не доложил?! Я, конечно, роняя тапки, к встречающей делегации не побежал бы, но и время ожидания должно быть дозировано. Не слишком долго, чтоб не подумали, что зазнаюсь, и не быстро – будто бы не уверен в себе.

Пришлось останавливать Артемку, давать тщательные инструкции и отправлять. Сначала к Гинтару – дай бог он еще не ушел к Акулову, а потом к наряженным чиновникам. Чай не лето. Не хотелось мне на холодном ветру место, откуда растет хвост, морозить.

Пока Артемка бегал, переоделся в парадный мундир, снова пожалел, что нет ордена. На темно-зеленом сукне что-нибудь яркое хорошо бы смотрелось... Сунул было револьвер в карман. Нет. Не фонтан. Полуторакилограммовая пушка перекашивала всю красоту на одну сторону. И кобуру поверх кафтана не нацепишь. Скроен он так, что сразу складками неуставными пойдет. И, блин, без него как-то... непривычно. Словно голый. Положил на стол, накрыл газетой. Сам встал рядом. Кивнул – «запускай» – заглянувшему денщику. Фух, ну, Господи благовослови. Сам ведь, по доброй воле, в банку с пауками лезу!

Стали входить люди. Шептали Артемке у дверей, и тот, сначала волнуясь и пуская «петухов», потом даже как-то скучно, кричал их должности, ранги и имена. Много имен и должностей. Много-много имен.

О некоторых я уже что-либо слышал. Другие впервые попали в зону моего внимания. Тот же статский советник Фризель – председатель губернского правления. Человек с равнодушными глазами и улыбочкой «ты хозяин – я дурак». Гера с трудом, но опознал в нем выпускника той же самой Императорской школы правоведения, что и мы закончили. Только Павлуша снял пыжиковую шапку, из-за чего нас в Петербурге и прозвали «чижики-пыжики», лет на пять раньше.

Главный налоговый, председатель казенной палаты, коллежский советник Михаил Алексеевич Гиляров – сурово сжатые губы прирожденного скупердяя. Бои за бюджет обещали стать серьезным испытанием.

Надворный советник Павел Осипович Козлов – председатель губернского суда. Очень многие будущие губернаторы и наместники начинали карьеру с этого поста. И еще у большего их числа – губернский суд становился тупиком. Козлов никуда не стремился. Козлов выполнял

распоряжения и старался ни с кем не поссориться. Судить – значит выбирать чью-то сторону. Как можно было на этакой-то должности не нажить врагов, лично мне было совершенно непонятно.

Прямая противоположность Козлову – надворный советник Василий Константинович Гусев – губернский прокурор. Из прокуроров не меньше губернаторов, чем из судей. Если выяснится, что у Васеньки все в порядке со столичной крышей и он водит дружбу с томским полицмейстером – первейшая кандидатура на организатора покушения на меня.

Ага! А вот и он – барон Александр Адольфович Пфейлицер-Франк, глава полиции губернского центра. По большому счету – начальник краевого полицейского управления. Только нет еще в Российской Империи такой структуры. И, слава богу, иначе барон вообще неуправляемым бы сделался. А так, под моим чутким руководством и серьезной угрозой со стороны беглого Караваева станет шелковый.

Начальники отделов Канцелярии губернского совета – их-то зачем притащили? Столоначальники всех трех отделений – к этим присмотримся. Чаше всего главы отделов – главные рабочие лошадки любых администраций. Все течет, все изменяется. Падают вслед за своими «крышами» высокие начальники. Ветер времени выносит наверх новых и новых, а отделы продолжают работать. Их боятся трогать, их любят представители всех партий и течений. Они – воплощение бюрократии и без их, невидимой из мягкого кресла, работы рухнет любая, сколь угодно хитро продуманная структура управления.

Советники при губернском правлении... Оп! Как он сказал? Менделеев? Гера – фас! Ведь должно же быть где-то в глубинах памяти имя-отчество того самого Менделеева... Этого как? Павел Иванович? Убей меня Бог, если изобретателя водки не Дмитрий Иванович звали! Брат? Кому помолиться, чтоб был братом?! Это же выход на всю научную братву Империи. Поди, не откажет братику, подскажет молодых да дерзких ученых, способных рискнуть и поехать в Сибирь.

Инспектор врачебной управы, начальник почтовой конторы, окружной суд, земский суд, директор училищ Томской губернии. Епископ Томский и Семипалатинский. Кто догадался притащить сюда дедушку в рясе? Надзиратель управления Пятого акцизно-питейного округа Западной Сибири. Держится уверенно. К гадалке не ходи – вот и главный мздоимец!

Ого! Это еще что за человек-гора? Представьте Безсонова, подросток почти до двух метров и отрастившего богатую каштанового цвета бороду! Торчит – этакая башня главного калибра – над всей чиновной толпой и еще успевает внести ясность: «Взнос в Фонд уже сделан, ваше превосходительство». Только посмей подмигнуть, гризли недоделанный! Пойдешь голыми руками Чуйский тракт рыть! Кто ты вообще есть-то? Городской голова, купец первой гильдии, Дмитрий Иванович Тецков. Наслышан. Хозяин заводов, газет, пароходов. Хотя газета только у меня пока есть. И та государственная. У этого только прииски в Салаирской тайге, пара небольших фабрик и пароходство. Сойдет и это. Будем работать с дрессированным медведем...

Купцы, купцы, купцы. Это потом. Я знаю, что здесь, в Томске, девяносто процентов капиталов губернии. И если я хочу хоть что-то построить, с купцами нужно дружить. Но не сейчас. Где Асташев?!

Седой, лысая макушка, высокий умный лоб и круглое доброе лицо. Годы берут свое, но глаза живые – молодые глаза устремленного в будущее человека. Статский советник, купец первой гильдии, потомственный дворянин, кавалер орденов Святой Анны второй степени и Святого Владимира третьей и четвертой степеней. Бывший чиновник Томского губернского управления, удачливый и грамотный золотопромышленник, вкладывающий огромные суммы в разведку новых месторождений, в обеспечение приисков новейшей техникой. Применяющий самые современные технологии. Меценат и, по отзывам всех без исключения людей, с кем я о нем заговаривал, относительно честности человек.

Опекал сосланного в Томск декабриста Батенькова, оплачивал учебу в университетах талантливой молодежи, принимал в своем доме великих князей. Исключительно на свои деньги содержал женский приют.

Но и это еще не все. Он обладал обширными и крепкими связями в Санкт-Петербурге. Дружил с военным губернатором одной из западных провинций Империи. Ценился при дворе и, что самое интересное, – единственный богатей Сибири, кого большевики постеснялись обозвать эксплуататором. На его приисках средняя годовая зарплата превышала двести рублей серебром. Он выплачивал гигантские премии за обнаружение новых россыпей или сверхбольшие самородки. И никогда не изменял однажды данному слову. Если бы искал лучшего соратника для своих замыслов – лучше трудно было бы найти.

Неприятным открытием оказался его возраст. Почему-то я думал, что он моложе и у нас с ним есть еще масса времени. Ну да за неимением гербовой, пишут на простой...

Улыбаюсь ему. Отдельно от всех, глядя прямо в глаза. На миг выключаю этой зрительной связью нас с ним из общего гвалта. Показываю – насколько рад его появлению. И получаю улыбку в ответ. Думаю, приглашение на ужин в его доме я уже заработал.

Поднимаю руку ладонью к толпе. Начинаю говорить. Опережаю пустопорожние приветственные слова местных господинчиков. Благо, хоть каравай с солью не додумались притащить...

– Благодарю вас, господа, за теплый прием. Весьма рад тем, что вы выбрали время и посетили меня в этом временном жилище...

Говорю долго и ни о чем. О Высочайшем повелении, о судьбе и долге, о великой ответственности перед потомками и о фронтире западной цивилизации в диких краях. О бремени белого человека и о святых русских традициях. Конечно же все это под Божьим покровительством и при прямом участии всех присутствовавших... Большинство обзавелись стеклянными глазами уже на втором предложении. Но нашлись и те, кто пытался внимательно слушать. Какой-то господин судорожно записывал речь в толстый блокнот. Наверняка это Кузнецов, редактор неофициального приложения «Томских губернских ведомостей». Он что, всерьез намерен печатать этот бред? Не забыть – с ним поговорить. Программная статья в единственном в краю средстве массовой информации – хорошая идея. Но не эту же галиматью... Найдутся же умники, что еще и спорить по пунктам начнут...

– ...Членов губернского совета, господ столоначальников, господина губернского архитектора, томского городского голову, господина редактора газеты прошу сегодня в два часа пополудни в мой кабинет...

Наталкиваюсь на испуганные глаза Фризеля. Что не так?

Менделеев что-то тихо шепчет председателю. Тот кивает, и вот уже он снова в обычном для себя состоянии пса, готового принести тапочки хозяину. Замолкаю, передавая этим право голоса делегации встречающих. Слышу подобную своей лабуду. Хочется смеяться, но я держусь из последних сил. Напряженные мышцы на лице начинают сводить от усилий. Лицо окончательно каменеет.

Благодарю еще раз. Напоминаю о расширенном совещании.

Начинают уходить. Недовольных не видно. Я не показался этим туземным вершителям судеб слишком уж страшным или невменяемым. Купцы и вовсе довольны. Они уже знают о моей программе поддержки промышленности. Подходят к Артемке, суют в его потную ладошку монетки и записки для меня. Парень богатеет на глазах.

Асташев двинулся прямо ко мне. Едва справился с одеревеневшим лицом. Чтоб улыбнуться, нужно мышцы расслабить...

– Завидный спич, ваше превосходительство, – слегка кланяется седой золотопромышленник. – Публика осталась довольной.

Сарказм? Господи! Скажите, это сарказм? Я не ослышался?

– Что-то же нужно было сказать множеству незнакомых людей, Иван Дмитриевич, – дергаю плечом я. – Пришлось расстараться. С людьми дела я по-другому говорю.

– Как вы изволили выразиться? С людьми дела? Герман Густавович – вы позволите?

Киваю. Почему бы и не позволить называть ему меня по-простому? Он старше в два раза, да и в столице весит побольше.

– Это вы, Герман Густавович, замечательное слово изобрели. Точнейшее, знаете ли, слово – «люди дела»! Именно что! Вы, господин губернатор, интереснейшая личность. Чем больше слышу о ваших деяниях, тем более тешу себя надеждами на... некую встряску нашему замшелому болоту...

У Асташева обнаружилась совершенно ленинская картавость. Вкупе с могучим, марксовским лбом. Я так и ждал, что он откинет полу сюртука и заправит большие пальцы за проймы жилетки. Или рукой с зажатой в кулаке кепкой начнет размахивать. Не дождался. Барон помешал.

– Вы позволите, ваше превосходительство?

– Минуту, барон, – рыкнул я. – Вы не видите? Мы разговариваем.

– Не стану вас отвлекать, – сразу отреагировал мой собеседник. – Не откажите мне в любезности, Герман Густавович, отужинать в моем доме.

– Непременно буду, Иван Дмитриевич. В котором часу прибыть?

Договорились на семь вечера. Хотелось еще поговорить с этим незаурядным, водившим дружбу с Бенкердорфом и Адлербергом, человеком. Гера подсказал, что и в доме друга Лерхестаршего, военного интенданта Якобсона, Асташева принимали с радостью.

Снова подошел полицмейстер. Что-то мямлил о радости нечаянной встречи и о нежнейшем ко мне отношении. В общем, усиленно портил мне настроение. Надоело быстро. Прямо спросил, чего он от меня хочет. Тот замялся, порозовел и выдал предложение не считать беглого Караваева преступником. А уж он, барон, в долгу не останется.

– Послушайте, Александр Адольфович и боле к этой теме возвращаться не станем! Ваш шурин, этот Караваев, организовал покушение на государственного чиновника. При попытке задержания стрелял из пистоля в полицейского. Долгое время его банда грабила купеческие караваны. Не заставляйте меня думать, что покушение было совершено с вашего одобрения! Или вы покровительствуете грабителям?

– Нет, но...

– Не хотите ли еще раз подумать, прежде чем настаивать? Вы сейчас до почетной пенсии договориться можете...

– Что?! – Лицо полицмейстера покраснело совершенно уже до помидорного цвета. Высокий, стойкой воротник вдруг стал ему тесен.

– К отставке, спрашиваю, готовы? Выслуга лет и все такое? На губернскую пенсию даже не рассчитывайте.

– Вы даете мне отставку, ваше превосходительство?

– А вы настаиваете на невиновности господина Караваева?

– Нет, я...

– Так нет или да?

– Никак нет.

– Отлично, господин полицмейстер. Вот и отлично. Завтра в десять утра будьте в моем кабинете, в присутственном месте. И прихватите с собой майора Суходольского. Вам обоим будет дано поручение.

– Кабинете? Ваше превосходительство?

– Что-то не так?

– У Александра Дмитриевича Озерского, господин губернатор, не было кабинета в здании губернского правления. Его превосходительство принимал страждущих у себя на дому.

Ах, вот в чем дело! То-то тараканы так засуетились.

– Я не сомневаюсь в организаторских талантах своих подчиненных. Думаю, уже к двум пополудни у меня кабинет все-таки будет.

– Несомненно, ваше превосходительство. Конечно, ваше превосходительство. Завтра, в десять, ваше превосходительство.

– Можете быть свободным. И вон тот человек с блокнотом, это, кажется, Кузнецов? Отправьте его ко мне. Идите, барон.

Подошел редактор неофициального приложения к «Ведомостям». Что-то начал говорить о всяких там радостях встреч и преисполненных надеждами кого-то там. Я уже успел прочесть несколько его работ, потому вымученно улыбался и молчал, пока он не запутался в нагроможденных словах. Что могу сказать? Интеллигент. Причем в самой удивительной его модификации – русской. Это которые всегда пишут лучше, чем говорят. Именно это я ему и заявил. Чем вызвал румянец смущения и благодарный взгляд. Блин, опять забыл – в каком времени нахожусь. Здесь все еще всерьез полагают, что интеллигент – это от слова интеллект, а не просто эдакое замысловатое ругательство для кухонных реформаторов. Выходит, я ему еще и польстил.

Перешел на деловой тон и попросил его консультации по поводу программной статьи. И получил еще одну легко читаемую вспышку глаз. Неужели прежние губернские начальники не находили нужным дружить с прессой?

Договорились, что Кузнецов найдет меня после занятий в гимназии – он еще и преподавать успевал – здесь, в гостинице, или в губернском правлении. Лучше, конечно, здесь. Можно было бы Василину пригласить поучаствовать в обсуждении.

А записи моего спича посоветовал редактору выбросить и никому больше никогда не показывать. Сказал ему, что это худшая речь из тех, что мне доводилось говорить. Господи! Не дай этому простаку принять мои слова за проявление скромности. Пусть примет их за констатацию факта.

Не услышал. Раскланивался молодой учитель словесности весьма и весьма уважительно. И, думается мне, мой чин был здесь ни при чем.

В гостиной стало как-то пусто. Как на стадионе между матчами. Потный растерянный Артемка, судорожно сжимающий в кулаке трофейные ассигнации, на толпу никак не походил. В обширной комнате повисла какая-то прямо-таки зловещая тишина. Казачок переступил с ноги на ногу, и от этого неожиданного, резкого звука даже волосы на спине встали. И тут же навалилось... Навалилось, в общем. Да так, что, едва нащупав спинку стула, рухнул на сиденье и вытер лицо ладонью.

– Жуть-то кака, – жалобно пропищал денщик. – Страшно-то как было! Обскажи кому – на смех подымут. А как себя туда, – махнул рукой на место у стола, – поставлю, так ажно живот сводит. Вона служба-то у вас, вашство, какая чижолая.

– Пробьемся, Артемка, – ухмыльнулся я. – Это только поначалу трудно. Потом легче станет. Неси, братец, бумагу с карандашами. Приказы писать стану.

9. Нищенствующие богатеи

Никаких приказов я писать не собирался. А вот план ближайших действий давно нужно было составить. Стоило записать на бумагу не только замыслы по относительно безболезненному вхождению в туземную элиту – хотя это тоже, конечно. Но и главное – перечень предприятий, необходимых мне для скорейшего развития края.

Тут нужно обязательно уточнить – зачем мне все эти фабрики с заводами, и железная дорога в придачу. Все дело в людях! В человеках! Во время гражданской войны и последующих за ней репрессиях жители Сибири пострадали гораздо меньше населения Европейской

части России. Соответственно именно в Сибири сохранился репродуктивный резерв страны. И если бы не Великая Война, к концу двадцатого века в Томской области проживало бы никак не меньше пяти-шести миллионов человек. А не миллион с хвостиком, как в мое время. Представляете?! На территории в триста тысяч квадратных километров – всего миллион человек!!! В пять раз!

Так вот. Фабрики, заводы, рудники и дороги – это рабочие места. Это повышение привлекательности здешних пустынных земель для переселенцев с Запада. Вытянуть, убрать из перенаселенных областей Империи нищенствующих от невозможности найти применение своим рукам – означает снизить там социальную напряженность и, одновременно, увеличить репродуктивный резерв. Здесь, в относительной свободе, на землях, слабо знакомых с «прелестями» крепостничества, вполне реально создать остров спокойствия. Страну, не видящую необходимости в кровавом свержении строя. Место, где революционеры не получают поддержки.

Задача не из простых. Я не тешил себя надеждами, что местные купцы и промышленники вдруг в одночасье станут приверженцами социальной справедливости, начнут отпускать рабочих в оплачиваемые отпуска, дадут пенсии и снизят рабочий день хотя бы до десяти часов. Не будет этого. Нигде в мире такого еще нет. В хваленной Англии дети работают на ткацких фабриках по четырнадцать часов. И бурлаки тянут баржи по вырытым вручную каналам. В Штатах – стране победившей демократии для ограниченной прослойки общества – на заводах падают в обмороки от переутомления и все еще разрешен рабский труд на плантациях. Франция, Испания, Пруссия, Русь – везде одно и то же. Цивилизация еще не доросла до профсоюзов. Зато вот-вот откроет терроризм. Это же гораздо проще! А при условии, что о ценности человеческой жизни никто не задумывается, то и понятнее.

Так что в рай на земле я не верил. А вот на то, что рабочие станут получать достойную оплату, надеялся. Хотя бы здесь, в Сибири. Здесь еще цену умелым мастерам знают. Мало еще таких людей, чтоб кто-то мог себе позволить разбрасываться. Слышал, у Асташева на приисках опытные мастера до тысячи рублей ассигнациями в год зарабатывают. Конечно, и работа та еще. Попробуйте-ка изо дня в день в холодном ручье с лотком простоять, согнувшись в три погибели. Но ведь не уходят от него люди. А он и поселки сам строит, докторов приглашает, механизацию труда внедряет. Побольше бы таких хозяев.

Нечто подобное когда-то давно, лет через полста после меня, попытается затеять Столыпин. Умный был... будет мужик. Только методы выбрал какие-то... излишне жесткие. Посадил миллион человек в вагоны и вывалил вдоль Трианссиба. Вроде как – захотят жить – выплывут. Прадед, земля ему пухом, рассказывал о переселенческих поселках всякие гадости.

Я решил идти другим путем. Наоборот. Я хотел, чтобы люди сами захотели сюда ехать. Чтобы туземные богатеи были вынуждены завлекать народ благами, которых нет и не скоро появятся в России. И если у меня получится – история изменится безвозвратно. Глядишь, и бунтарям не на кого будет опереться в своей борьбе...

Население платит налоги. И купцы с объема продаж платят. И промышленники. Чем больше в моих землях этих категорий налогоплательщиков, тем больше нулей будет в ежегодном отчете на Его Высочайшее имя. Тем больше меня там станут любить и моим прихотям потакать. Тем больше вероятность безболезненного перехода к новым виткам развития. Все связано!

Конечно, наибольший наплыв переселенцев появится вместе со связывающей Европу с Сибирью железной дорогой. Тогда в путь смогут двинуться десятки тысяч семей одновременно. Только кто же мне позволит строить пути в чужих губерниях? Там свои хозяева есть. Обидно, но Гере – сугубо штатскому, статскому человеку – никто генерал-губернаторство не доверит. А ведь вот где можно было бы развернуться...

Сибирь большая. Места всем хватит. В землях от Урала до Чукотки легко расселить до двухсот миллионов человек. Столько во всей Империи еще нет. Да и нечего им пока там

делать. Западная Сибирь – и то зона рискованного земледелия. А дальше на Восток только Уссурийский край благоприятен для крестьянского труда. Но Алтай и Север будущего Казахстана вполне способны прокормить всю Русскую Азию. Особенно, если станут применять передовые методы ведения хозяйства. А вот вытащить из земли природные богатства и облечь их в форму товаров крестьяне не смогут.

Взял лист бумаги, прежде посоветовав Артемке истратить полученные деньги на обновки, и принялся писать.

Сельское хозяйство. Написал это первым, потому что крестьяне-земледельцы подавляющее большинство в Империи. Потому что именно они могут стать основными потребителями многочисленных товаров. Именно они способны создать рынок сбыта, превосходящий и нищий Китай и уставшую от войн Европу. Нужно только дать крестьянам возможность зарабатывать.

И тут возникают два пути – интенсивный и экстенсивный. Либо дать хлеборобу больше земли и поселить на пустующих землях больше людей. Либо внедрять семена с большей урожайностью и научную организацию труда. И тот и другой, как бы ни казался экстенсивный путь привлекательным, имеют свои плюсы и минусы.

Больше крестьян – больше покупателей. Больше вероятность, что какая-то часть из них переберется ближе к городам и станет, в итоге, рабочими. Хотя прибыльность интенсивного земледелия заведомо ниже, чем экстенсивного. И нужно учитывать, что распределением обширных земельных наделов проблемы не закончатся. В каждом единоличном хозяйстве должен быть скот, которому нужно место для выпаса и луга для покосов. Нужен лес на дрова и для построек. К сожалению, это ограничивающие размер поселений ресурсы.

При экстенсивном пути каждый из землевладельцев относительно богаче. Мест для скота достаточно, наемные рабочие с помощью современной техники способны обрабатывать действительно огромные земельные наделы. Но покупательская способность крестьянства вообще будет меньше чем при интенсивном пути развития. Потому что богатый крестьянин купит себе не сто штанов, а только десять – больше ему не нужно. А сто середняков приобретут-таки сто штанов и будут хотеть еще. Зато те переселенцы, кому не достанется земли, автоматически переходят в рабочие.

Теперь вопрос вопросов! Почему нельзя выбрать компромисс? Почему не поселить среднее количество крестьян и не помочь им с продуктивными семенами? Урожаи станут выше, середняки станут богаче, внутренний рынок вырастет хоть и не так сильно, как при исключительно интенсивном развитии, но и не так слабо, как при экстенсивном. Да потому, что это убьет в зародыше второй, едва-едва формирующийся, но очень перспективный рынок сбыта отечественных товаров – рабочих промышленных предприятий. Отток всем довольных середняков в города будет минимальным. Заводы не получают рабочую силу, и мы будем вынуждены покрывать дефицит товаров закупками из-за рубежа. То есть развивать промышленность потенциальных противников.

Благо, ни интенсивный, ни экстенсивный пути в абсолюте невозможны. Во-первых, не всем дано. Жаждающие землю в личную собственность могут ее здесь, в Сибири, получить. Но хватит ли у них сил и умений ее обработать? Конечно, не у всех. Значительная часть переселенцев, особенно тех, в чьих семьях больше дочерей, чем сыновей, вскоре разорится и пополнит армию рабочих. Их наделы скупают более удачливые, более предприимчивые, способные затянуть пояс сегодня, купить новый сорт семян, чтоб завтра получить впятеро больше. Появятся богачи, резко выделяющиеся из океана середняков.

А во-вторых, темных, обиженных на обманувшие их чаяния власти, крестьян, кроме как на дармовую землю, больше ничем в Сибирь не завлечь. Ну не поедут опытные рабочие с Урала в землю ссыльных. Им и там неплохо платят.

Куда ни кинь, всюду клин. Записал – *на откуп частной инициативы*. Здесь с наскока проблему не решить. Придется зазывать как можно больше людей, в надежде, что каждая семья сама выберет себе путь.

Уголь. Уголь – кровь промышленности в условиях, когда электромоторов еще нет, а двигатели внутреннего сгорания если и есть, то безумно дороги в обслуживании. Особенно по сравнению с паровыми приводами. Уголь – пища для паровозов и средство для сохранения лесов. И металлургию без угля я представлял себе плохо.

Жаль, большая часть месторождений находятся в АГО, но и вдоль Иркутского тракта, на пути в Мариинск найдется что добывать. Вопрос только, сколько это будет стоить и есть ли там сорта твердого топлива, подходящие для плавки металлов.

Я уже предложил Нестеровскому, судье из Каинска, организовать совместную разработку Анджерского месторождения, но он пока ответа не дал. Да и маловато будет для моих целей одной шахты. Насколько мне известно – угли, подходящие для паровиков, не подходят для доменных печей.

Идеально было бы объединение металлургического и добывающего предприятий. Человека, имеющего капитал и готового впрячься в это сверхприбыльное дело, я пока не нашел. Возможно, придется все-таки разделить предприятия. Просто вероятна ситуация, когда требующихся двух-трех миллионов рублей для организации комбината ни у кого не найдется.

И отопление домов простых обывателей давно пора на уголь переводить. Хватит совершенно варварски леса вырубать. Таким макаром к моему, двадцать первому веку вокруг Томска снова жалкие остатки былого величия останутся. Как только шахты заработают и топливо в реальных количествах будет доставлено в столицу губернии, издам распоряжение о запрете рубки деревьев в радиусе десяти верст от сел, штатных и заштатных городов. Доставка дров издалека существенно увеличит их стоимость, и уголь станет вполне конкурентоспособен. Тут, правда, есть один вопрос. Подходят ли печи в домах для перехода на уголь? Были у меня сомнения...

Сталь. Если уголь – кровь, то железо – кости. На железе держится цивилизация девятнадцатого века. Это век стали, а не пара, как некоторые считают. От иголок для деревенских мастериц до паровозов – это железо. Им кроют крыши домов, склепывают из него корабли и им роют золото. Им воюют и строят. По нему ездят из него сделанные механизмы, перевозящие из него товары. Петли на дверях, заслонки в печах, лопаты и кирки, ножи для хлеба и гвозди – оно родимое. Концерн Круппа очень долго был самым богатым семейным предприятием мира. Ну, кроме хитрованов Ротшильдов, конечно.

При богатейших залежах железных руд в губернии, особенно на юге Кузнецкого округа, большая часть изделий завозится с Урала. Каинские купцы нисколько не сомневались, что легко купят потребные машины на Ирбитской ярмарке. То, что Алтайское горное управление упустило этаким беспроницательным способом пополнить кошелек государя-императора, может сказать о многом. Скорее всего, о том, что в администрации АГО засели люди, не желающие что-то менять. Плавят себе потихоньку серебро, подсчитывают намытое старателями золотишко и ни о чем думать не хотят.

Благо есть месторождение и вне АГО. Руды там, конечно, не такие богатые, как то же Темиртау, но тоже вполне себе ничего. И туда тоже требуются миллионные вложения. Металл этот стыдливый. Прячется в тайге, во глубине сибирских руд. Дорогу туда построить – уже целое приключение. Но это необходимо. Буду искать желающих. Без своей стали железку не построить. А я еще планирую и пароходы в Томске мастерить. И паровые машины для приводов фабрик. И сельхозтехнику, и сепараторы с маслобойками. Ткацкие станки и станки для металлообработки. И на все нужно было железо. Очень-очень много железа.

Вкусную идею – затеять в Томске производство оружия – усилием воли отодвинул на далекое будущее. Не до жиру...

Винокурение. Хотя с этим, слава богу, проблем нет. Желающих даже слишком много. Думаю, и спиртовые короли и принцы-спекулянты зерном без моей прямой поддержки замечательно проживут. А вот от дополнительных поборов их нужно оградить. Может быть и не всех, а лишь тех, кто новую технику станет вводить и к рабочим по-человечески станет относиться. Записал.

Легкая промышленность. Имея Китай и Киргизию под боком – просто преступление не обзавестись ткацкими фабриками. Хлопок и шерсть. Но для их транспортировки требуется дорога. В идеале – железная. Но об этой мысли пока лучше забыть. Мне бы хотя бы гужевой тракт, приемлемый для повозок, соорудить. Пустить паровозы вдоль Катунь даже большевики не решились, а уж они-то были большие затейники. В сторону Алма-Аты дорогу лучше строить со стороны Омска. Никаких преград. Степь. А вот об организации торгового маршрута в Семипалатинск можно подумать. В степи – овцы. Где овцы – там шерсть. Где шерсть, там сукно. Записал: проверить – доходят ли пароходы до Семипалатинска и можно ли оттуда вывозить шерсть в промышленных масштабах!

Что я упустил? Деревообработка? Строительные материалы? Да полно уже этого. Только в Томске больше десяти кирпичных заводов. И пять лесопилок. Казаки говорили – стекла мало, да и дорого оно. Кто у нас здесь производство стекла развивать не торопится? Кому придать ускорение? Записал.

Цемент. Известняки в районе будущего поселка Яшкино. Огромное, просто колоссальное месторождение. А без цемента мы мосты для паровозов только временные, деревянные, выстроить сможем. Значит – пишем.

Асфальт. Это из нефтяной оперы. Пишем – проблема глубокого бурения. Промышленная нефть в версте к северу от Колпашево. Но на глубине свыше двух километров. Меня одна нефтеносная дыра сделала бы на год счастливым и навсегда сказочно богатым. И асфальт – это только малая часть того, что из жидкого золота можно делать. Керосин! Мазут и органические смазки. И главное – толуол. Я весьма далек от химии, но думаю, легко найду человека способного нитрировать производную нефти. И товарищ Альфред Нобель отправится нервно курить в стороне со своим динамитом. Пишу – *патент на тринитротолуол*. Письмо Менделееву.

От Менделеева мысли плавно переползли на туземное чиновничество.

Тут нужно обязательно рассказать – что же представляло собой губернское управление образца 1864 года.

Структура управления обширным, размером с половину Европы, краем делилась на стратегическую – так называемое общее правление, и тактическую – правление частное. Первое состояло из меня – гражданского губернатора и председателя губернского совета. В самом же совете – слово-то какое-то рабоче-крестьянское – состояли первые «шишки» туземной «елки». Председатели Губернского правления, Казенной палаты, Губернского суда и господина губернского прокурора. Плюс еще трое советников – по одному от каждого из отделений частного правления.

Совет, как не трудно догадаться, решал вопросы, связанные с общим направлением деятельности чиновничьего аппарата в губернии. Вроде как – что будет сегодня на ужин – решает частное правление, а вот стоит ли НАТО бомбить Югославию – это уже общее. Шучу, конечно. В основном совет занимался адаптацией к местным условиям многочисленных инструкций и предписаний, регулярно поставляемых героями бюрократического труда из Санкт-Петербурга. А вот исполняло адаптированную до неузнаваемости версию уже частное правление.

Правителем тактической части был, естественно, председатель. Управлять всеми сразу ни теоретически, ни практически невозможно. Поэтому мудрое правительство разделило всю толпу по принципу «чтоб у всех хватало дела» на четыре отделения. Стола. Со столоначальником во главе. Это в России. В сибирских губерниях отделения было почему-то три.

Первое ведало вопросами обнародования законов, присматривало за исполнением распоряжений губернатора и совета. В него входили Статистический департамент, Отдел кадров и Хозяйственное управление. В Томске первый стол «наградили» еще и сбором налогов, пошлин и недоимок.

Второе занималось делами, касающимися сохранения правопорядка и общественного спокойствия. По сути, второй стол исполнял функции губернского полицейского управления. Кроме того, оно же ведало вопросами цензуры и отслеживало настроения в обществе.

Третье – это Стол правосудия и возмездия. Государственный надзор за судопроизводством, ссылкой и тюрьмами с каторгами на территории губернии.

Сверх того были еще Акцизное управление, Соляная комиссия, Приказ общественного призрения, Врачебная управа и Госконтроль.

Гера, охотно поведавший мне о хитросплетениях губернской власти, потряс меня до глубины души. Во всем этом нагромождении столов, табуретов и кресел не нашлось даже маленькой скамеечки для промышленности, транспорта и дел, связанных с переселенцами.

Зато для меня, исправляющего должность начальника губернии – то есть исполняющего обязанности гражданского губернатора – в схеме предназначено было даже не кресло. Трон! С пьедесталом, как у памятника головы Ленина в Улан-Удэ! И примерно с такой же доступностью для рядовых обывателей, как у бриллиантов из Алмазного фонда Кремля. А я-то еще удивлялся, отчего многие люди, с кем я пытался разговаривать по-человечески, попросту в ступор впадали. Оказывается, сам факт, что я изволил к ним близко подойти, сравним с явлением Царицы Небесной на облаках, верхом на белом коне и с черным знаменем анархии в руках. Что-то из области очевидного, но совершенно невероятного.

Об отчетности губернатора и различных департаментов разным министерствам я уже говорил. Теперь скажу о моих правах. Иначе, вы можете не понять, почему совещание в моем новом кабинете прошло так, как прошло.

Главы не подчиняющихся напрямую Министерству внутренних дел губернских чиновников, имели особый, «коронный» статус. То есть на свои должности они были назначены Высочайшим повелением. Но давайте зададим коварный вопрос: а откуда Его Императорское величество вообще узнал о существовании какого-нибудь господина надворного советника Печенюшкина? Сколько таких, Печенюшкиных, по России-матушке? Десятки или сотни тысяч в десятке ведущих министерств? Процентов пять из них служат какими-нибудь управляющими или председателями и, по сути, являются назначенными самим царем с подачи прямых начальников. Это вроде как выборы в депутаты по партийным спискам в России двадцать первого века. Избиратели отдали голос всей партии, а вот кто именно заселится в государственную столичную квартиру – решает узкий круг лиц, весьма приближенных к так называемому политическому лидеру. Часть мест получают таблоиды – легко узнаваемые, знаменитые люди, радостно смотрящие с плакатов и листовок этого самого политического объединения. Другую часть – господа, особо указанные спонсорами весьма дорогостоящих выборных кампаний. Оставшийся хвостик – партийные функционеры, легко управляемые и заведомо преданные товарищи.

В Российской Империи «коронные» чиновники тоже назначались по спискам, которые подаются государю заведомо верными короне либо просто приятными в общении господами. Чаще всего – министрами. Но им, министрам, сведения-то подаются канцелярией губернского правления. А вот это уже вотчина губернатора. Получается, что формально я не имел права как-либо влиять на этих господ, но опосредованно мог сотворить с ними все что угодно.

Гера рассказывал, что будто бы бывали случаи, когда особо дотошные правдолюбцы, как он выразился – «вступали в конфронтацию» с начальником губернии. Лезли куда попало и, потрясая толстенным «талмудом» законов Российской Империи, требовали соблюдения каких-то прав. Эти наивные «крапивные души» подрывались на втором аспекте прав и обя-

занностей губернатора. Ибо я, даже будучи исправляющим должность начальника губернии, Высочайшим Указом назначен быть высшей государственной властью, представителем царя и «смотрящим» за общественным порядком и благонадежностью. И любой, взявший в руки пачку бумаги более тяжелую, чем признанную мной безопасной, мог быть объявлен неблагонадежным возмутителем порядка и отправиться в места не столь отдаленные – рассказывать медведям о правах.

Только у этой монеты была и обратная сторона. Примерно то же самое мог сотворить уже со мной и генерал-губернатор. Что, как вы понимаете, совершенно невозможно, если в ответ на такой шаг он сам получил бы палкой по голове от какого-нибудь высокопоставленного господина из столицы.

Уравновешивающим грузом для этой взрывоопасной схемы взаимного бесправия стало рождение системы «крыш» и «папиков». Каждый, абсолютно каждый – от последнего писаря четырнадцатого разряда до его высокопревосходительства, канцлера Империи – имели над собой кого-то, кто гарантировал им относительно спокойное положение. Бывало «крышеватель» и вовсе не имел никакого отношения к ведомству «крышуемого», оказывая влияние на нужных людей каким-либо иным способом. Тот же губернатор, имеющий «интерес» в неких торговых предприятиях, скорее всего, благожелательно выслушает просьбочку банкира, где его фирмы обслуживаются...

В общем, не понаслышке зная о современной – второй половины девятнадцатого века – системе и будучи профессиональным администратором века двадцать первого, нисколько не опасался какого-либо противодействия своим идеям, пожеланиям и распоряжениям. Честно говоря, был соблазн, неожиданно горячо поддержанный Герочкой, стукнуть кулаком по столу и заявить, что теперь будет вот так и не иначе. Пришлось даже, разглядывая большую Генеральную карту Томской губернии – рисованную от руки, наиновейшую, даже на мой искушенный взгляд – весьма точную, повешенную на стену в моем новом кабинете, объясняться с душевным партизаном на предмет общей политики управления.

Еще в армии один хороший человек объяснил мне разницу между начальником и командиром. По его словам, начальник – это офицер отдающий приказы. И все. Командир же – это офицер, строгий, но справедливый, отдающий приказы, которые **ПОДЧИНЕННЫЕ В СОСТОЯНИИ ВЫПОЛНИТЬ!!!** Таких солдаты любят и стараются лишний раз без повода не раздражать.

Запомнил на всю жизнь, но редко применял это правило в административной работе. Раньше. В другой жизни. Просто плевать было, начальником меня считают или командиром.

Сейчас – другое дело. В этой, второй, жизни это стало важным. Слишком велика была задача, которую сам себе поставил, чтоб тратить время на «тихую войну» с собственными подчиненными. Мог ведь наорать, страшать начать, ногами топать, когда не обнаружил над столом портрета Александра II. Но нет. Сдержанно пожурил, выразил уверенность, что уже завтра все будет исправлено и Самодержец Российский ликом своим подчеркнет присутствие Власти в моем лице.

В общих чертах описал собравшимся чиновникам новый основной курс движения губернии. Объявил о намерении всесторонне поддерживать тех господ статских чиновников, кои своими деяниями и прилежанием существенно продвинул нашу локальную индустриализацию и заселение губернии. Пообещал во всем опираться на Губернский совет. Попросил не стесняться и оказывать мне честь, высказывая свои мнения и давая дельные советы. Пожаловался, что в штатных и заштатных городках моего края прозябают в неизвестности талантливые и энергичные чиновники, в то время как в губернской столице есть отдельные индивидуумы, не желающие знать о веяниях новой эпохи, позволяющие себе игнорировать нужды Возрождения Великой России и личные пожелания Его Императорского величества. Предложил подумать и предоставить списки и тех и этих, дабы, возможно, поменять их местами.

По задумке – это предложение должно было стать призраком нависающего над «неприсоединившимися» кнута. В качестве пряника использовал ресурсы Фонда и скорейший карьерный рост, в пределах моей компетенции конечно.

Ответил на несколько осторожных вопросов о деятельности Фонда. Разъяснил. Улыбнулся и заявил, что не намерен вмешиваться в его деятельность. Почувствовал, что мне не поверили, но не стал кидаться переубеждать. Не солидно это, да и бесполезно. Со временем все само встанет на свои места.

После минутных споров были образованы две новые комиссии при Губернском совете. Под моим личным патронажем, конечно. Промышленная – с Павлом Ивановичем Менделеевым во главе. Раз уж Судьбе было угодно дать мне в подчинение младшего брата великого русского химика, грех было бы не воспользоваться. Да и не место прекрасно образованному человеку в департаменте возмездия. По заблестевшим глазам молодого еще чиновника понял, что не ошибся, – он даже плечи расправил, спину выпрямил.

Нагрузили Менделеева-младшего сбором сведений о прошениях в инстанции от предприимчивых сибиряков. По опыту Каинска, я уже знал, что большая часть инициатив не была реализована лишь по причине «подковерной возни» на местах. Или не сошлись с кем-то из чиновников в определении размера «подношения». Но документы-то остались. К ним, к документам, у российских чиновников отношение нежное, почти благоговейное.

Кроме того, я обещал выдать карту с примерным расположением месторождений тех полезных ископаемых, разработку которых губернское правление могло разрешить без согласований с АГО.

Поговорили о паровых машинах. Выяснилось, что на Гурьевском заводе АГО лет уже пять производят паровики под заказ. Мало и не слишком мощные. Могут и больше и сильнее, но железа не хватает. То железнорудное месторождение, откуда таскают сырье в Гурьево, снабжает еще и Томский железоделательный заводик. Приписные крестьяне с заводов и рудников бегут, бросая землю и огороды, рабочих рук не хватает. Жалованье администрация повысит без разрешения сверху не может, а быть может, и не хочет. Работа же на заводе считается легкой, и каторжников туда не посылают. А в шахты и не хотят посылать – черт его знает, что учудят злодеи в глубине железной горы.

Тем не менее, все легко согласилось с мыслью, что вместе с развитием промышленности существенно повысится спрос на паровые машины. Я даже подправил размышления некоторых в нужную сторону, заявив, что будь я купцом, непременно закупил бы везде, где только мог, десятка два двигателей да механиков опытных бы пригласил. И паровики не продавал бы, а сдавал в аренду жаждающим. Причем за технические консультации еще бы и деньги брал.

Мне возразили, что, мол, согласно Горному Уставу, инженеры АГО обязаны помогать осваивать любые приборы и механизмы на территории губернии. Мол, что стоит купчине такого специалиста к себе вызвать, дабы тот какого-нибудь мужичка посмышленнее обучил?

Ответил – бюрократия! Горным начальникам невыгодно станет, если у нас тут много заводов появится. Мы же остатки рабочих переманим и инженеров самых голодных и активных. Но и отказать они не вправе. А значит, станут каждое прошение годами рассматривать, время тянуть. Да и не пойдут купцы к Фрезе. Очень уж он их обижает последнее время. Своим чиновникам протекцию оказывает, а чужих поборами давит.

Прошение горному начальнику о выделении специалиста по промышленному производству для участия в Комиссии все же написали. Положено так.

Вторая Комиссия стала называться «Переселенческой». Тут оказалось больше всего споров. Не простым вопрос-то оказался.

По положению от 1843 года, Томская губерния входила в список из четырех субъектов Империи, куда переселение только приветствовалось. Были определены величины земельных наделов для новопоселенцев – по 15 десятин на семью, из которых пахотных земель 7, по

выпасы и сенокосы 7 с половиной, и под приусадебное хозяйство – дом с двором и огородом – полдесятины. Назначались размеры единовременных ссуд для крестьян. Подорожные выплаты для следующих к месту поселения.

И люди шли. Пешком, через всю страну. С беременными женами и тучей детей. Не менее сотни семей в год – капля в океане целинных земель губернии. И к тому же не менее половины, повстречавшись с первым же представителем власти на земле края, немедленно заявляли, что документы потеряли и родства не помнят по темноте и безграмотности. Детская хитрость убежавших из России крестьян. По закону, таких следовало бы выдворять обратно, да только кто гарантирует, что эти предприимчивые, рискнувшие бросить все и попробовать новой жизни в Сибири, люди не свернут в тайгу за первым же поворотом? Скоробогатов – губернский землемер – затруднялся определить, какое количество нигде не зарегистрированных поселений существует ныне на территории мне подвластной.

Манифест от 19 февраля 1861 года дал крестьянам личную свободу. Их больше нельзя было купить или продать, как скот. Этот же манифест привязал крестьян к выделенным им наделам пуще кандалов. По закону крестьянам запретили самовольно покидать поселения. Каждый, получивший паспорт для поездки на сезонные работы и не вернувшийся в срок, объявлялся бродягой. А бродяжничество – это уже уголовное преступление, соответствующим образом наказуемое. Жить в любой губернии по выбору имели право только свободные, безземельные, отписанные, обладающие паспортами люди, представители титульной нации и по разрешению туземных властей. Вот казаки, например, подходили под это описание идеально. Кроме разве что того факта, что в большинстве своем, они числились на государственной военной службе.

Выходило, что уговаривая Евграфа сделаться капитаном переселенцев, я толкал шустрого сибирского мужика на преступление. И решить эту проблему можно было лишь с Высочайшего позволения. Чем я и намеревался заняться.

Но прежде чем начать звать крестьян в губернию, нужно было организовать их благополучную доставку до места назначения и приготовить места для поселений. Это и вменили в обязанность новой комиссии.

Следовало создать, а где уже есть пересыльные тюрьмы для ссыльных поселенцев, то пристроить «свободную» часть, сеть пунктов отдыха и медицинского контроля вновь прибывших. Вписали в протокол, что отныне допускаться в губернию люди, не имеющие прививки от оспы, не должны. Для желающих в Усть-Тарке следовало построить карантинный поселок с врачом и существенным запасом материала для обеспечения прививками не менее пяти тысяч человек в год.

Естественно, каждый пункт отдыха должен быть снабжен запасом продовольствия и обеспечен персоналом, обученным отвечать на главные вопросы переселенцев – где обещанная земля, сколько ее, будет ли помощь с постройкой жилья и можно ли получить ссуду.

В тех окружных центрах, куда будут расселяться новички, нужно было создать запас сельхозинвентаря. Заранее договориться со старожилами о покупке у них нужного количества лошадей и скота. Приготовить семенной материал.

Губернской чертежной, совместно с комиссией, следовало составить планы тех мест, где наличествует достаточное количество неосвоенных земель. Михаил Силантьевич Скоробогатов даже за голову схватился, представив потребный объем работ. Поспешил обрадовать его и всех, кто примет участие в работе комиссий, о выплате особых премий за счет Фонда.

Расслабились. Пошутили даже. Совещание превращалось в заседание заговорщиков, и мне, черт подери, это нравилось. Общее благостное впечатление от проведенного с пользой времени немного портил надзиратель питейно-акцизного округа Лавицкий. Сидел бирюком, недовольно поджав губы. Махнул на него рукой. Для всех хорошим не станешь.

Конечно же, нагрузил столоначальников сбором сведений о чиновниках. Рассказал о том, что вскоре будет строиться доходный дом с пониженной арендной платой для служащих. Настоятельно порекомендовал донести эту новость до подчиненных. Желательно, вместе с известиями о доплатах от Фонда.

На прямой вопрос: когда мое превосходительство соизволит начать личные приемы, приподнял бровь и отговорился отсутствием секретаря, способного организовать запись страждущих и выделение часов приема. Пообещал вскорости обзавестись распорядителем доступа ко мне.

Статского советника Фризеля попросил, не прихоти ради, а по служебной надобности, отыскать директора училищ и пригласить его ко мне на прием. Наступала пора заняться организацией досуга учеников томских гимназий. Тот скривил недовольно губы – чай не мальчик на побегушках, но отказать не посмел.

Вот так даже самых строптивых подчиненных постепенно и приучают повиноваться. Тут маленькая любезность, там невинная прихоть – глядишь, через годик уже и сам, привычно, спине гнет... Гнусно это, но именно с этим человеком, пережившим уже двух губернаторов, окопавшимся, пустившим корни, считающим себя «серым кардиналом», только так и надо. Не стрелять же его...

Распустил первое свое заседание. Вроде хорошо получилось. Жаль, что рабочий день на этом не закончился. Нашелся среди чиновничьей братии энергетический вампир – все силы выпил, гад.

– А вас, господа Скоробогатов и Менделеев, я попрошу остаться! – испытал краткий миг восторга. Как же давно хотелось кому-нибудь это сказать. Тогда, в Каинске, не в счет. Жаль, в губернии не нашлось ни одного Штирлица...

Губернскому землемеру дал задание нарисовать точную копию висящей на стене карты, только меньше в четыре раза. Пора было выносить на карту известные мне месторождения и загодя проложить трассу будущей железной дороги. Чтоб, не дай бог, не получилось накладок. Поселенцы не поймут, если землю сначала дадут, а через год отберут...

Карта, кстати, стараниями губернского архитектора, коллежского асессора Андрея Константиновича Македонского создавалась. Чертежник, оказывается, в основном земельным кадастром ведал. Межевание, размежевание, определение границ участков и все такое. А картографией у меня в губернии теплая компания из нескольких инженеров Корпуса инженеров путей сообщения, нашего архитектора и, как ни странно, командира 12-го Томского казачьего полка занималась.

– Чего же здесь поразительного? – удивился заметно осмелевший Менделеев. – Господин майор Суходольский и сам прежде в Корпусе служил. Им немало укреплений построено.

– Как же его в казачье войско занесло?

– О том, ваше превосходительство, при всем моем уважении, вы у него лично спросите. Мало ли что люди болтают. Правду-то только он сам и знает.

Отпустил Скоробогатова. Приказал новому председателю Промышленной комиссии при Губернском совете сбегать за карандашами с бумагой, и принялся рисовать блок-схему Губернской научно-технической консультации. Написал мелкими буквами в скобочках: «Томский технологический институт», взглянул в расширившиеся от восторга глаза молодого, не заросшего еще мхами бюрократии, чиновника и добавил тихонько:

– Большие университеты начинаются с маленьких институтов.

И тут же принялся чиркать список требующихся специалистов: геологи и геодезисты, металлурги, агрономы и селекционеры, механики, кораблестроители, химики, особенно те, что разбирались в новом для этой эпохи направлении – органическая химия. Крупными буквами написал – инженеры-железнодорожники.

– Гальванистика, ваше превосходительство, тоже модная ныне наука, – хмыкнул не верящий Павел Иванович.

– И что же она изучает?

– Электрические явления. Молнии на службу человеку надеются запрячь.

– Молнии? Ну, молнии нам пока не нужно, а вот искорку – было бы не плохо. Пишем и их тоже. Вы, господин надворный советник, припоминайте – кого еще я забыл?

– Ваше превосходительство, так вы не шутить изволите? Эти люди действительно вам потребны? Я поражен вашими планами, Герман Густавович!

– А вот это вы, дорогой председатель, зря. Поражаться станем, когда планы сии в жизнь претворим. Пока же мы с вами только объем потребной работы пытаемся определять.

– Вы и железный путь намерены строить?

– Конечно! Сибирь, не связанная лентами стальных путей с Россией – всего лишь колония. Я же намерен начальствовать губернией Российской, а не колониальной.

– Мне даже страшно думать...

– И не думайте, Павел Иванович. Не думайте. Примите на веру, примите всей душой необходимость всего этого для блага Родины, и вперед, к свершениям!

После минутной тишины Менделеев вдруг засмеялся.

– Простите, ваше превосходительство, – утирая влагу из уголков глаз, выговорил он. – Я вдруг подумал, что действительно хочу во всем этом участвовать. Даже если половина планов не случится, а вторая половина изменится, о наших деяниях потомки не забудут.

– Меньше всего... – начал, было, я скромничать и запнулся. Врать не хотелось. Чего уж там – ради них, родимых, все и затевал. Ради потомков с длинной памятью. – Пока я озабочен поддержкой современников. Оставим потомкам потомково.

Исчищенные листы чиновник забрал собой. Обещал поразмыслить и отписать несколько писем друзьям в Россию. О брате с ним говорить не стал. Думаю, за химиками он и без моего напоминания к Дмитрию Ивановичу обратится. Единственное незаписанное направление тоже обговорили. Я имею в виду взрывчатые вещества. Не порохом же дымным, прости Господи, Чуйский тракт строить. А доверять такие вещи бумаге – я еще из ума не выжил, хотя нам с Герой на двоих лет девяносто почти.

Взглянул на часы и заторопился выпроводить молодого чиновника. Приближалось время ужина у Асташева, а я еще хотел успеть попасть в гостиницу – переодеться. Встал даже уже, но зацепился взглядом за карту. Все-таки схемы земной поверхности давняя моя страсть. Свою Томскую область я вообще чуть ли не наизусть знаю. Да и Кемеровскую с Новосибирской. Алтай, что краевой, что республиканский, уже намного хуже. Заседал в комиссии по определению стратегического фонда месторождений на территории Сибирского федерального округа. Видел карты. Но если свою область чуть ли не пешком всю исходил, то в районе большинства замороженных для потомков залежей на Алтае даже не был ни разу. Сейчас вот смотрел на Чуйскую степь, нарисованную умелой рукой губернского чертежника, и видел там серебро, железо и свинец. Цемент и асбест. А еще видел зону производства горных начальников АГО. Насколько все было бы проще, если бы я попал в тело предыдущего губернатора. Он-то, в отличие от Лерхе, был одновременно и начальником АГО.

Так бы и простоял перед огромной, во всю стену, картой, если бы от этой мантры меня не отвлекло явление угрюмого, обремененного пивным животом, господина. Пришелец отрекомендовался жандармским штаб-офицером Афанасьевым и предложил ознакомиться с четырьмя не страшно худыми папками – личными делами молодых людей, один из которых мог бы стать моим секретарем. И ведь, морда фээсбэшная, отказал мне в праве забрать документы с собой и почитать материалы дома, перед сном! Пришлось снова садиться за стол.

Позвал прежде Артемку из приемной. Велел брать мою повозку и мчать в гостиницу, за одеждой. Почему-то заявиться к Асташеву в мундире, присыпанном бумажной пылью, представлялось совершенно неуместным.

А жандарма я все-таки перехитрил. Спросил, с совершенно невинным видом, не поджидают ли кандидаты моего решения за дверью? Сам знал, что нет. Но ведь убедиться стоило, не правда ли?

– И каким образом, милостивый государь, я должен делать отбор? А ежели у человека в бумагах одно, а на самом деле уши торчат? Или, прости Господи, он вообще – рыжий?! Вы себе даете отчет, что станут болтать обыватели, коли у меня в приемной этакое чудо-юдо поселится?! Уж не намеревались ли вы подорвать таким образом авторитет представителя власти в губернии, а тем самым и нанести ущерб Его Императорскому величеству, чьим Высочайшим повелением...

«Остапа понесло» – промелькнуло в голове. Доводить до абсурда не хотелось. Мне «охранка» еще много пользы принести должна.

– Мне сказали, ваше превосходительство, что вас в первую очередь интересуют другие качества в сиих кандидатурах, – нахально перебил штабс-капитан. И фыркнул носом в густые усы. Носом! Вот же прохиндеи. Я перед ним тут туповатого чинушу корчу, а они с Кретковским давно меня просчитали.

– Вам верно сказали, – хмыкнул я. – Передайте Киприяну Фаустиповичу мою благодарность за оказанную им любезность... Но тем не менее, внешняя благопристойность – тоже немаловажный аспект для секретаря начальника губернии, согласитесь.

– Пожалуй!

– Так что, или оставьте мне документы до утра, или встретимся здесь завтра в девять. Но вы уж потрудитесь и молодых людей с собой привести...

Как у них все-таки строго с документацией! Даже для первого лица в губернии исключение не сделали. Можно подумать – в тех бумажках Великая Тайна Российского государства содержится. Афанасьев молча кивнул, сгреб со стола папки с бумагами, щелкнул каблуками. Думал – буркнет «Честь имею» и исчезнет аки привидение. Но нет.

– Киприян Фаустипович и вам, ваше превосходительство, кое-что передавать велел...

Из отдельной, пугающе толстой папки с тряпочными закладками стали доставаться мягкие, с осыпающимися от старости уголками, листы бумаг. Документы поочередно укладывались на стол передо мной и убирались тотчас после прочтения.

«Список из «Алфавита осужденных Томским городским судом» от января 1828 года». Коллежский асессор Иван Асташев подозревается в «беспорядочной покупке им в Ирбитской ярмарке для этапных и неэтапных зданий материалов». По результатам сенатской проверки определены убытки для казны в размере около двух тысяч рублей серебром, в чем подследственный признан виновным. Назначено наказание в виде словесного выговора – «тем и подтверждено ему впредь быть осмотнительнее».

«Список из Государственного реестра долевого вклада золотопромышленной привилегии Удережской золотопромышленной компании» от августа 1843 года. Господа А. Бенкендорф, В. Адлерберг, И. Якобсон, М. Брискорн, М. Позен и Н. Чернышевский уступают свои доли в золотодобывающем предприятии господина И. Асташева в связи с «превышением расходов над доходами с имеющихся в разработке приисков» за 43 250 рублей ассигнациями.

«Список из «приемной ведомости Отдела по делам частного золотого промысла Алтайского горного правления» от ноября 1843 года. «Принято от купца 1-й гильдии Асташева золотого песку с самородками на сумму 366 721 рубль серебром, притом заявлено расходов на добычу в сумме 156 133 рубля». В уголке документа мало разборчивым стремительным карандашом – «экий наглец! Нам-то совсем о другом сказывал».

Еще документы: Список с жалобы золотопромышленника Рязанова о самовольном захвате золотонесущего ручья приисковой партией Асташева. Копия векселя на сорок тысяч рублей от господина Попова, с приложением о совместном долевым участии в разработке прииска. История становления десятиmillionного состояния богатейшего томского жителя. История обмана, махинаций и близких к краю операций. Дражайший Иван Дмитриевич легко перешагивал через ненужных для его дела людей, предавал соратников и не побоялся обмислулить всесильного главу Третьего отделения.

– Отчего же вы не удивлены, господин губернатор? – с детской простотой поинтересовался штабс-капитан. – Неужто раньше прознали о сих делах?

– Нет. Не знал. И удивлен. Отчего же господин Асташев ныне ждет меня к ужину в своей усадьбе, а не догнывает в каторжной шахте?

– Господин майор знал, что вы догадаетесь, ваше превосходительство, – снова фыркнул носом Афанасьев.

– Видно, есть кто-то, кому не придется по сердцу такой поворот в судьбе этого человека, – кивнул я сам себе. – И этот кто-то ничуть не опасался даже графа Бенкендорфа.

– Князя Долгорукова тоже, – шепнул офицер, сгреб свои ненаглядные папки и, пристально взглянув в глаза напоследок, откланялся. Свою задачу он выполнил. Предупредил наивного губернатора от чрезмерной веры стареющего прохиндея.

Но дела с Асташевым все равно придется вести. Просто не найдется больше в губернии столь же значимого, уважаемого в купеческой среде человека. Предупрежден, значит вооружен. Пообещал себе быть предельно осторожным и тут же задумался о причинах такого трогательного внимания ко мне со стороны жандармов. Могли ведь не вмешиваться, наблюдать со стороны. Но нет, Кретковский специально послал человека – предупредить. Что бы это значило?

Ненавижу опаздывать! Не люблю людей, позволяющих себе наплевательски относиться к чужому времени, и себе этого не прощаю. Но к Ивану Дмитриевичу все же опоздал. Не на много, минут на пятнадцать – но и этого достаточно, что перенервничать и разозлиться. А все Артемка. Привез одежду и сидел под дверью – ждал, пока позову. А я что? Телепат? Он там ждал, а я в кабинете. Разглядывал наполняющиеся сумерками улицы любимого города, думал и ждал.

И поторопиться побыстрее приехать не получилось. Сани шли рывками – за один теплый день снег на взгорках стоял. На счастье, будущий Краеведческий музей от будущего Сибирского физико-технического института не слишком далеко. Томск в 1864 году – едва ли десятую часть Томска из моего времени занимает. Так что – сейчас здесь все не далеко.

Почти у самой усадьбы припомнил забавный случай, связанный с этим комплексом помещений. Из моего времени, конечно. Жила-была одна интересная женщина, в чьей власти было определить, представляет здание историческую ценность или нет. А нужно отметить, что Почтамтская второй половины девятнадцатого века – это проспект Ленина моего Томска. Самый центр. Офисные или торговые площади здесь – лакомый кусочек. Только свистни – очередь выстроится!

Не знаю, была там очередь или нет, только та дама взяла да и вычеркнула из списка охраняемых государством объектов на территории усадьбы Асташева пристройку для слуг. А и правда – ну какой это шедевр архитектуры? Обычный дом. Вон даже деревянные конюшни из-за него торчат. Тем не менее, арендаторы тут же затеяли реконструкцию. Им ведь до крайности обветшалые жилые помещения ни к чему. Им торговый зал нужен был...

В общем – поднялся шум. Патриотов родного города много нашлось – грудью встали. До Москвы дело дошло. Прокуратура засуетилась, комиссии понаехали. Вернули Краеведке их ненаглядные комнаты для прислуги. А заодно и бюджет на реставрацию выделили. Провели конкурс. Определили подрядчика. И все бы ничего, да только стал тогдашний губернатор

вожжи отпускать. И появилась в определенных кругах мысль – под шумок на ключевые должности совсем других людей поставить. А там и главному креслу хозяина поменять. Вот к концу того самого ремонта усадьбы снова та тема и всплыла. Дядьки серьезные были, «погоны» у них с руки ели.

Сначала убрали ту даму, потом прокуратуру на подрядчика натравили. Те откопали, что государственный подряд был по конкурсу отдан фирме, не имеющей лицензии на проведение работ по реконструкции памятников архитектуры. Ай-яй-яй! Как же так?! Как же так можно?! Главный областной строитель на сердце пожаловался и улетел в клинику Мешалкина в Новосибирск. И уже оттуда заявление об увольнении по состоянию, так сказать, написал. С сердцем у него, кстати, все в порядке оказалось. Он еще и меня, своего преемника, пережил. Так вот, во многом благодаря асташевскому дому сделал я следующий шаг по карьерной лестнице. Стал начальником Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Томской области.

Главный дом был на месте. И хозяйственный флигель. И здание управления приисками. Из-за его угла торчал тот самый злосчастный домик для прислуги и каретный сарай с конюшнями. А вот двухэтажных складов еще не было. Пара чахлах кленов и огромный серый и некрасивый сугроб, в который превратились построенные чьими-то руками снежные горки для детворы. И Архиерейской церкви тоже не было. И вход в сам дом оказался не в глубине западного двора, а прямо с улицы – в левом углу западного фасада.

Полустеклянные двери вели в обширный вестибюль, где швейцар принял у меня пальто и Артемку, которого я не стал отпускать в гостиницу. Провинился, так пусть чай гоняет со старым слугой, а не с молоденькими горничными заигрывает.

Богатая мраморная лестница привела на второй этаж. По отполированным ступеням гладкие подошвы столичной обуви скользили, и невольно приходилось сбавлять шаг, чтоб не упасть. Маленькая приемная с красной банкеткой и пейзажем с изображением этого самого, асташевского дома.

Семь торопливых шагов, еще одни застекленные двери и вот я на пороге большой желтой залы. Большие окна на юг и запад, прекрасные, достойные Эрмитажа, малахитовые вазы на постаментах, мебельный гарнитур из красного дерева с коричневой обивкой на невероятно красивом, звездами, паркете из ценных пород дерева – палисандрового, эбенового, розового. Дом приличный не только для сибирского миллионщика, но и для преуспевающего питерского вельможи.

– Сюда, ваше превосходительство.

Матовая роскошь паркета под каблуками. Синие сумерки за высокими окнами. Хозяин на пороге гостиной.

– Доброго вечера, Герман Густавович. Проходите же скорее...

Синяя комната. Мебель, теперь из черного дерева с синей атласной обивкой и позолотой. Ковры, картины. В простенках зеркала. У дальней от окон стены огромный, черной кожи, диван. В центре овальный стол, сервированный на две персоны. Значит, Асташев хотел поговорить со мной наедине и никого больше к столу не звал.

И я расслабился. Успокоился. Сам собой унялся тревожный стук сердца. Разомкнулись сведенные остатками злобы зубы. Бог не выдаст, свинья не съест.

– Здравствуйте, дорогой Иван Дмитриевич. Прошу меня простить за невольное опоздание. Человек, знаете ли – предполагает, а Господь наш – располагает.

Маленького роста, чрезвычайно подвижный, несмотря на возраст, подвижный и юркий, мило, по-французски, картавящий. Этаким добрый дядюшка гениального злодея – сам, судя по собранным жандармами сведениям, свободный от каких бы то ни было нравственных принципов. Обладающий живым, изворотливым умом, нашедший нужные лазейки в беспорядочном нагромождении законов Российской Империи, обзаведшийся высокопоставленными покрови-

телями, Асташев представлял собой эталон успешного предпринимателя середины девятнадцатого века. А еще он – дьявольски, ужасающе опасный для моих начинаний человек.

– Снова вы, ваше превосходительство, правильные слова подбираете, – белые ладошки вспыхивают отраженным светом десятков свечей. Кажутся двумя белыми птицами, бесстрашно порхающими прямо у лица хозяина дома. – Но садитесь же скорее к столу. Повар мой, характером прескверный, уж трижды справлялся, не пора ли горячее несть. Сюда вот, сюда! На стуле этом и принцам не зазорно сиживать...

– У вас, дражайший Иван Дмитриевич, отличный дом! Приходилось мне бывать у вельмож, кои и вполонину не такой усадьбой похвастать могут.

– Вы мне льстите, Герман Густавович. Уж позвольте старику вас так называть по-простому...

– Извольте, Иван Дмитриевич. Отчего же нет. Я вам по возрасту в сыновья гожусь.

– А и верно, – новый полет белых птиц. – Сын мой, Вениамин, не иначе в один год с вами на свет Божий появился?! Девятого декабря 1836 года Вениамин мой появился...

– А я 16 декабря 1835-го. Выходит, ровно на год я потомка вашего старше.

– Оба декабристы, значит! – богач смеется, словно две пуховые подушки трутся одна об другую. – Бывали у меня-с и те самые-с... Да...

Из сумрака появлялись люди, ставили на стол отблескивающие серебром блюда. Парило мясо, остро пахло какими-то приправами и свежим хлебом. Рубином блеснуло вино в бокале. За этим столом как-то забывалось о Великом посте и связанными с этим ограничениями.

Рыба тоже была, но как-то скромно. На самом краю стола. Нарезанная белыми, неожиданно аппетитными ломтями, посыпанная зеленой трухой из смеси ароматных трав. Не имея я близкого знакомства со всеми видами приготовления исконно томской рыбы – муксуна, ни за что не узнал бы.

Ну, какие могут быть разговоры, под этакий-то стол. Я вдруг вспомнил, что ел последний раз более семи часов назад, и в животе недовольно забурчало. Мясные ломтики таяли во рту, соусы придавали кушаньям совершенно неожиданные, восхитительные нюансы. Красное вино и мясо – что еще нужно настоящему мужчине за столом?

Самовар вместе с огромной вазой, наполненной восточными сладостями, поставили на низкий столик у дивана. Чай, цвета красного дерева, в китайских чашках. Раскрытая коробка с сигарами – можно было не сомневаться – кубинскими. Искусно созданный для беседы локальный уют. На сытый желудок, под коварное, на кошачьих лапах подкрадывающееся к сознанию, спиртное. Я старался держать себя в руках и внимательно следил за нитью беседы, и все равно проморгал момент, когда речь зашла о делах.

– ...Чертежник мне поляк один из каторжных нарисовал – Ванька Возняковский. Денег еще, бедолага, просил на машину свою, коя от силы сжатого воздуха двигаться должна была. Поляка того в казенные заводы на Урал забрали, а картинки у меня остались.

О чем он? Вроде только что о скаредности и мздоимстве горных чиновников рассуждал, и вдруг о каких-то чертежах...

– Здесь уже, в Томске, кузнеца нашел. Есть этакий татарский богатырь – кузнец Ханыпов в Заисточье. Грамоты инородец не ведает, но руки золотые! За полгода построил мне машину по списку того поляка. Труб одних дюймовых с Ирбиту чуть не версту ему привез. Котел чудной, весь трубками обвитый. Машину я на приiske поставил. Очень уж она проста вышла, а и сильна... Вот вы, Герман Густавович, всюду о паровиках говорите, а ведь у меня-то лет, почитай – восемь, она крутится.

– Людская молва уже донесла, – кивнул я и засмеялся. – Некоторые болтают, что Иван Дмитриевич-то, поди, и черта в повозку запрячь может, раз у него и дьявольские силы на приисках колеса крутят.

– Хры-хры, – снова зашуршал подушками золотопромышленник. – От того и болтают, что сами машин не имеют. Я ведь и мастерскую затеял было делать. Думал на чертежике том денежку малую получить. Ан – нет. Не нашлось покупателей. Механизма в десять сил вышла, а по стоимости под полторы тысячи целковых. В Тюмени на Козеловских верфях в пароходы и поболее машины ставят, а ценою схожи.

– Откуда же такая разница?

– Так, дражайший Герман Густавович, Возняковскому котлу взорваться никак невозможно. На схемах моих и стрелок никаких нет и за давлением следить нет потребности. А в пароходных движителях одних приборов на пятьсот рублей, что в цену машины не входят.

– Выходит, ваши паровики слабее, но и дешевле?

– А и дешевле, – затряс лобастой головой Асташев. – Так только и тех денег купцы платить не могут.

– Отчего же так?

– Отчего? – только что вот хихикающий богачей вдруг стал совершенно серьезным. Добрый прищур исчез, и на меня взглянула совершенно холодная, расчетливая сущность томской «акулы». – Отчего? Оттого, видно, что купечество тутотнее – все в долг живет. Заводы с пароходами понастроили, магазины с лавками. Одного хлебного вина сто тысяч ведер в год варят. Мильен пудов чая за зиму Московским трактом возят, а и все без денег. До того доходит, что у Петрова с Михайловым в лавке за сукно в полтину ценой – векселя выписывают.

– Богачи без денег? – хмыкнул я. – Как же такое возможно?

– Как? Да вот взять хотя бы... да Исаева того же. Лет этак двадцать назад построил Королев в селе Тигильдеево, что на малой Сенной Курье, стеклянный заводик. А года три назад за долги Общественному банку отписал. С торгов заводик тот Исаев выкупил. Полторы тыщцы выложил. Людишек работных набрал, стекло снова лить стал. А как надумал машину за место мехов приладить – ко мне за деньгами прибежал. Я ему вексель и выписал. Он с бумагой той в банк. Те другой вексель – уже под мой оформили. Исаев паровик купил с Урала и поставил. Года два, считай, уже. Здорово больше стекла выходит, и бутылок и листов. А только кто его купит? Хмельное у нас бочками продают, бутылки в подвалах питейных только на стол ставят. И домов строят не много. У Исаева листами стеклянными все склады забиты. Ему апрелем этим срок платить по векселям выходит, так он снова по городу бежит – деньги ищет.

– Выходит, пока по старинке купец дела ведет, то и ладно. А как что-то новое применить восхочет, так на то денег нет?

– Истинно так, Герман Густавович. Снова вы правильные слова подобрать изволили.

– Жаль. Очень жаль. Я, грешным делом, хотел купечеству туземному дело получше золотой жилы предложить. Но там даже не тысячи. Там миллионы потребны.

– Что ж за дело это, что лучше золота?

– Железо! Вот и вы, поди, на прииски инструмент железный покупаете?

– Же-ле-зо, – прокатил по языку седой прохиндей. – Железо. Оно так-то так, товар всем нужный. Только железо само из ручья, как песок золотой, не вымоется. Камни железные из горы выламывать нужно. Потом в печи плавить. Одного угля древесного тыщцы пудов...

– Каменный уголь лучше.

– А и верно. Сашка Смирнов на Гурьевском заводе года три уже чугуном углем плавит. За то ему Фрезе полковника никак и не дает. С углежогов горный начальник мзду берет, а с дыры в горе деньгу не поимеешь...

– Это не тот ли заводик, где паровики делать могут?

– Именно так. Тот самый. Смирнов-то в Алтае пришлый. Его из Санкт-Петербурга манифестом прислали, а Фрезе с подпевалами своими – Быковым, Платоновым и братьями Прангами местные. Давят Смирнова, давят. Тому как совсем плохо становится, он Александру Дмитриевичу в столицу отписывает.

– Озерскому?

– Озерскому. Он теперь главный начальник Алтайских горных заводов и Смирнова в обиду не дает. Сашка-то для иностранного удивления, то вазу из чугуна построит, то машину какую-нито хитрую.

– Я об Озерском много уже раз слышал. Неужто – хороший человек?

Асташев снова пристально, словно разглядывая мелкую букашку у меня на лице, взглянул и ответил уклончиво. Даже загадочно.

– Понимающий человек. Всегда – пожалуйста, коли и вы не с бухты-барахты...

Понимай, как хочешь, но скорее всего, он имел в виду, что к предыдущему губернатору губернии все-таки можно найти подход.

– Вы, Иван Дмитриевич, считаете – я не найду компаньонов на железный промысел?

– Отчего же? – удивился с хитринкой в уголках глаз богач. – Непременно найдете. Ежели банк какой привлечь или в Петербурге акционерное общество. Батюшка вот ваш, я слышал с бароном Штиглицем дружбу водит?! Иудей Гинцбург тоже охотно, как я слышал, в заводы или учреждение новых банков деньги вкладывает.

– А местные купцы?

– А местные купцы, мой милый Герман Густавович, деньги только в книгах учетных подсчитывают да долги друг другу передают. Собор вот уже сколько лет достроить не можем. Богоугодное же дело, а не можем. Слышали, наверное, уже?! Давеча, лет с шесть назад уже и купол ставить принялись, да не вышло. Четверых людишек убило насмерть...

Дальше было не интересно. Хозяин усадьбы теперь усиленно избегал любых тем для разговора, в которых могло хотя бы промелькнуть что-то связанное с промышленностью или торговлей. Старый богатей развлекал меня рассказами о нерадивых архитекторах или о пресловутых подземельях Томска. Не поленился сбегать, а ходить он, несмотря на возраст, казалось, в принципе не умел, за иконой, которую будто бы благословил святой старец Федор Кузьмич. Поведал легенду о сибирском робингуде – атамане Лиханове, грабящем богатые купеческие караваны и раздающем награбленное бесправным, формально свободным крестьянам на государевых землях.

– Годков этак с десять – двенадцать назад еще находились люди, утверждающие, что были остановлены на тракте варнаками Гришки Лиханова. Потом как-то поутихло. А с месяц назад – снова. То ли воскрес лиходей, то ли кто-то именем его прикрыться решил. Только через слухи крестьянский люд в большое волнение впал. Кое-где даже исправники биты были. Те, что из самых злых...

Асташев, не скрываясь, разглядывал мое откровенно скучающее лицо и весь прямо-таки лучился от удовольствия. Невеликая хитрость – ждал, когда рыбка, я – то есть, сам попросится к нему в пасть. Уж ему ли не знать, раз он с такими людьми в столице хороший знакомец, мое финансовое положение. Знал и, не скрывая свой интерес, подталкивал – предложи, молодой наивный дурачок, организовать совместно банк для развития твоей ненаглядной промышленности. И я едва-едва сдержался, чтоб не завести об этом речь. Вовремя мысль пришла – а ему-то что за прок? Судя по всему, он дела с кем-то из царской семьи ведет. Что ему карманный губернатор, если он одним письмом может здесь половину чиновничества мест лишить? Не зря же ему приписывают высказывание: «Коли Асташев захочет – и митру получит».

А с банком – не понятно. С его-то связями, с его-то «крышей» и капиталами он и сам может все организовать. И сам политику кредитования страждущих определять. Конкурентов долгами давить, выкупая векселя. Втихую полгубернии в карман положить может, и ничто ему помешать в этом не в силах. Ни я, ни горный начальник Фрезе, ни военный начальник Дюгамель.

Но вместо того, чтоб, пользуясь поднятой мною волной интереса к промышленности, быстренько подсуетиться и создать мощный, гораздо более сильный, чем Томский обществен-

ный банк, финансовый институт, он весь вечер усиленно «сватал» мне эту идею. Зачем? Почему? Непонятно, а значит – опасно. И пока я не буду знать точно, какую именно роль Асташев приготовил для меня, ни о каких совместных делах не стоит и думать.

И, видно, что-то изменилось на моем лице, когда я пришел к этому непростому выводу. То-то хозяин как-то сразу сник, перестал светиться, и рассказы тут же потеряли некоторую долю заложенной в них энергии.

Каюсь. Не смог удержаться. Уже в пальто, в прихожей у подножия мраморной лестницы, можно сказать – одной ногой на улице, при прощании с хлебосольным золотопромышленником, я широко и радостно ему улыбнулся.

– Благодарю, дорогой Иван Дмитриевич, за прекрасный вечер в вашей компании. Ваши рассказы о земле Сибирской навсегда останутся в моей памяти.

10. Томское многоделье

Со следующего же дня, с седьмого апреля 1864 года меня захватил бюрократический водоворот. На каждом новом месте, с каждой новой командой подчиненных – всегда такое происходит. Всем требовалось мое мнение, мое участие, мое разрешение, дозволение или благословение. Словно до моего появления в стенах губернского присутствия они, аки дети малые, не знали – за что хвататься и куда бежать.

Нет, конечно! Это всего лишь испытание на прочность. Исправно работающей и без моего участия структуре всего лишь требовалось знать – куда станет мести «новая метла». Это процесс подстройки аппарата под незнакомого начальника. Это попытка «поставить на место» горящего энтузиазмом и брызжущего новыми идеями молодого губернатора. Вернуть с небес на землю. Показать-доказать, что без их непосредственной помощи, без опоры на их знания и опыт, без лояльного отношения к их «маленьким шалостям» ничего у меня работать не станет.

Впрочем, для меня эти «секретики» давно не были новостью. Их «коварные» планы нарвались на непробиваемый Герин Ordnung и мой, унаследованный от прадеда-таежника, пофигизм. Я исправно посещал неисчислимые заседания комиссий и добросовестно изучал горы документов, поступивших на имя томского губернатора. В двадцать восемь лет вовсе не трудно задержаться на рабочем месте до полуночи. Ни ребенок, ни зверенок, ни жена, ни любовница не ждали меня дома. В отличие от большинства чиновников губернского правления.

В их планах не учитывалось мое полное право не только самому работать до захода луны, но и оставлять в управе тех из служащих, которые мне могут понадобиться. Я, словно соскучившись по бумажной пыли, скрупулезно перебирал целые тома прошений и жалоб, а полсотни чиновников ждали вызова. Благо секретарем я уже успел обзавестись.

Миша Карбышев с первого взгляда мне не понравился. С толка сбил присущий художникам или поэтам какой-то мечтательный, поверх голов, взгляд в никуда. Остальные трое молодых людей смотрели мне в рот, изо всех сил изображая заинтересованность и желание занять вакантное место. А Миша – нет. Разглядывал какие-то одному ему видимые дали и никаких иных чувств не демонстрировал. Чем и возбудил мое любопытство – его дело я взял у штабс-капитана Афанасьева первым.

«Каждому по делам его». Так, кажется, в Библии? Михаил Михайлович Карбышев родился в Омске, в 1840 году. Окончил Казачье кадетское училище. Вторым по курсу, между прочим! И практически сразу, в чине подпоручика, поступил в конный отряд жандармерии Западно-Сибирского округа. Руководил расследованием бунта приписных рабочих на Егорьевском заводе. Обзавелся влиятельными врагами в горном правлении АГО, разоблачив «князьков», собирающих дополнительный ясак со староверов Бухтармы. В деле хранился список с его докладной записки о потребности немедленного сенатского расследования деятельности

Томского губернского правления, погрязшего во взяточничестве и саботаже великих государевых реформ. А еще он написал прошение на имя генерала Казимовича – не предлагать его кандидатуру на место секретаря томского губернатора. Дальше майора Кретковского, судя по визе в углу листа, прошение не ушло.

Попросил трех кандидатов и их «пастуха» подождать в приемной и поговорил с Карбышевым по душам. Парень, как только получил разрешение говорить откровенно, заявил, что горит всем сердцем от несправедливости. Что только ради торжества оной и в жандармы поступил. Здесь же, у правого моего плеча, станет чувствовать себя птицей в клетке и потому со временем неминуемо меня возненавидит. Ненависть же – грех великий.

Вспыхнул и я. Прикрикнул, кулаком по столу грохнул. Приказал – бросить ребячиться и начать головой думать, а не шашкой. Спросил, сколько добрых дел, по его мнению, он из седла совершить сможет и сколько из моей приемной?! Особенно, если я его к тому и подвигать стану?

– Мне, Михаил, слуги не нужны. Мне единомышленник и верный помощник потребен. Не тот, что лестью сладкой меня убаюкивать станет, а тот, кто на правду горькую глаза откроет. А от седла ты еще устать успеешь. Не умею я из-за стола людьми командовать. Вот и тебе придется меня сопровождать... Впрочем, решать тебе... Просить начальство тебе приказывать не стану...

Договорились вроде. Остался Миша по собственной воле. Тем же вечером я его с Варезкой познакомил. Они мой список существенно увеличили и тут же наполнением досье занялись. Штабс-капитан стал с целым десятком солдат приходить – одному-то столько дел, сколько Мише потребовалось, жандарму не утащить было.

Уже к православной Пасхе специально заказанное у столяра бюро наполнилось карточками с краткими характеристиками десятков людей. Особенно здорово эта картотека помогала в общении с туземным дворянством и купцами.

Все переплелось. Все были друг другу хоть и дальними, но родственниками. Все про всех все знали. Я только из Мишиных невзрачных листочков узнал, что Александр Ермолаевич Фрезе женат на дочери бывшего томского губернатора Екатерине Татариновой. На счастье с Гериным предыдущим начальником, тайным советником Валерианом Алексеевичем Татаринковым, начальником Государственной Контрольной палаты, тот горнозаводской клан Татаринковых ни в какой степени родства не состоял. Иначе мне грозила преждевременное нервное истощение от нескончаемых проверок этого жесткого, даже – жестокого, вроде экономического отдела ФСБ, органа.

Одиннадцатого апреля, в православный праздник Входа Господня в Иерусалим, оно же – Вербное Воскресенье, в бывшем особняке Горохова, прошел губернаторский бал. Ничего особенного интересного. Толпа наряженных господ и их спутниц. Обилие драгоценностей, возвышенных, но отчего-то кажущихся пошлыми, речей, дорогих вин и закусок. Необходимое для меня, как нового губернатора, мероприятие обошлось в полторы тысячи рублей. И если бы не навязчивая баронесса Франк – супруга томского полицмейстера, сначала чуть ли не требовавшая немедленно снять все обвинения с ее брата – Караваева, а потом принявшаяся сватать мне девиц на выданье, посчитал бы вечер удавшимся. А так, остался какой-то мерзкий привкус от этого «высшего света».

Ах да. Чуть не забыл. Я переехал. Дом в наем, несмотря на все старания мещанина Акулова, я так и не нашел. Переехал в другую гостиницу. В «Сибирское подворье» на Миллионной.

Конечно, немного дальше от присутствия, чем «Гостиный двор», зато гораздо престижнее и Общественный сибирский банк прямо через улицу. Старому прибалту, развернувшемуся не на шутку в почти пустынной финансовой системе города, стало гораздо удобнее. Нужно сказать, Гинтар уже на третьи сутки пребывания в Томске обзавелся арендованным у какой-

то вдовы небольшим флигельком, где организовал прием жалоб от обиженных чиновниками людей.

Там же нашлась отдельная комнатка для Василины, задорно тратившей мои деньги на выписывание всей прессы, хоть с какой-нибудь периодичностью издававшейся в Империи. Газеты с журналами начали доставлять, только когда с Томи сошел лед и открылось устойчивое паромное сообщение с левым берегом. Зато сразу много. Девушке пришлось воспользоваться моим предложением и привлечь к сортировке нескольких девочек из Мариинской гимназии.

У меня тоже появился стол, за которым мальчики из Томской мужской гимназии могли делать домашнее задание, пока их услуги в качестве посыльных мне не требовались. Кстати сказать, за право оказаться в моей приемной среди пацанов разгорелось настоящее соперничество. Хотя управление гимназии и проводило первоначальный отбор по установленным мной параметрам – дети должны были относиться к малоимущим семьям, быть физически здоровыми и демонстрировать устойчивое хорошее прилежание к наукам. Взамен мои быстроногие посыльные получали до полтины в полдня, помощь и консультации в учебе и право гордиться собой. Карбышевым были заказаны у гравера несколько специальных нагрудных знаков, удостоверяющих право пацанов передавать записки или вести от моего имени. Особо отличившимся позволялось этот знак носить не только в часы работы, а и дома и в гимназии.

Крестьянскому сыну Пашке Кокорину, добившемуся этого права первым из детей, знак вручали в столь торжественной обстановке, и воспринято это было настолько серьезно, что даже мое сердце прожженного циника дрогнуло. Короткостриженный, веснушчатый и курносый тринадцатилетний парнишка с торжественным лицом, как живое воплощение тех людей, земляков, ради которых собственно все мною и затевалось. Может быть, в тот миг, впервые в жизни, я взглянул в глаза народа, не как статистических единиц, а как сообщества живых людей. Эта мысль так потрясла, что до конца дня дела валились из рук и ни о чем другом я даже думать не мог.

Кстати, Пашка оказался родным братом Михаила Кокорина, прославившегося год назад на весь Томск, убив забежавшего в город волка. Семейка, видно, та еще. Ничуть не сомневался, что еще не раз услышу эту фамилию.

Так вот. Все началось с бумажного водоворота, в котором «добрые» подчиненные пытались меня «утопить». Большую часть предложенных к рассмотрению дел я завизировал и передал в производство. А так как дел этих оказалось чрезвычайно много, пришлось коварным чиновникам забыть о завершении рабочего дня в четыре дня. Начальник хозяйственного отделения – в мое время называемый завхозом – пришел даже просить как-то сократить нагрузку на писарей «ибо свечи жгут без меры, окаянные». Отказал. За что боролся, на то и напоролся! А свечных заводиков в одном Томске уже больше десятка.

В одной из сводок, касающихся объема товарооборота Иркутского тракта, обратил внимание на упоминание некоего тюменского купца Юзефа Адамовского, обладающего государственной привилегией на паромное сообщение по рекам Кеть и Чулым. Оба водных пути вели в Енисейскую губернию, правда, до Красноярска не доходили. Заинтересовался. Первая ветка железной дороги, по моему замыслу, должна была связать Томск со столицей соседнего региона, а, оказывается, нашелся уже человек, занявшийся развитием этого транспортного маршрута. Причем по рекам.

Варежка с Карбышевым получили новую фамилию к списку. Через день штабс-капитан принес пухлую папку...

И снова просто обязан сделать небольшое отступление. О папках. Согласитесь, к хорошему быстро привыкаешь. Жили себе семьдесят с лишним лет без немецкой канцелярии, а когда она появилась, на древние папки-скоросшиватели и смотреть перестали. Мультифоры, док-паки, всюду лощеный пластик и импортные этикетки. Красиво и удобно.

Здесь же дела сшивали нитками и переплетали в мастерской. Закрытые дела выходили в архив такими доморощенными книгами с толстенными картонными корками. Пока же дело оставалось в производстве, бумаги просто вкладывались между картонок. Жуть. Отправил пацанву за куском медной проволоки, клеем и тонким картоном. Когда все было доставлено, за пять минут научил деток склеивать запчасти в некое подобие скоросшивалки. Жаль, конструкцию дырокола вспомнить не смог. Пришлось толстым шилом обойтись. Но и то, мое «изобретение» произвело настоящий фурор. Записал себе в блокнотик: *«привилегия на скоросшиватели»*. Как найдется потерявшийся где-то на Московском тракте батюшкин стряпчий – озадачу его и этим дельцем. Пока же разрешил писарчукам клеить папки по установленному мной стандарту самостоятельно.

Но, похоже, до жандармского управления новшество дойти еще не успело. Афанасьев припер прямо-таки какого-то бумажно-картонного монстра. Бумажки торчали так и сяк, благо офицер не слышал комментарии Геры на явление этого «чуда» охранной бюрократии.

Адамовский оказался невероятно интересным персонажем. Над его досье я просидел несколько часов, делая обширные выписки. Частью в свой архив, частью в тактическую напминалку. Кое-что пошло и в карманный блокнотик. Например, один из главных акционеров созданной поляком транспортной компании, гоф-медик двора Его Императорского величества Павел Иванович Круневич. Придворный лекарь – поляк. Если мне нужен был знак с Небес – то, что это, если не Знак? Скелет плана спасения жизни наследника престола стал обрастать плотью.

Сам же Юзеф был из бывших ссыльных. Отсюда и пристальное внимание к его деятельности со стороны жандармерии. Отбыв свое за участие в бунтах в первой трети века, отправился было на Родину, в Царство Польское. Ненадолго. Вернулся в Сибирь. Где взял деньги – непонятно, но почти сразу по возвращении заказал у англичан Гукса и Гуллета на их верфи в Тюмени двадцатипятисильный пароход. Двумя годами после они же построили и шестидесятисильный буксирный тягач.

Довольно много в папке содержалось документов, посвященных вопросам переросшего в открытую вражду соперничества с Дмитрием Ивановичем Тецковым. Это тем городским головою, огромным, гризлиподобным мужиком, внесшим в Фонд взнос от всех торговых людей губернской столицы. Внес, кстати, переводным векселем, зато сразу на двадцать пять тысяч рублей ассигнациями. Капитал Фонда приближался к ста тысячам. По томским меркам – огромная сумма.

В общем, Тецков, сам владелец пароходной компании, предложил Адамовскому объединить силы и совместно осваивать восточное направление. На что поляк, как значилось в рапортах наблюдателей, «ответил презрительным отказом». Чем не повод для вражды?

Медведь – вообще животное сильное и коварное. Огорченный медведь – страх и ужас тайги. Вот сибирский медведь – Тецков – и принялся «воевать» с истинно медвежьим коварством. Специально посланные вдоль реки люди скупали приготовленные для пароходов Адамовского дрова, и командам поляка приходилось самим заниматься рубкой или ждать неделями, пока к берегу доставят готовые. Те поленицы, которые заготавливались специально для строптивца – сжигались «неизвестными». Только в прошлом году, вместо четырех запланированных ходок по маршруту «Томск – Тюмень», «Благодать» смогла совершить лишь три, а более мощная «Уфа» – всего два. Меж тем «Комиссионерство сибирского буксирного пароходства» – компания Тецкова с группой товарищей – благоденствовала. Построили три пристани с пакгаузами – в Томске, Тюмени и на Ирбите. На английской верфи купили третий пароход, «Святой Дмитрий», и четыре большие баржи. Что интересно, «Дмитрия» заказал Адамовский, но платить по счету отказался. Бесхозное судно тут же прибрали «комиссионеры».

Только создавалось впечатление, что у бывшего ссыльного может быть открыта бесконечная кредитная линия. Он подает прошение о дозволении строительства канала или желез-

ной дороги между верховьями Кети и Енисеем и заявку на привилегию на его использование. Согласно приложенным сметам, строительство это должно было обойтись акционерам компании Адамовского в полмиллиона рублей. Каково?!

Данными по грузопотоку между столицами двух сибирских губерний чиновники охотно пользовались, но и в привилегии и в разрешении на строительство поляку отказали. Интересно все-таки, откуда он намеревался брать деньги, если даже инженерные изыскания по Кети, едва начавшись, тут же и заглохли от недостатка средств.

Война между двумя крупнейшими транспортными компаниями региона обещала продолжиться и в навигацию этого года. Но я вовсе не желал банкротства ни одной из них. Семь пароходов – как олицетворений прогресса – было явно мало на несколько тысяч верст водных путей. Я посчитал своим долгом предпринять усилия к примирению соперников, а для этого нужно было поговорить с «главарями».

Поляка в Томске не было. По сведениям Акулова, пароходы Адамовского появлялись у городской пристани примерно в середине лета – на пути из Тюмени и при всем желании сойтись раньше осени у меня с ним не получалось. Если, конечно, по какой-то причине, не брошу идею совершить путешествие в Чуйскую степь. А вот с новоизбранным городским головой, Дмитрием Ивановичем Тецковым, повод встретиться появился уже на следующей неделе после губернаторского бала.

Дело в том, что с моей подачи Гинтар подал заявку в правление на выделение земельного участка для доходного дома Фонда, предназначенного под проживание малооплачиваемой части губернского чиновничества. Одновременно я надиктовал сам себе прошение «о рассмотрении вопроса по выделению участка под строительство комплекса «Усадьба губернатора». Прибалт испросил землю по улице Александровской, от Большой Садовой до Еланской. А это именно то место, где и положено быть Дому Губернатора – угол Соборной площади и Еланской. Хватит уже всем томским начальникам ютиться по съемным флигелькам. Деньги у меня были, стройматериалы стоили дешево, а рабочей силы в городе был даже переизбыток. Дело оставалось за малым – провести прошения через Строительную комиссию, получить разрешение на землю от Томского магистрата, заказать проекты и начать строить. И чтобы совместить приятное с полезным, на комиссию я сразу Тецкова и пригласил.

Этот могучий человек сразу повел себя как-то странно. Бочком протиснулся в открытую наполовину дверь, прокрался к стоящему в уголке стулу, сел и прикинулся прозрачным. В то памятное утро в моем гостиничном номере мне он показался более решительным.

Тем не менее, в течение всего заседания Тецков не вымолвил и слова. Время от времени я выбирал минуту, чтоб понаблюдать за ним, и не заметил признаков страха или отсутствия интереса к обсуждению планов по развитию строительной отрасли в губернии. Но пока в самом конце, составляя документ по результатам «посиделок», купцу не задали прямой вопрос, он и рта не раскрывал.

– Да, ваше превосходительство. Конечно, ваше превосходительство, – покорно согласился со всеми предложениями городской голова и, тщательно выводя буквы, начертил собственноручную подпись.

Попросил, практически – приказал ему задержаться в моем кабинете. Поведение лихого купца кардинально отличалось от описания, составленного моей «разведкой».

– Ну что с вами, Дмитрий Иванович? – сразу «взял быка за рога» я, стоило двери за последним из заседателей закрыться. – Сидите там, молчите. Словно не о вашем городе речи велись.

– Так ить, ваше превосходительство, вы ж чем-то на меня в обиде, вот и я того... побаиваюсь из грядки-то лишними лопухами торчать.

Говорил он легко, не спотыкаясь и не задумываясь. Будто слова давно приготовленными лежали и только ждали разрешения на выход. Похоже было, что хитрым маневром «пойманный» медведь теперь меня не отпустит.

– В обиде? А ведь верно! В обиде я на вас, милейший Дмитрий Иванович... Днями мне докладную записку подали по вопросу томского грузового транзита. С пояснениями. Меж прочих сведений содержались там известия о вражде вашей с Адамовским...

– Да он, собака...

– Грех ведь это, – мягко перебил я гризли. – И собак тоже оставьте в покое. Нет существа более верного своему хозяину, нежели собака.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – смутился здоровяк. Здорово было бы поставить его рядом с казачьим сотником Безсоновым и посмотреть, кто кого шире. И если Астафий Степанович – настоящий Илья Муромец, то Тецков не меньше чем Добрыня Никитич.

– Итак. Вы предложили Осипу Осиповичу совместное дело на Кети и Чулыме. Он отказал. Это – что, повод для войны?

– Он... злыдень этакий, лоции где-то добыл. И на Томь, и на Обь до Бийска, и на Иртыш до Ирбита. Его-то пароходы полным ходом идут, а наши крадутся, аки воры. И чуть что – то мель, то камни. Сколь уже годов путями этими ходим, а все как слепые кутята. Юзья же карты секретные имеет, а делиться с обществом не желает. И просителей срамными словами отсылает...

Мамочка! А я-то хотел в Бийск на пароходе плыть! Куда уж там. Страшно. Они даже по главным водным магистралям на ощупь, не говоря уж о менее значительных реках. И государство не чешется...

Сел за стол, достал свой блокнот. Записал: «Лоции, гидрограф». Гера тут же торопливо нашептал о водном налоге. Дописал и это. Когда стану в Генеральный Штаб и в Министерство заявку писать – пригодится.

– Знаете что, господин Тецков! Бросьте-ка вы эту войну. Я письма отпишу куда нужно. Испрошу ученых, что реки промерять умеют и знаки по берегам ставить. Только и вам, пароходникам, в государеву казну отчислять придется. Сейчас реки Сибири водными дорогами не исчислены. А когда знаки поставят, мели и глубины промерят – придется платить.

– Да и слава богу, – обрадовался купец. – В прошлом году я «Опыт» две недели с мели снимал. Пока то да се – реки льдом покрылись. Сорок тысяч потерял! Пусть только знающие люди приедут – на руках носить станем. В ресторациях кормить. И государеву потребу справим.

– Ну, вот и договорились, – кивнул я. – А Адамовского оставьте в покое. Он со своими прожеками и без вас в трубу вылетит.

– В трубу? Нешто он колдун какой-нито в трубу на метле летать? А ведь есть в нем что-то дьявольское...

– Это старинное немецкое выражение, означающее, что человек разорился. Вроде как дрова – за них ведь деньги платишь, а они в трубу дымом вылетают.

– Экак... Воно што, ваше превосходительство. А я-то, грешным делом, думал... Так вы, господин губернатор, только за Юзью на меня серчали?

– Есть еще за что?

– Так, ваше превосходительство, вам оно виднее. Вон «Сибирским подворьем» моим побрезговали. «Гостиный двор», конечно, дело общественное, но мои-то номера и побогаче будут и от шума торгового подальше.

Тихо выдул воздух сквозь сжатые зубы. Никак не могу привыкнуть к этой их местечковой инфантильности. Сидит вот мужичина – в два раза меня старше и значительно сильнее.

Городской голова, купец первой гильдии. Капитал в половину миллиона оценивается. И корчит из себя ребенка. Обиды какие-то детские...

Пообещал подумать о переезде. Тут же сменил тему. О паровых машинах, о пароходах и о грузовом порте на Томи стал говорить. И снова поразился мгновенной перемене в собеседнике. Теперь передо мной сидел сибирский лев. Пароходный царь и гроза строптивых транспортников.

Заказов на перевозку у «комиссионеров» было в разы больше, чем возможностей. В объединенной компании уже было четыре судна, общей мощностью более двухсот сил. И шесть барж. А было бы в два раза больше, да с тюменскими кораблями характерами не сошлись. «Святого Дмитрия» только случай помог купить. В Тюмени свои транспортники есть, и их заказами обе верфи заняты.

Железо на корпуса кораблей с Урала только зимним трактом притащить можно. Пока снег на дороге, как раз на одно судно натаскать успевают. И дело не только в корпусах. Машины тоже из-под Екатеринбурга везут. Деревянные баржи – этого всегда, пожалуйста. И то если не слишком большие. Леса в Сибири полно.

Верфь в Томске? Отлично. Только где мастеров брать? И снова вопрос о железе. Здесь оно еще дороже выходить станет. До Урала же дальше... Гурьевский завод? А какая разница? И там и там – зимником тянуть. И там и там – листы малыми партиями делают. Мастерские? Самим машины строить? Коли случится сие – молиться на вас станем. Руки целовать...

Порт? Тут ведь как. Каждое общество, да, почитай, и каждый купчина из серьезных, свои склады у реки поставить норовит. Амбар срубить – копеечное дело, и за найм платить никому не нужно. Мостки тоже не велика наука сколотить. Порт – оно, конечно, дело нужное, только кто им пользоваться станет?

Так весь разговор. На все мои предложения – его сомнения. И пароход до Бийска тоже не дал. Аккуратненько так обошел эту тему. Ладно, хоть с парусным судном помочь обещал.

Странно, в общем, разговор прошел. В одни ворота. Городской голова уходил от меня донельзя довольный, а вот я оставался в полной растерянности. Оказывалось, что мой прогресс никому не был нужен. Или я не с той стороны его подталкивать взялся. Снова все упиралось в чертово железо. Нет его – и идея со строительством верфи теряет всякий смысл. Можно, конечно, организовать доставку листов с Гурьевского завода – всего-то сто верст от Кузнецка, а он на Томи стоит. Плоскодонные баржи, поди, пройдут. Только при существующих расценках на речные перевозки в рубль с пуда, сталь эта «золотая» выйдет. А пароходы и вовсе платиновые.

Инфраструктурные проекты купца тоже не заинтересовали. Не видели мы – ни он, ни я – способа заставить транспортников пользоваться одним портом. А ведь как красиво могло получиться! Краны на паровой тяге поставить. Комплекс складов с погрузо-разгрузочными эстакадами. По меньшей мере, сотни две томичей из безработных бы легко трудоустроили. При порте и механические мастерские можно было бы организовать.

Только берег большой. Адамовский свои корабли рядом с тецковскими не поставит. Корчемкин с Колесниковым на ножах с Нофиным. Тобольский купец Суханов только по заказу в Томск пароход водит – где место свободное есть, там и пристаёт. «Пароходство Николая Тюфина» немного севернее города располагается. Пристань и поселок при нем Черемошники называется. У купца там и контора, и дом, и квартиры для семей пакгаузного и материальных приказчиков имеются. Каждое лето черемошкинский хозяин и вовсе туда, как на дачу, жить переезжает.

Так-то можно было бы и остальных пароходников в Черемошники выдавить. Там и река большую глубину имеет, и портовая грязь от города подальше. Только два «но». Именно в районе Тюфинских пристаней я планировал строительство железнодорожного моста через Томь. Левый берег в том месте, конечно, потребует дополнительных расходов на возведение павод-

ковых заграждений, зато правый – загляденье. Есть и вторая причина, почему мне бы не хотелось удалять портовые службы далеко от города. Это причина называется градообразующий фактор.

Томск начинался с острога. На том месте, где казаки построили первую, деревянную, крепость, сейчас торчит пожарная колонча. Естественно, атаманы и думать не могли, что со временем у подножия узкой, неудобной для штурма, Воскресенской горы вырастет многотысячный город.

Уже теперь, в шестидесятих годах девятнадцатого века, губернский центр испытывал недостаток воды. Нет, воды вообще – было полно. Каждую весну Заозерье покрывалось полуметровой глубины болотом, и пробраться там можно было только на лодке. Ушайка тоже была еще намного полноводнее, чем в оставленном мною двадцать первом веке. Только брать из нее воду для питья не рекомендуется уже сейчас. Во время встречи с полицмейстером я даже приказал выставить на набережной пост. Чтоб не дай бог! От реки неприятно пахло, и цвет у нее был... навозный. Биологическая бомба, а не река.

Томь пока оставалась чистой, но качать из нее воду еще никто не додумался. Как не додумался каким-либо способом воду очищать. В мое время в городе пробурили несколько скважин для добычи артезианской воды. Но во второй половине девятнадцатого века бурение на глубину в сто саженей – это из трудов достопочтенного Жюль Верна.

Предприимчивые горожане ставили на телегу бочку, наполняли ее в одном из многочисленных озер к востоку от города и за копейку продавали томичам. Пока население не превышало двадцати тысяч – это был выход. А что будет, когда их станет сто тысяч? Проблему с водокачками нужно решать уже сейчас, пока не стало слишком поздно.

Промышленность тоже без воды жить не может. Ни одно серьезное производство не может осуществляться без надежного источника влаги. Вот и выходит, что столица губернии как промышленный центр рассматриваться не может.

Другое дело – транспортный транзит! Связать запад с востоком железной дорогой, а север с югом пароходным сообщением. Привязать богатства Алтая к транссибирскому пути. Открыть ворота в Китай. И как бантик на узелке – мой драгоценный Томск.

Так вот. Тут и вступают в силу законы градообразования. Раз развитой промышленностью мы похвастать никогда не сможем и нам остается только транспорт, значит, нужно максимально полно использовать этот фактор. Распределить инфраструктуру таким образом, чтобы задействовать как можно больше людей. Если вокзал, в том числе грузовой, появится на том же самом месте, где я его помню по прошлой жизни, то порт должен оказаться как можно дальше. Этим мы сразу даем работу огромному числу горожан. Одни должны будут разгружать пароходы, другие везти к чугунке, третьи отправлять вагоны. При массе транспортных рабочих появится ничуть не меньшая масса, обслуживающая их потребности. Лавочники, парикмахеры, учителя, врачи, полицейские – в конце концов. У каждого из работников – семья. Итого получаем – на каждого докера – не менее четырех мест вторичной занятости. И на каждого «водителя кобылы», и на железнодорожника.

Идеальное место для порта – в районе нижнего перевоза. Построить окружную дорогу, чтоб грузы не таскали через центр города, как это делается сейчас, и пожалуйста – развитие Томска обеспечено лет на пятьдесят вперед. Только как согнать всех этих строптивцев в одно место? Не казачьими же нагайками...

Казакам и без пароходов дел нашлось полным полно. Два десятка еще до ледохода отправились по Иркутскому тракту в патруль. Через месяц их сменят другие два десятка. С открытием переправы такие же отряды отправились и на Московский тракт. Южнее Колывани, после небольшого обсуждения с бароном и майором Суходольским, решили не соваться. Это земли Кабинета, у них Горная стража есть, вот пусть порядок и поддерживает. Конечно, я слабо верил, что Фрезе сподобится озаботиться безопасностью на торговых путях, но и это мне было

бы на руку. Хотя бы для контраста. Вот, дескать, смотрите, господа хорошие из Санкт-Петербурга – какой порядочек во вверенных мне округах и какой, простите за грубое слово, бордель там...

Фон Пфейлицер хмурил густые брови, но доводов против моего прямого распоряжения не нашел. Заикнулся было, что три рубля дополнительно на каждого всадника в месяц бюджет полицейской управы не потянет. Мол, выделяются-то деньги только ежели казаки вне городских казарм, а вот пока они стоймя стоят – так и сами пусть выкручиваются. Хоть из родных станиц сено с овсом выписывают – закон есть закон. Пришлось звать Павла Ивановича Фризеля – ответственного за весь контингент невольных переселенцев и каторжан – и перекладывать расходы по патрулированию на экспедицию о ссыльных. Деньги легко нашлись – на усилия по розыску беглых казной отпускались серьезные средства.

Наверное, нужно объяснить, зачем я затеял эти разъезды. Конечно, в первую очередь – ради безопасной торговли. Но были причины и вторая и третья. Вторая – это сохранение покрывающегося мхом в казармах казачьего полка. По словам Безсонова, уже сейчас молодняк нет смысла ни чему учить, ибо применить науку им будет негде. У меня же на боеспособный кавалерийский отряд были обширные планы. Ну, и третья – моя будущая программа переселения. Кто лучше старожилов-казачков встретит караваны из России, поможет освоиться, даст первые сведения о крае? Главное, чтоб казачки хотели это делать – а это я и пытался организовать.

Попробовал завести серьезный разговор с Суходольским. Тот замкнулся, как улитка в раковине, аж взбесил. До крика дошло. Хорошо хоть, одни мы в кабинете находились. А то неудобно бы вышло. Майор – седой уже, в отцы мне годится, а я на него голос повысил.

Но ор мой зря не пропал. Зацепил чем-то этого выпускника института инженеров путей сообщения. Ох как он на меня глазами сверкал. Главное – молча. Но, когда я приказал ему готовить первую сотню к путешествию в Чуйскую степь, отобрав прежде пятьдесят добровольцев, желающих переселиться туда с семьями, кивнул.

– И вот еще что, Викентий Станиславович, – сбавил я обороты. – Я слышал о вас как о замечательном военном строителе. Мне говорили, люди Бога за вас молили, когда редуты их от смерти спасли. Была у меня надежда, что и дорогу великую к Чуе вы построить смогли бы. Так что идите и подумайте. Коли хотите, чтоб имя ваше в веках осталось, так вместе с сотней готовьтесь выдвигаться. А ежели не найдется больше пороха в пороховницах...

Лисован неловко поднялся, коротко поклонился и вышел. И снова – молча. Ну и кто он после этого?

А вот кто я, чего хочу и каким образом намерен этого достичь, мы с Кузнецовым и Василиной на всю губернию крикнули. Трижды статью переписывали, пока не получилось именно то, чего я желал. Был там один спорный момент... Это, конечно, я настоял, чтоб в тексте появилась фраза о том, что Его Императорское величество заинтересован в развитии Томской губернии и мы, как верноподданные, обязаны Его Высочайшую волю исполнить. Коля Кузнецов даже карандаш перекусил:

– Отважный вы, Герман Густавович, – дернул он подбородком. – Высочайшим именем говорить такое не каждый сможет. Кое-кому это может не понравиться...

– Пусть этот кое-кто попробует сказать, что Александр Освободитель НЕ заинтересован в развитии своей страны. Я его быстренько на беседу в Третье отделение спроважу.

– Если только вы в этом смысле...

Сказать, что статья наделала шума – это ничего не сказать. Начать хотя бы с того, что целый день большая часть чиновничьей братии прислушивалась к шагам на лестнице, в ожидании, когда же за мной придут суровые господа из жандармерии. Кретковский и пришел. Правда, совершенно по другому поводу, но свидетелем его ухода оказалось чрезвычайно много любопытствующих.

А заглядывал Киприян Фаустипович с просьбой. И предложением. Умнейший все-таки человек – быстро осознал простую мысль: со мной только так и нужно. Правда, до штандартенфюрера Исаева ему еще ох как далеко. Ну, зачем он начал с предложения?

– Здравия желаю, ваше превосходительство, – бесцветно проговорил он и положил передо мной лист гербовой бумаги с печатями и размашистой подписью царя. – Ознакомьтесь.

Каллиграфическим почерком, с вензелями и завитушками, в Высочайшем рескрипте указывалось к исполнению Управлению жандармерии по Сибирскому надзорному округу, что «дабы общественный порядок и спокойствие хранить», ссыльных поляков из штатных городов и селений Алтайского горного округа – убрать и в другие земли государевы переселить. Но не это главное! Самым вкусным, ради чего, собственно, Кретковский и начал торговлю, в документе было: «...ссыльных поселенцев причисленных к крестьянскому сословию, мещан и прочих наших подданных селить в землях, доселе пустующих. Землю наделять согласно Закону, на усмотрение Томского губернского правления и гражданского губернатора».

Жандарм выжидающе смотрел на меня. Пришлось делать постную морду лица и жать плечами.

– Не было печали, купила баба поросю...

– Что, простите?

– Я говорю – повеление Его Императорского величества будет исполнено.

– Это оно, конечно, ваше превосходительство, – хмыкнула крысиная мордашка. – Да неужто вам-то, с вашими прожеками, несколько тысяч умелых рук лишними станут?

– Мне-то – нет, конечно, господин майор. Только что-то я и между строк того не вычитал, что эти тысячи из Горного округа вывести дозволяется. А с горным начальством я дел никаких иметь не желаю...

– Ой ли, господин губернатор. А дорогу к Чуйской степи и на Чулышман селениями обставлять вы каким образом намеревались? Я имею достоверные сведения, что вдоль границы будущей, вы, ваше превосходительство, казачьи станицы поселить имеете намерение. Хоть и инородцами алтайскими те земли за свои посчитаны...

– Мало ли. Подвинутся...

– И снова не смею с вами спорить. Граница – дело святое, и никто кроме казаков с охранением ее не совладает... Да только, ежели юг Алтая землицей прирастет да людом христианским наполнится, то и государь к увещаниям приближенных своих прислушается. В горном отношении холмы те пусты и интереса для Министерства уделов не представляют. Отчего же в Томское гражданское правление их не отдать?

– Дадите слово?

Майор нервно дернул подбородком и взялся за спинку стула.

– Вы позволите?

– Присаживайтесь.

– Благодарю... Герман Густавович, я... – Кретковский стрельнул глазами в сторону, но оглядываться не стал. Все-таки железной волей этот человеко-крыс обладал. – Я получил... некоторые сведения от своего начальства из Омска. И, думаю, не ошибусь, если посмею предположить, что это исходит из самого Петербурга... Видите ли...

– Да полно вам, Киприян Фаустипович, – хмыкнул я. – Что вы, право слово, как гимназистка на уроке анатомии. Говорите уже. Что князь Василий Андреевич от меня хочет взамен?

– Не князь, – прошипел майор. – Генерал-майор свиты Его Императорского величества, Николай Владимирович Мезенцев. С февраля-месяца назначен начальником штаба корпуса жандармов. Кроме того, председательствует в специальной комиссии при Жандармском управлении по распространению вольнодумства в войсках и среди статских чиновников.

– Ого! Такого вельможу предпочтительнее иметь в друзьях...

– Несомненно, ваше превосходительство...

– Ну, так мы отвлеклись... Что же этакое во мне нашел уважаемый Николай Владимирович? Чем я могу его порадовать?

– Господин генерал-адъютант внимательнейше изучил мои донесения и остался впечатлен вашими, Герман Густавович, планами. Специальным посланием, по телеграфу, он просил передать вам свою заинтересованность в успехе ваших начинаний. Кроме того, Николай Владимирович изъявил желание встретиться с вами, коли судьбою придется вам, ваше превосходительство, бывать в Санкт-Петербурге. Особенно, ежели вы приступите к действительно серьезным делам.

На выпуклом лбу жандарма выступили мельчайшие капельки пота. Нелегко оказалось для честного служаки участвовать в темных делишках непосредственного начальства. Но я видел – это только теперь, только пока и ему в карман не упадет малая доля. Это трудно только первый раз – как человека убить. Переживаешь долго, тошнит, некоторым мертвяк снится... Потом привыкают – льют кровь как водицу. Так и тут. Сначала убедит себя, что дело государственное не пострадает. Потом долю примет – все ж не зря ноги бил. Там и сам купцов крышевать начнет... Сколько же раз я это уже видел!

– Ну что ж. Спасибо. И передайте Николаю Владимировичу мои наилучшие пожелания. Случится бывать в столице – непременно испрошу аудиенции.

– Вот и славно, ваше превосходительство, вот и хорошо. А я ведь к вам еще и с просьбой небольшой.

– Слушаю вас внимательно.

– Человекек ваш, Пестянов, Ириной Михайлович...

– Он что-то натворил?

– Нет-нет. Ничего такого... Я о другом вас просить хотел... Сей чиновник по особым поручениям оказался невероятно талантливым малым. Поручик Карбышев докладывает о его фантастических успехах в деле сбора различных сведений.

– За то и ценю.

– И есть за что, ваше превосходительство! Поверьте, такие люди – один на миллион рождаются... Я и говорить с ним пробовал, просить некоторыми известиями с нами делиться. Он же наверняка не все, что находит, в карточки с секретарем вашим записывает...

– Несомненно.

– Вот! А нам, может, именно это и нужно. Может, за чьими-нибудь необдуманными словами, им услышанными, заговор притаился?!

– Я так понимаю, он говорить с вами не стал?

– Не стал. И от денег отказался, – горько вздохнул крыс. – Ругался. Грозился вам пожаловаться. Но ведь нам весьма нужны его находки...

– Я понял, – поднимаю ладони от стола. – Давайте поступим так, Киприян Фаустипович. Напишите-ка вы задание... Ну или круг лиц, информация о которых вас особенно интересует. Я передам это Пестянову. А вам буду предоставлять результаты. Например, через Михаила.

– О! Я...

– А вознаграждение за труды моего человека, – перебил я майора, – вы станете передавать мне. От меня он возьмет...

На том и договорились. Жандарм не стал больше отнимать у меня время и тут же откланялся. Только у порога уже вдруг заявил:

– Знаете, Герман Густавович. Только у хорошего хозяина псы не берут пищу из чужих рук.

– Надумаете сменить вашего, знаете, к кому обращаться, – хмыкнул я.

Варежка проявил себя следующей же ночью. Дело в том, что в ночь с шестнадцатого на семнадцатое на Базарной площади в деревянных торговых лавках случился пожар. И все

бы оно ничего, да только пристроены эти сарайчики были к южной стене Гостиного двора, в номере которого спал ничего не подозревающий я.

Сторожа, обходившие Базарную площадь по ночам, сразу заметили вспыхнувшие крыши. Но четверых вооруженных дубьем от воров мужичков оказалось маловато, чтоб быстро победить коварную стихию. Выяснив, что одним им не справиться, было принято единственно верное решение. Старший побежал к ближайшей церкви – бить в колокола, а остальные – с ведрами к Ушайке.

Звонкие колокольные голоса и вырвали меня из объятий Морфея. По коридору уже топало множество ног, низкое, затянутое тучами небо подсвечивалось яростно ревелившим пламенем, а прямо под моими окнами кто-то зычно материл неизвестных «доброжелателей». Ну как тут уснешь? Пришлось спешно одеваться, накидывать пальто и выходить в безветренную ночь.

Гостиному двору очень повезло, что даже слабый вечерний ветер с реки ночью окончательно стих. Поджог был совершен именно в том месте, где лавки теснились особенно часто – у кирпичной стены гостиницы. И потушить жадный огонь оказалось чрезвычайно трудно. В воздухе витали нефтяные, присущие химзаводу, запахи. Искры, попадавшие в щели прогоревшей крыши, вызывали взрывы внутри лавок. Появись хоть малейшее движение воздуха, и нависавшая над лавками кровля постоянного двора тут же вспыхнула бы.

Народу уже оказалось много. Большей частью – просто зевак. Десяток отчаянных дядек, с подгоревшими бородами, таскали из соседних загончиков тюки с товарами. Двое или трое метались от реки к пожару и обратно. Обычный бардак, одним словом. Пришлось загонять испуганного донельзя Геру во тьму и брать ситуацию в свои руки.

По ходу движения выяснил, что добрым матом приказы отдаются и исполняются гораздо эффективнее, чем добрым словом. Пригрозил арестом парочке намылившихся помародерствовать горожан, отправил их за ведрами. Остальных выстроил цепочкой от набережной до несчастных лавок. Дело пошло. А потом даже и побежало, когда к месту происшествия, брякая колокольчиками, примчалась вполне себе профессиональная пожарная команда. С бочкой, насосом, кожаными шлангами и запасом ведер – Асташевская личная пожарная часть. У города и того не нашлось. Этих поставил отливать стену гостиницы и соседние торговые ряды.

Сильно мешались какие-то заполошенные купчишки, хватавшие меня за полы шинели и требовавшие немедленно вызволить их ненаглядные богатства из пышущего жаром Ада. Одному даже в рожу кулаком пришлось сунуть, до того достал. Лучше бы тушить помогал...

К утру, когда огонь скорчился до размеров огромной груды слабо искрящихся углей, из дымной суматохи меня выдернул Варежка.

– Ваше превосходительство! Надобно бы следствие учинить. Купчики-то многие последнего лишились...

– Ага, – оскалился я. – Найдешь кого теперь. Все следы не затоптали, так водой залили. А вот мордой в угольки эти сунуть кое-кого обязательно надо! Кто у нас за пожарную безопасность ответствен?

– Господин полицмейстер. Только... Герман Густавович, я доложить не успел. Вчера Караваева в городе видели. Как бы ни этого варнака рук дело.

– Ну, так возьми казачков да прочеши весь город. Чай не Москва, три улицы в шесть рядов, – разозлился я.

Поспать удалось всего часа два. Глаза свербило от дыма, в носу было отвратительно сухо, голова раскалывалась от боли и служить по назначению отказывалась категорически. Тут еще барона, расхаживающего вдоль спасенных от огня торговых точек, увидел. Чистенького такого, выбритого до синевы. Седые бакенбарды аж светятся. Еще и пальчиком что-то там кому-то указывал, гад.

Тут у меня окончательно крыша съехала. Гера, отчего-то панически боящийся огня, но отморозок отморозком – дай только кого-нибудь за чуб потаскать, даже взвыл от восторга. Мне показалось, я всего-то два шага и сделал, а уже подле отвратительного в своей вызывающей опрятности полицмейстера оказался. А за грудки уже не я – Герман Густавович его хватал. И на жуткой смеси русских и немецких бранных слов не я заслуженному майору в лицо, брызгая слюнями, шипел. По печени, каюсь – я бил. Давно хотелось, еще с первой встречи. Жаль не сильно получилось. Все-таки слабо к моему явлению Герочка приготовился. Ручки-ножки слабенкие, нервы ни к черту...

Тормозить только тогда начал, как краем глаза собирающихся поглазеть на незабываемое зрелище зевак усмотрел. Тут и мозг включился. Гера – подлый предатель, потешился да в щель забился, и мне только «пары метана, отражающиеся в лучах восходящей Венеры» отсюда цитировал. Нашел, скотинка, где-то в тайниках моей памяти фильм «Люди в черном». Ну и пусть себе. Что я – первый раз, что ли?

– Ты, мразь зажавшаяся, на должность зачем поставлен был? – продолжил я сотрясание побледневшего барона. – Ты, за порядком следить поставлен! А у тебя под носом лихоимцы залетные честных горожан огнем жгут?! Ты, *faul Tier*, от пожаров столицу края беречь поставлен?! И где же твои пожарные?

Кричал громко. И правдолюбцем хотел себя выставить, и погорельцам виноватого подсказать. А вдруг те не побоятся и жалобу генерал-губернатору напишут? Появится достойный повод сменить полицмейстера. После пары проведенных с ним совещаний уже успел убедиться – старый майор только щеки надувать умеет да каблуками лихо щелкает. Больше от него проку, как от козла молока.

Кричал громко и долго. Пока не убедился, что слова попали на благоприятную почву – из собравшейся толпы зевак стали раздаваться радующие сердце возгласы.

Добить поверженного кавалериста помешала здравая мысль. Подумалось вдруг – а что на это скажет Дюгамель? Очень уж не хотелось портить отношение с генерал-губернатором накануне алтайской экспедиции. Да еще без надежной «крыши» над головой. Отпустил воротник растрепанного барона. Приказал организовать настоящую пожарную охрану, а не только наблюдателей на вышках ставить, и отправился искать обиженного в горячке сражения за лавки купчину. С торговым человеком не хотелось ссориться еще больше, чем с генерал-лейтенантом.

Кстати, оказалось, что «благословленный» моим кулаком лавочник, Федька Акулов – родной брат того Акулова, что к тому дню уже второй выпуск еженедельника «Деловая Сибирь» – пока как вкладыш в «Губернские ведомости» – вместе с Кузнецовым готовил. Я-то в той, первой, жизни над сериалами мексиканскими прикалывался – мол, там половина народа друг другу родственники, а другая половина – в коме. Да только по сравнению с этим Томском Санта-Барбара нервно курит в сторонке. Вот где действительно полгорода – родственники, а другая половина – враги. И все друг друга знают. Деревня.

Нашел. Извинился. Поговорили о поджоге. Убедился, что не одному мне показалось, что на пожаре воняло нефтью. Вслух удивился – где ж ее взяли-то, супостаты?

– Какая ж с того тайна, вашество, – милостиво поведал мне страшный секрет довольный спасением товара купец. – Озерцо есть. К северам. За кедром от Колпашево. Масляное зовется. Тама пятна сии вонючие прямо по воде плавают. Остяки их собирают черпаками да костры отравую той в сыру погоду возжигают.

Мысли побежали, затопали. По дороге загнали головную боль в ту же дыру, где Гера прятался, и такие мне перспективы нарисовали, даже дух захватило. Ведь если нефтяные пятна по поверхности плавают, значит, совсем где-то рядом с поверхностью бассейн выходит. Там копни, тот же колодец с две лопаты расковырай, и польется. Ведрами черпать можно будет. В Азербайджане поначалу только так черное золото и добывали. Не сразу же там скважины на шельфе бурить принялись...

Нефть! Как много в этом слове для сердца русского сплелось. А экак еще отзовется! Нефть – это керосин и асфальт. И толуол, который в любой кухне в тринитротолуол переделать можно. В тротил! А это взрывчатка моей мечты! Не капризная, не слишком опасная в транспортировке, и детонаторы для нее слишком хитрые не требуются. Плавится легко и форму любую можно придать.

И еще – мазут. Из мазута – смазка для машин и механизмов.

Еще институт органической химии. И нефтехимический комбинат. Госзаказ и нежная любовь Военного министерства. И огромные, фантастические инвестиции в инфраструктуру. Потому что любому понятно – гораздо дешевле везти через полстраны готовый товар, чем сырье. А значит, переработку нефти следует производить здесь, у меня. И строить дорогу, чтоб все нефтяные блага в Россию вывозить.

От восторга я даже Федьку Акулова обнимать кинулся и в щеки его мохнатые-бородатые целовать. Тот даже пришалел от моего напора любвеобильного. Прослезился.

– Экий ты, вашество... сердешный оказался!

За известие такое замечательное я уж лавочника на завтрак к себе пригласить собрался, да Тецков помешал. Увлёк, заболтал, шубу лисью на плечи накинул. Тут только я и заметил, что всю ночь носился по площади в шинели поверх рубашки, в штаны заправленной. И в тувельках столичных. Ноги от холода даже посинели – а за трудами и не чувствовал.

Новый день, шестнадцатое апреля, начался с переезда. Вонь от пожарища такая распространилась, что в номере окно не открыть стало. Как прикажете в такой обстановке жить, если кусок в горло не лезет?! На том Дмитрий Иванович меня и подловил. Императорские апартаменты пообещал и повара – великого затейника, из резиденции генерал-губернатора переманенного.

11. Револьвер и все, все, все...

Пожар вырвал меня из постели ночью, суета переезда – всего-то на два квартала выше по Миллионной – не позволила прилечь рано утром, но стоило мне выпроводить помощников и настроиться на сон, как в номер вломился подозрительно опрятный фельдъегерь с целой кипой писем для меня. Оказывается магистрат принял-таки решение открыть верхнюю переправу накануне Пасхи. И ожидающие этого знаменательного события почтальоны и посланец генерал-губернатора смогли наконец добраться до моего уставшего тела.

Поблагодарил офицера и отправил его в городскую гостиницу. Ту самую, из которой час как съехал. В конце концов, магистрат обязан давать бесплатное пристанище имперским гонцам, так же как почтовые станции бесплатно предоставляют им лошадей. Иначе государевы повеления достигали бы цели спустя годы, а не месяцы. Широка страна моя родная, блин.

Бросил сверток с корреспонденцией на прикроватную тумбочку и повалился, без сил, на манящую кровать. Дела подождут...

Черта с два! К обеду пришел Гинтар. На правах старого друга просочился через казачий конвой в номер, нашел меня крепко спящим и тут же принялся шаркать ногами, вздыхать и перекладывать какие-то громко шурухтящие бумаги на бюро. Естественно, дрессированный организм тут же выдернул меня из сна. В котором снился мне – дырокол. Обычная железяка с двумя цилиндрическими ножами, шарниром и пружиной. Менделееву небось таблица приснилась. Ну или скоро приснится. А мне – дырокол. Оно конечно – дело понятное. Химику – таблица, бюрократу – дырокол. Нет бы что-нибудь более полезное. Технологическая карта извлечения толуола из барзасских бурых углей при полукоксовании, например. Или список богачей, спящих и видящих себя в числе акционеров моего металлургического комбината. А тут – дырокол. Штуковина, конечно, нужная, но в плане технологий совершенно не прорывная. И, что самое удивительное, чувствовал я себя, после этакого-то сна, отлично отдохнувшим, выпавшимся и полным энергии. Так что наша со старым прибалтом перебранка на немецком меня только позабавила.

Оказалось, что господин управляющий Фонда надумал купить дом. Потому что, как он выразился, пора уже где-то остановиться и обзавестись теплым уголком, в котором комфортно будет задумываться о вечном. От предложенной финансовой помощи Гинтар тоже отказался. Сказал, что откладывал на старость, а положенного управляющему жалования будет вполне достаточно, чтоб содержать покупку. Он, дескать, уже узнавал. Кто бы сомневался, с его-то педантичностью. Думаю, он и бюджет уже лет на пять вперед расписал.

В общем, собрались и поехали смотреть предполагаемую покупку. На Монастырскую – улицу, начинающуюся от Соборной площади и заканчивающуюся Ямским переулком у Духовной семинарии. К дому, а на самом деле – здоровенной усадьбе, состоящей из крепкого деревянного двухэтажного дома на каменном фундаменте, двух гостевых флигелей, пристройки для слуг, каретного сарая, конюшни и еще каких-то неопознанных сарайчиков. И еще небольшой, соток на десять, садик. Все это было огорожено высоченным забором со сбитыми из бруса воротами – хоть осаду выдерживай.

Все землевладение занимало никак не меньше гектара, но оказалось, что такой же пустующий участок рядом тоже принадлежал продавцу – надворной советнице Репьевой. Конечно, ни каким чиновником эта женщина не служила, чин принадлежал ее покойному мужу. Но так уж тут теперь принято – жена купца – купчиха, губернатора – губернаторша, а надворного советника – надворная советница.

Кстати, все богатство, исключая четырехместную коляску на рессорах, как хозяйка уверяла – петербургской работы, оценивалось всего-навсего в пятьсот десять рублей. За экипаж – еще семьдесят, только коляску Гинтар брать не хотел. Пришлось купить себе. Как-то не гармонично бы получилось – оставить вдову без дома, но с тележкой. Вроде намек: собирайте вещи и выметайтесь...

Прошлись по комнатам. Бывший слуга – уже как хозяин, я просто из любопытства. Как-то не довелось в прежней жизни побывать в «памятниках купеческой архитектуры XIX века». Тем удивительнее оказалось открытие – почти все комнаты представляли собой узкие, но длинные «вагончики». Видимо, здесь все дело в перекрытиях этажей. Какими бы ни были деревянные балки по толщине, вряд ли они выдержат тяжелый пол больше трех метров шириной.

Пока Артемка с одним из казаков конвоя ездили за стряпчим и чиновником муниципалитета, мы с управляющим Фонда прогулялись по пожухлой траве пустыря.

– Десятина земли на Юрточной горе не меньше двухсот рублей стоит, – делился со мной угловатый прибалт. – Так что усадьба мне всего в триста десять обходится...

– Десятина, это сколько в гектарах будет?

– Во французских? – вскинул брови Гинтар. – Так, чуточку больше гектара и будет. А зачем вам, мой господин?

– Брось, – поморщился я, резко меня тему. Даже прибалт знал, как относятся десятина и гектар. Может, и Гера должен был бы, да не подсказал? А я мучился. – Даже в мыслях забудь себя слугой считать. Ты мне единственный близкий человек здесь. Мой мост к дому. Да и не по чину тебе ныне... Так что там с участком?

– Пустырь сей я Фонду под строительство продам. За те же двести и продам, чтоб не болтали всякое... Коли артель свободная найдется, так с лета и здесь строительство затею. Еще один дом доходный для фонда. Чай не вечно купчин обирать. Стекла у Исаева много на складах. Я вексель ему выписал, выкупил большую часть. Так-то он по двенадцать за лист просил, но за десять с радостью отдал. Еще и добродетелем называл. А как в городе все строиться затеют, так и я стекло свое продавать начну. Ни на Александровской, ни здесь столько не нужно...

Я взглянул на неплохо одетого седого господина. Весьма уверенного, чувствующего свою значимость и живущего делом. Такого, каким хотел бы видеть любого и каждого жителя моей страны.

Вернулся в номера каким-то... одухотворенным, что ли. Прогулка по свежему воздуху или новый образ Гинтара так на меня подействовали – не знаю. И врать не буду.

Аппетит разыгрался – время к обеду, а я и не завтракал, как следует. Но день как начался бестолково, так и продолжался. Стоило переодеться и выйти в столовую, к накрытому уже манящему ароматами столу, как явился потный раздраженный господин в волочащейся по полу шубе. Вошел и, не подумав постучаться, не просясь, уселся за мой стол, да еще ослепительно-белой, чистейшей моей салфеткой принялся пот со лба утирать.

«Воронков, Лазарь Яковлевич, стряпчий, – шепнул Гера, – батюшка его для относительно честных предприятий привлекает».

– Фу-у-ух, – пыхтел, между тем, мой незванный нахальный гость. – Ну, ты и забрался! Конец света. Тьмутаракань! Городишко плохонький. У одного моего клиента, до Великой Реформы, сельцо в Подмоскovie поболее было... И людишки-то какие-то здесь... Угрюмые все. Извозчику в рыло ткнул, так он меня за полверсты до станции с саней скинул. Ты вот коли здесь начальствуешь, так вели пороть того мужичину...

– Пшел вон, – сквозь зубы выдохнул я.

– Что, Герочка?

– Пшел вон, скотина, – рявкнул я во все горло. В глазах потемнело от ярости. И впервые с момента моего в этот мир попадания Гера к моей вспышке не имел ни малейшего отношения. Городишко ему плохонький?! Извозчика пороть?! Сельцо у него в Подмоскovie?!

– Эй, конвой! Взять этого... человека. В тюремный замок! Коменданту сказать, чтоб не оформлял. В понедельник я лично приеду – решу куда его. В рудники, как бродягу, или в Санкт-Петербург, обратно... И объясните этому... существу, как следует к действительному статскому советнику, начальнику Томской губернии обращаться!

– Ха, экие шутки у тебя, Герман... – начал было скалиться Воронков и тут же взвыл от сильного и резкого удара по почке. А после оплеухи он и вовсе на коленки свалился.

Два дюжих казака, выкрутив незадачливому стряпчему руки за спину, поволокли его из моего номера. И уже из коридора я услышал:

– К батюшке его превосходительству, мразь залетная, нужно обращаться – ваше превосходительство. Счас Артемка икипаш к парадной подгонит, мы тебя, сука, в холодную свезем. А там я те все обстоятельно обскажу. Штоб не смел начальнику нашенскому по-холопыи тыкать...

В «Сибирском подворье» мои апартаменты располагались на первом этаже. Так что в высокие, с романскими арками, окна я успел увидеть, как Лазаря, словно мешок с репой, волокут к коляске. Только тогда до меня дошло, что раз гость ввалился ко мне без доклада, значит – немало успел крови свернуть конвойным. А те, поди, барину столичному и перечить не смели. То-то рожи у обоих бородачей такие довольные сделались, когда они мой приказ выслушали. Отрыгнутся кошке мышкiny слезки, как говаривали мои племянницы в той, первой, жизни.

Поймал себя на мысли, что новое, уважительное, что ли, отношение к себе любимому даже понравилось. И это не зазнайство от высокого положения. То-так я губернатором ни разу не был! Был, хоть и не такого огромного края. Зато население Томской области куда больше, чем в моей нынешней губернии. Так что – не в этом дело. Скорее в некой ауре, атмосфере удивительного времени, страны, земли. Времени, когда клоуны еще не осмеливаются давать советы рыцарям. Земли, где на большей ее части еще не ступала нога цивилизованного человека. Страны, где каждый все еще точно знает, кто он есть и каково его место в этом мире.

Эта удивительная аура постепенно наполняла мою душу спокойствием, придавала смысл моим действиям. Это она раскрыла мне суть потасканного и обкусанного по краям бездушными тварями – толерантностью и политкорректностью – а сейчас, в 1864 году от Рождества Христова, все еще достойного вызова на дуэль слова – Честь. Именно она – уже здешнее приобретение – оказалась тем детонатором, взорвавшим мою меланхолию, выкинувшим незадачливого юриста в мрачный каземат тюремного замка.

Тем более что даже в духе мной оставленного, завоеванного демоном прагматичности мира – пользы от этого, присланного отцом Германа, человека вовсе не виделось. Что, в Томске стряпчий не найдется? Давно следовало бумаги нужные оформить, да в Питер с почтой отправить. Почему только хорошая мысль приходит опосля?

Так и до конфуза бы додумался, если бы не Гера, притихший и осторожный после моей вспышки ярости. Поведал мне, темному, что стряпчий стряпчему – рознь. Или, если быть уж совсем точным, после Великой Судебной Реформы – не стряпчий, а присяжный поверенный. Оказывается, все эти свободные от государственной службы юристы объединялись в коллегии по месту деятельности. И если сделка по продаже моего пакета акций Кауфских заводов должна была свершиться в столице, то вести ее должен был Санкт-Петербургской коллегии присяжный поверенный. Этот самый Лазарь Яковлевич то есть. И никуда от этого не уйдешь.

А ведь какое возвышенное настроение испоганил, гад этот приبلудный. Ничего! Посидит в крепости, в обществе бродяг и прочих хулиганов, авось поумнеет. А после Пасхи я ему подорожную выпишу да и отправлю восвояси. В обществе пары десятков казаков. Пусть проводят до границы губерний. И вовсе незачем ему знать, что разъезд все равно туда бы пошел. Пусть думает – одному ему такая «честь». Доверять этой гниде теперь не стоит. Еще вздумает напутать что-нибудь в доверенностях или еще как-то нагадить. Придется и правда в каменоломни его определять... И командира казачьего отряда нужно не забыть правильно настроить. Чтوب и не обижали господина Воронкова излишне и спуска не давали. Нехай знает свое место!

Прибежали горничные. Заменили испорченные салфетки. На всякий случай, перестелили скатерть – он ведь на нее своими потными руками облакачивался. Заменили супницу на свеженькую, горячую. И все это быстро, ловко, с улыбками. Молодцы – девчонки. Дал им по гривеннику на ленты. И пожалел, что мало – за такие сочные да румяные щечки нужно было одарить побольше. Тем более, снова аппетит вернулся, на сдобных пышечек глядячи.

Последний день Великого Поста. Завтра, в Пасху, будут куличи и крашеные яйца. Гусь, запеченный с гречкой, и рагу со свинными ребрами. Сочные куски мяса с луком и поджаристой сырной корочкой. И пельмешки. А пока – рыба, рыба, рыба... Картошка, репа, капуста. Никто, конечно, не голодал, но мы же все-таки – хищники. Нам мясо требуется.

Кофе и булочки. Сегодня – с корицей и сахарной пудрой. Маленькие, пышные и невероятно вкусные. Сдобные «гвоздики», приколотившие обильную пищу к организму. Привык уже к такому десерту. Без выпечки уже и сытым себя не чувствовал. Подумалось, что если продолжу в том же духе – через год одежду придется перешивать. Не влезу. Обрюзгну, покроюсь отвратительными складками. Глазки западут за горы необъятных щек. И стану я главным персонажем Салтыкова-Щедрина – свиноподобным начальником. Ленивым и жадным.

Бр-р-р. Гадость какая! Пообещал себе с завтрашнего же утра начать делать зарядку. Вызвал Артемку и строго-настрого приказал – будить пораньше и о салтыковском начальнике напоминать.

На том мой выходной и закончился. Вспомнил о полицмейстере, но отложил наше с ним свидание на следующую неделю. Пусть помучается. И у Варежки будет время побольше раз-узнуть про мое беглое пугало – Караваева.

Зато всплыло обещание посетить бывшего каинского городничего, надворного советника Сахневича. Теперь, когда переправа наконец-то заработала – самое время. Естественно, бросать все дела и нестись сломя голову к ветерану правоохранительных органов я не собирался. Не велика птица. А вот пригласить к себе на ужин – самое оно. И губернского прокурора, Василия Константиновича Гусева, заодно. Карточку с его именем мне еще вчера Миша принес.

Интереснейший человек – этот Гусев. Служил в войсках, расквартированных в Семипалатинской губернии. Дослужился до поручика. В киргизских степях много чего случается. Ходили слухи, что однажды даже жизнь спас военному губернатору – Панову Федору Андреевичу. Тот Дюгамеля и уговорил оказать молодому офицеру протекцию, когда Гусеву по ране-

нию пришлось из действующей армии уйти. Так и губернским прокурором стал. И судя по отчетам Миши с Иринею – неплохим. У жандармов были сведения, что Федор Андреевич продолжает переписываться с Василием Константиновичем...

Сам же военный губернатор много лет в Генеральном Штабе отслужил. Генерал он, конечно, бравый, но отличился по квартирмейстерской части. Во мздоимстве не замечен, зато – ярый приверженец военной реформы, что нынешним военным министром Милютиным особо ценится. А еще, рескриптом Его Императорского величества, генерал-лейтенант Дюгамель обязан был оставлять генерал-лейтенанта Панова «исправлять должность генерал-губернатора Западной Сибири, ежели по служебной надобности или болезни придется тому пост свой на время оставить».

Не скажу, что у нас с Гусевым отношения не сложились. Здоровались, любезно раскланивались, с улыбками. Диалога только не получалось. А это совсем не айс. С таким человеком нужно дружить. И если я и не предпринимал пока никаких шагов навстречу, то лишь потому, что не владел информацией о своем прокуроре. Не хотелось завязывать отношения с потенциальным взяточником и разгильдяем.

Теперь повод был. Сахневича-то я хотел вернуть в Каинск по прямой протекции Нестеровского – окружного судьи тамошнего. И, по сути, подотчетного Гусеву.

Написал обоим – и старику полицейскому, и губернскому прокурору записки с приглашениями. Отдал посыльным. Велел обязательно дожидаться ответа.

И раз уж перо все равно было в руках, стал писать письмо Густаву Васильевичу Лерхе. Не то чтобы жаловаться – справился уже с тварью нахальной, но случай за обеденным столом все-таки описал. Порекомендовал старому генералу обратить внимание на воспитание почти-тельности наемного персонала. Ну и заодно попросил заняться получением государственных привилегий. Краткое описание моих изобретений – прилагается.

Хотел списком отделаться, но Гера авторитетно заявил, что не пройдет. Ныне каждый чертеж или формула с механизмом проверки требует. А значит, потребны развернутые описания и тщательные чертежи. Но и это еще не все. По законам Российской Империи вовсе не достаточно было получить привилегию, передать ее за процент с продажи производителям и всю оставшуюся жизнь как сыр в масле кататься, как в остальной Европе. Податель прошения на регистрацию обязан был самолично производством и заниматься. Правда, объем производимого товара особо не оговаривался...

Пришлось письмо отцу переписывать. И описания с чертежами карябать. Благо, ничего слишком сложного в них не было. Принципиальная схема канцелярской скрепки, технологический чертеж скоросшивателя, дырокол обыкновенный – инструкция к применению. Ха-ха три раза. Организовать производство – пара пустяков. И через канцелярию принца Ольденбургского в Кабинет Его Императорского величества образцы подсунуть. Если там не окончательные кретины собрались, то заказов будет – море разливанное.

А вот о запрете на продажу лицензий на производство законодательство угрюмо отмалчивалось. А значит – прямого запрета не существовало. Римское Право, едрешкин корень. Все, что не запрещено – разрешено. Написал старому генералу и об этом. Пусть привилегии на десять лет берет и лицензиями широко торгует. Плюс собственное производство. Если через пару лет наша семья не обзаведется собственным миллионом, я очень удивлюсь.

Хотел еще тринитротолуол и гексоген вписать. Гера отсоветовал. В Империи привилегии на продукцию военного назначения не выдавались. Артелирийский комитет при Военном министерстве рассматривал заявки, и в случае, если изобретение могло представлять интерес для Российской Императорской армии, автору выдавалась премия. Тысяч десять. Ассигнациями. Ну, может быть – орден еще.

И снова пришлось письмо переписывать. Наказал родителю патенты на канцелярию еще в Англии, Пруссии, Австрии и Франции получить. А на тол и гексоген – так только за грани-

цей. В том же Лондоне агентство открыть малюсенькое. Вроде фирмы-подставки. И на нее все оформить. А главными акционерами, естественно, мы будем. Отец, я и Мориц. Лицензии на взрывчатку – не продавать ни в коем случае. Зачем нам потенциальных врагов вооружать? А вот в Артиллерийскую комиссию от лица лондонской конторки – прошение на тринитротолуол подать обязательно. Пусть изучают. Если господам генералам с фельдмаршалами тол не по сердцу будет – значит, у них вместо мозгов гексоген.

Кстати, лицензию на производство гексогена в России должно будет одно товарищество на вере из Сибири получить. Я пообещал чуть позже написать – какое именно. У порошочка этого бризантные свойства такие, что мерный свинцовый стакан не выдерживает. Для разрушения горных пород – самое оно. Взрывчатку эту и изготовить легче легкого. В юности только ленивый из сухого горючего звонко хлопающий порошок не добывал. Я бы уже в Томске производство затеял, да только – сопруть. Вот будет импортная лицензия – тогда и начнем. Чуйский тракт все равно за одно лето не построить.

Особо уточнил, что Густав Васильевич может использовать для этих мероприятий вырученные с продажи моих акций средства. Хотя я не стану возражать, если предприятие по выпуску канцелярских принадлежностей станет семейным делом. Почему бы и не прославить на всю Европу фирму «Лерхе» и ее торговый знак – маленькую птичку – жаворонка.

Запечатал. Отложил к отправке. Посмотрел на грудку корреспонденции из канцелярии Главного управления Западной Сибири. Никакого желания разгребать эти «конюшни» не появилось. Отодвинул. Пусть Миша разбирает. Найдет что-либо полезное – доложит.

Только два перевязанных суровой ниткой и запечатанных личной печатью генерал-губернатора конверта вызвали легкий всплеск любопытства. Достал костяной нож, вскрыл тот, что побольше.

Несколько листов гербовой бумаги с приказами:

«Томскому губернскому воинскому начальнику, полковнику Денисову, Николаю Васильевичу, от командующего войсками Западной Сибири, генерал-лейтенанта Дюгамеля, Александра Осиповича. Сим приказываю вам, господин полковник, оказать всяческое содействие экспедиции исправляющего должность начальника Томской губернии, действительного статского советника Германа Густавовича Лерхе. Выделить до полуроты нижних чинов с офицером из состава Одинадцатого линейного батальона на поселение в укрепленном пункте на Южном Алтае, коли у господина губернатора нужда в том отыщется.

Кроме того, будьте любезны изыскать возможность снабдить укрепление сие артиллерийскими орудиями, числом не менее четырех, с огненным припасом и обученными фейерверкерами с унтер-офицером из ветеранов. Напомню, что Бийская засечная линия располагает вышеупомянутыми орудиями, а 35-й Барнаульский батальон и нужными людьми.

Отбираемой гражданским губернатором Г. Г. Лерхе из числа 12-го конного полка Сибирского Казачьяго войска конной сотне препятствий не чинить.

Из хранящихся в Томском цейхгаузе припасов выделить столько, как на ведение нескольких боев.

Из резервных продовольственных и фуражных складов припаса выделить на до полугода.

Произвести осмотр и замену кавалерийских в шесть линий карабинов, а коли не снабжен полк до сих, так и снабдить выделенную сотню. Офицеров и унтер-офицеров рейтарскими пистолетами так же снабдить. Да проследите, дабы припас к ружьям подходящ был, а не как попало.

Об экспедиции господина действительного статского советника лишнего не сказывать. Дело сие есть весьма для государства нашего важное и секретное». Число, подпись. Печать.

УРА!!! У меня есть пушки!!! А то без них, родимых, на границе было бы как-то неуютно. Придут злые монголо-китайцы, а у меня пушек нет. Засмеют. А вот полурота пехоты... Ну

не знаю. Так-то – дело полезное. Одни в форте сторожат, другие разъездами вдоль границы шуруют. Комплексно получается. Беру.

Приказ командиру Томского казачьего полка, майору Викентию Станиславовичу Суходольскому просмотрел по диагонали. И так понятно, что в нем. А вот приказ лично мне изучил со всей тщательностью:

«Исправляющему должность начальника Томской губернии, действительному статскому советнику Лерхе, Герману Густавовичу, от командующего войсками Западной Сибири, генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Дюгамеля, Александра Осиповича. Сим передаю в ваше полное распоряжение сотню из числа 12-го конного полка Сибирского Казачьего войска, полуроту нижних чинов с офицером из состава Томского 11-го линейного батальона и четыре пушки из 35-го Барнаульского батальона с достаточным числом припаса и людского состава. С тем, чтобы вы летом 1864 года проследовали с отрядом сим в долину реки Чуя, в место, где русскими купцами торговая фактория имеется, Кош-Агач на инородском говоре называемая. Там же надлежит вам флаг Российской Империи поднять и место сие за Государством Российским закрепить.

Коли кто из зайсанов двуеданников али пришлых людишек с Китаю препятствовать вам в том станет, так военной силой на то ответ дать.

Летом тем же форт малый с позициями для пушек выстроить, и тем землю сию навеки под руку императора нашего Александра II Освободителя и наследников его привести. В форте гарнизоном полуроту пехоты оставить и казаков из охотников.

Сим же даю вам право казачьи станицы вдоль граничного хребта ставить и охочими людишками казачьего сословия их населять. Земли же по Чуе и Чулышману выделить довольно, чтоб поселенцы ни в чем нужды не знали.

Инородцам тамошним приказ сей зачитать, а коли препятствовать станут, за враждебных их почитать и относиться подобающе. Ибо народы тамошние ясак в государеву казну отродясь не платили, а потому прав никаких не имеют.

В долине Чуи, в Кош-Агаче, или где удобное место сыщется, чиновника гражданского поселить и таможенный пост ставить.

Дело сие в тайне от любопытства обывательского держать, и с исполнением не медлить. К августу форт и гражданская администрация должны в долине Чуи быть». Число, печать. А вот подпись существенно отличалась от той, что была на первом приказе. Впервые увидел полный титул Дюгамеля: «Командующий войсками Западной Сибири, генерал-губернатор Западной Сибири, наказной атаман Сибирского Казачьего войска, генерал-лейтенант». Молодец. Сосредоточие власти. Не хватало только «член Государственного Совета» или «сенатор». Ну да ничего, Александр Осипович – мужчина в самом расцвете сил. Энергичен, решителен. Такие нынче в фаворе. Будет и сенатором, и членом.

Любопытство зашкаливает. Торопливо вскрыл второй пакет. Приказ приказом, а личное письмо начальства тоже большое дело. Тем более что такой энтузиазм генерал-губернатора меня, мягко говоря, озадачил.

Первое, что сразу бросилось в глаза – послание, адресованное мне лично, сильно отличалось от приказов по стилю. Можно даже было подумать, что другой человек писал. В том, что почерк другой – ничего удивительного не было. Какой смысл содержать целый штат чиновников, если и документы самому еще составлять?! А вот письмо оказалось написанным совершенно человеческим языком. Безо всяких там «сих», «казачьего» и других прочих анахронизмов. Уберите из текста старорежимные феты с ятями, и легко предположить, что здесь в 1864 году нас, попаданцев, целый десант.

В первых строках своего письма Александр Осипович сетовал мне, что я не выбрал время и не доложил ему, как бы – непосредственному начальнику, о своих приключениях на Сибирском тракте. От того ему, дескать, пришлось делать вид, будто давно обо всем знает, когда

канцелярию завалили послания «доброжелателей». «Мне вполне ясны ваши, любезный Герман Густавович, мотивы. В столь юном возрасте многие вещи еще не представляются нам значительными. Но на то и существуют старшие товарищи, чтоб показать начинающему политику, как следует к некоторым явлениям относиться», – писал Дюгамель. Где-то рядом должны были появиться слова, оправдывающие его, генерал-губернатора, протеже – моего томского полицмейстера.

И после пространных, и не вполне понятных рассуждений о «всяческом искажении взглядов на один и тот же предмет» они, эти оправдания появились. Однако совершенно не в том ключе, как я ожидал. Никаких прямых предложений – оставить старого кавалериста в покое. А то и самого Караваева. Отнюдь. «Можно лишь посочувствовать дальнему родичу беглого преступника, моему давнему знакомцу, барону Франк. И особенно – его несчастной супруге, баронессе. Открыть в родном, любимом человеке этакое коварство и злонамеренность – это ли не горе», – вот чем пеняло мне начальство.

Какой замечательный дипломат – мой начальник! Вроде и не сказал ничего, что могло быть расценено, как предложение нарушить закон. И в то же время выговорил мне за нападки на полицмейстера. Мол, ты, конечно, прав, но барон-то тут при чем? Не разглядел в шурине варнака? Так это горе, а не некомпетентность.

Вывод и вовсе нас с Герой позабавил. «Мне доложили, вы, сударь, жизнь свою защищая, отважно от нападения отбились и спутников своих сохранили. Не многие из числа офицеров такое хладнокровие под пулями врага проявляют, уж поверьте старому вояке. От того представление мое, с положенной росписью, вас к ордену Святой Анны 4-й степени, думаю полное одобрение Его Императорского величества найдет».

«Клюква, – фыркнул Гера. – Малюсенькая пуговка-крестик на эфесе шпаги с темляком цвета из орденской ленты. Офицерам еще надпись «За храбрость» делают, но чиновнику вряд ли позволено будет». Ладно тебе. С почином! Будут и другие. Зато мало у кого из крапивных душ эта «клюковка» есть. «Она и при получении высших степеней Анненских на шпаге останется», – смирился мой сосед по телу.

«Что же касается ваших планов летом побывать в Чуйской степи с отрядом казаков, – писал далее Дюгамель, – так, видно, самому Провидению угодно было подбросить вам эту мысль. Как вам должно быть известно, переговоры о разделе земель между Отечеством нашим и Китайским государством так и не пришли к удовлетворяющему обе стороны итогу. Циньские чиновники продолжают настаивать о принадлежности Южного Алтая и Укокской равнины к Китаю, на том основании, что населены подданными китайского императора. В то время как местности эти давно уже и на картах русскими чертятся. На меня же Его Императорское величество попечение об успехе переговоров возложил.

Ваше на Чуе пребывание и силу Империи покажет, и лишние претензии китайской стороны отвергнет. Подобные вашему отряды и на Укоке и в Бухтарминской долине также летом появятся. Потому в этом предприятии можете рассчитывать на самую мою активную помощь и участие. А также на мое, старшего вашего товарища, благословение.

Вновь присоединяемые земли инородцами населены, которые ни нам, ни Китаю дань не дают. Пользы от таких подданных для государя нашего не вижу, и позволять им свободно пользоваться российской землей – излишне расточительно. Переселение же в те благодатные места сибирских казаков – наилучший выход из сложившегося положения.

Посылаю к вам штабс-капитана Андрея Густавовича Принтца, со своими наилучшими рекомендациями. У Колывани, на берегу Оби он вас поджидать станет. Не считите за труд, телеграфировать о начале своей экспедиции.

Этот замечательный офицер, недавний выпускник Академии Генерального Штаба, поможет вам в вашем походе. Он имеет некоторые свои задачи, о которых вам, ваше превосходительство, знать не следует. Однако если вы не отступитесь от мысли об организации Южно-

Алтайского округа губернского подчинения, Андрей Густавович способен существенно облегчить эту задачу. Можете на него рассчитывать».

Кто такие офицеры Генерального Штаба и какие у них могут быть задания в приграничных районах, услужливая Герина память мне любезно подсказала. Военная разведка. Определение полезности и обороноспособности новых земель. Оценка военного потенциалаграничного соседа. Налаживание связей с политической и военной элитой сопредельных районов Китая. Я-то намерение имел кого-либо из жандармов с собой взять, чтоб примерно тем же занимался. Но так даже лучше.

Авось Принтц этот не успел слишком зазнаться. Потому что Дюгамель прав. Напишет штабс-капитан в отчете – так, мол, и так, земля хорошая. Геологической ценности не представляет. Иностранцы вовсе охамели, и казаки там более полезны. А еще лучше, если инициатива господина Лерхе получит всестороннюю поддержку в Государственном Совете, и Юг Алтая станет округом губернского правления. Ибо горные начальники в военном отношении – ноль без палочки, а Лерхе вон и сам уже к ордену представлен и армию с собой туда привел...

Ну, ничего. Сядем с ним с бутылочкой, я ему тезисы набросаю...

Придвинул к себе бумагу, взялся за перьевую ручку. Стал писать письмо в Бийск, купцу Гилеву. Чтоб уже сейчас, еще до моего появления, отобрал в Бийской крепости пушки, приготовил разборные лафеты к ним. Учел необходимость перевозки пороха и ядер, специальные упряжки для многопудовых орудий. Попросил приготовить запасы продовольствия, достаточные для пребывания на Чуе пятидесяти человек в течение года. Пообещал выкупить припасы.

Рассказал, что намерен выступить из Томска с началом навигации и не позднее пятнадцатого июня быть в Бийске. Просил меня обязательно дожждаться. Намекнул, что науськанная китайцами орда монголов может попробовать напасть на беззащитный купеческий караван.

О том, что веду с собой почти двести человек солдат, писать не стал. Пусть станет приятным сюрпризом.

Другое письмо, гораздо короче и строже, написал командиру 35-го Барнаульского батальона. Опираясь на приказ командующего войсками Западной Сибири, настоятельно порекомендовал выделить четыре орудийных расчета из ветеранов и опытного унтер-офицера с ними. Людей попросил отправить в Бийск с тем, чтоб к первым числам июня они уже были на месте. Порекомендовал со всей тщательностью прислушаться к рекомендациям, чтобы, не дай бог, не расстроить Александра Осиповича, который возлагает на эти передвижения войск большие надежды.

И снова белый лист. Пишу в Колывань, городничему Федору Петровичу Хворову. Приказываю озаботиться достойной встречей и размещением офицера Генерального Штаба, штабс-капитана Принтца. Требую организовать на берегу Оби постоянный наблюдательный пост, дабы мое прибытие не стало для Андрея Густавовича новостью.

Отряд получается слишком большой. Парусное судно, которое я планировал использовать для доставки в Бийск, окажется явно маловато. Нужен пароход и большая вместительная баржа. Пишу записки в конторы ведущих транспортников. Приглашаю явиться ко мне в кабинет в понедельник к одиннадцати. Предложу им самим решить, кто именно выделит тягач и баржу. Иначе хуже будет. Рассерженный губернатор – страшный зверь! Но рассерженный отвратительными итогами переговоров с китайцами царь – это стихийное бедствие вроде урагана «Катрин».

Пишу список того, что ни в коем случае нельзя забыть взять с собой в экспедицию. Начиная, конечно, с людей. Суходольский и сотня казаков – сто семьдесят два человека. Забавно, правда? А что делать? Нет в расписании полка подразделения больше сотни. А вот в отряд с названием «сотня» побольше охотников впихнуть – можно. Так и сделали.

Полурота Томского линейного батальона. Полурота – это сколько? Отвлекаюсь от списка, пишу записку командиру батальона. Снова – встреча в понедельник.

Чиновники... Кто у нас там штатный краевед? Князь Костров? Вот и пусть годик ино-родцев изучает. Еще и прославится в своем Географическом обществе. Пишем...

Таможня. Ладно. Отложим на понедельник. Ох-хо-хо. Трудный будет день.

Миша Карбышев – мой секретарь, значит, его место рядом со мной. Мнение жандармского управления по поводу административного деления Томской губернии тоже пригодится. Гинтар остается. Нечего его старым костям по горам греметь. Пусть здесь строительством заведует. Два доходных дома и мой особняк – забот ему хватит.

Варежка. В Барнаул по-любому придется заходить. А там Фрезе с бандой. Значит, Ирина нужно прямо сейчас туда засылать. Пусть роет на горное начальство компромат. С такими козырями в рукаве совсем другая игра получится... Только бы Варежка поисками Караваева не увлекся. Время не ждет, а беглый робингуд – не к спеху.

Незаметно подкрались сумерки. Вдруг стали расплываться буквы, выползающие из-под пера. Крикнул нового слугу. Как там его зовут... Гинтар же говорил... Помню – белорус, плохо говорящий на русском, не то чтоб еще на импортных наречиях. Но исполнительный. А что плохо говорит, так, может быть, это и к лучшему – главное, чтоб все понимал. О чем мне с ним разговаривать?

Но имя все-таки стоит запомнить. Это пока мы одни в номере, можно «эй, ты там» крикнуть. А в походе? Скажи нечто подобное, так большая часть народа обернется. Надеюсь, его зовут как-нибудь по-человечески, а не Аркесилай Ферекидович. Мужик, хоть и весь нескладный какой-то, узловатый, с клочковатой реденькой бородашкой, но взрослый. Крепостное право только четвертый год пошел, как отменили. До этого помещики какие только имена не выдумывали. И в честь греческих философов, и по названиям минералов, и в честь полководцев древности. Встречал в бумагах всяких Аресов Диолектиановичей и Юлиев Сатурналиевичей. И смех и грех. Как попы-то такое непотребство разрешали? Положено же, вроде в честь святых имена давать...

Нужно не забыть – у Артемки уточнить. Можно, конечно, и прямо у белоруса, но как-то неудобно. Детина уже неделю мне одежду стирает-гладит. Порядок в номере идеальный. Револьвер всегда снаряжен и капсюли на месте. А я даже прозвание его не потрудились узнать. Эксплуататор, блин.

Белоруса звать не понадобилось. Пришел сам, принес двурогий подсвечник. Сумерки отступили в углы, свернулись черными круглыми пляшущими пятнышками под свечами. Воздух в небольшой комнатке, использующейся мною как кабинет, наполнился характерным запахом сгорающего воска. Дорогие свечи, восковые. Но от сальных у меня голова сразу начинает болеть...

Ненавижу праздники. Столько дел нужно переделать, а тут Пасха. В детстве нравились крашеные яйца. Набирал сразу несколько штук в карманы, бежал на улицу «биться» с приятелями. И «Иисус Воскрес» нравилось кричать. А особенно, когда чужие, мимо проходящие взрослые отвечали: «Воистину Воскрес»...

Наморщил лоб, пытался припомнить свои детские ощущения. Чувство причастности к чему-то серьезному, взрослому. Восторг, когда твое яйцо выдерживало удар. Пышная сладость обсыпанного сахарной пылью кулича. Так, умом, помнил. Но важно было восстановить в памяти именно чувства.

Смотрел на огонь свечи. Хорошо. Тихо. Тепло. Только неугомонные мысли воробышками скачут в голове. Отчего-то перед глазами возникали картины незнакомой местности. Кусты сирени, деревянная беседка, самовар на плетеном столике. Блестящая лаком, такая желанная и любимая деревянная лошадка. И огромный, еле хватает руки, кусок пасхальной булки. Сладкий-сладкий. Эх, Герман, Герочка, Гера. Как же ты из эдакого-то славного человека в отмороженного чиновника превратился?

Так же как я в напыщенного мздоимца? Ха. И то верно. Кто я такой, чтоб иметь право тебя судить?! Хоть и зовусь теперь Германом Густавовичем Лерхе, но судить, Герочка, ты сам себя будешь. Всевышний, он коварен и жесток. Что ему Ад, с чертями и смолой в котлах. Преисподнюю человек в себе самом носит. Оставь его наедине с самим собой на пару тысяч лет, сам себя до скелета сгрызет...

Огонь свечи играл с легким сквознячком. Черные пятна метались по столу. И я, кажется, задремал. Хорошо бы, если бы так до утра понедельника и проспать. Жаль не вышло.

Весной темнеет поздно. Ползет, поглощает землю синяя муть. Медленно густеет, темнеет и, наконец, чернеет. И наступает ночь. Я приоткрыл глаза как раз в темно-синие сумерки. На границе. Белорус, гигантским хозяйственным хомяком, копошился, перетряхивая слежавшуюся за время путешествия одежду, в дальней комнате. По коридору чистили каблучки прислуги. Обычный вечер в популярной гостинице. Только свеча вдруг вздрогнула в порыве ветра и погасла. И чуточку звякнуло плохо закрепленное стекло в раме.

Холодная, ребристая рукоять револьвера – лучшее средство от аритмии. Вот только что вроде сердце билось в бешеном ритме, а стоило осторожно вытянуть верный пистоль из-под груды бумаг на столе, и порядок. Сердце горячо, разум холоден и полон злобного, со сна, любопытства. Занятно узнать, кто готов расстаться с жизнью, не вовремя меня разбудив. Да еще так торопится, что лезет ради этого в окно.

Их оказалось двое. И тому, что преодолевал препятствие первым, не повезло запутаться в штормине. Сидя на подоконнике, он издавал столько шума, что я, не побоявшись их спугнуть, быстро пересел на кожаный диван у стены напротив окон.

Штора вскоре была доблестно побеждена, связана в неряшливый узел и засунута за спинку стула. Незванный гость мягко спрыгнул на паркет и тут же, нагло повернувшись ко мне спиной, принялся помогать второму. Впрочем, его легко можно было понять. Если в комнате не горит свет, значит – ее обитатель или спит, или кабинет пуст. Любой из вариантов устраивал эту парочку отчаянных парней.

Честно говоря, было совершенно не страшно. Даже самому странно было. Сидел себе, тупо разглядывал пыхтящих дядек, лезущих ко мне в кабинет через окно, и размышлял о Боге, который ни за что не стал бы прилагать такие усилия по запихиванию меня-любимого в тело молодого губернатора, чтоб потом попросту грохнуть в сумеречной комнате второсортной гостиницы. У Геры даже истерика началась. Этот молодой оболтус так смеялся, и я, побоявшись, что его вопли услышат, принялся мысленно приговаривать: «Тише-тише!» Ну не дураком ли?

Все-таки, стандартизация – великая вещь. Вот были бы подоконники в «Сибирском подворье» на принятой в двадцать первом веке высоте, этот балаган давно бы уже закончился. А так, первому приходилось втягивать второго, едва-едва перегнувшись через неудобную доску. Огромное, знаете ли, искушение. Так и подмывало поставить револьвер на колено и долбануть из ствола, в который палец легко входил, в самое мягкое место. Не стал. Сдержался. Захотел оприходовать обоих кроликов. Куда бы они делись, если влезли-то с трудом. Попробуй теперь выпрыгни!

Кто там из шибко умных сказал, что любой план не выдерживает встречи с действительностью? Верно сказал. Молодец. Это нужно лазером в стальной плите вырезать и идиотам вроде меня на шею вешать. Для развития мозга, так сказать...

Взводящийся курок оглушительно громко шелкнул. Оба незваных окнолаза, по идее, должны были замереть на месте, пытаясь разглядеть коварного меня в темноте. Фигвам – индейская национальная изба. Второй, которого я почему-то опасался меньше, тут же выдернул из-за пояса пистоль, а первый из сапога здоровенный кинжал. И стало не смешно. За какую-то долю секунды я успел понять, что оружие врага выстрелит. Это было не логично, бессмысленно и глупо. Это привлекло бы к ним ненужное внимание моего конвоя. Но он так и сделал.

Знаете чем отличается черный порох от бездымного?

Здоровенная, граммов на сорок, пуля в щепки разнесла спинку дивана. Уже заваливаясь на левый бок, я выстрелил тоже. И, кажется, попал. Правда звука падения тела или стоны не слышал. Вообще ничего не слышал. Два взрыва подряд в тесной комнате из ручных пушек – и я чувствовал себя будто бы внутри гигантского колокола, по которому какой-то наглый великан хорошенечко приложил бревном. И дым. Отвратительный, разрывающий ноздри дым от сгоревшей смеси серы с селитрой. Так должно было бы пахнуть в каноническом Аду. Я-то знал, что там нет запахов, но окажись и вы в том тесном кабинете, и тоже засомневались бы.

Из черно-серого облака вынырнул первый. Тот, что с ножиком. Он что-то орал и явно целился мне в грудь своей железякой. И плевать хотел на готовый к стрельбе Beaumont-Adams. Будто знал, что капсюль съехал с запального штырька и барабан не смог провернуться. Боек даже не взвелся, как следует...

Как-то медленно, в традициях Боливуда, злодей кинулся на меня. Я успел согнуть ногу и от души въехать пяткой ему в пах. Он послушно согнулся, схватившись свободной рукой за нанесенное оскорбление, оскалился, и полоснул кинжалом по моей ноге. Больно до жути. Что ж мне раньше-то в голову не пришло! Быть может, у Всевышнего и не было планов меня извести, но я и без пары конечностей мог быть ему полезен. А вот я этого допустить никак не мог. Перед Герой потом стыдно бы было. Он мне тело в полной сохранности передал, а я с ним этак вот – халатно.

Я уже говорил, что мой револьвер килограмма под два весом был? Не помню. Ну, в общем – такая гантелька, от импортного слова – gun. Так этой штукой оказывается здорово варнакам всяческим по макушке тюкать. Как долбанул со страха, что даже рука онемела. Думал – все уже. Готов. Остается только руки связать. Оказалось – нет.

Первый, которого я уже давно, целую минуту назад, в трупы записал, вынырнул из дымного облака. А я и заметил-то его только краем глаза. Пытался починить заклинивший механизм, злосчастный капсюль ногтем поддеть.

Здоровый такой мужик попался. У страха вообще – глаза велики, но этот мне вообще с дубом столетним схожим показался. Такой же толстый, кряжистый, и руки ко мне тянул – словно ветки корявые. Тут я и примерз. Все мысли о планах Божьих, с моей судьбой связанных, из головы вылетели. Так себя жалко стало, что время остановилось.

Пук! И часа два спустя, снова – пук! В груди и животе «деревя» выросли неряшливые красные цветы. «Весна, – успел подумать я, прежде чем злыдень свалился прямо на меня, – самое время дубам цвести».

Губернский прокурор, надворный советник Василий Константинович Гусев был каким-то не правильным. Вот зачем прокурору револьвер в руках? Он же не палач! Зачем такие темные, почти черные тени под глазами? И рост у него как-то резко прибавился. Я, понимаешь, из забытья вынырываю, а надо мной этакая черно-белая вооруженная «каланча». Еще Апанас – надо же, вспомнил имечко – что-то под голову пихает, гад. Больно же!

И Варежка тут как тут. Стоял там, в уголке, в компании с каким-то старым воякой, судя по осанке. То один, то другой ртом, как рыбы из воды вынутые, похлопают и лицо какое-нибудь скорчат. Интересную забаву выдумали. Затейники, блин.

Потом пришел изверг. Смутно знакомый господин с английским саквояжем в руках. Меня увидел, скривился весь и давай на Гусева ртом хлопать. Оживленно так. Словно задыхался. Хотел я крикнуть, чтоб окна открыли, да не успел. Он ко мне присел и за голову меня схватил. И так мял, и этак. То на сторону свернет, то обратно ровно поставит. На лбу какую-то точку хитрую нашел, ниндзя недоделанный – у меня в глазах от боли даже пятна темные поплыли. Тут уж я не выдержал, крикнул:

– Ты че, козел! Больно же!

Садист с саквояжем тут же довольно разулыбался и полез каким-то железным штырем мне в ухо. Эх, как тяжело без револьвера...

Краткий миг боли, и я услышал. Нет, не что-то конкретное. Просто, ко мне вернулся слух. Как тут было не прокомментировать?

– Вот же блин!

– Герман Густавович! Ваше превосходительство. Вы меня слышите? – тут же оживился изверг.

– Зачем вы меня мучили? – капризно поинтересовался я. – Кто вы вообще такой, чтоб издеваться над моим превосходительством? Вы что? Садист?!

– Фух, – шумно выдохнул Варежка. – Шутит, значит – все в порядке. Слава тебе, Господи!

И перекрестился. И все тут же потянулись шепотками ко лбу. Даже Гусев и незнакомый старый военный.

– Я доктор, моя фамилия Гриценко.

– Это окружной врач, – поспешил представить мне доктора прокурор. – Коллежский советник, Николай Семенович Гриценко. Мы его вызвали...

И только мне стало хорошо, только все стало понятным, как подлая память вернула знания о новом на меня-любимого покушении. Я лежал на полу гостиной, Апанас подсовывал мне под голову скатерть со стола, а седой незнакомый господин, должно быть, не кто иной, как Павел Павлович Сахневич. Я же его на ужин к себе зазвал. Экий из меня хозяин бестолковый. Ужин и тот без приключений организовать не смог...

– А где эти? – я вяло махнул рукой, но меня поняли.

– Один мертв. Наповал. Как высмотрел, в каком вы, ваше превосходительство, оказались интересном положении, некогда было раздумывать. Жаль, конечно. В петле он смотрелся бы более... гармонично. А второго казаки связали. В холодную, в замок повезли. Он уже очухался, но его все еще шатает. Крепко же вы его приложили!

– Выходит, вы мне жизнь спасли, – попытался улыбнуться я. Только попытался. Трудно, знаете ли, когда два здоровых мужика тебя пытаются на диван переложить, а голова лихо отстреливается от этих возмутителей моего спокойствия. – Я уж думал – все.

– Пустое, Герман Густавович, – обрадовался прокурор и спрятал небольшой, короткоствольный револьверчик в специальный кармашек на поясе.

– Вы всегда с оружием ходите, ваше высокоблагородие? – поинтересовался Варежка.

– Пока Караваев не пойман и пока барон фон Пфейлицер-Франк нашим полицмейстером продолжает служить – буду носить. Это ведь мое право, господин коллежский секретарь. Не так ли?

– О! Несомненно, ваше высокоблагородие. Конечно.

– Прошу меня простить, господа, – вклинился я. Слишком уж скользкая тема. Так много до чего договориться можно. – Пригласил вас на ужин, а вышло непотребство какое-то. Неудачно как-то...

– Это уж, ваше превосходительство, вы зря, – каркающим голосом воскликнул бывший военный. Должно быть – Сахневич. – Господин Гусев куда как вовремя явился. Еще бы минута, и все могло завершиться совсем по-другому. Видно, ангелы вам, ваше превосходительство, покровительство оказывают...

– Меня вот этакий, ангел с пистолетом – более чем устраивает, – хмыкнул я. – Но вы правы, Павел Павлович, если не ошибаюсь? Василий Константинович меня, можно сказать, на Пороге остановил. Век теперь за его здоровье молиться буду.

Махнул Артемке, чтоб придвинул к моему ложу пару стульев. Пригласил прокурора и кандидата в каинские городничие сесть. Доктор, ничуть не смущаясь, сдвинул меня к самой спинке и устроился на свободной части дивана. Пока гости рассаживались, Гриценко успел разрезать мне штанину и, с самым увлеченным видом, принялся отдиравать присохшую ткань от

резаной раны. Пришлось сжать зубы и терпеть. И только гримасы, которые впечатлительный Гусев неосознанно воспроизводил, выдавали, какую жуткую боль я испытывал.

Вбежал Гинтар. Я непременно встретил бы его озабоченную физиономию смехом, если бы трудолюбивый доктор хоть на минуту оставил меня в покое. Впрочем, прибалт первым делом отыскал глазами Варезку, потом уже мне соизволил кивнуть. Большой босс, едрешкин корень!

Протиснулся в широко распахнутые двери белый, как беленая стена, хорунжий Корнилов. Примостился в уголочке, засунув руки под мышки. Похоже, казачий сотник обладал завидной фантазией и уже успел представить себе пеший маршрут в составе арестантского конвоя в направлении дальних, северо-восточных рубежей нашей Необъятной. Пусть помучается, решил я. Впредь станет стараться предусмотреть любые возможные направления атаки на мое драгоценное тело. Пока же нужно было пользоваться положением и ковать размякшее железо. Тем более что в мозгах окончательно прояснилось и в голову перестали лезть назойливые сопли со слюнями перепуганного донельзя Германа.

– Господа, – прошипел я сквозь зубы с самым страдальческим видом, на который только оказался способен. – Василий Константинович. Я пригласил вас с тем, чтобы посоветоваться в одном, весьма важном для процветания нашего края, деле. И конечно – представить Павла Павловича Сахневича, если вы еще не знакомы.

Прокурор с седым воякой переглянулись, кивнули и улыбнулись друг другу, как успешные сойтись накоротке люди.

– Дело в том, что, пребывая в окружном Каинске, я имел несчастье близко познакомиться с тамошним городничим, Седачевым. Ознакомившись с его «достижениями», я выяснил, что в бытность на этом посту Павла Павловича в городе существовал надлежащий порядок, который ныне пребывает в отвратительном запущении. Потому и хотел спросить вашего, господин прокурор, совета, как человека, лучше меня знакомого с местными реалиями: а не вернуть ли господина коллежского асессора Сахневича на прежний пост? Ваш коллега, Петр Данилович Нестеровский, весьма его рекомендовал.

Брови молодого чиновника дрогнули, но в остальном он не подал и намека, что удивлен моим вопросом. Кажется, я снова нарушил какие-то традиции. Впрочем, мне было плевать. Я же «новая метла». Имею право «мести» куда мне в голову взбредет.

– Петра Даниловича я знаю, конечно, ваше превосходительство, – наконец собрался с мыслями Гусев. – Как мне кажется – весьма достойный господин. Опытный и рассудительный. И к его рекомендациям, конечно, стоит прислушаться... Однако, титулярный советник Седачев должность свою распоряжением барона фон Пфейлицера получил...

Я «лимонно» скривился. Даже притворяться не понадобилось.

– Впрочем, решать, конечно же, вам, ваше превосходительство, – облегченно выдохнул прокурор. Расстановка сил в местном серпентарии окончательно определилась. И, думаете, только в Томске? Думаете, отголоски подковерной борьбы Дюгамеля с Пановым не могут докатиться сюда? А то, что эта борьба ведется, я еще в Омске выяснил. Мориц, мой обретенный вместе с Гериным телом старший брат, рассказывал, что Панов считает генерал-губернатора Западной Сибири слишком мягким, нерешительным и инертным. Как в деле приобретения для Империи новых территорий на юге, так и в отношении внутренних неурядиц. Тем удивительнее полное энтузиазма письмо Дюгамеля ко мне. Но, видимо, порученные Александру Осиповичу переговоры с Китаем могли стать для «неповоротливого» генерала последней точкой в карьере, приди они к неприемлемому для государя результату. Тут даже самовольное разрешение на расселение казаков вдоль границы не выглядит рискованным. В крутые времена нужны крайние меры.

– Вот и хорошо, – обессиленно откидываясь на подушки, заявил я. – Вот и ладно. И еще одна просьба, любезный Василий Константинович. Не считите за труд, приготовить соответ-

ствующий документ. От моего имени. Не будем откладывать это благое дело в долгий ящик. С тем, чтобы Павел Павлович уже после Пасхальных праздников мог отбыть к месту службы.

– А что станется с господином Седачевым, ваше превосходительство?

– Ах, да. Седачев! Укажите, что не позднее двадцать четвертого мая он с семьей должен прибыть в Колывань, где присоединится к экспедиции в Чуйскую степь. В тамошнем поселке русских купцов напрочь отсутствует какой-либо полицейский надзор. Вот и исправим сие упущение.

Сахневич оскалился. У него здорово получалось. Завидные для человека его-то возраста зубы включали в себя совершенно звериные, длинные и острые клыки. Скажем так – для съемок очередной серии «Сумерек» его гримировать бы не понадобилось.

– Будут ли мне даны какие-либо дополнительные инструкции, ваше превосходительство? – поинтересовался старый оборотень.

– Конечно, – простонал я. Добрый доктор начинал сшивать мне глубокий порез на ноге. – Посетите меня перед отправлением в Каинск.

В гостиной добавилось народа. Страдающий обострением фантазии Корнилов оказался совершенно скрыт за спинами Фризеля, барона фон Пфейлицера, казачьего майора Суходольского и глыбой Тецковым. На пороге торчала башня Безсонова. Приятно, конечно, проявление такой заботы обо мне, но вкупе с десятками горящих свечей вся эта банда только добавляла в жарко натопленную комнату духоты. Я уже расстегнул верхние пуговицы рубашки, но свежести не прибавилось.

– Господа! – промокнув салфеткой выступивший у меня на лбу пот, воскликнул врач. – Жизнь его превосходительства вне опасности. Рана чистая и быстро заживет. Но господину губернатору пришлось пережить нелегкие минуты. Ему требуется покой и отдых. Посему прошу покинуть помещение.

И пока туземное начальство у дверей недовольно ворчало, я успел позвать Артемку и Варежку. Денщику попросту приказал задержать в номере Корнилова и Тецкова, а Варежке – укрыться пока в кабинете. С ним разговор обещал быть долгим.

Гриценко, оттирая не первой свежести носовым платком кровь с пальцев, удовлетворенно разглядывал, быть может, впервые в жизни подчинившихся ему начальников. Наскоро зашитая рана его внимание больше не занимала. А я, глядя на багровый рубец, пытался припомнить – мыл ли окружной доктор руки, перед тем как меня пользоваться? И обрабатывал ли рану? И сколько миллиардов бактерий сейчас атакуют мое тело изнутри? От мыслей таких у меня даже комок к горлу подступил.

– Апанас, вина хлебного неси...

«Блин. Отправь дурака за водкой – он одну и принесет», – подумал я, мрачно глядя на принесенный белорусом натюрморт. Граненый стаканчик мутной, не меньше чем семидесятиградусной, сивухи, блюдце маринованных огурчиков и несколько ломтей черного ржаного хлеба.

– Еще неси, – прошипел я, выливая дезинфицирующий раствор спирта с сивушными маслами поверх только-только зашитой раны.

– Что это вы делаете, голубчик? – удивился Гриценко.

– Микробов пытаюсь убить, – честно признался я. – Вам же не досуг.

– Микробов?

– Маленьких болезнетворных организмов, которых вы сейчас мне в рану руками внесли. Они от спирта только идохнут. Ну, или от высокой температуры, – я напряг память. – Кажется, при пятидесяти пяти градусах по Цельсию. Но ногу поджаривать не дам. Потому – только спирт.

– Гм, любопытная интерпретация, – прикладывая тыльную сторону ладони мне ко лбу, протянул Гриценко. – И что же, голубчик? Вы и прямо сейчас эти организмы изволите наблюдать?

– Тьфу на вас, доктор, – у меня складывалось стойкое впечатление, что разговариваю не с врачом, а с шарлатаном, называющим себя медработником. – Микробы совсем маленькие. Невооруженным глазом их увидеть невозможно.

– Отчего же вы решили, что эти ваши микроорганизмы там, тем не менее, присутствуют?

– Потому, Николай Семенович, что читать умею. И сообщениям светил науки, об открытии первопричины большинства болезней привык доверять.

– И что же, ваше превосходительство, те светила советуют делать, дабы не заносить этих... микроорганизмов в открытые раны?

– Руки мыть, доктор, – рыкнул я. Апанас уже стоял рядом с новой порцией хмельного напитка, и мне просто необходимо было принять это вовнутрь. – Или спиртом протирать. И рану тоже.

– Любопытно. И как же... – Доктор замер на минуту, наблюдая, как единым махом я опрокидываю принесенное пойло в рот. – А это вы, простите, для каких целей сделали, ваше превосходительство?

– Нервы лечу.

Огурчик. Пряный запах ржаной корочки. Лекарство теплой волной обдало пищевод.

– Гм. Ну да, ну да... Так как же, голубчик, эти небольшие виновники заболеваний были обнаружены?

– Через микроскоп. У вас есть микроскоп? Закажите в Санкт-Петербурге. Я оплачу.

– Весьма, весьма любопытно... А не могли бы вы, господин губернатор, припомнить имя того отважного исследователя, высказавшего столь смелую научную гипотезу?

Мамочки. Они что же – еще и о микробах не в курсе? А прививки от оспы всем поголовно – на каком основании делают? Может, просто до Сибири наука еще не дошла? Или я опять брякнул, не подумав? И что я должен был ему сказать, если сам никогда и не знал первооткрывателя вирусов и бактерий.

– Вот тут я вам, дорогой доктор, помочь не в силах. Плохо запоминаю имена, знаете ли. Немец какой-то или австриец. Я на немецком языке читал...

Гриценко коротко поклонился, что можно было принять и за благодарность, и за завершение разговора. И отошел к столу, куда Апанас перенес его саквояж. «Поразительно, – шептал окружной врач. – Поразительно. Невероятно, но это все объясняет»... Думаю, начнись в тот миг залповая стрельба за окнами, он и бровью бы не повел. А я вдруг подумал, что вовсе забыл о медицине для своей экспедиции.

К какому-то конкретному решению прийти не успел. Едва врач оставил меня в покое, ко мне двинулись Тецков с Корниловым. И если купец, похоже, был искренне счастлив, что я остался жив, то казак не был наверняка уверен, что останется жив он сам.

– Ваше превосходительство! – прогудел Тецков. – Не высказать, как я счастлив...

– Вот и молчите, Дмитрий Иванович, – нахально перебил я его. – С понедельника наймите людей, пусть на окна первого этажа поставят кованые решетки. Вам ясно?

Владелец заводов и пароходов понятиливо боднул лобастой головой.

– Отлично. Вы, Иван Яковлевич, – на сотника было жалко смотреть, – впредь потрудитесь распределять конвой таким образом, чтоб держать под контролем все возможные пути проникновения. Я ясно выразил свою мысль, или нужно поручить это кому-либо другому?

– Ясно, ваше превосходительство. Такого больше не повторится. Жизнью ручаюсь.

– Хорошо. У вас есть еще один шанс. На сегодня вы свободны.

На щеках хорунжего выступили первые проблески румянца. Щелкнув каблуками, казак торопливо вышел. По-моему, кое-кому из расслабившихся у меня за спиной казачков сейчас

не поздоровится. Тецков тоже не стал более мне докучать. Вышел из номера. Может быть, и не так споро, как Корнилов, но не менее целеустремленно.

– Это правда, ваше превосходительство? – тихонько поинтересовался Варезка, успевший к тому времени усесться на табурет возле моего изголовья.

– Ты о чем, Иринея?

– О малюсеньких зверьках, что болезни в наше тело вносят.

– Совершеннейшая правда.

– Чудны дела твои, Господи. И что же, Герман Густавович. Они и вправду хлебного вина побаиваются?

– Спирта. Не вина. И то, только если рану обработать или руки протереть. А вот пить его вредно. От частого его внутрь употребления как раз другие болезни появляются... Ладно. О микробах в другой раз поговорим. Сказывай, что там?

Варезка наклонился совсем низко к моему уху и прошептал:

– Их трое было. Мы труп у окна подобрали да увезли покудова. В тюремном замке в лазарете положили.

– Труп?

– Вы из револьверта своего с одного выстрела ему в лоб. Пришлось лицо умыть. Насилу опознать смогли.

– Опознали?

– Конечно, Герман Густавович. Я же покойного и при жизни знал.

– И кто же это был?

– Караваев. Кому бы еще к вам в окно лезть вздуматься могло. Я уже и наблюдение с дома барона снять успел. Не к чему теперь-то.

– Поторопился, – поморщился я. – Теперь-то, Иринея Михалыч, самое интересное начинается. Теперь нам с тобой заказчика определить нужно, а единственный след к злодею я пулей своей обрубил.

– Ну, один-то из троих варнаков жив покуда. В себя придет, поспрошаю.

– Вот-вот. Пспрошай. Почему, как уличены были, не прочь кинулись, а на меня поперли? Пожар в торговом ряду – не их ли рук дело? И если – они, то откуда нефть взяли?

– Нефть?

– Масло земляное, горючее.

– Петролиум, что ли? Так это всякий скажет – с озера Масляного. Его там остяки со льда зимой лопатами собирают.

– Ух ты! Обязательно нужно там побывать...

– А вот кто им, Герман Густавович, мысль такую дал – лавки петролиумом полить, чтоб не потухло – это большой вопрос.

– Есть версии?

– Достойных внимания – нет, – огорченно признался Варезка. – Я к барону приглядывался. Но теперь уверен – это не он. Возможность у него, быть может, и была, а вот духу бы не хватило. Да и не поддерживал Караваев с полицмейстером связи. Я бы узнал.

– Где-то ведь они постоем стояли, – покачал я головой. – И кто-то им это убежище приготавливал. Не к Акулову же они за адресом обращались.

– Вот и это у душегубца поспрошаю.

– Обязательно. И поторапливайся. С первыми числами мая ты уже в пути должен быть.

– Куда, ваше превосходительство?

– В Барнаул. Там много вкусного горного начальства...

– Спасибо, Герман Густавович, – вдруг искренне обрадовался сыщик. – Давно хотелось.

12. Из грязи

Ничего особенного в ней не было. Обычная икона – потемневшая от времени и сажи лампад доска и невзрачный лик бородатого мужика с глазами смертельно уставшего человека. Говорят, она – икона эта – чудотворная. Будто бы она сама явилась в доме умирающего солдатского сына, принесла тем самым пареньку полное выздоровление. С тех пор, а случилось чудо будто бы в первых годах восемнадцатого века, каждый май-месяц икона совершала небольшое путешествие из Никольской церкви Семилужского села в Богоявленский собор Томска. А в августе возвращалась домой...

Обычная икона Святого Николая. Не светящаяся, не плачущая кровавыми слезами и не дающая негасимый пасхальный огонь. Обычная, но на завтра, с самого утра, тысячи верующих придут на то самое место, где стоял на коленях я. Придут поклониться и попросить. Николай-Угодник, он такой – у него постоянно все что-то просят. Все, кроме меня. Я-то поговорить пришел...

А началось все с Пасхи. Ну, или если быть точным – с ночи перед Пасхой, когда я был легко ранен.

С самого утра святого христианского праздника у меня настолько поднялась температура, что я только шептать и мог. И то только когда Апанас не ленился смачивать мне губы. Так и провалился до вечера, пока организм сам не справился с инфекцией, наверняка занесенной добрым доктором Гриценко. Окружной врач соизволил явиться меня пользоваться, когда я уже куриный бульон с ложечки схлебывал. Потрогал лоб, предложил «пустить кровь», оставил баночку какого-то порошка, немедленно после его ухода отправленного в мусорную корзину, констатировал мое чудесное исцеление и отбыл.

На белоруса подействовало. Коверкая Великий и Могучий, мой новый слуга прямо-таки потребовал от меня, чтоб я будущим же днем отправился к какому-либо святому месту возблагодарить Господа. Я, в общем-то, и не возражал. Тем более что и сам давно хотел побывать на могиле загадочного старца Федора Кузьмича. В мое время часовню на месте упокоения потенциального Александра I восстановили, но не факт, что мощи остались целы. Тут же – все на месте. Можно не сомневаться.

Утром в понедельник, отменив все запланированные встречи, отправился. Мне приготовили только что купленную коляску, казаки помогли взгромоздить слабое еще после лихорадки тело на пышное сиденье, и, разбрызгивая фонтаны грязи, мы двинулись к ограде Богородице-Алексеевского мужского монастыря.

Нужно сказать, что в ночь после Пасхи в Томске прошел первый весенний дождь. Сугробы, где они еще оставались, сжались и обсели. Улицы города покрылись жиденькой, сметанообразной грязью. Губернская столица немедленно приобрела вид глухой деревеньки, с классическими непролазными топями дорог, покосившимися заборами и потемневшими от въевшейся сажи домишками. Одним махом, получасовым дождиком, зимняя гордыня частично каменного, почти европейского Томска плюхнулась мордой в грязную жижу.

Четверка лошадей, запряженных в мою новую бэушную коляску, с трудом пробиралась между загроможденными проезжую часть улиц людьми. Казаки конвоя, как бы Корнилов ни ярился, что бы не обещал им порвать или оторвать, больше разглядывали румяных барышень, чем выискивали затаившегося врага.

Вниз, вниз по Миллионной до Базарной площади. Оттуда, мимо часовни Иверской Божьей Матери и Магистрата, на Обруб, к Батеньковскому мосту через Ушайку. По набережной к Благовещенской площади, где в Благовещенской, что характерно, церкви вчера надрылся огромный, самый большой в губернской столице колокол. Чуть дальше, из-за спины Дома престарелых и бродяг, или как его еще тут обзывали – Богадельни общественного при-

зрения, вторила Никольская церквушка. И вот уже видно ограду Богородице-Алексеевского мужского монастыря.

Дальше ехать было нельзя. Только пешком. Казаки посрывали мохнатые шапки – и не классические кавказские папахи, и не сибирские треухи – и истово крестились. Вздумай тогда кто-нибудь добить еле живого губернатора – легко бы удалось.

Я тоже хотел, было, картуз снять, да передумал. И так глазели. Лютеранин в ограде православного монастыря. Никак покаяться решил, святую веру принять. Так-то мысль не плохая, только боюсь, отец, со всей прочей родней, не поймет. Герин отец, конечно. Мой-то и не родился еще...

Ох и силен Апанас. Как буйвол. И креститься успевал, и меня за локоток поддерживать. Так-то я ноги успешно переставлял. Только покачивало, как моряка на суше после долгого плавания. Пришлось у слуги помощи просить. Невместно генералу, словно пьяному шататься. Тем более в святом месте.

Четыре резных деревянных столба, украшенных полосками материи и подсохшими вербными ветками. Высокая могила. Простой деревянный крест. Надпись: *«Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Феодора Козьмича, скончавшегося 20 января 1864 года»*. И почти незаметный за высохшими еловыми венками, невысокий и невзрачный, в серой застиранной рясе и овчинной безрукавке, старенький плюгавенький попик.

Вот добавить в седину несколько рыжих волосков, переодеть в пасторскую одежду да глаза перекрасить на карие – и получится вылитый пастор лютеранской Томской общины кирхи во имя Святой Марии, Август Карл-Генрих – сам не ведаю, что из этого имя, а что фамилия. Не знаю, отчего я прежде опасался встречи со служителями культа. С пастором вон за три минуты общий язык нашел.

Карл-Генрих ввалился ко мне в гостиничный номер рано-рано утром двенадцатого апреля. В воскресенье. В День Космонавтики, едрешкин корень. Как раз тогда всего меня захватил бумажный водоворот, и в процессе «выплывания» ложился я весьма поздно. И в единственный свой выходной намерен был отоспаться на неделю вперед. А тут – служитель культа, блин. Сами понимаете, встретил я его не то чтобы не ласково, а... Ну вот представьте – сидите вы на берегу тихой речки с девушкой. Тишина, вокруг больше никого нет. Глупости всякие ласковые на ушко ей шепчете. И ей даже нравится... А тут – какое-нибудь назойливое кусачее насекомое. Вроде и ругаться при подруге как-то не комильфо, и тварь эта доставучая лезет.

Вот так и встретились. А Август этот, мало того что понять причину моего к нему отношения не может, так еще и слова русские с польскими путает. Лопочет что-то и *Evangelium* в меня тычет. Сатаной, правда, не называл – я бы понял. На «уйди, мираж» тоже не реагирует.

Потом уж Гинтар выручил. Перевел с непонятного на понятный. Оказывается, пастор меня на богослужение в кирху звал. То есть хотел, чтоб я оделся и пошел. А, точнее, побежал. Да только я его послал... Не глядя, выдернул бумажку из кошелька и сунул плюгавенькому.

– Помолись за меня, святой отец, – хриплю со сна. – Или для общины чего купи. Ну да сам решишь...

Бумажка червонцем оказалась. Поляк в нее вцепился, чуть псалтырь не выронил. И больше на моем присутствии в храме не настаивал. А я и сам не стремился. Не лежит душа к сумеречным, скучным протестантским кирхам. Не хватает там чего-то, на мой взгляд. Торжественности, что ли. Глаз усталых и мудрых с икон не хватает. Гера, конечно, возражать кинулся. Только на вкус и цвет – фломастеры разные. Как можно о тяге душевной спорить?

Воспоминания о пасторе Августе еще свежи были в памяти, так что завязывать беседу со скромно стоявшим сбоку священнослужителем никакого желания не нашлось. Только вот беда. Прийти-то к Святому Месту я пришел, а вот чего дальше делать?

Вот чего нужно, а главное – можно, делать в обычной православной церкви – я отлично знал. Поветрие такое было – в бытность мою... в прежнюю мою бытность. Менты, генералитет,

высшие чиновники и бандиты – все вдруг в церковь потянулись. Татары об Аллахе вспомнили, наши – креститься научились. Не то чтоб мода появилась такая... А так... Как бы – на всякий случай. Оно ведь – по грехам. Когда совесть потихоньку что-то там внутри подгрызает, хочешь – не хочешь, а пойдешь каяться да о прощении просить. Ну, не у людей же, человек обывковенных, походя тобой обиженных, а иногда и оскорбленных действием. А куда еще? Вот к Божьему Дому и потянулись.

Иконки пластиковые к приборным панелям джипов лепили, «мерины» и коттеджи освящали. Нечистой силы не боялись – сами кого хочешь напугать могли. Просто – а вдруг? А вдруг есть душа?! А вдруг на том свете найдется кому спросить? Живем-то не вечно. Уж не браткам ли со стриженными затылками это лучше других известно.

Вот и я на общей волне... И в церковь ходил, и в крестных ходах участвовал. На Крещение даже пробовал в проруби искупаться – не смог. Не заставил себя опуститься в парящую на морозе воду. Такой ужас эта темная субстанция вызвала, я даже застонал сквозь зубы. Видимо, не хватало веры.

Она, вера – после смерти первой приходит. Когда больше не остается любви и надежды. Так истово верить начинаешь, что были б руки – тысячу лет бы крестился без усталости. Только нет Там рук. Там ничего нет. Только ты, триллион таких же неприкаянных душ и Бог.

Вот тогда, на могиле Святого Старца, стоял, думал и попики того тщедушного приближение проморгал. Только что вроде не было, а тут – хоп – стоит рядом. Ручки маленькие на животе сложил, голову по птичьи наклонил и меня, словно чудо какое-то расчудесное, разглядывал. Мистика, блин. Я рефлексивно оглядываться стал. Вдруг еще кто-нибудь присоседился, пока я мыслями отсутствовал.

– Пусть их, – тоненьким, почти детским голосом, чирикнул попик, неверно истолковав мою нервозность. – К святому месту всякий прийти может. Господь Всемогущий агнцев человеческих на своих и чужих не делит.

– Да я, – в горле встал колючий ком, который пришлось выкашлять, прежде чем продолжить говорить. – Да я... Не знаю зачем пришел. Понял вдруг, что надо.

– А как же, – обрадовался старик. – Так-то оно и лучше всего. Так-то оно и правильно. Знать, позвал тебя Старец. Молитву от тебя услышать восхотел, или думу нужную в голову вложить.

– Даже так? – удивился я. – А молитв... подходящих я и не знаю...

– Слов писанных не знаешь, – поправили меня. – А молитву знать и не нужно. Она от сердца к Господу идет. Сердце – оно всегда людишек мудрее. Ты еще сам и знать не знаешь, чего хочешь, ведать не ведаешь. А сердце уже к Богу потянулось.

Тут он меня совсем запутал. Я окончательно перестал понимать, о чем этот седой воробышек мне толкует.

– Сам-то ты кто будешь? – меняя тему, поинтересовался я.

– Отец Серафим, – ласково шуря небесно-голубые глаза, представился мой собеседник. – В миру Стефаном Залесско-Зембицким звали.

– Поляк?

– Рожден поляком, – тряхнул бородой отец Серафим. – Ныне ужо и не ведаю. Сибирец вестимо, как прочие. Нешто одолели тебя поляки?

– То ли еще будет, – поморщился я. – Летом их в разы больше будет.

– А ты их прости, – принялся наставлять меня поп. – Грех на них. Гордыня их одолела. Их пожалеть и простить надобно. Иисус каждому нищему рад был, блудницу к себе приблизить не побрезговал. Мы же цельный народ, аки тряпку половую, в темный угол спрятать вознамерились.

– Зачем бунтовали? – я пожал плечами и вдруг понял, что, несмотря на отсутствие Апанасовой поддержки, стою себе ровненько, не шатаюсь. Воспаленная рана на ноге не дергает.

– Сказывал же – гордыня одолела. Поперед прочих себя выставить – соблазн велик оказался. В Державе сто народов различных вместе живет – детей к грядущему растит. Одни оне от ветхости древней ногами отлипнуть не могут. Все им слава Речи Посполитой от моря до моря покою не дает. Блаженные они. Окрест смотрят, а видеть не видят. Прости их. Пожалей.

– Постараюсь, – растерянно, от этакого-то напора, выговорил я. – Кто я – знаешь?

– Как не знать? Один ты такой у нас. Острый. И светлый.

– Это от чего же? Что это значит?

– А и не ведаю, – легко признался Серафим. – Господа спрошу. Он тебя таким сотворил, можа и приоткроет замысел свой... А просьбишку твою, господин мой, не здесь задавать надобно. Старец только в сердце бури гасит и в теле соки быстрее двигает. О чем-нибудь просить его не надобно. Вот скоро лик Николая-Угодника в город принесут – его спросишь. Я тебя позову.

Я ведь сразу поверил. Сам не знал – чего хочу попросить святого, но верил, что надо. И что попик этот маленький не забудет, позовет. Легче как-то стало. Будто и не один как перст во всем мире. Будто рать за спиной моей несметная.

К коляске уже сам шел. Чувствовал холодок в животе, какой бывает, когда силы почти на исходе, но шел. Действительно лучше себя чувствовал, но и не случись того светлого и участливого попики на могиле Федора Кузьмича, все равно, сжав зубы, шел бы. Потому что нужна моему городу Легенда. И свой, особенный, сибирский – таинственный и непонятный – святой тоже нужен. Вот и пусть люди видят Чудо. Пришел, мол, раненый губернатор на могилу... Ну как пришел?! Считай – принесли. Побыл там немного, молитву прочитал, и обратно к карете уже сам шел. Сами видали – впереди всех бежал. Чудо!

На удобном диване в повозке только и позволил себе расслабиться. Пот холодный из-под картуза вытер. Но осанку держал. Изо всех сил.

Велел ехать в присутствие. Дел много. И никто, кроме меня, их не переделает.

И закутилось. Полторы недели как в тумане. Поломой плюнул и перестал после каждого посетителя грязные следы с паркета подтирать. Все равно следующий же новую дорожку от порога к моему столу натаптывал. Грязь в Томске. Распутица, а галоши только в столицах едва-едва в моду входили. Кузнецов даже статейку в газете написал. Пристыдил купцов магистратских. Потом и я в дело включился. Ненавижу грязь. Непролазные улицы – позор для так называемой губернской столицы. И в этом Гера со мной полностью солидарен. Вызвал к себе городского голову Тецкого с товарищами.

Вообще-то Дмитрий Иванович на меня обижался. Это мне потом подсказали, чего ждал от меня владелец заводов и пароходов. Думал – я упрасивать его стану, умасливать, корабль с баржей для своей экспедиции выпрашивая. А я, разом переломав все туземные обычаи, чисто по-немецки устроил конкурс. Собрал пятерых владельцев транспортных компаний, озвучил цены. И условие поставил – или они сейчас торгуются между собой, и я получаю пароход в обмен на предоплату, или я с солдатами получаю желаемое, а следующей зимой они с казны получают. Может быть.

Адамовский, по щучьему велению, вдруг оказавшийся в Томске, тогда на Тецкого коварно глянул и заявил, что готов отвезти меня с войском куда угодно. И даже там же дожидаться, чтоб назад вернуть. Ну, его корысть понятна. Вздумай «комиссионеры» и этому рейсу палки в колеса вставлять, дрова не давать, могут и на плюху от губернского правления нарваться. А то, как власть может при желании нагадить – каждый из крупных торговцев прекрасно себе представлял.

Городской голова немного, с использованием приличных слов, на поляка поругался... Матом крыть, слава богу, в моем кабинете побоялся. И на пол плевать. И с кулаками на конкурента кидаться. Экая незадача...

Миша в справке так сразу и указал – Адамовский. У остальных-то рейсы на всю навигацию уже проданы были. И только Осип Осипович о своих планах общественность оповещать опасался. Дела у него неблестяще шли. Купцы на Ирбит другие пароходы фрахтовали – боялись, что гризли Тецков может и еще чего-нибудь учудить, а не только топливо котлам не давать. Так что мое предложение по сути поляка от банкротства спасало.

В общем, к 20 мая – дню, когда в Томске должна была официально начаться навигация, у тецковских пакгаузов меня должен был ждать шестидесятисильный пароход «Уфа» с баржей на прицепе. Я не возражал, если барж окажется две – корабль был достаточно мощный, чтоб тащить против течения обе. Только просил сразу предупредить потенциального заказчика, что караван будет двигаться медленно. Казаки намерены были взять с собой больше двух сотен лошадей, а их нужно было ежедневно вываживать по твердой земле.

У выделенной командиром Томского линейного батальона полуроты тоже было несколько животных. Все припасы на спинах солдат не унесешь.

А! Кстати! В полуроте оказалось сорок пять человек. Большая часть из этих отправляемых подполковником Владимиром на край света солдат были евреями. Кантонистами. Это такие люди, которых с раннего детства отбирали из еврейских семей и отдавали на обучение в кантонистский батальон. По достижении совершеннолетия, лет этак в 16–17, мальчиков зачисляли в Российскую императорскую армию. Чаще всего в инвалидные или линейные роты по окраинам обширной державы.

А командиром моих новых подчиненных был определен фельдфебель Герцель Цам. Фельдфебель – это воинское звание такое, а не фамилия. Что-то среднее между старшиной и старшим сержантом в Советской Армии. А может быть, и то и это. В любом случае Герцель Янкович, в свои двадцать два года, управлял ротой исключительно. Его подразделение считалось лучшим в батальоне. И конечно, на девяносто процентов состояло из евреев.

Мне, в общем-то, было все равно. Хоть из зулусов. Оружие и амуниция – в идеальном состоянии. Дисциплина на высоте. Список требующихся в походе припасов составлен был Цамом грамотно и вдумчиво. Что еще надо?

Организовал моей полуроте отдельное от батальона размещение. Попросту арендовал пустующий склад неподалеку от причалов. Туда же свозились заготовленные припасы. Круглосуточная охрана, кстати, оказалась не лишней. Мой склад дважды пытались обворовать. Кончилось это двумя лишними безымянными могилками у кладбищенской оградки. Еврей с ружьем – страшное дело.

Тецков на меня обижался, но пришел. И пристяжных своих привел. А я, со своей стороны, пригласил губернского архитектора Македонского и инженера, капитана Юрия Ивановича Волтатиса. Первого, чтоб попенял лишний раз на грязюку уличную, а второго – из-за любопытной схемы, которую капитан принес мне в приемную на следующий же день после выхода «Томских губернский ведомостей» с кузнецовской статьей. На чертеже изображен был так сказать разрез дороги – «пирог», как говорят строители. Песчаная «подушка» в самом низу, потом щебень, и уже поверх – толстый слой утрамбованного отсева. Отсев – это смесь песка и мелкой щебенки. Им еще дорожки в парках посыпают. В слежавшемся, или хорошо утрамбованном варианте отсев замечательная штука. Только колес боится и промоин. Но мне идея Волтатиса понравилась именно как временная схема. И решающая проблему распутицы. А если отсев вывернут телегами или дождевыми водами размочет, так и бог с ним. Долго ли подсыпать нового? Зато стоимость такой облегченной мостовой для нищих оказывалась чуть ли не в двадцать раз ниже брусчатки. А количество улиц в растущем городе заставляло надеяться, что несколько сотен безработных окажутся занятыми на много лет вперед. А там или асфальт сумеем положить, или нормальный цемент сварим, чтоб искусственную брусчатку делать.

Отдал капитана и его схему в магистрату. Карбышев уверял, что в казне Томской управы не меньше ста тысяч лежат мертвым грузом. Вот и пусть раскошелятся. Весь будущий проспект

Ленина, а пока Садовую, Почтамтскую и Миллионную за сотую часть этих капиталов можно в порядок привести. Хитрые купцы поинтересовались только, готово ли губернское правление взять на себя расходы по устройству новой «мостовой» возле своих многочисленных учреждений? Признал, что это справедливо. Не велики деньги, чтоб спорить.

С инженерами и архитекторами я вообще стал часто встречаться. Едва ли не чаще, чем с Цамом и Суходольским. Казачий начальник тоже строителей тербил. Копировал проекты всевозможных мостов. Кто его знает, какой удобнее окажется на Чуйском тракте применить. Похоже, строить дорогу майор решил всерьез, что меня только радовало.

А с Македонским, городским архитектором Александром Ивановичем Зборжегским и Гинтаром мы обсуждали проекты новых зданий – двух доходных домов для Фонда и моей усадьбы. Артели строителей к началу мая уже приступили к земляным работам, а выбранные для поставки кирпича заводы набирали новых рабочих. За лето трем заводам нужно было произвести более миллиона кирпичей. Горячие деньки настали и на томских лесопилках. Заготовленные и подсушенные за зиму бревна требовалось распустить на доски или брусья. В отсутствие литых железобетонных конструкций, все перекрытия в зданиях делались деревянными.

И если с доходными домами особых вопросов не возникало, то с планами губернаторского дома мы просидели долго. Во-первых, я настаивал на исключительной архитектуре, а не как это делалось в те времена – брался готовый эскиз из «рисунков высочайше утвержденных образцовых фасадов» и адаптировался под земельный участок. Так, например, дом Асташева строили. Я же хотел нечто совершенно отличное. И добился своего.

Еще больше споров вызвало предназначение помещений. Я хотел обширные подвалы под архив и встроенный сейф. Зал для занятий спортом. Небольшой зал приемов, кабинет и множество гостевых спален. Оказалось, что я совершенно забыл о нуждах слуг – горничных, денщика, личного слуги, конюха и каретника. Поменяли и сразу вспомнили о собственно каретах и конюшне, дровяном сарае и амбаре. Домина увеличивался в размерах, расползаясь по отведенному под него участку, пока я не смирился с мыслью, что садика, даже совсем небольшого, у меня не будет.

Зато, я выторговал себе сразу два черных хода. Объяснил тем, что не намерен терпеть непрерывное хлопанье парадными дверьми от снующих туда-сюда слуг. Инженеры пожали плечами и согласились. У каждого свои тараканы, и каждый сам должен их ублажать.

А о дополнительных способах покинуть усадьбу я задумался после устроенной коллежским секретарем Пестяновым, известным в узких кругах под прозвищем Варезка, глобальной облавы на всевозможных, окопавшихся по украинным притонам, варнаков. О том, что «сети» доморощенного Пинкертонна расставлены всего на одного человека, пять сотен казаков, роту пехотинцев и тридцать полицейских оповещать не стали. В Тюремном замке было еще много свободного места.

Очнувшийся уже в тюрьме, единственный оставшийся в живых участник на меня-любимого покушения любезно сообщил, что проживали они в задних комнатах публичного дома на Малой Кирпичной. И что часто контактировали с тамошним воровским сообществом. И даже будто бы один из подпольных главарей этой «мафии», некий малоуважаемый господин по кличке Красненький, приносил Караваеву с компанией сведения о моем распорядке дня, пристрастиях и месте обитания. Приносил написанными на канцелярской бумаге, хорошим, легко читаемым почерком с характерными бюрократическими оборотами речи. Это ли не повод повстречаться с Красненьким?

Я не перестаю поражаться способностям моего Варезки! Никаких заплечных дел мастеров в Томске не имеется, признания из шантрапы и шаромыжников выбиваются старыми добрыми кулаками или кнутом. Но моему чиновнику особых поручений при губернском совете даже силу применять не потребовалось.

Поначалу-то варнак даже имя свое назвать отказался. Ругался на русско-польском, обещал все кары небесные, стращал недовольством какого-то жутко важного господина, способного Варезку в бараний рог согнуть. Интересно было наблюдать за молодым Арчи Гудвиным, абсолютно уверенным, что самый главный господин в губернии – это я.

– А знаешь ли ты, бродяга, – ласково спросил сыщик у рычащего бандита. – Кого именно вы убивать-то шли?

– То мне не к чему знать, szumowiny d’âvolovo. Какой-то kiepski pies – купиец али барига. Не все ли одно?! За живот схизматика Bóg nie będe oceniać.

– Да-а-а? – удивился Варезка. – Так ты даже не знаешь, за покушение на кого в петлю голову сунул? За убийство государева генерала и губернатора судьи снисхождения не ведают...

– Szef prowincji? – отшатнулся убийца. – Nie oszukali mnie?

– Экий ты, братец, доверчивый. Дружбаны твои, поди, и добычей обижают?

Вот тут пленный враг, и разговорился. Выяснилось, что зовут его Анджей Завадский. Сам из мещан Гродненской губернии. Сослан на поселение в Сибирь за участие в грабежах и нападениях на военнослужащих Русской императорской армии. С места поселения бежал. Прибился к ватаге Караваева. Короче – вел активную работу по самоуничтожению.

Много сведений из варнака удалось вытянуть, касающихся укрытий банды вдоль Сибирского тракта. Ни о каких спрятанных главарем сокровищах Завадский не знал, но именами хозяев выселок, укрывавших добычу, охотно поделился. Так же как и приметам хитрохвостых купцов, не гнушавшихся скупать награбленное.

Но больше всего беглого поляка возмущало, что задаток, полученный покойным Караваевым за мою смерть, достался городской полиции. Опасаясь чего-то, атаман перед выходом на дело делить еще не «заработанные» деньги отказался, а пухлую пачку ассигнаций зачем-то таскал с собой.

Одной безлунной апрельской ночью пять сотен казачков тихонько оцепили исторический район Томска со звучным названием Кирпичи. Потом к месту облавы вызвали «по тревоге» большую часть полицейских и караульную роту. Губернский прокурор, расположившись в четвертом, Болотном, полицейском участке, приготовился к приему многочисленных, хоть и не добровольных, посетителей. Когда все было готово, по сигналу – одинокому удару колокола с Троицкой церкви, кольцо оцепления стало сжиматься.

По данным местного полицейского урядника, в прочесываемый район попало не более сорока землевладений. Вся операция длилась почти сутки, в течение которых я успел четырежды отлучиться и вернуться обратно. И, естественно, по закону подлости, самые интересные и напряженные моменты, также числом – четыре, случились именно в тот момент, когда меня рядом не было.

Когда полуголые, в хорошем подпитии, проститутки напали на пятерку осматривающих их «заведение» казаков и, пуще кошек, расцарапали служивым физиономии – я, по просьбе Гинтара, проверял ведомости доплат для губернских чиновников. В канцелярии Фонда уже имелось несколько жалоб на бюрократические «фокусы» некоторых моих подопечных, и стоило как-то показать остальным, что этакий «цирк» может обойтись весьма дорого. Решили составить общие списки с указанием сумм и вывесить их в доступном месте, для всеобщего обозрения.

Кстати, мой седой прибалт совершил небольшое экономическое чудо. Как я уже говорил, в казне Фонда различных, более или менее добровольных, пожертвований собралось на сумму чуть меньше ста тысяч рублей ассигнациями. По меркам Томска – огромная сумма – эквивалентная целой улице деревянных усадеб, или трем пароходам, или полугодовому жалованью всех чиновников всех присутственных мест губернии. Вполне сравнимая с общей казной Сибирской столицы и всего на пару десятков тысяч меньшая, чем годовой бюджет самого Томска.

Так вот. Господин Мартинс распределил деньги следующим образом: половина была помещена на счет в Сибирском общественном банке и предназначалась для оплаты расходов на строительство зданий. Небольшая часть из оставшихся была отложена для первой, майской, выплаты. А остальное – роздано в долг под проценты нуждающимся в увеличении оборотных средств купцам и промышленникам. Под залог адекватных долей в их предприятиях. Все документы были оформлены со всей тщательностью, зарегистрированы в магистрате, у окружного судьи и у прокурора. Как-либо оспорить залогов у нечистоплотных дельцов ни за что бы ни вышло.

Выплаты процентов по займам должны были совершаться один раз в месяц, и только наличными деньгами. И за май-месяц капитал Фонда должен был увеличиться на триста рублей. А с учетом приобретенных земельных участков – так и больше. Учитывая, что я полагал нормальным, если первый год моя затея будет действовать в убыток, бывший слуга поступил наиболее эффективно. Так что, заняв время финансовыми отчетами и списками чиновничьего люда, я ничуть не жалел, что пропустил «лицораздирающую» сцену из «Бабского бунта».

Ближе к обеду на сакраментальный вопрос одной из досмотровых бригад: «Где они?» управляющий одного из притонов ткнул пальцем в закрытый люк подвала. Но стоило тяжелой крышке открыться, как из тьмы раздались выстрелы. У откровенно радующихся развлечению казаков был четкий и недвусмысленный приказ – татей брать живыми. Потому палить из ружей в ответ они не стали, а принялись сбрасывать вниз тлеющие связки тряпок и соломы. Когда внизу стало совершенно нечем дышать, лиходеи полезли к свету и чистому воздуху. Где их уже ждали нагайки и крепкие веревки. Красенького среди арестованных не обнаружилось. Но полицейские не переживали – среди «детей подземелья» были не менее колоритные личности.

Рассказывают, что дым поднялся такой, что соседи, решившие, будто начался пожар, побежали к колокольне бить тревогу. Нужно отметить, что полицмейстер прибыл вперед пожарной команды. Был бледен, как снег и непочтителен. Ругался матом и лез драться. Его можно было понять – ставить барона в известность о намечающейся зачистке, по понятным причинам, никто не стал, а пожары плохо влияли на его карьерные перспективы.

Во время тренировочного возгорания я кушал в ресторации неподалеку от магистрата. Подавали бурятские «манты» – буузы. Отменная штука, если правильно приготовлены. Рекомендую. Городскому голове Дмитрию Ивановичу Тецкову они понравились гораздо меньше, чем мне, но он воспитывался в староверческой строгости – ему обилие специй показалось непривычным.

Обсуждали проект развития города, мостовые и порт. Тут-то и выяснилось, что после середины лета, когда уровень воды в Томи резко падает, грузовые суда все равно могут прийти только до Черемошников. Это пригород тогдашнего Томска, верстах в четырех-пяти к северу от почтамта. Там «Пароходство Н. А. Тюфина» базируется. И всем остальным приходится приплачивать хитрому Николаю Алексеевичу за дозволение причалить и разгрузиться. Потом уж, мелкосидящими паузками грузы стаскивались к набережной. И вот если таки построить современный портово-логистический комплекс, то, по мнению Тецкова, хотя бы пару месяцев пароходники станут туда подходить. Хотя бы чтоб не поважать конкурента.

Я имел свое собственное мнение, но делиться им с городским головой не торопился. Ждал, пока он не предложит доленое участие в строительстве инфраструктуры.

Письма в Министерство путей сообщения касательно гидрографических исследований сибирских речных путей я уже давно отправил. Ответа еще не было, но так быстро я реакции столичных бюрократов и не ждал. Все-таки «толкачом» так и не обзавелся, а без него дело могли рассматривать годами.

Ну да не в этом дело. А в том, что по законам Российской Империи, для транспортных компаний, использующих разведанные и соответствующим образом размеченные водные пути страны, назначался «водяной сбор». Вовсе не обременительный – четверть копейки с пуда, но

платиться он должен был в месте погрузки речного судна. И естественно, чиновник не станет бегать вдоль всего берега, чтоб получить положенное. Потому и единый порт, со специальным помещением для сбора пошлины, просто обязан будет существовать, когда Обьскую речную систему включают в реестр водных путей Империи. Хотят того враждующие владельцы пароходов или нет. Иначе за неуплату можно и корабли арестовать...

Тецков мялся и прямо предложить участие в строительстве не спешил. Ну и бог с ним. К осени должен был созреть, а пока, с приближающимся началом навигации, у него и так забот полон рот.

Во время обыска караваевского убежища мы с Кузнецовым обсуждали готовящуюся статью о покушении на меня-любимого и последующие за этим действия губернского правления. В том числе эту самую облаву в Кирпичах. Нужно сказать, новость о стрельбе в «Сибирском подворье» разошлась по городу со скоростью лесного пожара, постепенно обрастая причудливыми слухами. Мои «скауты» – пацанва из приемной – приносили Мише всевозможные варианты. К моему удивлению, большинство томских обывателей целей доморощенных террористов не разделяли. Ничего хорошего или плохого я томичам сделать не успел, но меня все-таки жалели, а неудачливых убийц однозначно прописали в аду.

Самая экзотичная из народных версий, что будто бы покушение – это месть ссыльных поляков, тем не менее, оказалась самой живучей. В некоторых питейных заведениях вынужденных переселенцев отказывались обслуживать, а кое-где даже и били. Благо до стрельбы дело не доходило, чего я всерьез опасался. Оружия в городе было немеряно. Только на Почтамтской оружейных лавок штук пять имелось в наличии.

В чиновничьей среде тоже полно было господ с польскими фамилиями. И смех, и грех, но большая их часть тут же кинулись ко мне на прием с выражениями почтения и пожеланиями скорейшего выздоровления. Логичный подход. А вдруг я слухам поверю и отправлю, со злости, этих «поляков» в Нарым с остяков по три шкуры ясака собирать? Это, кстати, вовсе не красивый оборот речи. С инородцев севера губернии действительно был назначен такой налог – три шкурки ценного пушного зверя. Или по тридцать белок за одну ценную.

Вот мы с редактором неофициальной части «Ведомостей» и придумывали, как именно нам народ успокоить, силу власти продемонстрировать и пламя межнациональной розни приглушить. Тут в голову и слова преподобного Серафима пришли. Подкинул я Кузнецову идею интервью у епископа Томского и Семипалатинского Порфирия взять. И чтоб его преосвященство обязательно по поводу поляков что-нибудь примиряющее высказал. Мне погромы по национальному признаку в Томске не нужны.

Пока журналист, а по совместительству еще и преподаватель словесности в гимназии, записывал тезисы будущей статьи, мои казачки собрали все имущество банды Караваева, включая заботливо упакованные в кусок кожи записки от неведомого «пособника», с пару больших тюков и передали добычу Мише Карбышеву. И так уж получилось, что из-за этого арест пытавшейся пойти на прорыв группировки Красенького тоже прошел вне моего участия. Потому что именно в это время я ругался и спорил с майором Кретковским.

Киприян Фаустипович явился на все готовенькое и сразу заявил, что организация покушения на высшее должностное лицо имперской провинции – суть преступление против Империи и основ императорской власти, а посему из ведомства Министерства внутренних дел жандармским корпусом изымается. Мол, дальнейшее расследование берет на себя Третье отделение. И, да – конечно, о результатах меня всенепременнейше известят. Ежели в сведениях не отыщется государственной тайны, конечно...

Я подозревал, что, перехватывая у меня это дело, человеко-крыс попросту прикрывает кого-то. Я кричал, что нет тут никакого государственного преступления, а просто троица непримиримых придурков отправилась мстить за разгром их отряда на Московском тракте. Я доказывал, что, пока не получу известий от Красенького, останусь под ударом – заказчика-то

покушения мы с Варезкой так и не сумели вычислить. Я жаловался, что как охранять меня от вражьей пули, так жандармов нет. А как заговорщиков выловили – так вот они. Нарисовались, хрен сотрешь.

Жандарм слушал меня молча, с какой-то совершенно путинской полуулыбкой. И потом предъявил предписание от генерала Казимовича. Посоветовал отправляться на Алтай, как и планировал, а к концу лета уже все и прояснится с этими «польскими душегубами». Тут-то я все и понял. Кретковский учуял запах польского заговора, только понять не мог, с какой стороны тянет. А что? Вполне себе вероятное дело. И на бдительности тоже можно карьеру сделать.

В тот же день мой пленный варнак из тюремного замка пропал. Пришли пара угрюмых господ, показали смотрителю, уряднику Александрову, приказ от шефа сибирских жандармов и Анджея забрали. А записочки Миша сразу майору передал. Вот так наше с Пестяновым расследование и закончилось. Через день Варезка уже в сторону Барнаула выехал. Секретаря моего в цели командировки чиновника по особым поручениям не посвятили. Не было ему больше веры.

Он пришел потом, с видом напроказившей собаки, встал у порога.

– Я все понимаю, Миша, – сказал я тогда. – Трудно быть слугой двух господ. Я понимаю – меня ты еще плохо знаешь. Наверняка не разобрался еще – кто я такой и чего хочу. А с майором – давно знаком... Потому и не могу на тебя сердиться... Прошу только. На будущее. Прежде чем затевать что-нибудь подобное – приди, скажи. Запретить докладывать твоему начальству о моей деятельности не имею права. Но хотя бы уж быть готовым к неожиданным поворотам...

Карбышев постоял еще секунду, поклонился и выговорил:

– Я понял. Простите, ваше превосходительство.

– Иди, работай, – устало улыбнулся я. Тяжело мне этот день дался. И рана продолжала слегка беспокоить. Так что ничего удивительного, что за делами я совершенно позабыл о моем «узнике совести» – присланном из Санкт-Петербурга присяжном поверенном.

Только в среду, двадцать девятого апреля, часа в четыре пополудни, по пути из цейхгаузов Томского линейного батальона, взглянул на торчащую над серой глыбой тюрьмы маковку Никольской церквушки – вспомнил. И немедленно велел сворачивать с Большой Садовой на Тюремную.

Лазаря Яковлевича я нашел сильно похудевшим. И присмирившим. Две недели в камере, в компании с безобидными бродягами, явно пошли ему на пользу. Вообще, конечно, это я совесть таким образом успокаивал. Стыдно было до жути. Не того, что отправил стряпчего в холодную, а то, что забыл о живом человеке. Так бы и сидел, страдалец, если б я золоченый купол не разглядел.

Арестанту вернули ремень, шнурки и шарф. Со склада принесли чемодан с вещами и портфель с бумагами.

– Вас разместят в номере по соседству с моим, – злясь на себя, выговорил я, когда Воронцову помогли усесться в мою коляску. – Завтра утром оформим то, зачем вас сюда послали. Как почувствуете себя в силах, сможете отправиться в Санкт-Петербург. Документы и дорожную вам выправят. Густаву Васильевичу я телеграфирую. Вам все ясно?

– Да, ваше превосходительство. Конечно, ваше превосходительство, – заглядывая в глаза, смирившийся со своей участью стать пешкой в играх генералов, со всем соглашался стряпчий. – Позволит ли ваше превосходительство, просить его о пустяковом одолжении?

– Слушаю вас, господин поверенный.

– В камере... ваше превосходительство позволит начать издалика?

– Без излишних подробностей, пожалуйста, – я был всерьез заинтригован началом. Было действительно любопытно, как сильно повлияло это краткое заточение на прежде самодовольного наглого юриста. Но всю дорогу слушать его разглагольствования желания не было.

– О, конечно, ваше превосходительство. Я не смею испытывать ваше терпение... Вашему превосходительству должно быть известно, что в тюремных камерах заключенные придерживаются определенных традиций?! Арестанты образуют некие группы. Так называемые «семейки». И я тоже попал... Гм... Будучи наказан за собственную глупость и неводержанность... Ваше превосходительство! Прошу меня простить!

– Будем считать, Лазарь Яковлевич, что это было оригинальное лечение от болезни... неверного понимания жизненных реалий.

– Истинно так, ваше превосходительство. Истинно так! О том же самом мне мои «семейные» и говорили. Это оказались замечательные люди! Два Николая Бесфамильных. Они помогли мне, чем могли. Утешали, молились вместе со мной, делились съестным...

– Арестантов недостаточно сытно кормят?

– После суда, ваше превосходительство – никто не смеет жаловаться. Те же, чья степень вины перед законом еще не определена, страдают.

– Я проверю.

– Благодарствую, Герман Густавович. Однако я хотел просить вас об участии в скорейшем рассмотрении дел моих сокамерников. Более ни о чем просить ваше превосходительство не смею.

Ух, ты! Он оказался человеком лучшим, чем я о нем думал. Едва покинув ворота тюремного замка, просить о других – это показатель. Мне же ничего не стоило дать указание прокурорским ускорить рассмотрение дел этих несчастных. На имена воронцовских «семейников» я не обратил никакого внимания. А зря. Если это не было намеком от Господа, то я тупая безмозглая скотина.

Тридцатого утром, в присутствии губернского прокурора Гусева и окружного судьи надворного советника Павла Андреевича Пушкарева, стряпчий оформил все необходимые доверенности. Документ о том, что я, Герман Густавович Лерхе, передаю всеобъемлющее право распоряжаться принадлежащим мне пакетом акций Южно-Уральских Кауфских железнодорожных заводов, числом двести двадцать две, заверили печатями Томского губернского правления и Томского суда. После обеда Воронцов уже сходил с парома на левом берегу Томи в районе Верхнего перевоза.

Кстати сказать, Герин отец продал 347 акций, 222 моих и 125 принадлежащих Морицу, наследнику основателя этих самых заводов, Николаю Петровичу Демидову, за триста восемьдесят семь тысяч рублей. Около двухсот имеющихся у него на тот момент в руках акций молодому поручику уступил и барон Штиглиц – глава и владелец банкирского дома «Барон Штиглиц с К^о». И давнишний друг старшего Лерхе. А так как у Демидова-младшего давным-давно, кроме офицерского жалованья никаких доходов не было, тот самый барон, кроме того служащий Председателем Совета Государственного банка Империи, выдал на покупку относительно ценных бумаг кредит. 31 августа 1864 года последовало Высочайшее распоряжение вновь взять Кауфские заводы в казенное управление с назначением их в публичную продажу на удовлетворение так и не выплаченного полностью казенного долга. Однако и кредит в Госбанке, тем же самым Высочайшим рескриптом Николаю Демидову был прощен. Держатели остальных, без малого двух тысяч акций, не получили ничего. Такая вот локальная социальная справедливость...

К началу июля небольшая мастерская в предместьях Санкт-Петербурга начала выпускать небольшие партии папок-скоросшивателей, скрепки и дыроколы. Сначала новинкой заинтересовалась канцелярия Военного министерства. Еще один старый приятель отца, действительный тайный советник Иван Давидович Якобсон, бывший генерал кригскомиссар, то есть главный интендант и логист армии, а ныне член Военного Совета и одновременно управляющий Комиссариатским департаментом, немало тому способствовал. К началу осени мастерская превратилась в фабрику с числом рабочих в восемьдесят человек и приносила не менее

пятидесяти тысяч рублей ассигнациями в месяц. Я, как главный акционер и владелец привилегии, стал богатым человеком даже по меркам столицы.

Пока же шел последний день апреля, и я о будущих доходах даже не подозревал. К обеду Миша принес запечатанный конверт, в котором рукой Василины было написано: *«Из сведений «Военного инвалида» – Наследник Престола, Его Императорское высочество, великий князь Николай Александрович, с началом лета отбывает в длительное путешествие по Европе».*

Записку я тут же сжег.

Это был третий Николай за последние два дня, и игнорировать подсказки «руководства» я больше не мог. Тем не менее, спустя всего пару часов появился Николай и четвертый. Явился Серафим и сообщил, что у меня будет не более часа на следующий день рано утром, за тем, чтоб, не привлекая излишнего внимания, помолиться у чудотворной иконы Николая-Угодника. Он все понимал, этот странный, писклявый воробышек в рясе. У лютеран сложные отношения с изображениями Бога или святых. Совсем не хотелось прослыть ненормальным лютеранином.

И вот я стоял на коленях перед... Перед своей Судьбой, наверное.

Все, что я успел натворить в этой, новой для меня, жизни не так уж и сильно могло изменить историю. Ну, был Герман Густавович Лерхе – томский губернатор. Поддерживал промышленность. Старался дружить с купцами, враждовал с бароном Пфейлицер-Франком и ловил несчастного Караваева. Собрался съездить в турпоход на юг Алтая. И что? Это даже не капля в море, это атом во Вселенной. Ничто. История складывается из переплетения судеб миллионов, миллиардов людей. Каждый в какой-то мере влияет на всех других и на те символы, что навеки выбиваются на скрижалях.

Просто у всех эта мера разная. Вася Пупкин из деревни Гадюкино, Зачуханского уезда, Тьмутараканского округа, Крайней губернии, ни разу в жизни так и не побывавший в городе, оставит след лишь в своих потомках. И то, при условии, что они выживут. А в честь королевы Британской Империи, любящей своего мужа, принца Альберта, до умопомрачения, дурнушки Виктории, назовут целую эпоху.

Моя мера, пусть я даже и не последний человек в Сибири – тем не менее – не более чем строчка в учебнике «Для студентов и преподавателей специализированных вузов». А вот наследник Престола, великий князь Николай Александрович – это глыба, продавливающая ткань Истории. И все-таки в то зябкое утро именно от меня зависело – появится ли в школьных учебниках «Эпоха царствования Николая II Александровича» взамен «Эпохи Александра III».

Но если бы только выбор между двумя потенциальными государями был поводом для раздумий – я уже писал бы письма по заранее, давным-давно подготовленным адресам. К сожалению, все было намного-намного сложнее.

Перво-наперво мне нужно было решить – станет ли лучше моей стране, останься Николай жив.

В той книжонке, под влиянием которой я вообще вспомнил о грядущей трагедии в Монаршей Семье, царевич описывался, как весьма умный, прекрасно образованный, добрый и тактичный молодой человек. Однако об усопших редко говорят плохое. Тем более, о тех из них, кто ушел в столь юном возрасте. В справке же Василины о личности великого князя нашлось замечание, что этот двадцатилетний парень – скрытен и хитер. Со дня официального провозглашения его Наследником Престола, ни единым словом или намеком, он не дал понять, к какой именно партии – либералов-реформаторов или консерваторов-ретроградов – тяготеет. Великий князь Константин Николаевич – лидер и символ реформаторов – приходится Николаю дядей. Но никаких слишком уж тесных контактов они не поддерживают. С другой стороны, Костя Победоносцев – один из воспитателей Наследника – ярый приверженец промышленного развития России. Главный же руководитель воспитания цесаревича граф Сергей Григорьевич Строганов – большой патриот Державы, председатель Московского общества истории и древ-

ностей российских. Ежегодно снаряжает на свои деньги археологические экспедиции. Основал недавно Императорскую Археологическую комиссию. В 1861 году, после обнародования Манифеста, дал вольную почти двумстам тысячам крепостных. Из них почти пятидесяти тысячам – без каких-либо выкупных платежей.

Достойный, короче, человек. И учителей Наследнику подбирал тоже не только по уму, но и по сердцу. Один из них – учитель словесности – Федор Иванович Буслаев – личность прямо-таки одиозная. Яркая. Собирает былин, легенд и сказаний. Проповедник славянофильства, из тех, кто всерьез полагает, что Россия – родина слонов. Была бы у моего Герочки фамилия Иванов – я бы не переживал. Но Господь дал мне, потомку томских кержаков-чалдонов, в новой жизни тело лифляндского немца – Лерхе. И вот доказывай потом, что не верблюд и семья наша, за сто лет российского гражданства давно обрусела... А если учесть, что отец Герин в свите принца Ольденбургского состоит – так сказать, «председателя» германской партии при дворе, так и вообще. Как бы, сохранив такого наследника, не пришлось потом подыскивать другую страну пребывания.

Вряд ли, конечно. Слишком уж много подданных у русских царей носят германские фамилии. С Петра Великого считалось, что немцы – опора трона. Обязанные Романовым своим положением, не любимые народом, пришлые люди действительно оставались наиболее надежной частью дворянства. Я уж не говорю, что одним из адъютантов царевича, вместе с младшим князем Барятинским, служит барон фон Рихтер, а секретарем – Федор Оом. Оба из курляндских немцев. И нет никаких сведений, что «работодатель» своими подчиненными недоволен. Рихтер приставлен к Николаю императором, а секретарь – матерью, но не дай бог им оступить – ни царственный отец, ни императрица держать подле любимого сыночка их не станут.

О брате Николая, Александре, известно тоже не много. Сильный. Нескладный и неловкий. Очень любит старшего брата и пребывает под полным его влиянием. В книжонке пятнадцать лет его правления описываются двумя абзацами. Царь-Миротворец – не вел ни одной войны. Расцвет промышленности и торговли. Стабилизация экономики. Строитель железных дорог. Но придавил революционное движение так, что и пискнуть без разрешения не смели. Таковую контрреволюцию устроил, так пружину сжал, что стоило его сынуле чуточку вожжи отпустить – тут же и рвануло. Александру бы грамотного политтехнолога в помощь, чтоб и бомбистов всяких к ногтю, и чуточку свободы в массы – цены бы этому царю не было!

Но он хотя бы имел возможность проявить свои способности. Николай этого был лишен. И какова вероятность, что младший брат лишь неумело воплощал идеи старшего? Мог же наследник делиться мыслями хотя бы с любимым братом. Так что это вполне может оказаться правдой.

Ну, ладно. Допустим, Николай достоин получить трон. Но получит ли? Не в том смысле, что случится переворот и от власти юношу ототрут. Это в России девятнадцатого века – просто фантастика. Но поставленный уже после смерти диагноз – спинномозговой менингит – это реальность. И даже если сейчас, весной 1864 года, за год до смерти парня в той, другой, истории, болезнь еще не проявила себя в полной мере, вопрос вопросов – способна ли нынешняя медицина бороться с недугом? Что толку бить в набат, если амбар все равно сгорит?

Будь я каким-нибудь врачом из двадцать первого века, может, и имел бы представление, как добыть антибиотики из хлебных корок. Но я – чиновник. Профессиональный. И из медицины знаю только, что руки нужно мыть перед едой, раны мазать спиртом, а алтайский золотой корень на водке лучше виагры. Кстати! Если настой этого волшебного корешка и гм... вялого поднять может, так почему бы на полудохлом наследнике не испытать?! Хуже уже вряд ли будет...

Так. Похоже, решение я уже принял. Теперь стоит решить, как именно мне выручать парнишку. И что мне за это будет.

Вариант первый – самый для меня хреновый. Задаем простой вопрос: как могло такое случиться, что старший любимый сын уже много лет болен, периодически проводит в постели по неделе и больше, мучаясь болями в спине, а родители не в курсе? Он же не на другой планете проживает, и общаются они не посредством радиосигналов! Больше того! Идиот-врач назначает пациенту купание в холодном Балтийском море. В мое время любой придурок знает, с воспалением переохлаждение организма – смертельно опасная игра. А лейб-медик, врач-терапевт, профессор медико-хирургической академии Николай Александрович Шестов об этом даже не подозревает? Как вообще это стало возможно?

Допустим, Шестов давно понял, что с его единственным пациентом происходит и боится огласки, как признания собственной некомпетентности. Возможно? Я бы сказал – нет, если профессор не дурак. Потому что любую некомпетентность или халатность любой грамотный врач легко объяснит малопонятными терминами так, что еще и героем себя выставит. «Скоротечная абсорбация дисактивной инфлюэнции – скажет и потрет усталые глаза. – Трое суток без роздыху я боролся, ваше императорское величество, с коварной болезнью. Но, видно, Господу было угодно»... И всего делов-то. Медаль на пузо, пенсия и благодарственные письма.

Получаем странный и даже страшный итог: царствующие родители прекрасно осведомлены о том, что Никса – не жилец. И дело лейб-медика всего-навсего спровадить неудобного парня на тот свет быстро, эффективно и, по возможности, безболезненно. Саша, пусть и не такой умница и красавец, как Коля, зато – здоров как бык... Страшно? Еще как! А теперь – представьте меня в этой схеме со своими тревожными письмами. Кем я стану для давно все предусмотревших царя с царицей? По меньшей мере – человеком, лезущим не в свое дело. И слишком много знающим. А значит, достойным поста губернатора Аляски. И это еще не самое плохое назначение было бы. Подозреваю, что все может закончиться шелковым апокалипсическим шнурком на шею или прорубью в Неве.

Однако, что мы видим в той, уже случившейся, истории моего мира? После смерти наследника, доктор Шестов вылетает из лейб-медиков, как пробка из Асти-Чинзано. И профессуры лишается. Оставшиеся одиннадцать лет жизни проводит в каком-то небольшом городке вроде Пензы земским доктором. Если этот товарищ был вовлечен в «заговор родителей», то я угол дома. Разве так благодарят за честно выполненное политическое убийство? Но тогда выходит, что и не было никакого заговора. Ибо, никто другой, кроме нашего профессора, такое дело проверить бы не смог.

И тут возникает вариант второй – героический. А что если Никса, и правда, не был так уж болен до своей поездки по Европам?! Что если заговор таки существовал, но не родителей против своего чада, а кого-то могущественного против всей Империи? Лишить Россию подающего блестящие надежды наследника, больно ударить по царской семье. Показать, что у этого «злоумышленника» длинные руки. Вариант? Отчего нет?

Могли ли Николая отравить? Существуют ли яды, способные обмануть прекрасных врачей – профессора и лейб-медика Николая Федоровича Здекауэра и Николая Ивановича Пирогова – человека, в чью честь в мое время улицы и институты называли? Теоретически – возможно. Но технически – вряд ли. Яды всегда оставляют следы. И, думаю, проверку на яды тело усопшего прошло в первую очередь. Вопрос-то нештучный.

Хотя. Терроризма еще не существует, даже как понятия. Термин «политическое убийство» уже есть, но все еще принято считать, что совершать его должны «разъяренные подданные», а не неведомый ниндзя-отравитель. И обязательно на территории Родины. А то ведь и конфуз может выйти. То-то французский король самолично в Ниццу прибыл, едва только царевич слег. Это ведь не князь какой-то. Это Наследник Императорского Престола. И идеальный повод для войны, по совместительству, стоило только заподозрить возможность отравления!

С другой стороны, разве не существует других причин, способных лавинообразно запустить механизм быстрого развития спящей болезни? Почему после купания в Голландии Никсе

хуже не стало, а в Венеции он почти сразу свалился? Коварные итальяшки отравили? Тю! Так не было еще Италии, как государства. Да и, кроме, может быть, Англии, смерть Николая Александровича никому никаких осязаемых выгод не принесла бы. Тем не менее, именно в Венеции болезнь проснулась. Почему?

А не могла ли стать причиной банальнейшая акклиматизация? Санкт-Петербург и Голландия – примерно одна климатическая зона. Болезнь спит. Климат Средиземного моря резко отличается. Теплое море, масса морепродуктов, фруктов и солнца – нате вам: обострение и кризис.

Возможно? А хрен его знает. И посоветоваться не с кем. Врачей тут еще нужно учить руки мыть с мылом и место укола йодом мазать. А о влиянии климата на организм им и подавно не ведомо.

Другой вопрос – мне-то что с того? Допустим, что именно писать в посланиях, я примерно себе представлял. А вот что мне за это будет? И чем это может закончиться? Ведь не поверят же – брякни я о климатических зонах. За чудака и карьериста примут. А яды? Могут они тупо усилить охрану наследника, сообщу я им о возможности отравления? Легко! Но Колю это уже не спасет. Охрана ни акклиматизацию, ни болезнь не победит. А я стану черным вестником, «накаркавшим» трагедию. Вроде и «спасибо», а на самом деле – глаза б на тебя не смотрели...

Но что-то мне подсказывает, что и одной природой тут не ограничилось. И все, как всегда, гораздо сложнее. И проще.

Вариант третий – наиболее благоприятный. Даже мечтать приятно...

Итак, я весь в белом, сообщаю, что врач Шестов – дундук и просмотрел у царевича серьезное заболевание. Что Николая ни в коем случае нельзя отправлять в Европу. Что теплые моря ему, что меч острый. Что нужно немедленно созвать консилиум светил медицины и принять меры к излечению. Царь тронут, царица вся в слезах. Врачи берут анализы и выявляют воспалительный процесс. Я поручаю Высочайший карт-бланш на всевозможные эксперименты в своей губернии, три... нет! четыре ордена и какое-нибудь придворное звание... Все рады, на Рождество я получаю в подарок открытки, собственноручно нарисованные младшими братьями и сестрами Николая. Фреze умирает от расстройства, и АГО отдают мне...

Фиг! Не поверят. Лейб-медики рапортуют о полном телесном здоровье Никсы, а какой-то хрен-с-горы, сидючи во глубине сибирских руд, доносит нечто совершенно обратное. Я б и сам не поверил...

Всех трех, участвовавших в лечении наследника, врачей, кстати, тоже Николаями зовут. Господь часто делает людям намеки, только мало кто на них внимание обращает. Благо я не такой. Мне и меньшего бы хватило.

Решить-то спасти будущего Николая Второго я решил. А вот как именно, мне в голову пришло, только когда я увидел пароходную «Уфу» и обещанную Юзефом Адамовским баржу. Правда, до этого было еще две недели напряженных раздумий, первая, майская, прибавка к жалованью от Фонда и активная подготовка к походу на Алтай. А еще небольшая лекция для столоначальников, председателей комиссий и прочих начальничков моего присутствия.

Итак, утром в субботу, 2 мая на стене коридора неподалеку от финансовой части Первого отделения, где обычно государственные служащие получали жалованье, появились списки чиновников с указанием денежной прибавки от Фонда. Поименно и с комментариями – кому, за что начислено больше или меньше. Конечно, основными причинами снижения была волокита и вымогательство мзды. Часто одно подразумевало другое. Еще чаще сумма «штрафа» от Фонда во много раз превышала размер полученной взятки. В воспитательных целях.

Списки привлекли внимание, но ожидаемого мной ажиотажа не вызвали. Сложно с этими бюрократами. Кому как не им лучше других известно, что пообещать и выполнить – не одно и то же. И если вы слышите: «Ваш вопрос будет рассмотрен в кратчайшие сроки» – это не значит

– сегодня. И даже не завтра. И не послезавтра. До вас дело дойдет, если кто-то из начальства подтолкнет или до ваших бумаг дойдут руки – то есть очень-очень не скоро. Чиновники – весьма занятые люди...

Тем более важным было в тот же день осуществить выдачу наличных. Ради первого раза этим решил заняться Гинтар. Лично. Конечно, не один. Двое моих «скаутов», что в переводе с лондонского наречия и означает «посыльный», невероятно гордые оказанным доверием, тащили из кабинета в кабинет сумки с ассигнациями. Следом шествовал казак с шашкой на боку и ружьем в руках. И старый прибалт со своей копией списка.

Я в этом шоу не участвовал. Сидел в своем кабинете – проверял финансовые ведомости закупок к экспедиции. Купцы шельмовали с качеством, завхозы требовали откаты, а приказчики норовили поставить меньше, дабы сбыть на сторону «экономии». До эпохи развитой бюрократии было еще сто пятьдесят лет, махинации казались мне шитыми белыми нитками, но требовали внимательности и скрупулезности. Сам я, может быть, и не стал бы слишком глубоко вникать в эти, по сути, мелочные хищения. Но для Геры они оказались той самой скотьей красной тряпкой. Похоже, он испытывал искренний восторг, обнаруживая очередную проделку нечистых на руку сотрудников. Так почему бы ни сделать ему приятное?

Тем более что я лишь просматривал бумаги, а подсчеты и несовпадения выискивал уже мой немец. И тут же записывал фамилии провинившихся в особые списки. Один для торговцев – им будет объявлен мораторий на ведение дел с губернским правлением сроком на год. Другой для чинуш – он пойдет в канцелярию Фонда. В начале июня, во время следующей доплаты, мздоимцы сильно пожалеют.

Тогда мне и пришла в голову мысль – устроить лекцию для подчиненных на тему «Схемы движения документации в современных условиях». Если думаете, что чиновнику из двадцать первого века нечему учить бюрократов из девятнадцатого, что все уже придумано до нас, вы сильно ошибаетесь. Администрирование, как и любая другая профессия, со временем развивается. Изобретаются новые виды делопроизводства – взять хотя бы тот же цифровой документооборот. Совершенствуются методы взаимодействия. Способы «выдавливания благодарности» из «клиентов» становятся все изощреннее.

Так-то оно конечно. Механизм работал как-то до меня и наверняка скрипел бы и после меня. Но нужно учитывать один немаловажный аспект! Пока меня не было, ответственность лежала на Фризеле. Теперь она перешла на меня. И насколько эффективно государственная машина станет работать, пока я буду прохлаждаться на юге, напрямую зависит от желания сотрудников. Вздумайся им устроить саботаж, и мое И. О. грозит так никогда и не закончиться. Помните же, да? Пока я все еще исправляющий должность начальника Томской губернии, а вовсе не полноценный губернатор.

Оставалось надеяться, что организацией Фонда я существенно стимулировал желание чиновничьей братии усердно трудиться, а вот по поводу методов увеличения эффективности этого труда я и хотел им рассказать.

Понедельник, 4 мая, для большей части моих подчиненных получился длинным. Получившие практически двойное жалованье, они отнеслись к моим причудам достаточно лояльно. И все-таки установленная в зале Благородного Собрания школьная доска и кусочек мела в моих руках вызвали смешки в дальних рядах. Но это только пока я не начал рассказывать о классической системе трех ящиков под документы.

Идея такого документооборота не моя. Но в мое время повсеместно и весьма успешно применялась. Принцип же прост, как большая часть великих изобретений.

При вхождении любого-каждого документа в подразделение он откладывается в третий, самый дальний ящик. И совершенно все равно, что это за документ. Инструкция из министерства или прошение от крестьянина.

– Исключение, – грозно нахмурился я, – у вас будут лишь для тех бумаг, что придут к вам на стол с моей подписью. Но о том я скажу отдельно.

Вошедшая папочка тихо ждет своего часа, пока податель его либо начальник не поинтересуется судьбой своего послания. Тогда документ перекочевывает во второй ящик. И продолжает дремать уже там.

– Ваше превосходительство, – выкрикнул кто-то из плотной группы самых многочисленных, загруженных и низкооплачиваемых писцов и секретарей. – А ежели о документе вообще никогда никто больше не вспомнит?

– Так это же отлично! Пять лет собирания пыли в вашем кабинете закончатся для этих бумаг в архиве.

Во втором ящике дела ждут нового толчка. И принимаются в работу, только достигнув почетного первого ящика. Этим не хитрым способом бюрократы моего времени отсекали более половины никчемных инструкций, спущенных сверху фантастических рекомендаций и требований предоставить никому не нужные отчеты. То есть откровенное бумагомарательство.

Что же касается тех вопросов, которые приходят с визами непосредственного начальства или даже лично от губернатора, то есть меня любимого, это уже вопросы политические, и с ними обычно не все просто. Тем не менее, и здесь не стоит сразу бросать все и кидаться исполнять.

В каждой конторе этот непростой вопрос решают по-своему. Где-то начальники особым образом сдвигают скрепку, отдавая этим сигнал – отложить до особого распоряжения. Или подписывают документы в разных местах – справа в стол, слева на стол. В иных местах используют разноцветные чернила. В Томской администрации я использовал синюю ручку. А черной визировал те бумаги, что предназначались для немедленного исполнения. Здесь у меня такой роскоши не было. Зато никто не запрещал использовать карандаш. О том я и постановил: видишь карандаш – откладываешь. Чернила – хватаешь, подпрыгиваешь и бежишь работать.

Ну и конечно, все эти «фокусы» должны оставаться нашим небольшим внутренним секретом. Ничего криминального в предложенной схеме нет, но недовольство министерств, вскройся такое систематическое игнорирование бумаг, гарантировано. Об этом тоже не забыл упомянуть.

Такие вещи вообще отлично сплачивают коллектив. Когда мы, все вместе, против них. Вот мы – какие хитрые молодцы. И жалованье у нас повыше прочих, и работы поменьше... Это, конечно, все – иллюзия, но стойкая и сердцу приятная.

Начиная со вторника, подвергся настоящему нападению столоначальников, принявших бегать ко мне за консультациями. Опыта применения новой системы ни у кого, кроме меня, еще не было, и у сотрудников возникала масса затруднений в определении ценности того или иного документа. Так оно всегда происходит, пока секретари не научатся самостоятельно определяться. Но до этого начальникам среднего звена пришлось ходить ко мне.

Приходилось терпеть и помогать. Тем более что это отвлекало от разбора жалоб недовольных «отлучением от кормушки» пойманных с поличным на поставках по завышенным ценам купцов. Пришлось с помощью Миши писать распоряжение о проведении всех будущих закупочных операций присутствия на суммы от ста рублей и выше методом обратных аукционов. Это когда договор подписывается с тем из поставщиков, кто предложил самую низкую цену при равном или лучшем качестве. Дело для XIX века новое, и я надеялся, что комбинации с подставными купчиками изобретут не сразу.

За бюрократической суетой пролетела неделя. От жандармов не было ни слуху ни духу, и Карбышев, уже вычеркнутый из списка членов экспедиции на Алтай, лишь разводил руками. Видимо, у майора не очень хорошо получалось разоблачить заговор, которого, скорее всего и не было вовсе.

12 мая, между двумя и тремя часами пополудни, к верхним причалам, в районе торговых рядов, под приветственные гудки причалил шестидесятисильный пароход Адамовского. На выкрашенном белой краской защитном кожухе гребных колес сверкающими на солнце буквами значилось – «Уфа». За собой корабль тянул какое-то недоразумение, опрометчиво названное баржей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.